СЕТ ДИКИНСОН

БАРУ КОРМОРАН, ПРЕДАТЕЛЬНИЦА

fanzon

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Завтра Бару Корморан выйдет на пляж и увидит на горизонте алые паруса. Империя Масок нагрянет, вооружившись монетами и чернилами, доктринами и компасами, мылом и ложью. Чужаки завоюют Тараноке, родной остров Бару, перепишут его культуру, запретят его обычаи и отнимут одного из ее отцов. Но Бару терпелива. Она проглотит свою ненависть и станет частью Маскарада. Она пробьется наверх и заполучит власть, чтобы освободить свой народ. Проверяя ее верность, Маскарад прикажет Бару навести порядок в далеком Ордвинне, притоне мятежников, шпионов и герцогов-бунтарей. Но Бару весьма искушена в политических играх, а ее безжалостность в вопросах тактики может сравниться лишь с ее целеустремленностью. И теперь она готова нанести последний удар и сполна выплатить цену свободы.

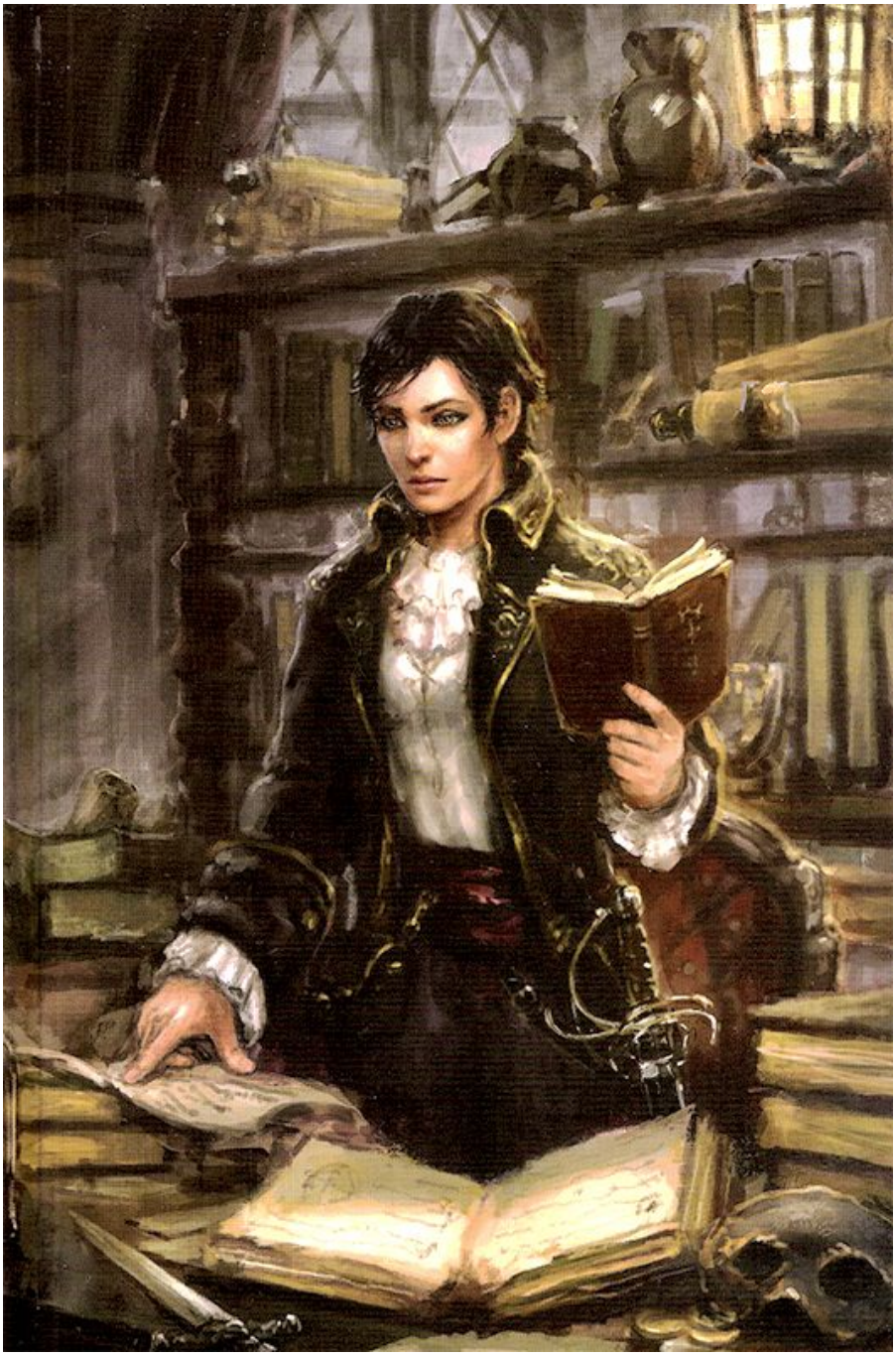
- Сет Дикинсон
  - ○
  - ○ Часть I
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
    - ■ Глава 3
    - ■ Глава 4
    - ■ Глава 5
    - ■ Глава 6
    - ■ Глава 7
    - ■ Глава 8
    - ■ Глава 9
    - ■ Глава 10
    - ■ Интерлюдия: Криптархи
  - ○ Часть II
    - ■ Глава 11
    - ■ Глава 12
    - ■ Глава 13
    - ■ Глава 14
    - ■ Глава 15
    - ■ Глава 16
    - ■ Глава 17
    - ■ Глава 18
    - ■ Глава 19
    - ■ Глава 20
    - ■ Интерлюдия: Зима

- Часть III
  - Глава 21
  - Глава 22
  - Глава 23
  - Глава 24
  - Глава 25
  - Глава 26
  - Глава 27
  - Глава 28
  - Глава 29
  - Глава 30
- Часть IV
  -
  - Из переписки

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29

- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34

Сет Дикинсон
Бару Корморан, предательница

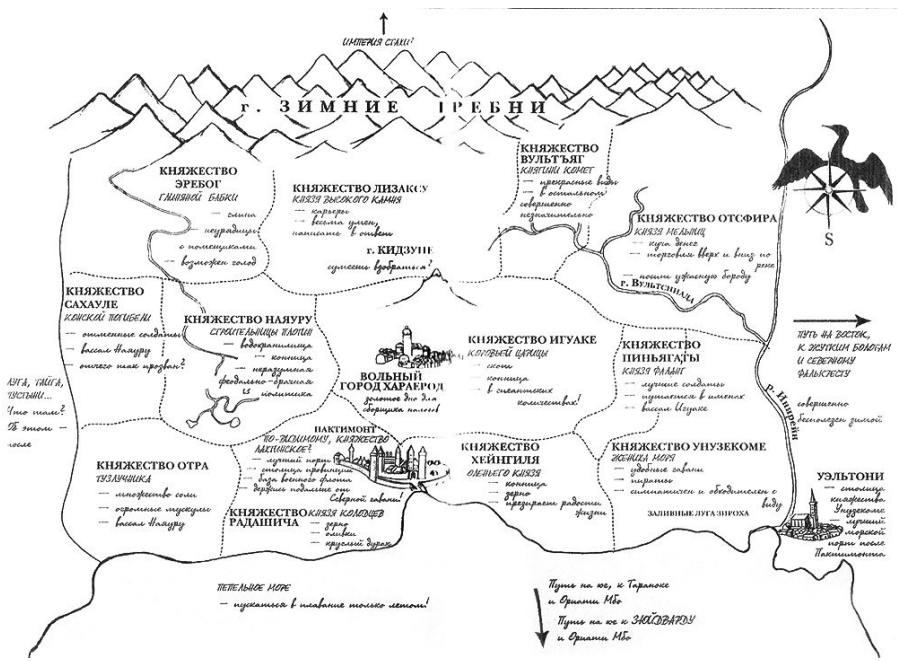
Посвящается Джиллиан

Благодарности

Sine qua non:[1] *Рэйчел Собел. Дженнифер Джексон. Марко Пальмиери. София и коллеги. Шакалы, команда Blue Planet, мой брат и «гагара».*

Уверяю вас…

…все это правда. Убедиться легко: правда причиняет боль.

Часть I
Счетовод

Глава 1

Наступил новый торговый сезон, но Бару была еще слишком мала и не чуяла ветра Империи.

А Маскарад уже отправил своих любимых «солдат» – парусину, краски, обливную керамику, тюленьи кожи, ворвань[2] и бумажные деньги с надписями на фалькрестском языке – завоевывать Тараноке. В те дни Бару частенько играла на берегу: она строила замки из теплого черного песка и с любопытством глазела на купеческие судна, входящие в гавань. Она и счету выучилась, наблюдая за кораблями и за чайками, которые парили над высоченными мачтами.

Спустя, наверное, десять с лишним лет она увидит кормовые огни фрегата в сполохах полярного сияния и вспомнит те самые паруса – из ее далекого детства, – белеющие на горизонте. Но семилетней девчонкой Бару нс придавала им особого значения. Гораздо больше она любила арифметику, птиц и родителей – ведь они могли показать ей звезды.

Но именно от родителей Бару узнала, что такое страх. Однажды осенью, когда па Тараноке опустился багряный вечер и на небо высыпали звезды, отцы взяли Бару с собой на берег. Они собирали бурые водоросли, чтобы пережигать их в золу, из которой затем изготавливали стекло. Тонкие стеклышки, сотни раз отшлифованные вулканическим камнем, превращались в линзы и предназначались для телескопов. Это был ходкий товар.

Бару различила на горизонте торговые суда Маскарада, осторожно огибающие риф Халае.

– Пап, пап, смотрите! – закричала Бару. – Они плывут в Ириад на торг!

Отец Сальм поджал губы и покосился на риф, приложив ладонь козырьком ко лбу. Плечи его были точно горы, и от движения жилы на них вздувались, как канаты.

– Угу. Ступай наполнять бадью.

Остроглазый отец Солит взял мужа за руку и указал:

– Гляди-ка, третий корабль! Теперь они ходят конвоями.

Бару навострила уши и притворилась, что собирает водоросли.

– Пираты – хороший повод сбиваться в конвои, – буркнул Сальм. – А конвой – отличный повод иметь при нем сопровождение. – Он сплюнул в волны прибоя. – Пиньон нрава. Отрава одна – этот «пакт».

Следя за их рассуждениями, Бару заметила, как Солит приобнял Сальма за плечи, и его мозолистая ладонь вжалась в

свиль мускулов мужа.

Бару не сводила глаз с отцов. И Солит, и Сальм заплетали свои волосы в косы, только у Солита была короткая косица, которая выгорела от жара кузнечного горна, а у Сальма – длинная, до пояса, в знак славы, добытой в смертельном кругу в боях с равнинными.

– Ты и его видишь? – спросил Солит.

– Нет. Но он там – за горизонтом.

– Кто, пап? – оживилась Бару.

– Наполняй бадью, Бару, – проворчал Сальм.

Бару очень любила мать и отцов. Но знания она любила чуточку сильнее. Кроме того, совсем недавно она открыла для себя, что можно добиться желаемого при помощи хитрости.

– Пап, – произнесла она, обращаясь к Солиту, который был более сговорчивым, – а мы поедем завтра на торг в Ириад, полюбуемся на корабли?

– Наполняй бадью, Бару, – ответил Солит.

Если уж Солит не дал ей поблажки, а просто повторил слова Сальма, то ей нужно смириться, поняла Бару. Похоже, Солита что-то вывело из равновесия. Она вздохнула, но Солит почти добродушно добавил:

– За вечер отшлифуешь стекла – завтра будет чем торговать. Тогда и поедем в Ириад, смотреть на корабли.

Когда Бару добралась до дома, она первым делом влетела в комнату и открыла словарик, переписанный матерью от руки. Прищурилась, чтобы различить мелкий почерк, и принялась отсчитывать буквы урунокийского алфавита в тусклом пламени свечи. В конце концов Бару добралась до нужной строки: «Конвой – караван или группа кораблей, собранная для взаимной защиты и обычно сопровождаемая военно-морским судном».

Военно-морским судном. Хм… Вот о чем отец Сальм сказал: «Он там – за горизонтом!»

Бару прислушалась к звукам, раздающимся во дворе. Стены из золобетона не могли заглушить визг стекла о камень и негромкий разговор матери и отцов – охотницы, кузнеца и щитоносца. Они были чем-то обеспокоены.

Ясно! Причиной их. тревоги был тот самый «пакт».

Что значит это слово, Бару тоже быстро выяснила. Знания и впрямь давали власть над окружающим миром, но пока ей было непонятно одно: как пакт может быть отравой?

Наверняка она выяснит это в Ириаде.

Бару поставила словарь на полку и помедлила, задержав пальцы па ровных стежках переплета. Совсем недавно библиотека матери пополнилась очередной книгой, переплетенной в кожу

иноземной выделки. На первой странице, напечатанной странными – ровными, сухими и безликими – абзацами, имелось название: «Букварь и основы грамматики афалона, торгового языка Империи, изложенные доступно пониманию туземцев Тараноке».

В нижнем углу было указано количество экземпляров. Цифра была заоблачной: Бару, пожалуй, сразу бы сбилась со счета.

* * *

Там, где море сворачивалось клубком в объятиях базальтовых рук Ириадской бухты – среди зарослей макадамии, кофе и плантаций сахарного тростника, тянущегося вверх прямо из жирного вулканического ила, – цвел, будто золотая юность, Ириадский торг.

Он наполнял собой Ириадские доки и был самой шумной и восхитительной штукой на свете с тех пор, как Бару себя помнила. А в нынешнем году кораблей здесь собралось еще больше, чем раньше! В гавань пришли таранокийские шаланды и фелюги, ориатийские купеческие посудины с юга и даже громадные торговые суда Маскарада под белыми парусами. С их появлением торгу сделалось тесно на дощатых настилах набережной, и он выдвинулся в море, на плавучие пристани из коа и грецкого ореха, наполняя теплый солнечный день громом барабанов и криками зазывал.

Бару направлялась на рынок ради новой забавы – тайных замыслов и интриг. Она твердо вознамерилась узнать, что беспокоит ее родителей, и сгорала от любопытства.

Что за загвоздка в этих пактах и боевых кораблях?

Ничего, она обязательно все исправит!

Но сперва следовало добраться до самого торга. Когда семья Бару разместилась в каноэ, девочка заняла место на носу, мать Пиньон и отец Сальм начали грести, а Солит принялся нервно оберегать телескопы. Ветер с моря взбаламутил стаи чернети и крохалей, и птицы недовольно взмыли вверх. Оравы поганок, цапель, качурок и фрегатов старались перекричать друг друга, а в вышине над ними парили огромные поморники, черные, точно клинья ночи, вбитые в синее дневное небо. Бару упорно старалась сосчитать их – каждую разновидность в отдельности.

– Бару Корморан, – ласково сказала мать Пиньон. – Подходящее мы тебе дали имя.

Мать была штормовой волной, неторопливой и могучей молнией или ярким лучом солнца. Когда Бару читала о пантерах,

то моментально представляла себе темные глаза Пиньон и ее белозубую улыбку.

Мать работала веслом, и удары деревянной лопасти были ровны и размеренны, как морской прибой.

Согретая любовью, Бару встрепенулась и обняла сильную материнскую ногу. Ей не терпелось похвастать точным подсчетом птиц.

Они отыскали причал, выгрузили телескопы, и торг взвихрился вокруг них. Лавируя в толпе, среди множества коленей и лодыжек, Бару отстала от родителей и быстро на что-то отвлеклась. Остров Тараноке сызмальства был торговым портом – удобной безопасной гаванью для ориатийских дромонов и каноэ островитян, – и Бару чувствовала себя здесь как рыба в воде. Бартер, бумажные деньги, арбитраж – все это было ей знакомо. Именно тут совершались крупные и мелкие купеческие сделки и можно было купить любое заморское чудо.

«Мы продаем сахарный тростник, мед, кофе и цитрусы, – объясняла ей мать Пиньон, – а покупаем ткани и парусину. А еще мы меняем различные деньги, которые требуются другим торговцам, – так что будь внимательнее, Бару!»

Но Бару можно было об этом и не напоминать.

Внезапно она напряглась и замерла, навострив уши. В воздухе буквально витала тревога. Все вокруг было хрупким и неустойчивым, словно на остров надвигался шторм, и никто не понимал, как от него спастись и что можно предпринять.

Торг был пропитан диковинными ароматами, но в терпкой смеси Бару сразу распознала привычные запахи печеных ананасов, имбиря, красной железистой соли и аниса. За дробью барабанов, за возгласами танцоров и воплями зрителей на уруноки, ориати и новом торговом языке – афалоне – угадывался звон монет и перестук жемчужин, переходящих из рук в руки.

– Соли-и-ит! – заныла Бару. – Я хочу посмотреть!

Солит широко улыбнулся. Кузнец, он был щедр ко всем своим творениям, включая и Бару.

– Помню! Беги погуляй.

Прекрасно! Сейчас она выяснит, что означает словечко «пакт».

Бару отыскала прилавок, выкрашенный в белый цвет Маскарада. Мужчина, следящий за тем, чтобы его товар не украли, мог издали сойти за тараноки, но разрез глаз и плоский нос выдавали в нем иноземца. Он торговал рулонами ткани, сотканной из шерсти овец (по мнению Бару, эти кудлатые бестолковые твари были абсолютно безмозглыми и ни на что не годились).

Бару уставилась на продавца. «Наверное, он фалькрестиец», – подумала она. Еще при первой встрече с фалькрестийцами Бару отметила их тяжелые челюсти, глубоко посаженные глаза и светло-коричневую, цвета меди или овсяной соломы, кожу. С тех пор они совершенно не изменились.

Мужчина явно скучал, поэтому Бару безо всякого стеснения вскарабкалась на прилавок. У купца имелась и охрана – две бритоголовые женщины в матросских бриджах, однако они вовсю развлекались, пытаясь преодолеть языковой барьер, который оказался преградой между ними и молодым таранокийским рыбаком.

– Привет, дорогая! – оживился купец. – Не нужна ли твоим родителям ткань для теплой одежды?

Он сдвинул в сторону образцы, освобождая место для гостьи. Бару с интересом отметила, что его уронокийский превосходен. Вероятно, это очень целеустремленный купец или ему легко даются чужие языки, а заодно и культура – иноземцы редко понимали, как выразить дружелюбие по-таранокийски.

– Почему они лысые? – осведомилась Бару, указывая на охранниц, которым хватило скудного запаса слов и жестов, чтобы вогнать рыбака в краску.

– На кораблях бывают вши, – объяснил купец, устало оглядывая торг из-под тяжелых бровей, стерегших его глаза, точно крепости. – Вши живут в волосах. А теплая одежда твоим родителям не нужна, учитывая здешний климат! И о чем я только думал, отправившись сюда торговать шерстяными тканями? Я вернусь домой нищим!

– Нет! – заверила его Бару. – Мы много чего делаем из такой ткани! И мы можем продать ее с выгодой купцам, отправляющимся на север. Ты принимаешь бумажные деньги?

– Предпочитаю звонкую монету и драгоценные камни. Но когда покупаю что-либо, расплачиваюсь бумажными деньгами – банкнотами.

На прилавке лежала и стопка палимпсестов – пергаментных листов из овечьей кожи, исписанных чернилами, которые можно соскрести и писать снова.

– Это твои расчеты?

– Да, и они слишком важны, чтобы показывать их тебе! – Купец раздраженно дунул, отгоняя назойливую муху. – Значит, твои родители пользуются бумажными деньгами?

Бару поймала муху и раздавила ее.

– Вначале их никто не хотел брать. Но теперь ваши корабли приходят так часто, что бумажные деньги есть у каждого – ведь на них можно купить столько всякой всячины!

Сделав паузу, Бару задала вопрос, ответ на который она, разумеется, знала, (просто знание порой было полезно скрывать):

– А ты из Маскарада?

– Из Империи Масок, дорогая, или же – Имперской Республики. Сокращать это название невежливо. Да, мой дом находится именно там, хотя я не бывал в Фалькресте уже несколько лет.

Купец, по-отечески нахмурившись, взглянул на охранниц, будто опасался, что они тоже нуждаются в присмотре.

– Вы хотите завоевывать нас?

Купец задумчиво сощурился и медленно перевел взгляд на Бару.

– Мы никогда никого не завоевываем. Мы не ввязываемся в кровопролитные побоища, которым вдобавок сопутствуют моровые поветрия. Мы пришли как друзья.

– А почему ты продаешь товар за монеты и драгоценные камни, а покупаешь за бумагу? – упорствовала Бару, невольно изменив форму речи в подражание матери. – Если я верно понимаю, вы забираете у нас все, чем можно торговать с другими, а взамен даете бумажки, которые не возьмет никто, кроме вас.

Взгляд торговца тканями внезапно сделался пронзительным.

– Мои родители беспокоятся, – объяснила Бару, смущенная неожиданной переменой.

Купец подался вперед, и Бару осенило. Точно такое же выражение лица ей доводилось видеть и раньше: глаза мужчина светились алчностью.

– Твои родители здесь?

– Мне и одной хорошо, – уклончиво ответила Бару. – На торгу потеряться невозможно. Но если ты хочешь купить телескоп…

– Да-да! Я обожаю телескопы, – усмехнулся купец, вероятно, полагая, что ей незнакомо понятие «сарказм». – Где они?

– Там! – указала Бару. – Моя мать – охотница Пиньон, а отцы – кузнец Солит и щитоносец Сальм.

Купец хмыкнул, как будто в отцах было что-то неприятное. Может, у них, в Фалькресте, и не бывает отцов?

– А как зовут тебя?

– Я – Бару, – прямо заявила она, поскольку тараноки никогда и в голову не приходило скрывать свои имена. – Бару Корморан! А знаешь, почему Корморан? Смешно, но, только услышав птицу корморан, я перестала плакать.

– Ты очень смышленая девочка, Бару, – вымолвил купец. – У тебя блестящее будущее. Навещай меня, когда хочешь. Спроси Кердина Фарьера.

Позже он нашел ее родителей и поговорил с ними. Бару

пристально наблюдала за Кердином. Купец не мог прекратить разглядывать ее мать и отцов и асептически поджимать губы. Похоже, он сдерживался, чтобы не сплюнуть, но купил два телескопа и набор зеркал в придачу, чем обрадовал даже недоверчивого Сальма.

Последний в торговом сезоне конвой Маскарада обогнул риф Халае и пришвартовался в Ириадской гавани. С конвоем пришел и изящный фрегат под алыми парусами – военное судно, которое с нетерпением ожидал отец Сальм. На его палубе сгрудились моряки, галдящие между собой. Любая девочка с подзорной трубой могла бы наблюдать за ними с вершины вулкана хоть целый день – конечно, если у нее хватало любопытства и если она являлась настолько скверной дочерью, что могла без зазрения совести улизнуть от выполнения домашних обязанностей.

А у Бару имелась подзорная труба, да и дочерью она оказалась скверной, так что дело оставалось за малым…

– На борту солдаты! В латах и с копьями! – восхищенно поведала она родителям.

Бару гордилась собой: надо же, она сумела сделать столь важное и зловещее открытие! Теперь и ей разрешат принять участие в вечерних посиделках во дворе и болтать об отраве и пактах.

Но отец Сальм не поднял щит и не отправился на бой. Мать Пиньон не отвела Бару в сторонку, чтобы объяснить ей систему командования и особенности вооружения армии Маскарада. Отец Солит не угостил ее печеным ананасом и не начал расспрашивать о подробностях.

Они усердно работали во внутреннем дворе и по-прежнему шептались между собой о пактах и посольствах.

– Стоит им построить его, и нам крышка, – бурчал Сальм. – Они никогда отсюда не уберутся.

А Солит отвечал прямыми, без ножа режущими словами:

– Подпишем ли, нет ли, они все равно сделают так, как хотят. Нужно, чтобы они его строили на наших условиях.

Чувствуя, что ею пренебрегают, и не желая заниматься пи хозяйством, ни счетом, Бару принялась докучать родителям вопросами.

– Солит, – осведомилась она у отца, набивающего мешок келпом[3], – когда ты снова будешь ковать?

Когда Бару была маленькой, Солит выковывал прекрасные и опасные вещи из руды, которую добывали из земли и из горячих источников.

– Как только закончится торговый сезон, Бару, – отвечал Солит, взвалив мешок на плечи и направляясь к печам.

– И мать помчится за гору, на равнины – с копьем, убивающим кабанов, которое ты ей сделал?

– Наверняка.

Бару с удовольствием посмотрела на мать – ее широкий шаг и могучие плечи куда лучше подходили для охоты, чем для изготовления телескопов. Перевела взгляд на второго отца – тот умел бить в барабан столь же неистово, как и драться.

– А когда солдаты придут, отец Сальм возьмет копье, убивающее людей, которое ты сделал специально для него?

– Взгляни, дитя, сколько на тебе грязи, – заявил Солит. – Ступай-ка в дом Леа, Ныряльщицы-за-Жемчугом, и принеси пемзы. И не забудь взять бумажных денег и купить у нее оливкового масла.

* * *

Бару так долго читала о «пактах», «валютах» и «арбитражах», что иногда переставала соображать, что к чему. В таких случаях она делала передышку и приставала с расспросами к матери Пиньон или молча сидела в углу и размышляла. Было ясно одно: что-то случилось. В прошлом году родители были гораздо радостнее, чем сейчас.

Следовало повернуть ход дел в обратную сторону. Но каким образом?

Купец Кердин Фарьер сидел за своим прилавком на Ириадском торгу. Его охранницы сияли и лоснились, как сытые, обожравшиеся чайки. Торговый сезон почти закончился, и на сей раз базарный день выдался штормовым – серым и неприветливым. Близилось время, когда торговые кольцевые ветры Пепельного моря утихнут, уступив место зимней непогоде. Но Ириадская бухта укрывала торг от буйства ветров и волн, и барабанщики били в барабаны.

Бару отправилась прямо к прилавку торговца шерстью.

Фарьер разговаривал с тараноки из равнинных, очевидно, явившимся из-за горы. Бару всю жизнь твердили, что с равнинными общаться нельзя, поэтому сначала она подошла к охранницам. Бритоголовые женщины взглянули на нее свысока – сперва безразлично, а спустя мгновение – с раздражением. Но Бару не собиралась убираться восвояси, и охранницы сменили гнев на милость. По крайней мере, одна из них слегка улыбнулась. Другая же взглянула на товарку в ожидании пояснений, и Бару догадалась, что они, скорее всего, военные, и первая – «старшая по званию».

Чтение и размышления не пропадали даром!

– Привет, малышка, – произнесла главная охранница с темной кожей, широким ртом и блестящими синими глазами, как у большеклювой вороны.

Одета она была в бриджи и белый мундир, испещренный пятнами. Ее уруноки оказался превосходен – не хуже, чем у Кердина Фарьера.

– Вы целый сезон здесь, – сказала Бару. – Не ушли ни с одним из торговых кораблей.

– Мы поплывем домой с последним конвоем.

– А по-моему, нет, – возразила Бару. – И вы – не личная охрана Кердина Фарьера. И вообще не купцы. Иначе бы давно сообразили, что на Ириадском торгу охрана не нужна, и Кердин Фарьер отправил бы вас поискать другое занятие.

Одна из охранниц напружинилась и пробормотала что-то по-афалонски, на том самом фалькрестийском языке. Бару разобрала знакомые по словарю словечки «туземец» и «украсть», но синеглазая женщина присела перед Бару на корточки.

– Она сказала: ты очень умная девочка.

– Вы – солдаты, верно? – продолжала Бару. – С корабля. С боевого судна, которое стояло несколько месяцев подряд вдали от берега, а другие купцы приходили и уходили и увозили с собой ваши донесения. Это же очевидно! Купец не выучит язык туземцев так хорошо, как вы. Наверное, вы – шпионы. А теперь, когда ветры подули в другую сторону, ваш корабль укрылся в гавани.

Синеглазая женщина положила руки ей на плечи.

– Ну и проказница! Я знаю, каково это – видеть в море чужие паруса. Меня зовут Шир, я из Ордвинна. Когда я была маленькой, суда Маскарада пришвартовались в Пактимонте, величайшем из наших городов. Маскарад воевал с князем Лахтой, и я тогда перепугалась. Но все кончилось хорошо, а моей тетке посчастливилось убить того жуткого князя. Возьми-ка монетку. Сбегай, купи мне манго, и я с тобой поделюсь, ладно?

Но Бару оставила монету себе.

Вечером фрегат с алыми парусами спустил на воду шлюпки. На берег высадились солдаты иод командованием офицеров. Их кожа задубела от ветра и соли, а их лица были закрыты стальными масками. В подзорную трубу Бару разглядела, как Ириадские старейшины проводили солдат Маскарада в их посольство – новенький белый дом из золобетона.

Позже Бару поняла, что именно тогда и был подписан пакт под названием «Акт о федеративном объединении для взаимного блага народов Тараноке и Фалькрестской Имперской Республики».

На закате солдаты подняли над посольством свой флаг – два открытых глаза на фоне маски, обрамленной сомкнутыми в пожатии руками. А на следующее утро они принялись резать туф для постройки школы.

* * *

Штормовые ветры нового сезона пронизали Тараноке насквозь, и мир начал рушиться.

Бару надеялась на мать – ее любовь к знаниям и рассказам должна была помочь Бару понять, что случилось. Но Пиньон сделалась отстраненной и вспыльчивой. Материнская нежность к дочери омрачилась раздражительностью, нараставшей день ото дня, и Бару была вынуждена сама собирать сведения по крупицам и составлять из них общую картину.

Но Бару не унималась и даже решила просветить своих сверстников. В итоге слушателями Бару стали дети Леа, Ныряльщицы-за-Жемчугом, и Хаеа, Углежога, и ее троюродная сестра Лао – самая старшая в их компании.

Нескладная Лао была длиннорукой и длинноногой, точно аист, – и в их секретной пещерке на берету ей приходилось буквально складываться пополам.

– Равнинные злятся на нас из-за пакта, – рассказывала Бару с важным видом. – Они твердят, что Тараноке всегда был сам по себе, а мы, позволив Маскараду построить здесь свое посольство, предали всех. Но мы-то – настоящие здешние хозяева, правда?

Аудитория внимала Бару, затаив дыхание. Дети согласно кивали головами и перешептывались как взрослые. Оно и немудрено: завистливость и подозрительность нудных людишек с восточных равнин Тараноке была известна им с пеленок.

– Они считают, что мы разжились иноземным союзником и намерены взять над ними верх, – продолжала Бару. – Они думают, что нам нужна монополия – то есть мы хотим заграбастать всю торговлю под себя.

Жизнь подтвердила правоту ее обвинительных речей. В начале сезона дождей дети, проживающие в окрестностях рифа Халае, теснились в просоленной крохотной крепости на берегу, а Бару блистала красноречием.

Теперь она объясняла им, откуда взялись пожары на горизонте.

– Равнинные устроили набеги, – говорила Бару, упиваясь властью, заставляющей детей ахнуть и податься вперед. – Они перевалили через гору и сожгли несколько наших плантаций

кофе и сахарного тростника. Они бросили нам. вызов! Но гаванские семьи в Ириаде собрали совет и заявили, что надо отправить на врагов наше войско. Наши богатыри понесут щиты на восток и победят.

– И что они сделают? – в ужасе пролепетала Лао, которая сидела на песке, обняв колени руками.

Бару загадочно улыбнулась.

– Если у них будет возможность, то станут вести переговоры, – с напускной невозмутимостью ответила она, подбрасывая в воздухе камешек. – Не будет такой возможности – начнут биться.

– А как? – спросил кто-то.

Как же это здорово – быть дочерью Сальма-щитоносца и Пиньон-охотницы, первых богатырей среди гаванских героев!

– Война происходит так: богатыри бьются между собой в кругу барабанщиков. Бьют барабаны, а воины колют друг дружку копьями и толкаются щитами, пока проигравший не сдастся или не умрет.

И Бару так лихо щелкнула камешком о каменную плиту, на которой сидела, что все дети разом подскочили.

– Когда равнинные надуются и потащатся домой, мы будем продавать им ткани по самой безбожной цене!

Однако Бару ошиблась в своих прогнозах. Когда войско выступило, чтобы перевалить гору и бросить вызов равнинным, с ним отправился и гарнизон Маскарада – ведь пакт говорил о «взаимной обороне».

Здесь Бару потеряла нить событий, поскольку мать Пиньон с копьем за могучей смуглой спиной и отец Сальм с длинной (в знак воинской славы) косой тоже собрались в поход. Воины со щитами, смертоносными копьями и обсидиановыми ножами медленно поднимались по склону горы. Бару неотрывно смотрела на них: они напоминали ей громадное, вытянутое в длину павлинье перо.

Гарнизон Маскарада – колонной, в блеске масок, под развевающимися знаменами – двигался позади и растаптывал дорогу в жидкую грязь.

Война между гаванскими и равнинными началась давным-давно. Вокруг Ириада хватало семейной вражды. Женщины постоянно отвергали мужей с равнины, а мужчины не желали давать свое семя равнинным женам. Однако в тучные годы взаимная ненависть легко забывалась.

Бару и отец Солит остались дома. Семья стекловаров перестала жечь водоросли, и потому не нужно было шлифовать стеклышки и зеркала. Купцы Маскарада покинули гавань, и могло

показаться, что бумажные деньги сразу потеряли свою ценность, но нет – местный народ лихорадочно ими запасался и яростно сцеплялся даже из-за пары банкнот. Каждый хотел накопить как можно больше и быть во всеоружии, когда опять подуют торговые ветры.

Однажды Кердин Фарьер заявился в гости к Бару. Купец лично пригласил ее в новую школу – огромное поместье над бухтой, окруженное стенами из туфа.

– Нет, – отчеканил отец Солит, который с некоторых пор стал совсем угрюмым. – Что еще она может услышать от вас? Мы сами всему ее научим.

– Она узнает о том, какие земли лежат за Пепельным морем, – ответил Фарьер, заговорщически улыбаясь Бару. – Девочка освоит не только простенькую арифметику, но и алгебру. А еще астрономию – у нас есть превосходный телескоп, сделанный мастерами-стахечи с далекого севера. Бару постигнет различные науки и дисциплины. К примеру, систематику разновидностей порока и социальной неудачи, – добавил он, и улыбка его угасла. – Имперская Республика любит помогать своим друзьям.

– Нет, – повторил отец Солит, положив руку на плечо Бару. – Ваша помощь – приманка на рыболовном крючке.

– Ладно, вам решать, – согласился Фарьер, но алчность все еще пылала в его глазах.

Но без Сальма и Пиньон в доме стало так одиноко и скучно, что Бару принялась выпрашивать разрешения ходить в чудесную школу, построенную над бухтой. Наверняка только там и могли отыскаться ответы на вопросы, которые она уже начала задавать себе: «Что есть этот мир? Кто им управляет?» Кроме того, у нее накопилась целая куча других вопросов…

Может, Бару привела Солита в бешенство, или вогнала в тоску, или заставила осознать, что он больше не может распоряжаться ею как раньше, но ее просьбы увенчались успехом. Позже Бару думала о том, почему ей удалось добиться своего, и решила, что причина была иной. Отец просто увидел зарево пожаров на горизонте и почел за лучшее обеспечить дочери безопасность.

И Бару отправилась в школу, где ей выдали форму и показали ее собственную кровать в переполненном дортуаре. На первом же уроке «Научного общества и инкрастицизма» она выучила термины «содомит» и «трайбадистка», «социальное преступление» и «гигиеническая наследственность» и запомнила правило-мантру: «порядок лучше беспорядка».

В школе учили стихи и силлогизмы, разбирали «Сомнения»

революционной философии, читали «Наставление к вольности» по-фалькрестийски в адаптированном для детей варианте.

«Похоже, они очень умные, – думала Бару. – Я должна стать лучшей. Я вызубрю названия каждой звезды и каждого порока, раскрою тайны составления пактов и изменения мира. Тогда я пойму, как снова сделать Солита счастливым! Я смогу».

И Бару изучала все предметы, в том числе астрономию, социальную наследственность и географию. Она чертила карту Пепельного моря и сезонных торговых ветров, которые неспешно несли корабли по огромному кругу через весь океан (учитель сказал, что суда плывут «но часовой стрелке», и Бару тут же запомнила очередное новое понятие). Корабли начинали свой путь в Фалькресте на востоке, спускались к югу, задерживались возле Тараноке и Ориати Мбо, а потом огибали заморские земли и плыли на север, до самого Ордвинна, а затем возвращались обратно в Фалькрест.

Как много разных стран! Внизу – Ориати Мбо, просвещенное и вздорное лоскутное одеяло из десятков государственных образований. Наверху раскинулся холодный Ордвинн, где вместо сезона штормов наступает «зима», где совсем нет фруктов, зато полным-полно волков.

И, конечно, Фалькрест. Вот где должно быть множество тайн, которые Бару предстоит раскрыть!

– Ты вполне можешь отправиться в Фалькрест, Бару Корморан! – объявил социал-гигиенист Дилине, направив на Бару свое учительское стило. – По окончании школы каждый из подающих надежды учеников будет допущен к экзамену на государственный чин. Так действует величайший уравнительный механизм Империи! Методами инкрастического мышления мы определим твою социальную функцию. Вероятно, ты станешь переводчиком, ученым или технократом в отдаленной стране.

– А Император живет в Фалькресте? – спросила Лао, троюродная сестра Бару, которая также училась в школе.

По ночам они частенько шептались, обмениваясь слухами о безмолвном Императоре и его Безликом Троне.

Дилипе благосклонно склонил голову.

– Да. Кто может прочесть наизусть «Сомнение об иерархии»?

Бару могла.

Экзамен на государственный чин стал для Бару путеводной звездой. «Он будет очень сложным, зато после него можно будет легко выведать все секреты власти», – думала она. Ничего, Бару блестяще сдаст экзамен, и отец Солит снова начнет улыбаться.

Но в тот же самый день Дилине изложил классу теорему строгого ограничения наследования.

– У ребенка должен быть один отец мужского пола и одна мать женского пола, – произнес он, настороженно глядя па учеников, словно опасаясь, что из-за их спин вдруг вырвется кабан. – Не менее. И не более.

Класс не поверил своим ушам. Троюродная сестра Лао заплакала. Бару попробовала опровергнуть теорему и в первый раз в жизни устроила скандал. Она, Бару, была дочерью охотницы, кузнеца и щитоносца, а теперь ей заявляют, будто это не так?!

Обо всем следовало расспросить Пиньон.

Но Пиньон вернулась домой совершенно растерянной.

Она уцелела после катастрофической войны и выползла из кровавой бани под Юпорой: морские пехотинцы Маскарада перестреляли равнинных богатырей и подчистую вырезали остальное войско. Бережно сжимая в ладонях щеки отца Солита, она хриплым шепотом поведала ему и о своей личной катастрофе.

– Сальм пропал по пути домой. Среди иноземных солдат было много мужчин, ненавидевших его. Думаю, что они виноваты.

– Но за что? – Голос Солита звучал глухо, замороженно, безнадежно. – Почему?

– Из-за тебя. У их мужчин не бывает мужей. Сама мысль об этом им противна, – ответила Пиньон, прислонившись лбом к его лбу. – Его нет, Солит. Я искала… Так долго…

А Бару (она не могла выкинуть из головы тот самый урок но научному обществу и инкрастицизму) пискнула:

– А Сальм вправду был моим настоящим отцом? Или содомитом?

Солит разрыдался и рассказал матери Пиньон об обучении Бару. Женщина в ярости ударила Бару и выгнала ее со двора.

Бару в слезах побежала в школу и затаилась возле белого здания, на крыше которого развевался флаг с изображением маски.

Конечно, позже мать пришла за ней и попросила прощения. Они поплакали вместе и опять стали семьей – или, по крайней мере, частью семьи, понесшей утрату. Но дела было не исправить.

Преподаватели явно обладали солидными знаниями, а мать Пиньон уже ничему не учила Бару. Она только шепталась с Солитом об огне и копье, а еще о каком-то «сопротивлении».

– Учись, – наставлял свою дочь Солит. – В школе безопасно. А Фарьер… – Ноздри Солита раздулись от отвращения. – Он не даст тебя в обиду.

«Нужно узнать, почему Сальм пропал, – подумала Бару. – Я

разберусь во всем и не дам этому повториться. И я не буду плакать. Я справлюсь».

То был первый урок причинно-следственных связей, полученный Бару Корморан. Но он не шел ни в какое сравнение с самым важным уроком на свете, который ей однажды преподала мать.

Это случилось задолго до школы и задолго до исчезновения храброго отца Сальма. Глядя на алые паруса боевого корабля в Ириадской гавани, Бару спросила:

– Мать, почему они приплывают к нам и заключают пакты? Почему мы не приходим к ним сами? Почему они такие сильные?

– Не знаю, дитя мое, – ответила мать Пиньон.

Эти слова Бару услышала от нее впервые в жизни.

Глава 2

Потеряв отца Сальма, Бару едва не лишилась и матери. – Невозможно поверить в то, чему они учат тебя, – прошипела Пиньон ей на ухо, пока обе они улыбались надзирателям (те были обязаны сопровождать Бару, которая как-то раз навестила родителей после уроков). – Не забывай о том, что они сделали с Сальмом. Не уступай ни в чем. Семьи держат тайный совет. Мы найдем способ сбросить их обратно в море.

Бару слегка повела плечами и оглядела стены родного дома. Странно, но сейчас он показался ей непривычно убогим.

– Они ни за что не уйдут, – умоляюще шепнула она в ответ. – С ними бессмысленно драться. Ты не понимаешь, как велик Маскарад. Прошу тебя, найди способ заключить мир – пожалуйста, не умирай, как Сальм.

– Он не умер, – прорычала Пиньон. – Твой отец жив. Бару взглянула па Пиньон. Материнские глаза покраснели от усталости, плечи сгорбились в бессильном гневе. Что с ней случилось – с молнией, пантерой, грозовой тучей? Теперь Пиньон выглядела как одна сплошная рана.

Вероятно, Пиньон испытала такое же разочарование, посмотрев на дочь.

– Он жив, – повторила она, отворачиваясь.

Этот спор встал между ними, будто риф.

К своему десятому дню рождения Бару радовалась визитам Кердина Фарьера, торговца шерстью, гораздо больше, чем свиданиям с отцом и матерью. У Кердина всегда находился для нее добрый совет. Одевайся именно так, а не иначе. Дружи с той-то и с тем-то, но не с этими прощелыгами.

Теперь Бару предпочитала рекомендации Кердина, а не материнские указания: ведь именно торговец подсказывал ей, чего нужно достичь. Кердин никогда не говорил ей о том, чего следует избегать.

Школьные инструкторы службы милосердия были родом из множества разных стран. Да и в гарнизоне Маскарада состояло столько чужеземцев, сколько Бару никогда не доводилось видеть на Ириадском торгу.

– Если они могут быть учителями, значит, и я тоже смогу? – спрашивала Бару. – Мне позволят отправиться в чужую страну и запрещать девочкам чтение в неподобающе ранний час?

Кердин Фарьер, заметно растолстевший за годы, прожитые на острове, ласково дернул Бару за ухо.

– В Империи Масок ты сама будешь выбирать, кем быть, Бару!

Мужчина, женщина, богатый, бедный, стахечи, ориати, майя, урожденный фалькрестиец – всякий в нашей Имперской Республике может стать кем пожелает, если он рационален в делах и строг в мышлении. Вот отчего мы – Империя Масок, дорогая. Когда лицо скрыто под маской, значение имеют только личные достоинства.

– Но ты же не носишь маску? – заметила Бару, уставившись на Фарьера – вдруг у него за ушами завязочки, спрятанные в волосах?

Ее слова и взгляд рассмешили купца. Проявления остроты ума он любил не меньше, чем Пиньон и Солит. Но, подобно покойному Сальму, Кердин находил удовольствие и в нахальной прямоте Бару, в ее готовности подойти и спросить или взять.

– Маски надевают, приступая к служебным обязанностям. Солдат надевает маску, заступая на пост, а математик – защищая доказательство своей теории. Члены Парламента носят маски, поскольку являются сосудами воли Республики. И Император всегда восседает в маске на Безликом Троне.

Уклонение от ответа. Неприемлемо.

– А когда ты носишь маску? – не сдавалась Бару. – В чем состоит твоя служба?

– На Тараноке царит жуткая жара, поэтому носить маску – сущее мучение. Но я здесь торгую шерстью и иногда принимаю участие в благотворительной деятельности.

Кердин погладил Бару по голове, остриженной ежиком. Накопленный жир округлил купеческие щеки и образовал складку второго подбородка под челюстью Кердина.

Удивительно, но, думая о толстяках, Бару всегда представляла себе не Кердина, а веселых ириадских стариков-сказочников. Они-то наслаждались почтенным возрастом и лучились довольством, а Кердин Фарьер выглядел совсем иначе! Он носил свой вес, точно припасы, предусмотрительно отложенные на черный день.

– А что, если ты получить право носить маску? – в свою очередь, осведомился купец. – Чем бы тебе хотелось заняться?

Сколько Бару себя помнила, ей вообще не хотелось ничего особенного – только читать книги и смотреть на звезды – до того самого дня, пока в гавань Ириада не вошел фрегат под алыми парусами.

И она никогда не стремилась к невозможному, пока страшная доктрина и семейная трагедия не отняли у нее отца Сальма.

Возможно, смерть отцов удастся запретить законом.

И тогда доктрину удастся переписать.

– Я хочу стать сильной, – заявила она. – И обладать властью.

Кердин Фарьер нежно взглянул на Бару сверху вниз.

– Тогда нужно усердно учиться, готовясь к экзамену, – сказал он. – Очень усердно, Бару.

* * *

До экзамена на государственный чин оставалось восемь лет. Бару трудилась до седьмого пота.

«Фалькрест, – мысленно твердила она по ночам. – Эмпиризм. Инкрастицизм. Фалькрестские академии, Парламент, Метадемос, Министерство Грядущего и все их секреты. Если я смогу попасть в Фалькрест, то я справлюсь и со всем остальным».

Как много можно узнать в дальних землях, у самой оси, вокруг которой вращаются Империя Масок и прочий мир! О таких тайнах ее мать и не мечтала!

Но несчастья продолжились и после гибели Сальма.

Весь Тараноке за стенами имперской школы охватило моровое поветрие. Объявленный карантин накрепко запер ворота учебного заведения. Ученики-тараноки, не получая вестей от родных, терпеливо ждали новостей. Они не боялись мора благодаря «прививкам» (еще одному изобретению Маскарада – заблаговременному заражению легкой формой болезни при помощи тампона или иглы). Но ни к концу торгового сезона, ни в сменившем его сезоне штормов карантин так и не был снят.

Порой в школу просачивались слухи об умерших, и тогда Бару не давал спать плач учеников.

«Слухам нельзя верить», – говорила себе Бару.

Тем не менее они часто оказывались правдой.

Одинокими ночами в дортуаре, среди всхлипываний и слез, Бару с холодным раздражением думала: «Вы-то хотя бы знаете…» Лучше уж увидеть тело родного тебе человека и узнать, как ушел любимый родич. Все лучше, чем отец, который пропал в ночи, как детская игрушка или суденышко с перетершимися швартовами.

Затем масштаб смерти снаружи стал ясен – пирамиды трупов, горящие на черных камнях, мокнущие язвы и вонь щелока в карантинных загонах…

Но и тогда Бару не плакала, хоть ей отчаянно хотелось.

Во время очередного визита Кердина Фарьера она в ярости приперла его к стене.

– Отчего так? Что это значит?

И когда лицо купца приняло благодушное выражение, предназначенное для уговоров и увещеваний, Бару заорала. Она кричала словно в пустоту: она не хотела слышать никаких

лживых утешений.

– Вы принесли с собой заразу!

Глаза Фарьера расширились, тесня тяжелые бастионы надбровных дуг вверх, а изобилие пухлых щек вниз. В его взгляде мелькнул отблеск абсолютной власти – управляющего механизма, создавшего самого себя из трудов многих миллионов рук. Безжалостного не от жестокости, не от ненависти, но оттого, что он слишком велик и постоянно занят собственной судьбой. Ему просто незачем обращать внимание на крохотные трагедии, незначительные издержки своего роста!

Бару увидела все это не только в щелках глаз Кердина и в его равнодушии к беде островитян, но и в его речах и делах, которые вдруг вспомнились и стали ей понятны.

Конечно, Фарьер намеренно позволил ей увидеть истинное положение дел – то было одновременно предостережением и обещанием.

– Идет приливная волна, – произнес он. – Огромный океан достиг мелкого пруда. Грядут возмущения, смятение и разрушения. Такое случается всякий раз, когда малое присоединяется к великому. Но…

Позже Бару часто будет вспоминать этот момент, чувство, возникшее, когда вместо лжи ей преподнесли некую истину, взрослую и могущественную.

– Но, когда слияние завершится, у тебя будет не пруд, а целое море, чтобы плавать в нем, – закончил он.

Маскарадские учителя и матросы приходили в школу и покидали ее совершенно свободно. Болезнь не брала их. Прибытие второго маскарадского фрегата Бару вычислила моментально – когда по коридорам принялись бродить толпы незнакомых ей людей. Среди них Бару заметила и долговязую чернокожую девушку в звании мичмана – от силы двумя годами старше Бару, но уже имевшую право носить саблю. Бару еще говорила на афалоне с сильным акцентом и постеснялась поздороваться и спросить, как ориатийской девчонке удалось стать офицером военно-морского флота Маскарада, да еще вскоре после того, как две могучие державы сошлись в великой Войне Армад.

А соученики начали исчезать из школы: их отправляли на остров в семьи, страдающие от мора.

– За негигиеничное поведение, – объясняли учителя.

– Социальная патология… – шептались в классе. – Их застали за игрой в отцов…

Наступил период созревания. Учителя зорко наблюдали за учениками, ожидая проявлений негигиеничного поведения.

Теперь Бару осознала, отчего Кердин Фарьер советовал, с кем ей можно, а с кем и вовсе не стоит дружить: некоторые помогали учителям в слежке.

Бару исполнилось тринадцать. Ее троюродная сестра Лао была на два года старше Бару. Однажды Лао прибежала к Бару, горько заламывая руки.

Они обе спряталась за пологом, который отгораживал постель Бару от остальных кроватей, – какое-никакое, а уединение.

– Лао, что стряслось? – спросила Бару.

– Мой личный наставник, – начала Лао, потупившись. – Он… – Лао покраснела и сбилась, перейдя с афалона на родной урунокийский. – Он – извращенец.

Личным наставником Лао был Дилине, преподаватель социальной гигиены – вежливый, снисходительный, непривычно бледнолицый фалькрестиец. Обычно он занимался с недисциплинированными или чрезмерно тоскующими по дому. Бару давным-давно решила, что Дилине ничем не может помочь ей на экзамене на государственный чин.

– Что он сделал? – прошептала она. – Лао, посмотри на меня!

– Он думает, у меня – социальная патология, – ответила Лао, прикрывая глаза ладонью от стыда – данный жест ученики переняли от учителей. – Он считает, я трайбадистка.

– Ой! – вырвалось у Бару.

Позже она возненавидит себя за расчетливую мысль: «Если Лао – трайбадистка, то чего мне будет стоить дружба с ней?» Ведь изучаемая наука о гигиенической наследственности гласила, что ложиться в постель с другой женщиной – преступление и за это виновную надо обязательно подвергнуть строгому наказанию.

Дилине объяснял классу, что Имперская Республика рождена революцией против вырожденцев-аристократов, извратившихся телом и разумом за многие столетия беспорядочного спаривания. Их пример показал Фалькресту истинную ценность гигиеничного поведения и тщательного планирования наследственности. «Зараза трайбадизма и содомии должна искореняться как в теле, так и в родословном древе».

Но ведь они с Лао родились на Тараноке, в таранокийских семьях. Верность семейным узам выше Маскарада и его доктрин!

– Что он сделает? – прошептала Бару.

Лао подтянула колени к груди, чуть отодвинула полог и осмотрела дортуар.

– Есть лечебная процедура. Она выполняется руками. В последний раз, когда он ее предложил, я сказала, что у меня месячные.

Бару кивнула.

– Но ты должна ходить к нему на прием каждую неделю.

Лао помрачнела.

– Вряд ли мы способны что-то предпринять, – сказала она. – Даже ты, Бару, хоть ты у него и в любимицах. Может, оно и к лучшему: говорят, лечиться нужно как можно раньше, пока зараза не проникла в наследственные клетки.

– Нет-нет, – возразила Бару и взяла сестру за руки. – Лао, я знаю, к кому обратиться. Я помогу тебе!

Лао благодарно сжала ее ладони.

– Не надо. Переживу. А тебе есть что терять.

Но Бару уже продумывала ходы. Азарт опьянил ее. Позже, презирая себя за расчетливость, она будет вспоминать: «Это была первая проба власти. И первое предательство».

* * *

Бару ошиблась и просчиталась. Напрасно она рассчитывала па Кердина Фарьера.

– Послушай меня, Бару, – негромко произнес он, словно опасался, что их могут подслушать в пустом угловом дворике за туфовой стеной. – У юных девушек и молодых женщин бывает множество истерических состояний и иных неврозов. Это научный факт, неизбежное следствие путей наследования, формирующих пол. Юноши склонны к вспышкам ярости, к насилию и промискуитету, а девицы – к истерии, перверсиям и расстройствам психики. Если хочешь стать женщиной, наделенной властью, – кстати, в Империи такие представительницы женского пола есть… и их немало, – ты должна быть очень сильной. Ясно тебе?

Бару попятилась. Глаза ее широко распахнулись, дрожь губ выдавала пережитое потрясение. В первый раз в жизни Кердин разозлился на нее!

– Нет, – заявила она с наивной прямотой, о которой позднее пожалеет. – Вы лжете! Кроме того, проблемы не у меня, а у Лао, да и Лао не виновата! Виноват наставник Дилине – он к ней просто свои лапы тянет!

– Тихо! – прошипел Кердин Фарьер. – Дилине докладывает директору школы обо всем, что касается социальной гигиены, и его отчеты навсегда остаются в личных делах каждого ученика. Понимаешь, во что может превратиться твоя жизнь, если ты наживешь себе врага в его лице?

Годом-двумя раньше Бару заорала бы в ответ: «Наплевать!»,

но теперь она знала, что ее протест будет выглядеть проявлением истерии.

Поэтому, несмотря на все свое отвращение, Бару сосредоточилась на практических вопросах.

– Если действовать будешь ты, – начала она, – то я не наживу себе врага, верно? Пусть Лао выставят из школы. Ей здесь не нравится. Директор вполне может счесть ее непригодной для государственной службы.

Неподалеку, с кухни, раздался звон разбитой тарелки и чей-то гневный возглас на афалоне. Кердин Фарьер сложил ладони домиком – как всегда, этот жест означал, что он собирается объяснить Бару нечто сложное.

– Такие люди, как Дилине, посвящают свои жизни твоему совершенствованию, Бару. Они достойны твоего уважения. Их мастерству и знаниям нельзя противиться ни в коем случае: это непозволительно! Если Дилине обнаружил у твоей сестры признаки негигиеничного поведения, он вылечит ее. – Глаза Фарьера потемнели под редутами бровей. – Дитя мое, поверь: любой иной вариант окажется для нее гораздо болезненнее.

«Если Кердин пустился в разглагольствования, значит, он считает, что меня можно переубедить. Наверное, он не разочаровался во мне и не махнул на меня рукой. Если продолжать настаивать… Нет, мне нельзя терять его покровительство», – подумала Бару.

– Ладно, – произнесла она вслух. – Забудем о Лао.

Кердин Фарьер улыбнулся в ответ с радостью и облегчением.

* * *

– А у нас получится? – шепнула Лао, подметая вместе с Бару двор за карантинными рогатками.

Встретившись с ней взглядом, Бару усмехнулась – криво, лживо, по-вороньи.

– Я пока еще изучаю имеющиеся возможности, – ответила она.

Уже взрослой, вспоминая школьный случай с Лао, она не могла отрицать, что всерьез думала о том, чтобы отвергнуть сестру. Пожертвовать ею ради своей будущей карьеры.

Если Бару попадет в Фалькрест, она изучит механизмы власти – и ей удастся спасти не одну девчонку-тараноки. Не важно, сколь умна и храбра Лао. Не важно, насколько она дорога Бару.

Однако у Бару все же имелся план.

* * *

События развернулись на следующий день после разговора с Лао.

– Привет! – сказала Бару, старательно копируя правильный гортанный выговор.

В тринадцать лет она была неуклюжей, нескладной и безумно смущалась перед адресатом.

– И тебе привет, – ответила долговязая.

Она доставила в кабинет директора какие-то пакеты и собиралась выйти из школы через черный ход, где ее подкарауливала Бару.

Бару пригладила ладонью короткий ежик чистых – без единой гниды – волос.

– Вы ведь офицер, верно?

– На офицерской должности, – ответила девчонка. – Посторонитесь, учащаяся.

Расправив плечи, она шагнула мимо Бару и направилась к двери. Она тоже говорила на афалоне, только с каким-то неуловимым акцентом. И, похоже, в свое время она тоже воспитывалась в маскарадской школе.

– Подождите! – Бару придержала девицу за локоть. – Мне нужна ваша помощь.

Они встали друг перед другом, почти нос к носу. Бару поднялась на цыпочки, чтобы сравняться с собеседницей в росте. Глубокие темно-карие глаза, смуглая кожа, умный высокий лоб, мускулистые руки…

– Любопытное создание, – протянула мичман, перейдя на легкий и снисходительный тон, каким чиновники Маскарада обычно говорили с тараноки. – Следи за руками.

– В них-то и проблема, – пробормотала Бару, придвигаясь ближе и делая ставку на то, что ее бесцеремонность скорее заинтригует, нежели оттолкнет. – Если вы понимаете, о чем я….

Бару уже прочла кое-что о военно-морском флоте Империи и хорошенько поразмыслила над информацией, которую почерпнула из книг. От военных моряков требовалось взбираться на мачты и управляться с такелажем и парусным вооружением. Флот мог похвастать обширным штатом женщин-капитанов и даже адмиралов, досконально знающих свое дело и весьма уважаемых в обществе. Но здесь-то и имелась загвоздка. Эти женщины месяцами находились в море и общались в основном с мужчинами, поскольку команды кораблей были укомплектованы из представителей «сильного пола». Учитывая эти факторы, можно было предположить, что имперский флот отлично знает,

как устранять любые щекотливые проблемы.

Мичман резко отстранилась, отступив на шаг и вывернувшись из хватки Бару. Бару тревожно вздохнула в ожидании удара или выговора.

– Меня зовут Амината, – произнесла она, покосившись в глубину коридора, и настороженность в ее взгляде оказалась настолько знакомой, что Бару едва сдержала улыбку. – Я – из Ориати Мбо. Моя семья торгует с Тараноке. Кстати, если ты проболтаешься кому-нибудь, что я уделила тебе внимание, я тебя найду и выпущу тебе кишки.

Бару вздернула подбородок.

– А может, я первая выпущу кишки тебе!

Смерив ее взглядом, Амината ухмыльнулась. Она напомнила Бару зимородка, разглядывающего яркую лягушку-древолаза.

– Здесь говорить нельзя, – добавила Амината. – А если я разрешу тебе покинуть школу во время карантина, меня ждут крупные неприятности.

– Я об этом и не просила.

– Точно, – согласилась Амината, показывая маленький медный ключик. – Идем. Я расскажу, как решить твои «проблемы с руками».

* * *

Бару поплелась за Аминатой по тропинке, которая вела на край утеса, возвышавшегося над Ириадской гаванью. Голова ее кружилась от соленого свежего ветра и свободы, от раскатов грома за горизонтом, от заговорщической осмотрительности во взглядах старшей девочки.

– Если нас засекут, то мне наплевать, – призналась Амината. – На острове миллион мелких крысенышей. Раз ты не в школе, тебя просто примут за сироту-беспризорницу в поисках мелких заработков.

– За сироту?

Бару нахмурилась. При их-то огромных семьях, в прочных паутинах отцов и матерей, дядюшек и тетушек и прочих сиротство было практически невозможным.

Отхаркнувшись, Амината сплюнула с обрыва в бурные волны, разбивавшиеся об утес.

– Мор был жесток.

«Да, – подумала Бару, охнув вслух, – конечно, я понимаю…»

Остров ее детства исчез навсегда. Умер в гное и в безысходности, пока она зубрила уроки за белыми туфовыми

стенами.

Похоже, сезон штормов наступил уже давно. Оба фрегата Маскарада стояли в гавани со спущенными парусами.

Амината села, свесив ноги с обрыва, и приглашающе хлопнула по скале.

– Давай. Рассказывай, что у тебя за беда.

– Моя подруга…

– И незачем делать вид, будто это не ты.

– Моя подруга, – упрямо продолжила Бару, невзирая на фырканье Аминаты, – привлекла нежелательное внимание мужчины.

– И он уже смог что-нибудь сделать с ней?

– Пока нет, – ответила Бару, усаживаясь рядом и любуясь алой формой Аминаты.

Имперские офицеры одевались в щегольские жилеты из плотного, защищающего в непогоду сукна, и застегивали их на все пуговицы. Амината же, чувствительная к жаре, носила свой жилет залихватски, нараспашку, что придавало ей особую удаль.

– Нет еще. Но пытался.

– Есть правило, – заговорила Амината и посмотрела на горизонт с прищуром старого морского волка, что выглядело немного странным на столь юном лице. – Ложные обвинения недопустимы. Мужчинам, между прочим, нравится считать, что ложные обвинения – оружие женщин. Они все заодно. Даже лучшие из них. А еще не принято жаловаться, если он тебя поимел и теперь хвастает своей удачей.

Бару никогда не задумывалась о подобных вещах и выпалила первое, что пришло в голову:

– А чем тут хвастать?

Амината улеглась на спину, заложив руки за голову.

– Не знаю, как на Тараноке, но в Маскараде надо играть по фалькрестским правилам. А они таковы: мужчинам принято похваляться, а женщинам – помалкивать.

«Детское „так нечестно“ здесь, конечно, неуместно», – напомнила себе Бару.

– Ладно, – сказала она вслух. – Понятно.

– Но можно кое-что предпринять, – не без некоторого облегчения продолжала Амината. – Ты собираешь своих подруг, и вы дожидаетесь, пока он не заснет. Потом затыкаете кляпом пасть, связываете руки, привязываете его к койке и бьете по ляжкам и брюху чулками с мылом внутри. Если не прекратит, в следующий раз бьете по яйцам, чтобы он едва мог сходить и отлить. А если вздумает жаловаться, все сразу поймут, за что он наказан. Вот наши флотские правила. Неписаные, но надежные.

Бару, ожидавшая хода тонкого и политического, не сумела скрыть разочарования.

– Но мы не на флоте, – пробормотала она, – и чулок у нас нет. А, главное, мы не можем попасть в его комнату ночью.

– Ага. Значит, учитель.

Глаза Аминаты превратились в совсем узкие щелочки. Сорвав цветок гибискуса, она принялась методично ощипывать лепестки.

Бару пожала плечами.

– Возможно.

– Тогда у него есть уважительная причина, чтоб лапать твою подругу. И есть поддержка сверху. Тяжелый случай.

Бару посмотрела на гавань, где был Ириадский торг. Маскарад снес променады и мостки – теперь на их месте раскинулся огромный док, в котором, как в колыбели, покоился остов нового корабля. Немощеные деревенские улицы были полны солдат, занятых строевой подготовкой.

– Но должен быть способ прекратить этот кошмар, – произнесла Бару. – Что бы ты сама, например, сделала, если б тебя домогался офицер?

– Наверное, ничего, – ответила Амината, отшвыривая в сторону ощипанный гибискус. – Но сейчас среди офицерского состава достаточно женщин и мужчин, служивших бок о бок с ними. Все, что требуется, – шепнуть словечко в нужное ухо. Разумеется, неофициально. Но действует.

– И ты можешь замолвить за нее слово перед своими офицерами, и они прекратят беспредел!

Амината резко села и пожала плечами, и Бару вспомнила, что она – при всей своей форме и выправке – обычный мичман и, вероятно, не старше шестнадцати.

– Рискованное дельце – стравливать военно-морской флот со службой милосердия ради какой-то островитянки. Какая мне от этого выгода?

Бару стиснула губы, выдвинула подбородок вперед и не стала скрывать эмоций.

– Никакой, – рубанула она. – Ты даже не спросила, как меня зовут. Полагаю, тебе и впрямь не стоит встревать в такое «рискованное дельце».

Некоторое время они сидели на краю обрыва в холодном молчании. Ветер крепчал.

– Тебе пора убираться отсюда, – буркнула Амината. – И мне тоже, пока вахтенный офицер не заметил, что я задерживаюсь.

– Тебе придется впустить меня обратно, – сухо заметила Бару.

Амината хмыкнула.

– Незачем. Двери-то запираются только изнутри.

– Неужто?..

Поднявшись, Бару повернулась и направилась вниз, жалея, что при ней нет убивающего кабанов копья матери или самой матери. Уж Пиньон бы не сплоховала на месте Бару! Она бы сразу договорилась с Аминатой и придумала бы, что сделать с социал-гигиенистом Дилине.

«Может, мать и права. Кошмар можно прекратить только с помощью копья»…

– Ну? – крикнула вслед ей Амината.

Ветер дул все яростнее.

– Что – «ну»?

«Выкладывай», – жестом показала Амината и слегка улыбнулась, заставив Бару ощутить причудливую смесь злости и удовольствия.

– Бару Корморан, – ответила Бару. – А «проблему» зовут Дилине.

* * *

На следующей неделе, среди ночи к Бару подошла ее троюродная сестра Лао и поцеловала ее в лоб.

– Спасибо тебе, – прошептала она. – Кроме тебя, у меня ничего хорошего в жизни не осталось, Бару.

Весть о том, что Дилине покидает школу (он якобы получил новое назначение и должен был отправиться в Фалькрест, как только задуют торговые ветры), застала класс в изостудии. Они учились рисовать лис, которых никогда в жизни не видывали. Капитан морской пехоты Маскарада зашел в школу и лично поздравил Дилине. Бару с облегчением вздохнула, но моментально почувствовала тревогу, поскольку ее заслуг здесь не было. За нее все сделала Амината.

Значит, без покровителей она бессильна. Может ли власть быть истинной, если тебе ее дает кто-то другой?

– Привет! – поздоровалась Амината, столкнувшись с Бару в коридоре.

– И тебе привет, – широко улыбнулась Бару – и тотчас схлопотала от надзирателя выговор за непочтительный ответ офицеру флота Империи.

Чуть позже в том же году в школе ввели уроки фехтовального искусства – в рамках подготовки учащихся к возможной военной службе. Амината, назначенная ассистентом инструктора, расхаживала вдоль строя, отрывисто выкрикивала команды прямо в лица ученикам, хватала их за локти, поправляя стойку. Подойдя

к Бару, она повела себя ничуть не мягче, чем с прочими, однако ухмыльнулась.

И они стали подругами. Теперь они шептались, сплетничали, рассуждали. Южанка Амината родилась в одном из государств Ориати (Маскарад пытался держать ее жителей в страхе перед очередной кровопролитной войной), попала на имперскую службу извне, как и Бару.

Вместе они устраивали мелкие бунты, реквизировали еду и плели заговоры против учителей и офицеров. Из всех их крамольных деяний Бару просто обожала игру с шифром – Амината немного разбиралась в морских кодах связи, и Бару, соединив ее познания с собственными формулами, изобрела свою систему шифрования. Возможно, сперва она оказалась чересчур претенциозной и излишне вычурной (в какой-то момент для нее требовалось знание трех языков и нескольких сложных тригонометрических функций), но после ссор и свар в учительской кладовой подруги довели систему до совершенства.

А у Бару вошло в привычку удирать из карантина – иногда с Аминатой, иногда в одиночку, при помощи предоставленного Аминатой ключа. Она навещала отца с матерью и убеждала родителей, что она для них еще не потеряна.

Если Кердин Фарьер и знал о побегах Бару, то неудовольствия не выказал. Но когда Дилине покинул Тараноке, он, навещая Бару, держался отстраненно.

– Потребуется искать равноценную замену, – сказал он, пытливо глядя на нее.

«Он догадался, что я замешана в деле спасения Лао», – подумала Бару. Однако она не могла понять, доволен ли он, разозлен, или ему стало интересно, что еще она способна выкинуть.

Соученики Бару покидали школу почти каждый день. Вскоре она обнаружила, что ее нагружают огромным количеством заданий, вопросов и проверочных работ. В основном задачи были связаны с деньгами и приходно-расходными книгами, с геометрией и математическим анализом. В перешептываниях учителей она слышала слово «савант»[4], а за их взглядами чувствовались глаза Кердина Фарьера.

* * *

Бару овладела алгеброй, демографией и статистикой. Она решала уравнения и доказывала теоремы любой сложности, но боролась с литературой и историей, географией и афалоном.

Гуманитарные и естественнонаучные дисциплины только поначалу показались ей любопытными. Нет, ее они не прельщали!

Список павших империй вызывал у Бару зевоту, и она в тоске глазела на учебники. Ну и скука! На западе оставалась шелуха древней славы ту майя, чья кровь и письмена были разбросаны повсюду. Каменщики стахечи до сих пор прозябали на дальнем севере в крохотных селениях в тщетной надежде возродиться.

Нет, все это – системы прошлого, проигравшие дню сегодняшнему. Фалькрест превзошел их. Разве что Ориати, земля умелых ремесленников и торговцев, которая раскинулась на юге и состояла из множества государственных образований, представляла хоть какой-то интерес… однако и «лоскуты» Ориати постоянно грызлись между собой.

Но Амината, похоже, не слишком тосковала по родине, да и сил на то, чтобы выиграть Войну Армад, им не хватило, а раз так, что они могут предложить?

Бару с легкостью добилась средненьких непримечательных успехов в социальной гигиене и инкрастицизме – маскарадской философской доктрине прогресса и регулирования наследования. А по искусству фехтования она показывала отличные результаты, превосходя даже многих мальчиков, сделавшихся к семнадцати годам значительно крупнее и сильнее девочек.

Но фехтование не входило в экзамен на государственный чин, а надзиратели, учителя, Кердин Фарьер и сама Бару в ночных разговорах с матерью во время самовольных отлучек из школы постоянно твердили, что экзамен – это все. Именно он являлся ключом к Фалькресту, к академиям и к пресловутому Метадемосу, где пестовали особых людей для заранее определенных целей! И, конечно же, лишь сдача экзамена на государственный чин и могла привести к парламентскому креслу!

Если Маскарад нельзя остановить ни копьем, ни пактом, она изменит его изнутри.

И вот в начале нового торгового сезона пришло время экзамена. Вопросы и задания были доставлены из Фалькреста в запечатанных воском тубусах, принесены в школу под вооруженной охраной и поданы ученикам, как праздничное блюдо.

Кердин Фарьер украдкой вручил Бару фляжку, наполненную чистой родниковой водой с примесью какого-то снадобья – помогающего, по его заверениям, сосредоточиться.

– Его принимают фалькрестские полиматы!

Бару спрятала фляжку в спальне и приступила к экзамену с ясной головой. Все страхи и тревоги сжались в ровные и точные геометрические линии.

Мысли Бару сконцентрировались на коротком временном отрезке.

Она запретила себе думать о том, что ее будущее целиком зависит от того, насколько успешно она заполнит экзаменационные листы.

«Фалькрест! Я доберусь до Фалькреста и выучусь править так, как правят нами. Я добьюсь того, чтобы больше ни одна из дочерей Тараноке не потеряла отца» – именно это она и гнала прочь.

Ей уже исполнилось восемнадцать.

Два дня миновали, и она сдала листы директору, зная, что разгромила экзамен в пух и прах.

– Помогло ли мое плацебо? – осведомился Кердин Фарьер, поблескивая глазами из-под густых бровей.

Вечер они с Аминатой, недавно сделавшейся лейтенантом, провели в тренировочном зале за флотской системой. Это был жесткий повседневный комплекс упражнений с партнером и с собственным весом, разработанный, дабы держать женщину в полной боевой готовности к работе с такелажем и к сражению с врагом. Они сошлись в поединке на затупленных дуэльных полуторниках. Бару проигрывала, что не омрачало ее радости от перспектив будущего. Она победила! Она не останется запертой на Тараноке, как в клетке! Хотя… когда Тараноке успел стать для нее клеткой?

– А ведь ты мне не сказала, – заметила новоиспеченный лейтенант Амината, переводя дух между сшибками.

– Что не сказала?

– От чего тот гигиенист собирался лечить твою подругу несколько лет назад.

Бару подняла клинок в позицию «день» и замерла на дальней дистанции, в двух шагах от Аминаты.

– А зачем?

– Вчера один купец заявил мне… – сообщила Амината, опуская клинок в позицию «глупец». – Вернее, он сказал это моему капитану, а уж капитан сообщил мне.

Бару вдохнула, выдохнула, снова вдохнула, стараясь сосредоточиться.

– Дилине и не думал блудить, – продолжила Амината. – Он собирался лечить твою «подругу» от трайбадизма. От влечения к женщинам!

Бару атаковала. Амината выполнила контратаку быстро, не задумываясь, на одних рефлексах. Ее клинок скользнул вдоль лезвия Бару и нанес противнице убийственный удар в шею, отшвырнувший Бару назад.

– И эта подробность наверняка была тебе известна! Мне говорили, что на вашем острове такое в порядке вещей! Недуг распространен здесь повсеместно!

– Он не имел права ее лапать! – крикнула Бару, задохнувшись и схватившись за горло.

Она попятилась, подняв клинок в позицию «вол», на уровень лба, в ожидании атаки Аминаты. Сердце тяжко колотилось в груди, но в чем была причина – в ярости или в отвращении к собственному обману, сказать было невозможно.

Амината опустила свой дуэльный полуторник, но Бару подалась назад, чуя ловушку.

– И я узнаю все от своего капитана! Ты в курсе, Бару, что бывает с теми, кого заподозрили в трайбадизме? Они внесены в список, и те, кто в него попал, никогда не получают повышения на службе! Сказать тебе, что делают, если подозрения подтверждаются реальными доказательствами?

Бару ударила – слабо, очень слабо. Амината презрительно смахнула ее клинок в сторону.

– Загоняют нож в одно место!

И она наотмашь ударила Бару по рукам, а та уронила свое тренировочное оружие.

Воспользовавшись открывшейся брешью в защите, Амината подступила к Бару и стиснула в захвате ее руки чуть ниже плеч. Точно так же пропавший без вести отец Сальм боролся с кем-то из богатырей в свете костров, под дробь барабанов…

Взревев, Бару рванулась раз, другой, но не смогла высвободиться.

Сцепившись нос к носу, обе задыхались от натуги. Глаза Аминаты полыхали бешенством из-под гордого высокого лба.

– Это – преступление перед законом и самой природой! – рявкнула Амината. – И ты должна была меня предупредить!

Швырнув Бару на мат, она покинула зал.

Бару попыталась собраться с мыслями.

«Вчера один купец заявил мне… Вернее, он сказал это моему капитану, а уж капитан сообщил мне», – повторяла она без конца слова Аминаты.

Наконец из Фалькреста прибыли результаты экзамена. Кердин Фарьер навестил ее в школе.

– Поздравляю, Бару, – произнес он. – Ты превзошла мои ожидания. Ты отправишься в Ордвинн и покажешь себя в должности имперского счетовода. Ты будешь выполнять свои обязанности в тех далеких непокорных краях. Возможно, позже тебя переведут в Фалькрест.

Бару моментально сообразила: вот оно, наказание за то, что

она посмела пойти против его воли.

Кердин Фарьер положил руку ей па плечо.

– Не огорчайся. Ты взлетела очень высоко, учитывая твое происхождение.

Глава 3

Восемнадцатилетняя, алчущая… память об отце Сальме – старый шрам, который постоянно попадается на глаза. Такой Бару приготовилась покинуть Тараноке. «Имперский счетовод федеративной провинции Ордвинн»… Север. Земля волков. Буйный Ордвинн и его тринадцать вероломных князей. Испытание? Или изгнание? Может, Кердин Фарьер предал ее? Похоже, что так.

– Ты займешь высокое положение, – заявил он. – Угрожающе высокое для столь юной девицы. От тебя потребуются все твои умения, Бару.

Но ее не распределили в Фалькрест! И власть была не той, о которой она предупреждала мать в их нескончаемой словесной перепалке.

– Ты никогда ничего не изменишь, сидя в хижине со своим жалким копьем! – кричала Бару. – Они сильней тебя, а ты ничего не понимаешь! Отсюда, с Тараноке, с ними невозможно справиться!

– Тогда езжай, – презрительно бросала мать. – Вызнай их секреты – все до единого. Хоть заройся в них. Вернешься со стальной маской вместо лица!

В Ириадской гавани появился новенький корабль – корпус из таранокийского леса, крылья парусов – алого цвета военно-морского флота Империи. Служебное направление предписывало Бару отправляться на север именно на борту этого судна.

Они оба, дети Тараноке, срубленные и обработанные Маскарадом, покидали остров вместе.

Когда Бару шла в гавань с затупленным тренировочным мечом на поясе, она с удивлением обнаружила, что взирает на Тараноке имперским взглядом.

«Обильные леса. Рабочих рук – в достатке. База для флота, контролирующего юго-западный сектор Пепельного моря. Леса скормить судоверфям, расширить плантации, укротить равнинных, а земли использовать под выпас скота».

Похоже, будущее предопределено. Чиновники и корабелы Маскарада перероднятся с изрядно прореженными таранокийскими семьями, и это остановит занесенные из фалькрестских свинарников моровые поветрия, против которых у тараноки нет иммунитета. А цвет и облик будущих детей-тараноки будут определяться инкрастической евгеникой.

Не обойдется, конечно, без семей, цепляющихся за старые брачные и торговые обычаи, но отныне экономика острова

принадлежит Маскараду. Торговля где-либо, кроме Ириада, утратила смысл.

Пока она прилежно училась за белыми школьными стенами, ее дом был завоеван. «Солдаты армии вторжения» – бумажные деньги, парусина и зараза из свинарников – одержали победу. А старыми распрями между гаванскими и равнинными победители воспользовались еще до того, как Бару доросла до понимания их сути.

А вдруг она, Бару, тоже завоевана?

Нет. Нет! Она будет играть по их правилам и раскроет их тайны. И мать Пиньон ошибается. Маска не заменит ей лица. Она вернется домой, вооруженная ответами на вопросы о власти, и найдет способ избавиться от гнета.

Она посмотрела на склоны Тараноке – там спал потухший вулкан, на который она лазала в детстве с подзорной трубой. Подняла руку в салюте, обещая: «После Фалькреста. Как только отыщу способ».

* * *

В Ириаде Бару произнесла и подписала присягу на верность Императору и еще одну – на верность Имперской Республике и множеству ее государственных органов. Затем она получила документы о гражданстве, скользкие от воска, защищающего от влаги. На бумагах значилось, что она, «Бару Корморан – социализированный федерат (класс 1)». Ниже стояла звездочка государственной службы и темнела печать технократа с прибавлением знака математика. Право на брак – по рассмотрении наследственности, подлежит повторному пересмотру после первого акта деторождения.

– Теперь можете отправляться в доки, – сказал конторщик.

Он был тараноки, младше Бару, однако его афалон оказался безупречным. Видимо, из сирот, воспитанных в школе службы милосердия. Один из целого поколения, оторванного от своего прошлого.

Сирота.

В горле Бару пересохло.

«Что-то моих не видно, – подумала она. – Слишком уж рассержены на меня. Я ведь им писала. А если я случайно написала им на афалоне, и они не сумели прочесть?»

Но в гавани она обнаружила мать Пиньон и отца Солита, одетых в шелковые юбки и рабочие рубахи – дань новой моде, не одобрявшей наготы. Она различила их в толпе прежде, чем они

заметили ее.

Бару хватило времени, чтобы выпрямить спину и проморгаться.

Подлетев к родителям, она окликнула их:

– Мать! Отец!

Мать Пиньон взяла ее за плечи.

– Сильна, – вымолвила она. – Хорошо. Дочь…

– Мать… – предостерегающе перебила ее Бару. Дыхание ее сделалось неровным. В глазах защипало.

– Ответь мне на два вопроса.

В волосах матери не было ни единого седого волоса, взгляд ее был тверд, но щеки – сплошь испятнаны шрамами от моровых язв.

– Зачем ты уезжаешь? Твои двоюродные братья и сестры остаются дома. Они будут работать переводчиками или служить в посольстве. Разве ты забыла, как я учила тебя узнавать птиц и звезды?

Сердце в груди Бару едва не разорвалось на части.

– Мать, – проговорила она (как формально звучал старый урунокийский в сравнении с простым и беглым афалоном!). – Послушай, мать, в тех краях, куда я отправляюсь, гнездятся сотни неведомых птиц, а на чужом небе можно будет увидеть тысячи неведомых звезд.

Немного помолчав в раздумьях, мать кивнула.

– Ответ неплох. Ты все еще наша?

– Ваша?..

Пиньон подняла взгляд к снежной вершине потухшего вулкана.

– Ты провела в школе столько лет. Ты все еще наша? – повторила она.

Сколько раз предавали Пиньон? Сколько ее братьев и сестер продолжают борьбу? А сколько – сменили ремесло и мужей и говорят так же, как ее родная дочь: «Нам не победить»?

– Мать, – запинаясь, заговорила (в который раз!) Бару. – Я ищу другой способ драться с ними. Наберись терпения. Побереги себя. Не… не растрачивай себя понапрасну. Они очень хитроумны. У них есть власть.

– Ты выбрала свою дорогу, дочь, – отвечала Пиньон. – Я выбираю свою тропу.

Бару молча положила руки на плечи матери и расцеловала Пиньон в обе щеки. Затем отец Солит обнял Бару и, в свою очередь, спросил:

– Ты помнишь Сальма?

И Бару обняла его в ответ, поразившись, сколь хрупким он

кажется теперь, когда они почти сравнялись в росте.

– Я не забуду отца, – прошептала она ему на ухо. – Я не забуду отцов.

Отец шумно вздохнул – медленно, словно сдерживал этот вздох годами.

Затем он и мать Пиньон отступили от Бару, на лицах их отразилась подобающая случаю суровость.

– Ступай, – сказала мать. И чуть мягче добавила: – Надеюсь, ты вернешься и привезешь с собой все, чего хочешь.

А потом мать Пиньон и отец Солит побрели к дому: с каждым шагом они удалялись от Бару.

Она смотрела им вслед, пытаясь сдержать слезы. Потом ей стало слишком больно, и, повернувшись лицом к морю, Бару пошла к новенькому кораблю.

Спустившись к причальной стенке, она увидела Кердина Фарьера. Он ждал ее у шлюпки с лучезарной улыбкой. Глядя в его глаза, она подала ему руку как равному.

– Значит, ты проводишь меня до Пактимонта и отправишься дальше, в Фалькрест?

– Ты покидаешь дом, – ответил он, – а я возвращаюсь в родные пенаты. Моя работа на Тараноке завершена, и теперь ты можешь начать ту же деятельность в Ордвинне. Изящно, не так ли? Как будто спланировано загодя.

– И какое же это занятие?

– Мое любимое занятие, – изрек он, оттягивая ворот летней куртки. – Я отыскиваю тех, кто заслуживает большего, и возношу их наверх.

Они сели в шлюпку. Окинув взглядом гребцов, определяя их чины и происхождение, Бару наткнулась на встречный взгляд.

– Лейтенант Амината, – произнесла она, хотя живот подвело от злости и нерешительности. – Поздравляю с новым назначением.

– Взаимно, – улыбнулась в ответ Амината. – Поздравляю с поступлением на службу. Насколько я могу судить, ты сдала экзамены замечательно.

Корабль оказался фрегатом под названием «Лаптиар». С его палубы Бару впервые смогла лицезреть весь Тараноке – плодородный, черный, окруженный стаями птиц. Холмистый, с потухшим вулканом, уходящий за горизонт, погружающийся в глубины памяти…

* * *

Повинуясь торговым ветрам, «Лаптиар» повернул к северу и пошел вдоль западного побережья Пепельного моря. Бару почти все время проводила на верхней палубе, практикуясь в навигации. Штурман высматривал береговые ориентиры и прокладывал курс по-каботажному, но Бару предпочитала смотреть на солнце и звезды – такие прекрасные, вечные и неизменные.

Расчет долготы требовал более получаса вычислений на бумаге. Ко времени прибытия в Ордвинн Бару удалось сократить это время до двадцати минут. Что ж, если счетовода из нее не выйдет, на худой конец пойдет в штурманы.

Нос фрегата крошил волны в мелкие брызги. Теплые ветры несли с собой темнокрылых буревестников и суда южных моряков с бесчисленных островов Ориати Мбо. Моряки швыряли птицам соленую рыбу и кричали что-то на своих языках.

– Соль и цитрусы, – произнес Кердин Фарьер, поднимаясь к ней на корму и неся в каждой ладони но половинке лимона. – Главные химикалии Империи.

– Соль сохраняет пищу для долгих путешествий, – процитировала Бару, – а цитрусы защищают путешественников от цинги.

Фарьер превратил ее плавание в продолжение экзамена на чин. Едва поднявшись на борт, он сразу же спросил, знакомо ли ей название корабля. Конечно, Бару знала: Лаптиар – имя персонажа классического революционного романа «Рогатый камень». Раньше она могла бы и обидеться, но сейчас ей не сиделось на месте, и возможность лишний раз поработать над собой только радовала.

В ней пробуждалась гордость.

– На Тараноке добывают странную красную соль, – изрек Фарьер, прислонившись к лееру[5] и швырнув обглоданную кость в кильватерную струю. – По-моему, ее называют железистой. За последние годы я отослал несколько образцов домой, в Фалькрест. Двое моих коллег весьма интересуются экспериментальной химией.

Бару поджала губы.

– Не сомневаюсь, любые работы, проводящиеся в Фалькресте, весьма важны.

– Фалькрест – сердце и разум мира.

– Именно так меня учили в школе.

Фарьер протянул ей половинку лимона. Бару отмахнулась, даже не взглянув на нее. Хмыкнув, Фарьер покачал головой.

– Нс капризничай. Фалькрест для тебя еще не потерян. Экзамен – не единственный путь туда, есть и иные дорожки, Бару Корморан. Но они требуют терпения, преданности и

компетентности.

– Интересно, чего именно мне не хватило.

– Ты молода. Наследственный потенциал твоего народа пока не изучен. А его вырожденческие негигиеничные брачные обычаи внушают немалую тревогу. Тебе надо радоваться, что…

– А я-то думала, когда лицо скрыто под маской, значение имеют только личные достоинства.

Фарьер достал матросский нож и принялся чистить лимон. Из-за качки он орудовал клинком излишне осторожно и тихонько посмеивался над своей неловкостью.

– Пожалуй, не теми вопросами ты задаешься, – пробормотал он. – Что, если ты показала настолько высокие результаты, что тебя сочли достойной для дальнейших испытаний? По более строгому счету, в более сложной обстановке? Минуя долгую рутину ученичества и постепенного продвижения по службе? Имперская Республика, как ты справедливо заметила, есть меритократия, где правят лишь самые талантливые и достойные. И в самом скором будущем нам и впрямь потребуется свежая кровь! На севере волки поднимаются из промерзшего логова. На юге буйвол, загнанный в угол, свирепо склоняет рога. Что ж, Маскараду надо сделать решительный ход и выиграть эту игру.

Бару посмотрела на птиц, летящих вдалеке, и попыталась определить направление ветра. Ее мучили тревожные мысли, и она чувствовала себя неуверенно.

Кердин Фарьер оказался не простым купцом – как она и подозревала с первых школьных дней. Бару убедилась в правоте своей догадки после махинаций Кердина с ее экзаменационными результатами.

– Если есть выбор, я бы предпочла знать, кто испытывает меня. И почему вместо ученичества я получила один из высших постов в правительстве имперской провинции.

– Придется тебе поверить, что Имперская Республика лучше осведомлена о том, как и где ты послужишь ей наилучшим образом, – ответил Фарьер, салютуя Бару очищенным лимоном, точно бокалом.

Бару молча отправилась на поиски своего тренировочного клинка и партнера для упражнений.

* * *

Вечером Бару вызвала в каюту своего секретаря.

– Мер Ло?

– Да, ваше превосходительство, – подтвердил он, боком

протискиваясь в дверь. – К вашим услугам.

Секретарь оказался тощим узкоплечим мужчиной. Цветом кожи он вполне сошел бы за тараноки, разве что был чуть бледноват, как все, кто проводит много времени взаперти, – например, отец Солит. Бесстрастное лицо секретаря украшал легкий макияж по Фалькрестской моде. Неожиданно Бару подумала, умеет ли он петь, и спустя мгновение поняла, что он очень похож на зяблика – любопытного и резкого в движениях. А доверия к внешним впечатлениям она не любила: внешность зачастую обманчива.

Места в каюте едва хватало для двоих. С тщательно скрываемой нервозностью Бару смахнула со свободного табурета свои пожитки.

– Ты из Ордвинна, – заявила она, жестом веля своему первому подчиненному садиться.

Секретарь почтительно потупился. Однако он явно не выдерживал своего подобострастного образа и каждые несколько секунд поглядывал на Бару. В такие моменты взгляд его становился острым, испытующим, откровенно любопытным.

– Да, ваше превосходительство. Я покинул Ордвинн в тринадцать лет. После Дурацкого Бунта. Был избран службой милосердия.

Не дождавшись от Бару дальнейших расспросов (даже мимолетный разговор о бунтах всегда внушал опасения), он сел на табурет и продолжил:

– Окончил Фалькрестскую школу имперской службы. Два года работал на Тараноке в должности ассистента при бюро учета трудовых и природных ресурсов.

Обучался в Фалькресте… Бару ощутила укол обиды и ревности. Вдобавок он оказался четырьмя годами старше. Ничего, это не важно – и даже к лучшему. В Ордвинне ей как раз предстоит командовать старшими, получившими образование в Фалькресте. Если Мер Ло или кто-нибудь другой усомнится в ее авторитете, она всегда сможет напомнить им чудесное слово «савант».

– Мер Ло – ту майянское имя, не так ли?

Вопрос был задан в качестве приманки. Бару знала, что в древности майя, возникнув на западе, столетиями правили половиной побережья Пепельного моря. Легенды и исследования лингвистов гласили, что давным-давно потомки древних майя заселили и Тараноке.

– Да, ваше превосходительство. Большинство ордвиннских семей происходят от майя или от стахечи. – Последовала пауза, слишком короткая, чтобы быть намеренной. – Если вы желаете

ознакомиться с взглядами ордвиннских туземцев, я смею порекомендовать вам краткий обзор, который я подготовил лично для вас. Таким образом, вы будете в курсе обстановки в провинции. На ваше усмотрение, конечно.

Едва заметным – в отличие от облегчения, которое она почувствовала, – жестом Бару велела продолжать. Как удобно иметь знающего подчиненного – все равно что запасной разум! Но держаться с ним следует осторожно – ведь выбирала секретаря не она.

Развернув карту, они принялись заполнять зияющие лакуны в ее географических познаниях. Склонившись над пергаментом, Мер Ло утратил изрядную долю самоуверенности.

– Ордвинн простирается к северу до Зимних Гребней, – затараторил он, обводя границы провинции длинным, перепачканным чернилами пальцем. – На востоке он ограничен рекой Инирейн, через которую можно переправиться только в двух местах. На западе простирается древняя ту майянская цитадель Унане Найу, за которой лежит пустыня. А на юге находится…

– …Пепельное море.

– Совершенно верно, ваше превосходительство.

Воды и скалы стиснули Ордвинн со всех сторон, сделали желанным, неприступным, но и не дающим возможности выбраться. Он напоминал арену, клетку или трибуну. Империи бились за Ордвинн и гибли на его пороге.

Бару понимала: тот, кто завладеет Ордвинном, станет хозяином северной части Пепельного моря, а значит, и удержит морские пути к самому Фалькресту.

Именно Маскарад правил миром из Фалькреста, и власть его – вкрадчивая, гибкая, хитрая – опутала щупальцами уже половину Пепельного моря, словно осьминог. Правда, щупальца эти были слишком мягки и уязвимы. Осьминогу требовался панцирь, способный защитить мягкую плоть от Ориати и прочих соперников. С запада – Тараноке, база военного флота, нацеленная на Ориати. С севера – бастион Ордвинна…

– Ты был совсем мал, когда пришел Маскарад, – вымолвила Бару, скользя пальцем по угодьям княжества Эребог, богатыми глиной, известными на весь Ордвинн горшечным товаром и… старейшей из княгинь.

Мер Ло оторвался от карты. Его темные волосы, смазанные ароматическим маслом, блеснули в свете лампы.

– Ордвинн является федеративной провинцией двадцать лет. Зате Ява – нынешний правоблюститель – убила старого князя Лахту и организовала формальную капитуляцию Ордвинна, когда

мне исполнилось два года.

– Но ведь имел место… – Как ни глупо было вспоминать о бунте, замалчивать его было совсем нелепо. – Имел место бунт. Ты пережил его.

– Когда был подавлен Дурацкий Бунт, я достиг двенадцатилетнего возраста. Я был еще мальчишкой. И всегда сохранял лояльность.

«Еще бы, – подумала Бару. – Конечно, те годы не оставили ни песчинки смятения ни в Ордвинне, ни в твоем сердце».

Сомнений в том, что Мер Ло приставлен наблюдать за ней, не было. Каждый – орудие в чьих-то руках. Однако ей придется довериться ему и использовать как надежный инструмент. Она позволит себе частично раскрыться перед Фарьером или его людьми. Прятаться от Фарьера, не оставив ни малейшей иллюзии контроля, гораздо опаснее.

– Они хотят получить контроль над Ордвинном, поскольку он защищает Фалькрест, самое сердце государства, – сказала Бару, указывая на Зимние Гребни. – Ограждает от вторжения стахечи отсюда, с севера и, разумеется, с востока, через Инирейн. А также от любого иного врага в Пепельном море. А чтобы достичь Фалькреста, надо плыть по часовой стрелке с торговыми ветрами и пройти мимо побережья Ордвинна.

– Не «им», а «нам», ваше превосходительство, – вежливо поправил ее Мер Ло.

– Благодарю.

Бару забарабанила кончиками пальцев но карте, размышляя над ней, а заодно и над лояльностью Мер Ло. Ее охватило приятное возбуждение. Похоже, что прямо перед ней лежит не карта, а проблема власти, загадка имперского масштаба! Вот она, возможность проявить себя перед Кердином Фарьером, кто бы он ни был и на какие бы великие планы ни намекал.

– Вот котел… а тут западня…

Альпийский лес, крутая гора, прибрежная равнина, холодные и изобильные рыбные промыслы… Богатейшие залежи минералов, обилие дичи. Мечта для промышленника, кошмар для полководца – страна долин, разделенных опаснейшими природными преградами. Кавалерия станет царицей войны на равнинах, ключом к власти над заливными лугами Зироха и стольным городом Пактимонтом. Но на севере охотники-лесовики, кочующие под сенью сосновых чащоб, могут перекрыть дороги на целое лето. Значит, зимой не будет провианта для армии, способной совладать с ними.

А ведь географические неурядицы – ничто в сравнении с неурядицами политическими.

– Сколько раз в ваши земли пытались вторгнуться? – спросила Бару, листая доклад секретаря.

– Думаю, люди давно сбились со счета.

Пятьсот лет назад Ордвинн захлестывало волнами армий стахечи и ту майя – двух великих империй на пике могущества, соперничавших друг с другом. От рухнувших империй (причины их падения не входили в школьную программу и остались тайной, хотя одну из империй часто упрекали в негигиеничных брачных обычаях) сохранились лишь военные вожди и князья. Они более или менее уживались между собой, хотя в последующие века Ордвинн пытались завоевать не меньше десяти раз. Но князья, объединившись, пресекали мечты очередного претендента на трон.

Надвратный камень Северных ворот Лахты, древнего аванпоста стахечи, ныне называемого всеми «Пактимонт», украшала древняя надпись…

– «Ордвинн не подчинить»… – пробормотала Бару.

– …никому, кроме Маскарада, – добавил Мер Ло, почтительно склонив голову. – Надпись на надвратном камне Северных ворот необходимо дополнить.

Зачем было устраивать так, чтобы экзамен на государственный чин определил ее именно сюда? Зачем Кердину Фарьеру потребовалось швырнуть на съедение волкам своего смышленого саванта?

– Подай «Пакт о федерации», – велела Бару.

Порывшись в папках, Мер Ло подал ей вощеную копию пакта, заключенного Империей с Ордвинном. Поджав губы, Бару пробежалась взглядом по пергаменту и хмыкнула при виде стайки иолинских подписей, сгрудившихся на последней странице. Что ж, все кньязья и княгини, от Отров до Вультъягов, собрались, дабы подписать общую капитуляцию… Но когда она добралась до раздела, внезапно разбередившего душу, ей стало не до смеха.

«Ордвинном управляет назначаемый Императором в Фалькресте губернатор, коему подчинены все законные вооруженные формирования Империи на территории провинции, все гарнизоны Империи…» (Бару мрачно кивнула и пробежала глазами список.) «Губернатор также является сеньором для князей и княгинь Ордвиннских, кои приносят ему присягу».

Чудесно.

«В Ордвинне учреждается должность правоблюстителя, наделенного правом пересмотра законодательства, каковому правоблюстителю подчинены все судебные органы, коему вменяется в обязанность искоренение сектантских лжеучений,

насаждение инкрастического мышления и гигиены наследования».

Глаза и ресницы Фалькреста. Популярности на таком посту не сыщешь.

«В Ордвинне учреждается должность имперского счетовода, коему подчинена вся торговля, как внешняя, так и внутренняя. Имперский счетовод наделен правом сбора налогов от лица Империи и правом распределения имперских денежных средств по своему усмотрению».

А это – она, страж имперской мошны. Наверняка пост не важный, если его сочли возможным отдать новоиспеченному технократу – девчонке, только-только вставшей из-за экзаменационного стола.

Наверняка?

Сложив руки домиком, Бару принялась сверлить взглядом потолок тесной каюты.

– Ордвинн – сущий улей, только вместо пчел – князья, – произнесла она. – Мы назначаем губернатора, чтобы он держал князей в узде. Вот задача экстраординарной сложности! Думаю, он должен быть либо деспотом, правящим железной рукой гарнизона, либо ввязаться в хитросплетение их политических интриг. Я права?

– Я слышал, губернатор Каттлсон предоставляет князьям едва ли не полную свободу действий, – ответил Мер Ло. – Однако мне известно, что истинная причина – в их безмерном взаимном уважении. Говорят, он часто совершает конные прогулки с князем Хейнгилем, Охотником на Оленей, и что они надеются совместно подыскать мужа-фалькрестийца для молодой госпожи Хейнгиль Ри.

– Трогательно, – протянула Бару, вновь уставившись на карту с пестрыми княжествами. – Вдобавок в Ордвинне полным-полно династий, держащихся старинных верований и ересей. Поэтому приходится назначать правоблюстителя, который, вероятно, не в состоянии уследить за поверьями и семейной жизнью каждого из местных крестьян. Значит, нынешнему правоблюстителю – а она женщина! – остается лишь махнуть на все рукой или заниматься своим делом весьма и весьма рьяно. Таким образом, либо она неэффективна и ее в грош не ставят, либо эффективна, но презираема народонаселением.

– Не могу сказать, презираема ли ее превосходительство Зате Ява…

– Не мямли, Мер Ло, – прервала его Бару. – Ты – мой секретарь. И я приказываю тебе быть со мной откровенным. Особенно когда я в чем-то ошибаюсь.

Он посмотрел на Бару, и его губы дрогнули в тщательно отработанной улыбке.

– Вы не ошибаетесь, – сказал он.

Откинувшись назад на скрипучем дубовом табурете, Бару таращилась на карту Ордвинна, но видела Тараноке. Две страны, настолько различные между собой, но парадоксально одинаковые…

– У князей нет иноземных торговых партнеров, кроме Маскарада, – заявила она, – и кроме других княжеств и долин. Поскольку нет у них и центрального банка, и общей валюты, они пользуются нашими имперскими фиатными билетами. Стоимость фиатных билетов зависит от внешней торговли и от политики Фиатного банка.

А торговля и Фиатный банк – в ее руках. В силу занимаемой должности имперского счетовода.

– Бесспорно, – подтвердил Мер Ло.

Тон его был столь же почтителен, но сжавшиеся губы и нервозность ясно говорили: он понимает, о чем она думает. В ее руках – не просто завязки кошелька правительства провинции. Управляя Фиатным банком, она контролирует экономическое процветание каждого из ордвиннских князей. И, в отличие от губернатора и правоблюстителя, она может держать князей в узде.

Если она сыграет в эту игру как порядочный гражданин Империи, то покажет себя единственным эффективным чиновником в рядах слабого правительства.

Если она сыграет в нее с умом, в собственных интересах, то станет самым влиятельным человеком в Ордвинне.

Она заставила Мер Ло подождать и опять забарабанила пальцами по дубовой столешнице, размышляя над целями и перспективами.

Бывали на свете царицы и помладше нее. А уж среди героев «Рогатого камня» и «Наставления к вольности» было множество юных (помладше Бару!), но сыгравших ключевые роли в Фалькрестской революции. Может, Кердин Фарьер решил проверить свою таранокийскую находку по высшему разряду? Вдруг он предоставил ей шанс?

Бару погрузилась в изучение карты. А Ордвинн был причудливым краем! Северные земли «лоскутного одеяла» славились лесными чащобами, в центре находилась россыпь вольных городов и поместий, расколовших эту часть Ордвинна, а на юге простирались хлебные поля побережья.

– Мер Ло, – заговорила Бару и провела пальцем по паутине княжеств. – Допустим, меня послали в Ордвинн, чтобы выполнить

некую задачу – разрешить весьма серьезную проблему управления. Как по-твоему, в чем могла бы заключаться данная проблема? В убытках от непроизводительной издольщины? В княжеском долговом кризисе? Чем больна твоя родина?

– В Ордвинне есть обычай, постоянный и нерушимый, – можно сказать, краеугольный камень страны, кто бы ни управлял ею… – Мер Ло сделал паузу, и его пальцы замерли, повисли над картой, словно он пытался отвести руку Вару от огня. – Он называется «бунт».

* * *

Для подготовки у Бару оставалось еще целых семь недель. «Лаптиар» лягушкой скакал вдоль побережья, принимая на борт свежие фрукты и копченое мясо, доставляя по назначению пассажиров и почту. В море даже к капитанскому столу подавали на обед соленую рыбу и пиво. Пара врачей, уроженцев южной части Фалькреста, фанатично блюдущих доктрину инкрастической гигиены, регулярно подвергали команду бесцеремонным осмотрам. Дважды в день все, отбросив прочь стыд, мылись морской водой. Матросы с гиканьем и свистом швырялись мочалками, нимало не смущаясь своей или чужой наготы – совсем как тараноки. Какое-либо внимание к Бару проявляли лишь с практической точки зрения. Однажды женщина из морской пехоты поинтересовалась, как она тренируется, позже кто-то из матросов заметил, что с виду она ловка и опасна, как тигровая акула, и, наконец, боцман вызвал ее на состязание в лазании но канату (Бару проиграла, но ей понравилось).

– Прикройся! – шутили порой матросы-мужчины. – Идет охота на содомитов!

– А что делают с пойманными содомитами? – спросила Бару.

Все изумленно уставились на Бару.

– Каленым железом их, конечно, – сказал матрос. – Пш-шшш!

– Да вы, наверное, и дома такого насмотрелись, – проворчал его приятель.

Бару равнодушно пожала плечами. Она не собиралась демонстрировать им свою боль. «Наверное, именно так умер отец Сальм», – подумала она.

Когда «Лаптиар» добирался до очередного порта, Бару и Мер Ло сходили на берег. В такие часы Бару диктовала секретарю подробные заметки обо всем, что попадалось на глаза.

В городишке под названием Шанси, населенном поразительно светлокожими, общительными и приветливыми

северянами, они посетили госпиталь, где содержались больные раком.

Кердин Фарьер шагал вдоль ряда кроватей, внимательно осматривая меланомы, и изредка комментировал состояние пациентов. Хотя, по его мнению, их светлая кожа являлась обычной для стахечиоидной расы в этих широтах, Кердин был явно чем-то озабочен.

– Вот что внушает мне опасения, – пробурчал он. – Придется спаривать их друг с другом, а там посмотрим, нельзя ли развить их лучшие характерные черты. Будем надеяться, что их удастся специализировать…

Он покосился на Бару и продолжил с неожиданным энтузиазмом:

– Ордвинцы – смесь подобного стахечиоидного типа с кровью имперских майя и неустойчивого расового типа туземных бельтиков. Кто знает, вдруг тебе представится возможность организовать экспериментальный брак. Мой коллега Исихаст постоянно ищет новые кровные линии для очистки.

Отметив его интерес, Бару забеспокоилась. Его бесцеремонные игры с наследственностью и евгеникой не просто нервировали, они пугали. Когда он заговаривал об инкрастицизме, в ее ушах вновь эхом звучало предостережение Аминаты. Бару вспоминала об ужасной судьбе, ожидавшей содомита или трайбадистку, и думала: «Я тоже участвую в этом, но вовсе не обязана любить доктрину. Я должна играть свою роль. Я обязана выжить и получить власть. Тогда я смогу положить этому конец».

Маскарад преподал ей систематику любых разновидностей порока. Но первыми учителями Бару оказались ее родители.

Ее душа, образ мыслей и восприятие не изменились. Она оставалась сама собой.

Воздух сделался холоднее. Следуя за буревестниками, «Лаптиар» повернул на северо-восток. Бару изучала свои заметки, раскладывая в памяти по полочкам князей, княгинь и их княжества – персоналии, законы, непроизносимые родовые имена.

Каково это будет – встретиться с незнакомыми людьми лицом к лицу, смотреть на них свысока, подчинять своей воле?

Сумеет ли она выстоять против князей Отсфира и Лизаксу – низкорослого, коренастого, как барсук, коротышки и великана ростом едва ли не с сосну – и заявить, что обложит налогом их речную торговлю? Отправятся ли они шептаться со своей старой северной соперницей, Глиняной Бабкой Эребог, замышляя месть? Достанет ли ей смелости написать Наяуру, известной как

Строительница Плотин… и заодно Коровьей Царице Игуаке: «Привет тебе, юная и гордая всенародно любимая Наяуру! Приветствую и тебя, Игуаке, повелительница всея молока и шерсти, чья мощь – в рогах и копытах бесчисленных стад. Вижу, вы усердно поработали, чтобы поделить меж собой центральную часть Ордвинна и создать великий союз, подчинив себе трех гордых князей. Но это не важно, благородные дамы. Я назначена сюда как самая достойная и явилась забрать ваше богатство во имя далекого Фалькреста…»

Бару рисковала навлечь на себя гнев рожденных для власти.

Кроме того, в ее заметках имелись странные пробелы. Вот Незримый Князь Лахта, правящий в Пактимонте с помощью своего благородного титула. Любопытно, но он даже не появляется на людях. В чем его сила? Кто он на самом деле?

Отчего ей сообщили имена прежних имперских счетоводов, Су Олонори и его предшественницы, Фаре Танифель, но умолчали о причинах их отставки? Почему ни слова не сказано об ожидающих ее подчиненных? А ведь они есть – бюрократическому механизму Имперской Республики не обойтись без штата чиновников-винтиков!

– Чего Империя Масок боится в Ордвинне больше всего? – спросила она у Кердина Фарьера.

Кердин оживился.

– Парламент, как всегда, страшится, что налоговый период не принесет Маскараду истинного процветания, – заговорил он, заговорщически склонившись к Бару. – Но тот, кто заглянет дальше, вспомнит о некоторых… затруднениях, с которыми сталкивался наш режим. Возможно, с этими затруднениями еще не удалось справиться. Учитывая давность и сложность истории Ордвинна… данную мозаику трудно сложить воедино так, чтобы она не рассыпалась вновь.

– Что случилось с прежними счетоводами? – осведомилась Бару. – Их звали Су Олонори и Фаре Танифель?

Он лишь ехидно улыбнулся:

– Откуда невежественному торговцу шерстью знать такое?

Наконец настало утро прибытия, и «Лаптиар» вошел в гавань Пактимонта. Поднявшись на палубу, Бару увидела суровую каменную кладку и вороненое железо башен на фоне далеких белых гор, подпиравших вершинами брюхо неба. Красота, запертая в клетке…

Порт-Рог ждал их. Руины сторожевых башен, расстрелянных и сожженных военным флотом Маскарада двадцать лет назад, лежали у входа в гавань, подобно мертвецам, которых оставили без погребения в назидание живым. Саму гавань охраняла пара

огромных фрегатов-огненосцев под красными парусами Империи. С них донесся звон склянок: они приветствовали «Лаптиар», поздравляли со своевременным прибытием. А еще они отбивали шифрованные сигналы, предназначенные для ушей капитанов и адмиралов, – наверное, «беспорядки на берегу», или «пиратское судно», или просто «все спокойно».

Бару стояла на носу «Лаптиара». Над ней хлопотал Мер Ло:

– Для женщин здесь предпочтительны платья. Полагаю, вы могли бы сойти за туземку – кожа у вас прямо-таки майянская, однако форма носа… Но если хотите сразу заявить о себе – что ж, можно и штаны!

И секретарь застегнул ей обшлага и иолы куртки. Тренировочный клинок Бару оставила в багаже: она решила, что он будет выглядеть несерьезно, хотя символический кошель на цепи, свисающий с пояса, плохо смотрелся рядом с пустыми ножнами.

– Лейтенант Амината! – окликнула она.

С самого отплытия они не обменялись ни словом. Особенно тщательно Бару избегала ее во время буйных и шумных всеобщих помывок. Сейчас Амината подошла к ней покачивающейся матросской походкой – шаг нестроевой, мундир нараспашку, словно вызов пронизывающему ветру.

– Здесь, ваше превосходительство, – отчеканила она без сарказма. – Чем могу служить?

– Мне нужен клинок. Подходящий для таких условий… – Бару указала на узкие улочки раскинувшегося перед ними города. – Здесь, похоже, тесно.

– Офицерская абордажная сабля, ваше превосходительство, – произнесла Амината, снимая с пояса собственное оружие и подав ей с почтительно склоненной головой и опущенным взглядом. – Одна режущая кромка. Фалькрестская работа. Символ могущества Империи. Подойдет?

Бару окинула взглядом Аминату и ее саблю. Лицо Бару сохраняло нейтральное выражение, но ее мысли вскачь понеслись вдоль хитросплетений этикета, стараясь нащупать скрытый смысл подарка. Может, это – традиционный подарок от возлюбленного? Или оскорбление, согласно древним обычаям ее родины, Ориати Мбо? Напоминание о том, кому ей надлежит хранить верность, а может, затаенный вопрос? Говорила ли Амината с Кердином Фарьером после отплытия с Тараноке? Что будет означать ее, Бару, согласие – или отказ – принять оружие?

Амината ждала ответа, привычно балансируя на покачивающейся палубе и держа клинок перед собой на раскрытых ладонях.

– Подойдет, – ответила Бару. – Благодарю вас, лейтенант.

Приняв саблю, она вложила ее в ножны. Коротковата, но это не важно. Ножны легко можно заменить.

– Удачи, ваше превосходительство, – сказала Амината.

Лихо развернувшись кругом, она отправилась обратно на пост.

* * *

Мер Ло покинул корабль первым, чтобы присмотреть за выгрузкой багажа и документов. Бару отправилась на берег во второй шлюпке. Желудок сжимался от качки. Ей всего восемнадцать, она – иноземка, да еще и женщина, а здесь, в Ордвинне, никто даже и бровью не поведет. Видно, все эти характеристики для службы не помеха! Значит, она осталась одна. Бару уже представляла себе, как Кердин Фарьер, узнав о сокрушительном провале свежеиспеченного счетовода, скажет: «Большая семья и ограниченное жизненное пространство – вот подобающее место для тараноки. Что ж, расовые недостатки преодолеваются с трудом».

Она поднялась, прошла на нос шлюпки, игнорируя брызги и качку, и поставила обутую в сапог ногу на форштевень. Если уж вырвет, решила она, то пусть лучше сейчас. Но тошнота отступила, и Бару поверила, что все будет в порядке и дальше.

Шлюпка подплыла к причальной стенке. Бару поймала трап и, подтянувшись, оказалась на суше еще до того, как матросы успели пришвартоваться. Встречающие с удивлением взирали на Бару: она карабкалась наверх, как простой матрос, а кошель и сабля неуклюже болтались за ее спиной.

Бару тотчас почувствовала, что они оценивают ее: того самого саванта, о котором их предупреждали, девчонку-островитянку, стройную, ладно скроенную, со смуглым лицом и темными глазами (внимательными, сказала бы мать Пиньон), ловкую и гибкую.

Однако Амината жаловалась на то, что Бару чересчур нетерпелива.

– Дамы и господа, – изрекла Бару, не давая никому возможности представить ее, – я – ваш имперский счетовод.

Губернатор Ордвинна выглядел в точности как на портрете в книгах: высок, мускулист, светлокож, с подбородком, выдвинутым вперед, точно нос корабля. Именно таких мужчин здесь уважают.

– Ваше превосходительство Бару Корморан, – вымолвил он, подавая ей руку и улыбаясь из-под ужасной (или роскошной – тут

Бару не была уверена) шапки с оскаленной волчьей пастью. – Рад знакомству. А энергии вам не занимать.

– Ваше превосходительство губернатор Каттлсон, я польщена.

Почтительное обращение являлось единым для всех государственных служащих Имперской Республики – в духе революционного братства. Выдержав его рукопожатие, Бару весьма непринужденно улыбнулась. Она справится.

– О, наконец-то! – воскликнула женщина, стоявшая между Каттлсоном и колонной имперских солдат в серо-голубых мундирах. – Позвольте…

И правоблюститель Зате Ява поднесла руку Бару к губам и деликатно поцеловала ее. Серебристые волосы ниспадали на дорогое платье с кринолином. Она была уроженкой Ордвинна, в жилах ее смешалась кровь стахечи и ту майя. Именно она двадцать лет назад проделала колоссальную работу, которая многих вводила в трепет. Будучи наемным убийцей из простонародья и прислуживая старому князю Лахтинскому, она внедрилась в сопротивление и организовала капитуляцию Ордвинна перед лицом Империи. Ее наградили постом правоблюстителя. А ее брат, Зате Олаке, получил княжество Лахту, но кто правил от его имени – можно было только гадать. Маскарад закрепился в Лахте столь прочно, что даже местные уроженцы называли ее не иначе, как Пактимонтом.

– Вы же не здешняя, а таким манером в наших краях приветствуют дам, – пояснила Зате Ява, выпрямляясь и улыбаясь Бару. – О молодость, о юность! Взобраться на причал в штанах!.. Помню, я и сама была такою…

– Ваше превосходительство правоблюститель Зате, я польщена, – ответила Бару, мысленно занося женщину в список врагов.

Приветствие Зате было начато с «иностранки», далее последовало «женщина», затем – «молодая» и, наконец, напоминание о свершениях самой Зате. Да, тонко и изящно… Возможно – ничтожный выпад ничтожного разума, но нет. Скорее, проверка бдительности.

Выдержав ее взгляд, Бару внезапно почувствовала озарение, подобное острому уколу.

«В Ордвинне есть обычай, постоянный и нерушимый»…

Глядя в холодные, синие, как у большеклювой вороны, глаза Зате, Бару поняла, что оказалась права. «Иллюзорный» кризис был реальностью. Она-то считала, что Зате Ява слаба и бессильна против назревающего восстания. Но есть ведь и другие варианты, верно? Вероятно, Зате – крепкий орешек…

– Она очень юна, но весьма компетентна! – раздался

знакомый мужской голос.

И Бару увидела Кердина Фарьера, который выглядывал из-за волчьей шапки губернатора.

– Я решил отправиться на берег с первой шлюпкой и убедиться, что все готово, – сообщил он. – Ваше превосходительство, губернатор в восхищении! Всем известно, как потрясающе вы сдали государственный экзамен! Вы – дар, настоящая находка! Столь молодых имперских счетоводов не назначали уже несколько десятков лет! Но возраст делу не помеха, главное – талант.

Он хлопнул по хрупкому плечу Зате, ухватил губернатора Каттлсона за запястье, словно сводя их вместе в некоем танце, и окинул обоих взволнованным пронзительным взглядом.

– Она далеко пойдет, если сумеет разрешить местные трудности, – добавил он с воодушевлением. – Пожалуйста, оказывайте ей поддержку.

А Бару на миг потеряла дар речи. Губернатор Каттлсон едва не отвесил Кердину вежливый, почтительный поклон подчиненного перед лицом начальствующим.

Глава 4

Вся процессия направилась к экипажам. Одна карета была из черного дуба, окованного железом, и предназначалась для Зате Явы, другую, отделанную белой эмалью с золотом, специально приготовили для счетовода.

– Лошади! – в восторге выпалила Бару. – Какие огромные! Прошу прощения, господин губернатор, госпожа правоблюститель, но я должна…

Она подбежала к лошадям, чтобы полюбоваться их мощью, игрой мускулов и жил иод атласными гнедыми шкурами. Бару как зачарованная смотрела на них, не упуская ни единой детали, их подковы были прибиты гвоздями прямо к копытам!..

Кердин Фарьер иронично объяснил губернатору Каттлсону: – На Тараноке нет высших наземных существ, а Бару весьма любознательная особа.

Бару обошла лошадей, с некоторой опаской глядя на их зубы и мощные зады. «Наверное, на таких ездили ту майянские воины, ведь ни в Ордвинне, ни в северных землях стахечи не было коней. Их выводили столетиями, чтобы они выносили холод и войны. Отсюда и размер, и пресловутая ненасытность. Они стали оружием и настоящим символом абсолютной власти», – думала она.

Выведенная порода служила своим хозяевам на протяжении множества поколений…

При этой мысли она обернулась к Кердину Фарьеру, но между ними оказался статный жеребец.

– Вы должны выучиться верховой езде! – заявил губернатор Каттлсон, стоящий по другую сторону кареты. – Власть князей побережья держится на кавалерии. Они уважают умедых наездников. Мой друг князь Хейнгиль решает любые свои дела исключительно на охоте.

Бару пригнулась и взглянула на губернатора из-под лошадиного брюха.

– Полагаю, вы ездите великолепно.

Он по-мальчишески ухмыльнулся и хлопнул жеребца по боку.

– Для обучения сгожусь. Если, конечно, у вас найдется свободная минутка. Кердин Фарьер высоко оценил ваше усердие… Пожалуйте в ваш экипаж, ваше превосходительство! Вам потребуется время, дабы переодеться к торжественному обеду в вашу честь.

Наблюдая, как губернатор садится в седло, и изображая неподдельный интерес, Бару исподволь наблюдала за Кердином

Фарьером и Зате Явой. Зате выслушивала болтовню Фарьера с вежливой скукой, не более. Никаких внешних проявлений почтения или страха.

Каттлсон знал, кем является Фарьер в действительности. А правоблюститель, глава фалькрестской разведки и верховный судья Ордвинна, нет. Отчего – из-за происхождения? А вдруг верхушка Фалькреста разделяла подозрения Бару и считала, что у правоблюстителя могут иметься собственные тайные планы?

Зате Ява скрылась в своей карете, а та сомкнулась вокруг нее, словно латная перчатка.

Бару позволила лакею помочь ей подняться в экипаж, где ее ждал Мер Ло.

– Ваше превосходительство? – произнес он, склонив голову, что, однако, не помешало ему захлопнуть дверцу и оглядеть стенки пассажирского отделения в поисках скрытых отверстий, годных для подслушивания.

– Я подготовлю список вопросов. Ты будешь отвечать на них, пока я впустую трачу время на их торжественном приеме. У тебя есть бумага или пергамент?

– У меня прекрасная память, – сообщил он.

Лошади заржали. Карета покачнулась и поехала в неизвестном Бару направлении.

– В таком случае все будет выглядеть так, будто мне есть что скрывать. И если ты, Мер Ло, приставлен кем-то наблюдать за мной – в чем я не сомневаюсь, – пусть они знают, что я не питаю слабости к интригам.

Затем Бару собралась закудахтать (совсем как ее мать) над оскорбленным в лучших чувствах подчиненным, упрашивая его не обижаться, но тот лишь глубокомысленно кивнул в ответ. Откинувшись на спинку сиденья, Бару подумала, что ее секретарь гораздо опытнее и опаснее, чем она полагала.

– Ваша канцелярия находится в особняке губернатора, – произнес Мер Ло, передавая ей стопку мраморно-кремовых листов бумаги. – Полученные в письмах сведения об отдельном помещении для имперского счетовода устарели. Теперь все имперские службы сосредоточены в одном месте. Это сделано в целях повышения эффективности.

Приподняв бровь, Бару молча ждала главного.

– По слухам, охрана и безопасность прежнего помещения могла быть не на высоте.

– Ладно, – пробормотала Бару, – пусть это будет первым вопросом, на который мне нужен ответ.

Вот что надо разъяснить с самого начала как первоочередную угрозу: что именно произошло с последним имперским

счетоводом?

– Я чувствую, что ваш вопрос отлагательства не терпит.

Секретарю следовало предоставить способ завоевать ее доверие.

– Я пришла к убеждению, – проговорила Бару, поправляя символический кошель на поясе, – что нас окружают заговорщики.

– Но мы пока не видели никого, кроме имперских чиновников, ваше превосходительство.

Бару рассмеялась.

– А где же еще может зародиться заговор?

Снаружи донесся цокот подков. Бару откинула занавесь, ожидая увидеть губернатора Каттлсона, решившего покрасоваться перед ней, или имперского дружинника, обгоняющего карету. Но скакун, поравнявшийся с экипажем, шел курцгалопом[6], да еще на расстоянии копейного древка! Он оказался чисто-белым, цвета снега на вулканическом туфе. Всадница была одета в кожаный табард[7] с кольчужными оплечьями, украшенный строгим узором. Оценив шпоры и статного рысака и отметив отсутствие показного богатства, Бару решила, что перед ней представительница мелкого дворянства – вероятно, феодальная помещица.

Всадница привстала в стременах, демонстрируя силу, обычную при крепком здоровье и обильном питании, и встретилась с Бару взглядом. Облик ее говорил о многом. Хищный орлиный нос, некогда перебитый и вправленный. Кожа цветов ту майянской расы – меди и поля под паром. Что ж, данный фенотип очень близок к таранокийскому, за исключением высоких скул и гордого носа. Улыбка без единой бреши в зубах.

Значит, княгиня. Наверное, из высшего звена. Игуаке? Наяуру? Неужели могущественная Коровья Царица или юная вспыльчивая Строительница Плотин явились из центральных земель, чтобы продемонстрировать свое расположение?

Некоторое время всадница тоже разглядывала Бару сквозь забранное решеткой стекло оконца кареты, затем с еле заметной кривой усмешкой пришпорила рысака и унеслась вперед.

Бару опустилась на сиденье. Ее не покидала нервозность: она поняла, каково это – ощущать себя дичью.

* * *

Дом губернатора – закон, воплощенный в железе и камне, – находился менее чем в четверти мили от гавани. Ворота охраняли

имперские морские пехотинцы в красных табардах, стальных масках и латных перчатках длиною по локоть (они напоминали Бару стерильное облачение хирурга). Матовый камень стены, ограждающей особняк, сиял белизной.

Имперскому счетоводу отвели целую башню с жилыми покоями на самом верху.

– Вас ждут на балу к концу послеполуденной вахты, – сообщил проводивший Бару стюард, после чего был отпущен.

– Прибыв к этому времени, вы опоздаете, – предупредил ее Мер Ло. – Запланирована вступительная часть, а также выпивка и разнообразные политесы… В ваше отсутствие гости будут сплетничать о вашем возрасте и поносить вашу родину. Кто-то вознамерился сбить вас с толку.

– Нужно подумать, – сказала Бару, распахивая двери, ведущие из приемной в кабинет для аудиенций. – Ну и ну! Ты погляди!

Ковры на полу и гобелены на стенах повествовали о великих баталиях между вышитыми всадниками и фалангами пехотинцев, ощетинившихся копьями.

– Найти слуг и ободрать это безобразие, – приказала Бару. – Ковры тоже.

– Но они весьма дороги…

– Тем лучше. Мне надо выглядеть провинциалкой из простонародья, которая даже не представляет, что такое роскошь и богатство. И можешь развесить в приемной якоря и цепи – мне плевать.

Подойдя к столу секретаря, Бару пролистала лежавшую на нем стопу палимпсестов.

– Убери отсюда все, написанное по-иолински, по-урунски, по-стахечийски – на любых языках, которыми я не владею. Пусть думают, что я этого стесняюсь. И табличку повесь: все деловое общение – устное ли, письменное – производится на афалоне. Тогда город будет считать, что другие языки мне неизвестны.

– Но так оно и есть, ваше превосходительство.

– Ничего, научусь.

Родной язык Бару, уруноки, вел происхождение от уруна – языка ту майя. Креол-иолинский, на котором говорили многие в Ордвинне, произошел от него же.

Она присела на краешек соснового стола.

– Расскажи мне про бал. Как держаться, чтобы не попасть впросак?

Мер Ло поджал губы, словно тетушка, недовольная поведением племянницы.

– Вам нужно платье. В Ордвинне женщине нельзя появиться на официальном мероприятии в штанах. Вы не желаете завоевать

репутацию «морского волка»? Кроме того, вам необходимо вымыться и раздобыть парик, что, конечно, потребует времени. Как представителю Имперской Республики, вам также положена официальная полумаска.

– Вымоюсь я самостоятельно. Достань и пришли мне маску и непритязательное платье… Нет, принеси лично – я здесь пока никого не знаю, а у тебя и на борту было предостаточно возможностей проявить нескромность. О парике забудь. Пойду с «корабельной» головой. И еще… – Бару на миг задумалась. – Зайди к главному старшине корабельной полиции и выясни, что случилось с предыдущим имперским счетоводом. Посмотрим, насколько сказки, которыми будут потчевать меня за обедом, совпадут с той информацией, которую ты сумеешь добыть.

Приняв ванну и дочиста отскоблив кожу пемзой – может, и с родного Тараноке! – Бару позволила Мер Ло помочь ей облачиться в белое камчатное платье с вытачками. Во время своего туалета вид Бару приняла весьма скромный, по крайней мере, по понятиям Маскарада он таковым и являлся.

Изготовленная для счетовода фарфоровая полумаска, столь же белая и безликая, как и платье, сидела неуклюже: мастер явно рассчитывал на фалькрестийские черты и не столь высокий лоб. Ну и пусть! Теперь она – технократ, шестерня великого механизма, и маска необходима для выполнения соответствующих функций.

Если Мер Ло и был уязвлен или смущен, помогая ей одеваться, он скрыл это мастерски.

– Удачи, ваше превосходительство, – пожелал он Бару.

Бару отмахнулась – она была слишком напряжена, чтобы балансировать на грани доверительных и формальных отношений.

Образно говоря, времени ждать у трапа не было. Вперед, на абордаж! Если Ордвинн действительно вот-вот восстанет, а мятежники понимают, какой силой наделен имперский счетовод… что ж, это вполне объясняет причину того, куда подевались два ее горе-предшественника.

Бару пристегнула к поясу ножны и кошель на цепи. Ни то ни другое не подходило к платью, но остриженная «ежиком» голова и тяжелые сапоги дисгармонировали с ним куда сильнее. После недолгих раздумий она рассмеялась и пинком отправила ножны с саблей под кровать. Спускаясь вниз, она старалась дышать ровно, и по пути впихивала пальцы в прилагавшиеся к платью белые перчатки длиною по локоть.

У входа в бальный зал ее приветствовал лакей-фалькрестиец с затейливым макияжем на лице.

– Должен ли я объявить о прибытии вашего превосходительства?

– Да, будь любезен, – отвечала она, прикрыв глаза под маской и ожидая его слов с замершим сердцем.

Началось. Только один миг слабости. Один-единственный…

– Имперский счетовод, – провозгласил лакей, распахнув двери, – ее превосходительство Бару Корморан!

* * *

Бару переступила порог зала, и толпа гостей раздалась перед ней. Кого здесь только не было! Бледнолицые стахечи и смуглые, как давешняя всадница, ту майя… Десятки лиц всех оттенков! Волна перешептываний на иолинском пронеслась над приглашенными, как порыв ветра. Губернатор Каттлсон замер возле накрытого стола, расположенного у противоположной стены. Рядом с губернатором находилась и Зате Ява – ее сверкающее голубым льдом платье было невозможно не заметить. Позади них возвышался суровый мужчина в замше и коже, вероятно, князь Хейнгиль. Там, за губернаторским столом, безопасно. Но добраться туда – все равно что пересечь жерло вулкана. Направленные на Бару взгляды обжигали, как безжалостные солнечные лучи, и ей немедленно захотелось пить.

– Господин губернатор, – произнесла Бару и посмотрела на притихшую толпу. – Ваше превосходительство правоблюститель. Господа князья и княгини, ваши превосходительства члены судейского корпуса… – Среди ярко и пестро разодетой ордвиннской знати судьи Маскарада чернели, точно стайка грачей. – Я с нетерпением жду возможности узнать всех вас столь же хорошо, как и ваши бухгалтерские книги.

У кого-то вырвался приглушенный смешок. Бару вглядывалась в людей, стараясь вычленить давних союзников и лютых врагов. Не князь ли Унузекоме, Жених Моря, по слухам – пират, наблюдает за ней холодными умными глазами? Но горло сдавило при виде такого множества лиц. Медленно, осторожно ступая по паркетному полу, она избегала смотреть на губернатора Каттлсона и Зате, словно говорила себе и толпе гостей: «Они мне пока не нужны».

Но, к ужасу Бару, собравшиеся также отвернулись от нее, вновь разбившись на кружки и группки.

Тогда Бару встретилась взглядом с Зате Явой (ее лицо скрывала обычная черная полумаска) и отчетливо услышала реплику, сказанную нравоблюстителем:

– Бару Корморан? Подозреваю, никто не желает оказаться тем смельчаком, который сообщит ей об этом.

Кто-то коснулся ее локтя. Бару едва не подпрыгнула от неожиданности.

– Добро пожаловать в Ордвинн, – шепнул ей на ухо женский голос.

В афалоне говорившей явственно слышался местный акцент. Обернувшись, Бару оказалась лицом к лицу с уже знакомой всадницей с перебитым носом. Женщина не сменила свою одежду на бальное платье и до сих нор щеголяла в том же самом табарде и в джодпурах[8]. На ее щеках штрихами выделялись резкие красные румяна, а длинные черные волосы были собраны в тугой хвост на затылке.

– Зря вы не отказались от кареты и не проехались верхом. Мужчины вроде Хейнгиля, Охотника па Оленей, сочли вас слабачкой.

Бару отстранилась от женщины, что заставило любопытных, которые уже сгрудились неподалеку, попятиться.

– Мне предложили уроки верховой езды, – ответила она, тщательно следя за правильностью произношения.

– Полагаю, Каттлсон, – с легкой улыбкой сказала женщина. – Не сомневаюсь, он бы не отказался попрыгать с вами в седле.

В толпе прыснули со смеху. Но Бару еще плохо знала Ордвинн и не могла отыскать точку опоры. Что может вызвать возмущение в Ордвинне? Что в рамках приличий, а что – вопреки им? Как много нового: и чужих обычаев, и косых взглядов… Ладно, хватит. Надо ровно дышать, сосредоточиться на этой женщине, затянутой в кожу, и собраться с силами.

– Княгиня, – заговорила она, решившись довериться собственной интуиции и впечатлить любопытствующих, – вы ведь замечательная наездница. Может, мне лучше поучиться у вас?

В толпе зашушукались. Княгиня криво улыбнулась и щелкнула пальцем но стенке своего бокала. Хотя она не снимала перчаток, стекло зазвенело, будто приветствуя Бару на свой лад.

– Тайн Ху, – представилась она. – Княгиня Вультъягская.

«Вультъяг…»

Подробностей об этом княжестве Бару не помнила, но, опознав стахечийское словечко, попробовала найти в нем знакомые корни. «Яг» – это что-то связанное с лесом. Значит, ее владения – далеко к северу. Ту майянские черты лица, ту майянское имя, стахечийский титул, острый язык – все говорило о том, что княгиня скорее враг Маскараду, чем друг. Вероятно, она по-волчьи выжидает, когда жертва ослабеет.

Слабость – обратить в силу. Выявить ее союзников…

– Рада знакомству, княгиня, – ответила Бару, шагнув вперед и, к восторгу и ужасу гостей, взяв княгиню Тайн Ху за подбородок. – Строение черепа говорит о ту майянской крови, но в вашем титуле присутствуют стахечийские корни. Как все символично – лесная владычица, запертая в городских стенах! Дичайшие парадоксы Ордвиниа сплелись в одной женщине. Думаю, я очень многому смогу научиться у вас, Тайн Ху. Может, взамен мне удастся взять вас с собой в Фалькрест и показать столичному высшему обществу великолепный экземпляр местной породы.

Толпа разом смолкла. Бару подумала о том, как выглядит со стороны в мертвенно-бледном платье, белой маске и длинных перчатках цвета вековечных снегов.

Тайн Ху усмехнулась из-под пальцев Бару.

– Вы и сами никогда не бывали в Фалькресте.

– Пока нет.

Тайн Ху склонила голову набок, прищурилась и приоткрыла рот, как будто собиралась что-то сказать, но промолчала. Бару почувствовала внезапное возбуждение от ее ненакрашенных губ, от жгучих темных глаз, от ее прерывистого дыхания. Видя в толпе черный шелк судейских мантий Маскарада, она поняла, на что намекала Тайн Ху. «Иноземка, – будут судачить они, – из страны, известной определенными преступлениями…»

– Аккуратнее, – вполголоса произнесла княгиня Вультъяг. – Правоблюститель всегда начеку, а ее Погреба никогда не бывают полны до отказа.

– Мы с правоблюстителем – коллеги.

Тайн Ху широко улыбнулась.

Квартет музыкантов встрепенулся и заиграл пьесу для гобоя и щипковой лютни. Отпустив подбородок Тайн Ху, Бару сделала шаг назад. Ее сердце стучало как бешеное.

– Губернатор Каттлсон! – воскликнула она, предпочтя отступление катастрофе в руках Тайн Ху. – У вас есть соперник в верховой езде!

Скандализированные гости дружно рассмеялись. Каттлсон, раскрасневшийся от выпитого, громогласно заревел что-то об охоте, а Бару увидела, что Зате Ява ухмылялась из-под черной полумаски, обменявшись взглядами с Тайн Ху, а пиратский князь Унузекоме молча кивает какому-то бородачу.

И в этот момент, наблюдая за толпой гостей (а точнее, за фракциями и партиями, которые собрались в бальном зале), Бару осенило.

Она мысленно повторила древнюю надпись, вырезанную на надвратном камне: «Ордвинн не подчинить».

Из всех возможных хитросплетений интуиция Бару безошибочно выбрала самый опасный сценарий.

Бару мгновенно оценила политические маневры и интриги, основанные на географии и истории Ордвинна. Она вспомнила речи Кердина Фарьера, зловещее приветствие Зате Явы и другие мелкие, но важные детали.

Бунт не просто назревал. Он бушевал прямо здесь, среди князей, в самом сердце правительства провинции. У нее не было ни доказательств, ни улик, ни плана действий. Но бунт уже начался.

* * *

Гости разместились за длинным дубовым столом, который ломился от оленины, уток, щедро политой маслом тыквенной каши, золотистых караваев хлеба и кнедликов с начинкой из телятины. Бару неуклюже ковыряла палочками в своей тарелке: с такими яствами ее желудку никогда не доводилось встречаться! Ела она совсем мало, извиняясь перед сидевшим справа губернатором Каттлсоном и правоблюстителем Зате Явой, которая расположилась напротив Бару.

– Потребуется не меньше недели, чтобы вкусовые и пищеварительные органы привыкли к незнакомым приправам. Это научный факт!

И мысли ее были заняты отнюдь нс едой. «Бару Корморан? Подозреваю, никто не желает оказаться тем смельчаком, который сообщит ей об этом», – сказала Зате Ява. О чем?

О чем-то, связанном с прежним счетоводом?

Когда подали десерт и губернатор Каттлсон взревел, требуя еще вина, она задала свой вопрос.

– Что?! – выпучив глаза, заорал Каттлсон, как будто он собирался перекричать воображаемую бурю. – Вам далее не доложили?

– Странно, – заметила Зате Ява, твердой жилистой рукой наполняя бокал Каттлсона. Голос ее звучал безмятежно, слова текли неторопливо. – Следовало бы донести до нового имперского счетовода столь важные сведения.

– Но вы в полной безопасности! – заверил ее Каттлсон, подкрепив свое заявление ударом кулака по столу. – Под защитой морской пехоты и стен моего дома вас не достать никому! Не то что в этом портовом борделе, где работал Олонори. Его уже после случая с Танифель следовало перевести в другое место, но бедолага настаивал, что должен быть как можно ближе к

торговым судам!

– Простите, – Бару почесала щеку там, где ее касался край маски, – но что случилось с Танифель и Олонори?

– Его превосходительство Су Олонори убили, – извиняющимся тоном произнесла Зате Ява и мило улыбнулась Бару: дескать, что же поделаешь, в такой глуши бывают мелкие нарушения в этикете. – Разрублен на части в собственной постели. Но вам нечего опасаться: отмщение было жестоким и безошибочным. А произошло все только из-за того, что его предшественница, ее превосходительство Фаре Танифель…

– …оказалась изменницей! – очередной удар кулака Каттлсона заставил вздрогнуть и зазвенеть всю посуду, вплоть до дальнего края стола. – Вконец разложившейся злокозненной шлюхой! Ява отдала ее под суд, и я велел утопить ее. Еще бы! Налоги, предназначенные Трону, утекали в леса – возможно, до самых северных границ и даже далее, в крысиные норы стахечи…

– Ясно, – проговорила Бару.

Теперь у нее на многое открылись глаза. Танифель, местная уроженка, переметнулась на сторону мятежников, за что и была казнена Маскарадом. Затем Олонори (ориатийское имя… вероятно, иноземец, а значит, человек, которого труднее подкупить) отказался примкнуть к заговорщикам и, конечно, был ими убит.

Но где Кердин Фарьер? Он ведь должен присутствовать на приеме!

В порту он говорил о местных трудностях. Наверняка он в курсе всех проблем.

Прежде ей никогда не доводилось пробовать вина.

– Правоблюститель, – беззаботно произнесла Бару, – мне, пожалуй, хватит и одного бокала.

Представители княжеств подходили приветствовать счетовода, маскируя свои ходатайства среди витиеватых здравиц и комплиментов.

– Мы желали бы обсудить закон о наследовании и земельные налоги, – прошептала сенешаль княгини Наяуру.

Едва не наступая ей на пятки, представитель Отсфира, князя Мельниц, справлялся о налогах на перевозки по Инирейну. За ним – князь Хейнгиль в охотничьем костюме, откровенно враждебный, оттаявший лишь на время, представляя свою дочь Ри – миниатюрную девушку с острым лисьим взглядом, в затейливых драгоценных украшениях. Отец мрачно смотрел на Бару и сжимал кулаки, стремясь защитить свое дитя от потенциальных врагов.

– Ваше превосходительство, – вымолвила Ри, целуя руку Бару, – ваш пост очень нелегок для иноземца. Надеюсь, никому не

придется жалеть о вашем назначении. Прежде всего – вам самой.

– Вы очень любезны, – ответила Бару с изрядной толикой безрассудства – от вина мысли в голове словно отдавались эхом, а взгляд Ри действовал чертовски обезоруживающе.

– И у нас в Ордвинне имеются достойные юные умы. Наши собственные саванты… – Глядя на дочь, князь улыбнулся одними глазами, но взгляд его снова застыл, вернувшись к Бару. – Мы надеемся, что Имперская Республика не забывает о них.

Бару пришлось задрать подбородок и посмотреть на Хейнгиля в упор.

– Буду рада новым талантам.

– Я озабочена вопросами стабильности во Внутренних Землях. Разногласия в делах инфраструктуры и в порядке наследования между Наяуру и Игуаке… – Отпуская руку Бару, Ри мягко улыбнулась. – Но вы, без сомнения, быстро выявите и разрешите их.

Сбитая с толку немигающим взглядом Хейнгиля, Бару не нашлась с ответом.

Конечно, ей надо быть повнимательнее. Но она едва понимала их афалон с сильным местным акцентом и не могла сосредоточиться на их словах.

Ей просто хотелось откровенно спросить у каждого гостя: «Ты лоялист? Мятежник? Или колеблешься и выжидаешь?»

* * *

После окончания бала возвратившийся от главного старшины корабельной полиции Мер Ло подтвердил то, что ей удалось выяснить. Су Олонори, непосредственный предшественник Бару, был убит неизвестными в собственной постели.

Чудесно. Угроза смерти – замечательный стимул навести здесь порядок. Ее работа в Ордвинне заключалась в обеспечении поступления в Фалькрест налогов и доходов с торговли. Похоже, Парламент сосредоточился на сборе средств для возобновления войны с ориатийскими федерациями.

Но всему свое время.

Следующим утром, на рассвете, она оделась, умылась и вызвала к себе Мер Ло. Приказав подавать завтрак, зажгла свечу в светильнике и устроилась в своем кабинете разбираться в имперской финансовой отчетности. Парламент – или Кердин Фарьер со товарищи – назначил ее на эту высокую должность, несмотря на то что в Ордвинне неспокойно. Разумеется, в ее распоряжении должно быть пол сотни подчиненных, способных

поддержать Бару, смягчить ее незрелость и отсутствие опыта.

Увы, Бару ожидало разочарование.

Су Олонори, который рьяно искоренял коррупцию, насажденную Фаре Танифель, отправил в отставку всех до единого. Педантичный, мелочный и подозрительный Су Олонори вел собственные счетные книги непостижимой скорописью. Забавно, но прежний счетовод игнорировал не только принцип двойной записи, но и вообще какой-либо ясный математический смысл!

Конечно, каждое ключевое подразделение в Ордвинне – будь то Имперская коммерческая фактория и ее Фиатный банк, Судейский корпус, сумбурное правительство провинции, а также вся князья и княгини – должно было вести собственные счетные книги. Записи в них сплетались в паутину прихода и расхода, и, глядя на эту сеть, можно было получить исчерпывающее представление о раскладе сил в Ордвинне. Нельзя нанять судно, обработать землю, создать армию без перехода денежных средств из рук в руки.

Именно счетные книги служили Бару подзорной трубой, картой, мечом и законом.

Но раньше в кабинете счетовода корпел над бумагами Су Олонори! Бару с трудом удалось разобрать его записи по датам, отставив в сторону назначение и происхождение платежей. Просить о помощи было некого. В штатном расписании значился только личный секретарь и несколько домработниц на жалованье. До самой гибели счетовод вел имперские счетные книги в одиночку.

Среди документов обнаружился клочок пергамента с неразборчивым почерком Су Олонори: «В. – продано много земель –?». Далее шел текст на ориатийском – что-то заставило Олонори сбиться на родной язык.

Раздался стук в дверь. Бару встала и, подойдя к порогу, распахнула ее.

– Достаточно сказать «войдите», ваше превосходительство. В Фалькресте меня научили управляться с дверьми, – заметил Мер Ло, опуская на письменный стол поднос с завтраком. – Я подобрал для вас теплую одежду. Размеры запомнил, помогая вам облачаться в бальное платье. Губернатор интересовался, не соблаговолите ли вы составить ему компанию за обедом.

– Думаю, да, – ответила Бару, захлопнув самую толстую счетную книгу Су Олонори. – Отыщи грамотную женщину, говорящую по-ориатийски, и найми ее. Пусть отложенные мной фолианты отнесут в подвал. Позже их надо перевести на афалон.

– Но это ключевые книги, ваше превосходительство! – Мер Ло

отскочил на полшага назад, будто вспугнутая птица. – Без них невозможно вести учет!

– Я собираюсь начать все заново. И я буду в постоянных разъездах. Найди мне надежную карету с кучером. – Взрезав ножом грейпфрут, Бару ухитрилась брызнуть соком прямо в Мер Ло. – Прости! Кстати, как раз вспомнила: отыщи Кердина Фарьера и назначь с ним встречу. А потом надо нанимать персонал. Потребуются люди, которым можно доверять, значит, мне понадобится совет правоблюстителя. Поэтому назначь встречу и с ней.

– Ваше превосходительство, к правоблюстителю следовало бы обратиться через губернатора.

– Мы – служба имперского счетовода! – рявкнула Бару, злясь на унаследованный хаос.

Неужели она будет вынуждена тратить свое время и силы на то, чтобы приводить в порядок хаос, устроенный Су Олонори! Похоже, проклятые технократы, изучающие ее характеристики, решили, что лучшего применения ее талантам не найти.

– Нам не пристало сидеть здесь, подобно школьнику, и умолять о деловых встречах! В наших руках, Мер Ло, фонды жалованья! Все они работают на меня, а не наоборот. Напомни им о данном факте.

– Это просто громкие слова, ваше превосходительство, – негромко заметил Мер Ло. – И ответный удар последует незамедлительно.

– А кроме слов у меня ничего и нет. – Ругнувшись на неподатливый грейпфрут, Бару оторвала истекающую соком дольку мякоти, которая распалась на кусочки в ее пальцах. – Старые книги нам не помогут. Фиатный банк может печатать деньги и раздавать их князьям горстями, а мне останется только закрыть на это глаза. Я не сумею привлечь их к ответственности, пока судейскими управляет двуличная Зате! А уж после смерти Олонори я даже в собственной постели спокойно спать не смогу…

«Надоело! – едва не вырвалось у нее. – Хочу в Фалькрест – к телескопам, геометрическим теоремам и морскому планктону, светящемуся в темноте! Хочу изучать мир, а не возиться с убогими людишками и их поганой страной! Я собираюсь спасти свою родину!»

Наступив на горло собственному отчаянию, Бару яростно и молча вытерла липкие от сока грейпфрута ладони о подол платья. Мер Ло скривился, утратив толику своего непрошибаемого почтительного спокойствия.

– Но, в конце концов, вы – чиновник Имперской Республики, носящий маску и вооруженный печатью технократа, а не наемник

из провинции.

– Ну и что? – Бару поразмыслила над напоминанием Мер Ло в попытках извлечь из него хоть какую-то пользу. – Мой чин позволяет запрашивать помощь имперских вооруженных сил. Пожалуй, стоит воспользоваться ими для демонстрации силы. Но по закону гарнизонами в Ордвинне распоряжается губернатор. С чего бы ему отдавать своих солдат… – Не удержавшись, Бару на миг поддалась жалости к себе. – С чего бы ему отдавать их непроверенной девчонке с далекого острова?

Мер Ло покосился на грейпфрут и подал Бару льняную салфетку, сложив ее безукоризненным, словно косой парус, треугольником.

– Наш фрегат «Лаптиар» пока здесь, – заметил он, – и простоит в порту не меньше недели.

– Отлично! – вырвалось у Бару, и она даже расправила плечи.

Глава 5

Окрыленная появившейся перспективой, Бару мигом составила письмо капитану «Лаптиара» и отправилась на званый обед к Каттлсону.

Столовая в особняке губернатора оказалась красивой. Свет, проникающий снаружи сквозь окна в рамах из красного дерева, заливал ее целиком.

Бару решила, что в столовой должно быть тепло, но нет – стоило сесть за стол, как она задрожала. Ордвинн был страной холода, и Бару нс сиделось на месте. Хотелось двигаться, побежать в кабинет или помчаться в гавань и продолжить работу над своим планом.

Когда Каттлсон покончил с третьим бокалом вина, она сообразила, что и губернаторский обед тоже может стать частью ее плана.

– Мы жаждем им помочь, – заговорил Каттлсон, окидывая взглядом амбразуры окон и съежившийся внизу город. – В каждом отчете в Фалькрест пишу одно и то же. Это видно по всей статистике переписи и учета. Богатство, раздаваемое князьям, чтобы они были довольны, доходит и до крестьянства. Таким образом, мы протягиваем им руку помощи. Пока мы не особенно щедры. К сожалению, на то есть веские причины.

Из вежливости Бару коснулась губами края бокала.

– Будем выжимать из Парламента смену налоговой политики?

– Парламент… – Губернатор презрительно фыркнул. – Парламент – это спектакль на публику. Решения принимает Трон.

Он резко поднялся и подошел к окну.

Бару задумалась.

Трон… Император под Маской… А если Кердин Фарьер и есть самодержец, снявший маску на время? Нет. Абсурд.

– Таково бремя империи, – изрек губернатор, коснувшись оконного стекла и указывая на город. – Мы знаем, как выручить людей и посодействовать им наилучшим образом. Но порой нужно чуть-чуть уменьшить помощь ради возможности увеличить ее в будущем. Понимаете, к чему я, дружище превосходительство?

– Нет, – простодушно ответила она, пытаясь внушить губернатору роль отца, наставника, старшего товарища. – Все, что принес Маскарад на Тараноке, очень помогло нам.

– Тараноке! – рассмеялся губернатор. – Я часто слышал много разного о нем от нашего странника Кердина Фарьера. Теплые

зимы, доступные женщины…

Внезапно он нахмурился, точно делая выговор или обуздывая норовистого коня. Квадратное лицо, мощная челюсть, кожа цвета мореного дуба… На миг Бару даже подумалось, что на уме у этого человека, назначенного на должность Парламентом, нет ни тайных планов, ни политических махинаций, и скрывать ему нечего. Однако открытость и честность его слитком выставлены напоказ. Вероятно, он ведет свою собственную искусную игру.

– Прошу прощения, госпожа, – продолжал он, – вовсе не хочу вас обидеть, но здесь вам не Тараноке, понимаете? Наш край – холодный, неприветливый и промерзший насквозь. В каждой долине – князь при ораве голодных грязных смердов, копающихся в земле, чтобы обеспечить скудное пропитание. Их дети гибнут… полиматы говорили мне, что потерять одного из трех за зиму для них обычное дело. Они уверяли меня, будто именно поэтому никакой любви к детям у туземцев нет. Но я-то видел, как плачут матери! Один из трех – и это еще в хорошую зиму!..

Бару кусала губы. На Тараноке детям не угрожало ничего. Их не делили на чужих и своих, они всегда были окружены отцами и прочей родней. Они росли в тепле и любви. Вновь пригубив вина, она приготовилась слушать дальше.

Каттлсон выпрямился во весь рост. Волчья мантия на нем собралась в глубокие складки, пошла штормовыми волнами.

– Я хочу научить их санитарии и гигиене. Хочу отстроить дороги, увеличить урожаи, отправить по доктору-гигиенисту в каждую деревню. Пусть у каждого в Ордвинне будет кусок

мыла. Но если крестьяне сыты и довольны, князья не боятся бунтовать. Что бывает в таких случаях? То, что ими невозможно править. Как вы думаете, что Парламент спросит у нас, если стахечи вновь перевалят через горы и двинутся на юг? Как мы сможем обороняться?

Какие расчеты в том же роде делались на Тараноке? Ради каких выгод они заражали людей моровым поветрием, сберегая прививки только для завербованных ими детей? Ради чего они проявляли такую жестокость? Нет, горевать нельзя. Бару прошла через это еще в школе.

– Арифметика власти жестока.

– Арифметика… – повторил губернатор и безрадостно хмыкнул. – Сказать вам, чего мне недостает в моей должности? Я хочу видеть детей Хейнгиля и Радашича на охоте, а не на похоронах. Хочу подыскать достойного мужа для Хейнгиль Ри, понаблюдать за их кровной линией и представить изящный отчет в Комитет инкрастического мышления. Но я постоянно слышу: «Держи их в розни и страхе, чтобы не могли обойтись без

нас!» Знаете, как я сделал князя Хейнгиля верным другом и братом? Я показал ему, что могу подарить его детям весь мир! А Парламент заявляет: «Пусть эти дети сгниют!»

Вряд ли в таком настроении он был готов выслушать дурные вести, но Бару заговорила, надеясь перевести гнев губернатора на что-нибудь менее серьезное:

– Главные счетные книги велись отвратительно. Надо восстанавливать их по отчетности па местах. Надеясь на ваше понимание, я начну с Фиатного банка: глупо двигаться к ветвям, не убедившись, что ствол крепок.

– Как вам будет угодно, – отмахнулся губернатор, прислонившись лбом к оконному стеклу. – Занимайтесь арифметикой, к которой у вас, по словам Фарьера, выдающиеся способности. Зате Ява будет гоняться за икарийскими сектами и пьяными содомитами, задрав хвост. А я буду писать на родину: «Мы помогаем им».

– Меня беспокоит возможность восстания.

– Вы – новичок, – с невероятной усталостью в голосе произнес губернатор. – Ордвинн, угрожающий восстать, – все равно что ревнивая любовница, флиртующая с другим напоказ. Вы скоро привыкнете.

Бару не могла позволить себе поддаться жалости, но губернатор был слишком слаб.

– Опасные речи, – заметила она. – Могут повредить вам, если достигнут чужих ушей.

Ведь это угроза, не так ли?

Губернатор подобрался, вдохнул, собираясь ответить, но ничего не сказал.

– А Фарьер не соврал, – вымолвил он после долгой паузы. – Вы развиты не но годам.

– Ваше превосходительство, меня ждут дела в порту.

– Ступайте, – буркнул он, не оборачиваясь. – Завтра я отправляюсь на охоту с князем Хейнгилем.

– А когда вы вернетесь, мы сможем прогуляться верхом, – терпеливо произнесла Бару.

По предложенный бальзам не помог уязвленной гордости. Плечи губернатора обмякли, и он умолк: то ли от стыда, то ли от неловкости.

* * *

Бару загодя отправила на «Лаптиар» весточку о своем прибытии, скрепив письмо личной печатью технократа. В окне

кареты она увидела, что морские пехотинцы в красном – безликие под стальными масками – уже выстроились на берегу. Они походили на свору лисиц, вышедших из леса мачт и соли.

Крик чаек заглушал ржание запряженных в карету лошадей. К некоторому удивлению Бару, ей подала руку и помогла покинуть экипаж не кто иной, как лейтенант Амината.

– Ждем приказаний вашего превосходительства!

Вдохнув соленый морской воздух, Бару выкинула из головы мысли о доме.

– Мои полномочия вам известны?

– Капитан подтверждает ваши полномочия. В отсутствие прямых приказов от адмирала флота провинции мы подчиняемся старшему из представителей Империи на суше.

– Хорошо. В отсутствие губернатора или правоблюстителя приказы отдаю я. При появлении губернатора или правоблюстителя – проводить их ко мне, и я объяснюсь с ними. Вопросы есть?

Бару одернула обшлага теплой накидки – какая тяжелая и колючая шерсть! Амината молча ждала, когда она закончит поправлять символический кошель на цепи и ножны с саблей.

Последний вдох…

– Тогда – становись! Ступайте за мной.

Вся власть над Ордвинном, которую она имела, зиждилась на деньгах. Большую их часть составляли фиатные бумаги Маскарада, не обеспеченные ничем, кроме выверенной монетарной политики. Любой идиот в провинциальном банке мог обрушить стоимость фиатного билета, напечатав слишком много или мало купюр.

Увы, без счетных книг у Бару не было возможности держать этого полуреального идиота под контролем.

– Куда, ваше превосходительство? – спросила Амината, догоняя Бару.

Колонна морских пехотинцев размеренным шагом двинулась следом.

– В Фиатный банк, – ответила Бару. – Для ревизии счетов.

– И вам требуется морская пехота?

Ради лейтенанта Аминаты Бару позволила себе улыбнуться.

– Я бы справилась и одна, но морские пехотинцы могут пригодиться мне в любую минуту, – призналась она. – С ревизором шутки плохи, верно?

А еще Бару хотела продемонстрировать зевакам, наблюдающим из пактимонтских переулков и подворотен, что в распоряжении нового счетовода имеется целая воинская команда.

* * *

До того как Маскарад захватил Лахту и переименовал ее в Пактимонт, Фиатный банк был охотничьим домиком. Дубовые стропила и балки потемнели от копоти, стены до сих пор были увешаны трофеями. По пути Бару разглядывала оленьи головы, со скрытым изумлением считая отростки на рогах.

– Рогатый конь, – констатировала она. – Надо же!

– Простите? – проскрипел мужчина, стоявший рядом.

Гарнизон Пактимонта охранял банк силами подразделения солдат регулярной армии, верность которых, несомненно, была подкреплена щедрыми премиальными. Выстроившись на площади перед банком, они сперва ощетинились копьями на приближающуюся колонну морских пехотинцев «Лаптиара». Но когда Бару взмахнула кошелем с блестящей печатью технократа на стальной цепи, строй послушно расступился в стороны.

Теперь на крыльце банка несли вахту морские пехотинцы Аминаты, а Бару строчила распоряжения.

«Все счетные книги без исключения скопировать для собственных нужд, оригиналы предоставить мне».

«Все ордера на печать денег и квитанции от печатников скопировать для собственных нужд, оригиналы предоставить мне».

«Все балансы расчетных счетов – см. выше».

«Все наличные ценности предоставить моим солдатам для пересчета вручную».

Принципал-фактор Фиатного банка провинции Ордвинн замер возле Бару. Макияж его стекал с лица вместе со струйками пота. Бел Латеман оказался симпатичным по фалькрестийским понятиям юношей, по имеющимся у Бару сведениям – одаренным и просвещенным. Одет он был столь изысканно, что Бару сочла его костюм свидетельством честности: вряд ли кому-то придет в голову настолько открыто хвастать приверженностью к взяткам и коррупции.

Его документами и печатями она интересоваться не стала: ей не хотелось создавать впечатление личной неприязни.

Тишину в помещении нарушал лишь скрип ее пера. Писари и факторы не шевелились и изредка ежились под взглядами морских пехотинцев. Бару с трудом сдерживалась, чтобы не смаковать их лица – все вместе и каждое в отдельности – точно леденцы на прилавке…

Похоже, она застала их врасплох. Они были в смятении, и правые и виноватые. Как же они боялись, что Бару сейчас что-то обнаружит!

Наверное, именно так себя чувствовали и школьные учителя. И, разумеется, Дилине.

– Я восхищаюсь охотничьими трофеями на стенах, – сказала она принципал-фактору, подписывая палимпсест па афалоне. – Никогда прежде не видела ничего подобного. Возьмите мой приказ и немедленно приступайте к его исполнению. Я подожду в вашем кабинете. Затребованные документы пусть доставят туда.

Принципал-фактор поджал губы, стараясь сохранить невозмутимость. При виде кошеля на цепи его ударило в пот, и с той самой минуты бедняга потел не переставая. Должно быть, он думал: «Двое прежних мертвы, а эта девица, видимо, давно свихнулась, если согласилась занять пост счетовода».

– Документацию я вам, конечно, предоставлю, хотя ваша просьба и весьма необычна. Но открыть хранилища для пересчета вручную мы не можем. Особенно – для этих солдат. Ваше превосходительство, поймите, они ведь покинут страну в течение недели! Что может удержать их от кражи? Преступная безответственность у нас не в чести!

– Согласна.

Внешность и характеристики принципал-фактора не лгали: его старательность и пунктуальность и впрямь оказались на высоте. Бару задумалась, теребя шнуровку перчаток.

– Лейтенант Амината! По пути в Фалькрест у вас будет время, чтобы обыскать «Лаптиар», верно? Выполните мой приказ. Каждого, кого поймаете на контрабанде, протащите иод килем.

Назначать наказания военнослужащим было не в ее компетенции, однако Амината лихо отсалютовала в ответ. Бару холодно – только бы скрыть теплые чувства – улыбнулась Аминате.

Не выдержав стремительной атаки, несчастный принципал-фактор отправился в промерзшие подвалы открывать хранилища для проверки, а Бару осталась в его кабинете. Расхаживая из угла в угол, она думала, разумно ли действовать так жестко с первого же дня.

Бледнолицая женщина-стахечи в мохнатой медвежьей шубе принесла ей пива (вероятно, местной воде в Ордвинне не доверяли) и тихо процедила:

– Бел Латеман очень добросовестен. Однако при его покойном превосходительстве Олонори был такой беспорядок, что у меня на душе все еще тревожно. Пожалуйста, будьте к нему помягче. Он в жизни своей ни разу не отступил от правил.

– Ревизия покажет.

Бару захотелось тотчас извиниться – из жалости к Латеману и из уважения к верности его подчиненных. Но женщина в

медвежьей шубе лишь поклонилась и подала ей кружку. Ее глаза были черны, как крыло буревестника.

– Меня зовут Аке Сентиамут, я отвечаю за взаимодействие с печатниками. Что бы вы ни обнаружили, ваше превосходительство, об одном прошу: не будьте чрезмерно строги к Белу Латеману. Он всегда добр к нам…

Сентиамут. Это имя Бару помнила по налоговым ведомостям – семья откуда-то с дальнего севера. В ней шевельнулось сочувствие к Аке, вынужденной оставить дом, чтобы служить в Пактимонте. Но она не могла позволить себе проявлять мягкость и раскисать.

– Он – принципал-фактор банка и несет ответственность за все происходящее и своих подчиненных.

– Вы правы, ваше превосходительство, – ответила Аке Сентиамут, не поднимая головы. – Боюсь только, что Латеман возьмет на себя и чужую ответственность.

Оставив кружку на столе, она вышла прежде, чем Бару успела ответить.

Наконец принципал-фактор вернулся в сопровождении колонны секретарей. Служащие тащили кипы вощеных палимпсестов, источающих едкую вонь овсяных отрубей. Бару молча подождала, пока они разберут документы и усядутся за переписку. Спустя несколько минут она отыскала новенькое перо и присоединилась к их угрюмым рядам.

Бунт был виден во взглядах Тайн Ху и Зате Явы. Мелькал на географических картах и в учебниках истории. Но смердеть он должен был именно здесь.

Бару уже казалось, что столбики цифр подгнили где-то на последних страницах записей.

Рука Аминаты коснулась ее плеча, заставив вздрогнуть, пробудив от рабочего транса.

– Пересчет идет полным ходом, ваше превосходительство. Хранилища набиты драгоценностями, собранными за последний налоговый период, поэтому потребуется немало времени.

Как глубоко успела просочиться гниль? Каких высот достиг бут? Возможно ли, что следы насажденной Фаре Танифель коррупции, которую столь отчаянно искоренял Су Олонори, до сих нор здесь, в этих счетных книгах? А способен ли имперский счетовод предотвратить бунт?

Интересно, когда бунтовщики придут за ней, чтобы убить или отдать под суд?

– Благодарю, лейтенант, – сказала Бару, пристукнув пальцем по ее руке – раз, два – точно школьный учитель по столу. – Но воздержитесь от фамильярностей.

* * *

Для того чтобы получить копии со счетных книг, потребовался целый день и усилия дюжины банковских писарей. Еще одна ночь потребовалась морским пехотинцам, сменявшим друг друга, дабы покончить с пересчетом наличных ценностей в хранилищах. К вечеру прибыл Мер Ло с горячим кофе и едой. Секретаря сопровождал караван слуг, с помощью которых Бару организовала доставку оригиналов банковских документов в свою канцелярию.

Согласно букве закона она зашла слишком далеко. Оригиналы следовало хранить в помещениях Фиатного банка. Но Бару решила рискнуть. Ей необходимы банковские документы – без подчисток и поправок. Без порядка в ведении имперской финансовой отчетности она слепа и бессильна. А без сильной руки и острого глаза Ордвинн запросто вышвырнет ее за борт и утопит.

Вернувшись в башню, она обнаружила Кердина Фарьера, который дремал за столом. Скрип открывающейся двери разбудил его, он встал, лениво сощурился и уставился на Бару в чопорном молчании.

– Ты хотела встретиться со мной?

Рявкнуть бы на него, выкрикнуть ему в лицо единственно разумную вещь: «Здесь мой кабинет! Убирайся прочь из моей башни! Вон из моей провинции! Или говори прямо, зачем послал меня сюда!»

Медленно расстегнув накидку, Бару повесила ее на спинку стула и посмотрела на низкий столик, где поблескивала бутыль вина. Она налила в два бокала рубиновую жидкость уверенным жестом, словно сама выбирала вино.

– Рада видеть тебя, – произнесла она. – Присаживайся.

«Только не на мое место».

Хмыкнув, он с басовитым стоном потянулся. Мешки под его глазами свисали вниз темными полумесяцами.

– Замечательный кабинет. Какой прекрасный сводчатый потолок! Здесь потрудились каменщики-стахечи: они работали для нового князя Лахты – он, кстати, исчез. Куда – даже его сестра Ява не ведает, если ей верить, конечно. Его называют Незримым Князем, но я подозреваю, что он слишком застенчив – возможно, сказывается детство, проведенное в обществе Явы… О чем бишь я? Да, о зодчестве. С мастерами стахечи не сравниться никому: талант архитекторов у них в крови. Позор прежним счетоводам, о чем они только думали?

– Несущественно, – фыркнула Бару, огибая стол и занимая

свое место. – Мое дело – исполнять свои обязанности наилучшим образом. А несчастья, постигшие Олонори и Танифель, – уже часть истории. Мне незачем знать, что предыдущий имперский счетовод был убит. Я не хочу отвлекаться на такие детали.

То был упрек «Почему ты мне не сказал?» Но Кердин Фарьер не стал отвечать. Он укоризненно покачал головой и произнес:

– Историю надлежит знать, она вовсе не только «отвлекает».

Бару с нарочитой усталостью пожала плечами, изучая его круглое лицо, плоский нос, жир, накопленный за годы, проведенные на Тараноке. Виски его тронуло сединой. Вероятно, он умрет раньше нее. Что она подумает, когда этот день настанет?

– Изменить историю не в моих силах, – парировала она, – значит, к моей работе она не относится. Я могу лишь справляться со своими прямыми обязанностями.

– Хорошо, – протянул Фарьер, барабаня пальцами по столу. – Когда ты рассуждаешь подобным образом, я понимаю, что на Тараноке ты научилась многому. Но история напрямую связана с твоей работой.

– Ты сделал меня счетоводом, а не ученым.

– У нас, между прочим, есть Император, – сказал Кердин Фарьер, принюхиваясь к бокалу с вином. – Он правит из Фалькреста, а нянечки кормят его кашицей и подтирают ему зад. Когда он умрет, на его место, как и прежде, поставят нового, и под маской никто не заметит разницы – меняйся он хоть каждый день. Ты когда-нибудь задумывалась, отчего так?

– Он правит лишь номинально. Настоящая власть – в руках Парламента.

Однако Каттлсон считает иначе. «Спектакль на публику…»

– Это ответ для младших классов.

Нет, Кердин не вел с ней педагогическую игру. Разочарование его казалось настоящим и весьма жестоким. Бару вспомнила то, что видела в его взгляде давным-давно, многие годы назад, и едва подавила дрожь.

– Школу мне выбрал ты.

– История всегда вызывала у тебя скуку. Вот твоя главная слабость, Бару.

– Я – имперский счетовод провинции Ордвинн, – негромко вымолвила она. – А ты – торговец шерстью Кердин Фарьер. Не важно, в каком долгу я перед тобой и что ты для меня сделал, теперь изволь оказывать мне подобающее почтение.

Бару понимала, что становиться в подобную позу – ребячество и глупость, ведь он не мог быть обычным купцом. Но она надеялась поймать его на крючок гордыни.

– Когда произошла революция, – заговорил он, – мы – да, «мы», хотя я даже еще не родился в то время – приняли решение свергнуть аристократию и построить народную республику. Однако никто не верил, что Парламент будет править должным образом. Многие сомневались, что они смогут действовать слаженно и решительно, если, к примеру, с севера явятся стахечи, вновь поднимутся ту майя или федерации Ориати объединятся под началом общего вождя и обретут новые амбиции. А еще их пугало, что слухи с востока – из-за Матери Бурь – могут оказаться правдой. Случись что, Парламент наверняка немедленно погрязнет в коррупции, взятках и протекционизме. И тогда наши химики предложили решение проблемы.

Фарьер заговорщически подался вперед.

– Каждые пять лет мы выбираем в императоры мудрого и ученого гражданина. Он или она принимает секретное снадобье, вызывающее амнезию. Под императорской маской этого человека не может узнать никто, а под воздействием снадобья он лишается личных воспоминаний. Однако познания о мире – о его истории и географии, о политических и экономических факторах – остаются при нем. Но он не имеет ни малейшего представления о том, кем был до того, как стать Императором!

Теперь Бару гадала, что это – гордость, которую ей удалось уязвить, или история, которую ей следует постичь.

А Кердин Фарьер откинулся на спинку кресла, всем видом своим изображая глубокое удовлетворение.

– Разумно, не так ли? Человек, не знающий, кто он такой, лишен своекорыстия. Не отвлекаемый от общего блага ни семьей, ни богатством, он будет править честно и справедливо. Когда же срок истечет и действие снадобья прекратится, он вернется к прежнему своему положению, будь то нищий или глава торгового дома. Он пострадает или выиграет от своей собственной политики наряду с остальными. Прекрасный выход из ситуации, правда?

– Только вот про снадобье – вранье, – догадалась Бару. – Химики и не научились делать его!

– Естественно, – усмехнулся Кердин Фарьер. – В действительности Императора коронуют проще: прокол сквозь глазницу и много-много слюней. Но толпа верит в снадобье и в маску. Люди считают, что овощ на Безликом Троне – один из них.

Сказано было – прямее некуда, но Бару в качестве уступки подвела итог:

– Ты пишешь свою собственную историю. Вот что дает тебе власть.

В другом, более игривом настроении он мог бы изобразить

облегченный вздох. Но не сейчас. Голос его звучал резко и ровно:

– Если ты хочешь достичь большего и намерена занять пост, которого, по-твоему, достойна… – Он поднял бокал и посмотрел на темно-рубиновую жидкость. – Если ты жаждешь заполучить настоящую власть – ту самую, что сделала нас повелителями твоей крохотной родины, то ты должна научиться управляться с любыми ее формами.

Пламя свечей на столе всколыхнулось от его выдоха.

– Кто ты? – прошептала Бару, не в силах сдержать любопытство. – Кто ты такой?

Кердин Фарьер поставил бокал на стол и вытянул руки перед собой.

– Здесь Парламент, – произнес он и поднял правую кисть. – А тут – Император на Безликом Троне, – добавил он и поднял левую руку.

Продолжить и завершить метафору он предоставил ей самой: за пустыми ладонями оказалась его голова.

– Ордвинн вскоре восстанет, – сообщила Бару. – А для мятежей требуются деньги. Поэтому ты и сделал меня счетоводом. Чтоб я нашла доказательства этому в счетных книгах.

Кердин Фарьер поднес к губам бокал и отхлебнул из него.

– Однажды я поспорил с моим товарищем Исихастом, – изрек он. – Он уверен, что ваша раса изначально неспособна к правлению. Что легкая островная жизнь и культура негигиеничных склонностей сделали вас мягкими и послушными. По его мнению, вы способны заниматься только земледелием и рыболовством, а в свободное время бездумно развлекаться. А еще он утверждал, что вам от рождения предопределено быть слугами, а не хозяевами, – поэтому мы и правим вами.

Бару напряглась.

– А ты?..

– Я поспорил с ним и сказал, что ты предотвратишь мятеж, – улыбнулся он, салютуя ей бокалом. – Но мне пора. У тебя уйма работы. Надеюсь, что мы увидимся в Фалькресте.

– Кто убил Су Олонори?

– Понятия не имею. Но я даже не пробовал выяснить. Наверное… – Кердин Фарьер на миг задержался на пороге. – Думаю, те же бунтовщики, которые явятся сюда, дабы убить тебя, когда ты вплотную приблизишься к заговорщикам и попробуешь остановить их.

* * *

И Кердин Фарьер убрался восвояси. Бару отчаянно – до ломоты в висках – захотелось узнать побольше. Да, она выяснила многое и заполучила информацию о Троне, о Фарьере, об его коллегах, об их испытаниях… Но нераскрытыми остались и другие ужасные тайны. Что на самом деле творилось здесь, в Ордвинне?

Бару погрузилась в размышления. Нет, медлить нельзя. Она уже стала частью секретов и превратилась в винтик правительственного аппарата.

Пришел час схватиться со зверем, пожравшим отца Сальма.

Не предупредив о визите, она отправилась в Погреба – в белой маске и в перчатках. Небрежно взмахнула знаком технократа перед физиономией часового у ворот, оттиснула личную печать в вахтенном журнале. Миновала несколько уровней досмотра и бдительности. И очутилась в стерильном, добела отмытом бетонном коридоре, залитом масляно-желтым светом.

В самом сердце власти Правоблюстителя Зате Явы.

Из камер нормализации доносился перезвон колокольчиков. Возле хирургических кабинетов квартет музыкантов играл на гобоях и лютнях. На стене висела табличка: «ПРОСИМ НЕ МЕШАТЬ УМИРОТВОРЯЮЩЕЙ МУЗЫКЕ».

Бару шагала но крылу кратковременного пребывания.

– Здесь те, кто нуждается в незначительной коррекции, – объяснила сопровождавшая ее чиновница, пухлая фалькрестийка, точная, немногословная, просто-таки воплощение гениальности. – Эта женщина, например.

Худощавая простолюдинка-стахечи, пристегнутая к металлическому креслу, смотрела на обнаженных мужчин, которые приближались к ней, а затем отходили назад. Некоторые – светлокожие, среднего роста, с подчеркнутым легким, на скорую руку нанесенным макияжем – замирали на расстоянии ладони, и в такие моменты звучала негромкая нежная нота. Женщина расслаблялась и тянулась губами к трубке у рта – но ней подавалось некое жидкое снадобье.

Но при приближении других мужчин – смуглых, высоких, более мускулистых или более привлекательных – камера оглашалась резким, невыносимым жужжанием и наполнялась вонью.

– Добровольное согласие на привитие супружеской верности в целях сохранения брака, – говорила чиновница. – Мудро. О ее поведении доложили двое социальных проксиматов пациентки. Ее могли привлечь к ответственности за гедоническую социопатию или врожденную мисконъюгацию.

– Метод?

– Банальная нормализация. Сочетание положительных стимулов с внешними характеристиками мужа. Если это не подействует, перейдем к внедрению нормализующих поведенческих шаблонов, мануальной стимуляции и стерильной конъюгации с заместителем. Крайняя мера – диагноз «врожденный иммоногамический дефект» и стерилизация.

Бару от души порадовалась, что лицо ее скрыто под маской.

– А хирургическое вмешательство? – спросила она, вспомнив о предостережении Аминаты, о той угрозе, от которой сжималось все ее нутро. – Чтобы конъюгация не могла доставлять удовольствие… Такие операции вы выполняете?

Тайн Ху остановилась, посмотрела на Бару в упор и улыбнулась изогнутыми, словно рекурсивный лук, губами. Дыхание ее было ровным, осанка – уверенной, и при том она явно не испытывала отвращения или страха.

Нет, Бару не попадется в ловушку! Бару хладнокровно отбросила прочь возникший перед глазами образ и навязчивые мысли.

Затем чиновница смерила Бару оценивающим взглядом и пошла вперед.

Бару показалось, что за ее глазами блеснули очи самой Зате Явы.

– Сожалею, ваше превосходительство. В крыло соматического вмешательства посетители допускаются только по прямому разрешению правоблюстителя. Но проводимая здесь нормализация поведения не менее важна. Структура ордвиннской семьи требует жестких коррекционных действий. Особенно это касается кровных линий ту майя.

По дороге они миновали камеры ожидания. Первая была полна мужчин и женщин, ожидавших оформления и назначения судей. Обвинения, степень риска, характер ареста были отмечены на специальных ярлыках:

ВЗЯТ НА ОСНОВАНИИ СОЦИАЛЬНО-ГИГИЕНИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ.

ВЗЯТ ПО ДОНЕСЕНИЮ СОЦИАЛЬНОГО ПРОКСИМАТА.

ВЗЯТ НА ОСНОВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ТАЙНОЙ ВЫБОРОЧНОЙ ПРОВЕРКИ ЛОЯЛЬНОСТИ.

ВЗЯТ ПО ДОНЕСЕНИЮ СОЦИАЛЬНОГО ПРОКСИМАТА.

ВЗЯТ ПО ДОНЕСЕНИЮ СОЦИАЛЬНОГО ПРОКСИМАТА.

ВЗЯТ ПО ДОНЕСЕНИЮ ВНЕДРЕННОГО ИНФОРМАНТА.

ВЗЯТ КАК ПОДДАВШИЙСЯ КОНТРОЛЬНОМУ СОБЛАЗНЕНИЮ.

В соседней камере находился прикованный к креслу и накачанный наркотиками человек, который стонал от химического блаженства. Чиновник в маске, белой, точно выбеленная временем кость, декламировал нараспев:

– Фалькрест. Маска. Гигиена. Инкрастия. Лояльность. Подчинение.

Раздался удар скрытых цимбалов. Чиновник поднес к лицу человека курильницу, дымящуюся ядовито-желтым. Цимбалы продолжили звенеть – ритмично, ненадоедливо…

– Бунт, – донеслось из-под маски. Человек в кресле пронзительно завизжал. – Восстание. Девена. Химу. Видд…

Новой каретой, предоставленной Бару для возвращения домой, правил пьяный старик. Совершенно выведенная из равновесия, она едва кивнула в ответ на его приветствие.

– Меня зовут Седобородый – из-за бороды моей, ясно дело. Знаю весь город, вплоть до сточных клоак!

Бару плюхнулась на сиденье и лишь спустя несколько минут поняла, что он возит ее кругами.

– Вы бы осторожней, ваше превосходительство, – посоветовал старик, поблескивая синими вороньими глазками в свете фонаря. – А если б я отвез вас в Северную гавань и отдал какому карманнику с ножом? А то с последним счетоводом, которого я возил, вон как кончилось!

– Зате Ява услышит об этом, – прошипела Бару.

Она думала о Погребах и о судьбе, постигшей Сальма. Каково ему было, схваченному среди ночи и отправленному в лагерь ожидания, в яму, в карцер отходящего корабля, чтобы «нормализоваться» под ножом и наркотиками или уж лучше (пожалуй, лучше) умереть в агонии?

Седой расхохотался в ответ сухим, безжизненным смехом безумца.

– Еще бы ей не услышать!

Однако вскоре экипаж остановился у особняка губернатора.

Глава 6

Кошмары Погребов мучили Бару всю ночь. Поутру, кряхтя и ругаясь, она принялась за флотский комплекс упражнений, чтобы воспоминания оставили ее, ушли прочь с потом и мощными выдохами. В конце концов она смогла снова сосредоточиться на ревизии.

Умывшись, одевшись и снарядившись (жилет, кошель, матросские сапоги – своего рода латы имперского чиновника), Бару вызвала Мер Ло.

– Идем. Мне нужно прогуляться и поразмыслить.

В деловитой суматохе они спустились вниз, гремя каблуками по лестнице, – Мер Ло оказался сбит с толку внезапной спешкой, однако подыграл Бару.

– Мне нужно многое выяснить, – заговорила Бару, отсчитывая тезисы на пальцах. – Но сначала я хочу выяснить, как раскрыть мятеж и подавить его в зародыше. Я уверена, что существуют какие-то социологические и экономические закономерности – и весьма специфического характера.

По мощеным дорожкам губернаторского сада уже гремели сапоги: солдаты гарнизона начали строевую подготовку с рассветом. Раздраженная топотом и воплями сержантов, Бару повернула в другую сторону.

– Следи за логикой. Ордвинн продает в Фалькрест лес, камень, руды и скот.

– Да.

– Прямую выгоду получают лишь несколько князей: в первую очередь те, чьи земли находятся на побережье. Один из них – Унузекоме, Жених Моря, пират. Полагаю, он баснословно богат, поскольку владеет гаванью Уэльтони и имеет доступ к реке Инирейн. Есть еще и Хейнгиль, Охотник на Оленей, друг губернатора Каттлсона. Он вовсе не заботится о деньгах…

– Счетами Хейнгиля управляет его дочь. Предпочитает сидеть в долгу у Фиатного банка – своеобразный залог доверия.

– Интересно. Может, именно поэтому она хотела занять мое место. А кто ее мать?

– По-моему, одна из сестер нынешней княгини Наяуру. Погибла во время Дурацкого Бунта.

– Любопытно. Уже повод для крамольных помыслов. Пригодится, если потребуется напустить па нее Зате Яву.

Они двинулись сквозь лабиринт из живой изгороди, раскинувшийся у подножия северной стены (Бару разгадала его не задумываясь). Вокруг деловито жужжали пчелы.

– И последний из крупных владык побережья – Радашич, Колодезный князь, человек очень легкомысленный, да?

– Ему грех жаловаться, – нейтрально ответил Мер Ло. – Прекрасные земли. Великолепные виноградники. Замечательные сады. С детства рос в доме князя Хейнгиля. Думаю, последнее обстоятельство спасло ему жизнь.

– Но его финансовая политика – это нечто!

Книги Радашича оказались настоящей комедией излишеств. Похоже, он брал ссуды, размышляя, как любой пьяница: «Еще одна не повредит».

– Полагаю, его ничего не тревожит.

– Какая беспечность! Ой, у меня есть идея!..

Минуя жаровню, вокруг которой Каттлсон любил устраивать угощение под открытым небом, Бару подобрала уголек. Она, конечно, испачкала перчатки, но ей было на это наплевать. Недолго думая, Бару полезла сквозь мокрые от росы кусты к белоснежной наружной стене.

– Каждый князь стремится стать могущественнее других. В мирное время сила заключена исключительно в богатстве: простаивающие без дела армии не приносят прибыли и превращаются в дорогие и бесполезные игрушки. Если прямую выгоду от внешней торговли могут получать только трое князей, то прочим нужно искать обходные пути.

– Радашич заметил бы, что радость и довольство жизнью не купишь за деньги. Хейнгиль сказал бы то же самое о чести… Ваше превосходительство, без этого никак не обойтись?

Бару нацарапала углем на стене неровный ящик.

– Вот Ордвинн.

– Прекрасная карта, ваше превосходительство.

– Любому князю необходимо богатство, чтобы не отстать от соседей. Поэтому он бежит к нам, в Фиатный банк, и говорит: «Дайте мне ссуду». Мы идем ему навстречу: фиатных билетов у нас целая куча, а в случае чего напечатаем еще. Взамен просим лишь небольшой залог – какой?

Мер Ло вежливо склонил голову.

– Золото, драгоценные камни, землю, скот…

– Верно. Но князю известно, что залог он потеряет лишь в том случае, если не вернет ссуду. Получается, что все останется при нем, а тратить он будет полученную от нас кучу фиатных билетов. Дармовое богатство! – Бару пририсовала рядом с ящиком улыбающуюся рожицу, которая получилась похожей на разбитое яйцо. – А если не придешь к нам за ссудой, сосед перещеголяет тебя. Радашич накупит выпивки, Унузекоме – новых кораблей, а ты останешься прозябать в окружении подданных,

недовольных твоим ничтожеством. Значит, без ссуд не обойтись никому. Правильно я рассуждаю?

Мер Ло страдальчески скривился.

– А в этом примере я – Хейнгиль? Можно, я буду Унузекоме?

– Ты хочешь стать пиратом?

– Я желаю хотя бы сохранить способность улыбаться.

– Тогда почему не Радашич?

– Я намерен сохранить способность не только улыбаться, но и здраво рассуждать.

Рассмеявшись, Бару сбилась с мысли.

– Не отвлекай меня. Я подхожу к главному. Итак, князья соревнуются в ссудной гонке, их задолженность растет, а с ней прирастает и доля Фиатного банка в их владениях. На данный момент нам принадлежат значительные доли девяти из тринадцати княжеств. Тебе известно, кто еще не попался в наши сети?

– Унузекоме. Владея гаванью Уэльтони в устье Инирейна и отличным флотом, он может полагаться на доходы от торговли.

– Хорошо. А еще?

Мер Ло раздраженно нахмурился, глядя на неуклюжую карту и изображение довольного князя на стене.

– Отсфир, Князь Мельниц. Владения – к северу от Унузекоме, весьма предприимчив, контролирует большую часть течения Инирейна, имеет немалую прибыль от торговли между севером и югом. И Эребогская Бабка далеко на северо-западе – думаю, она слишком стара и скупа, чтобы заботиться о ссудах. И, возможно, Вультъяг?

– Точно. Кстати, княгиня Вультъягская – гордячка. Она-то, разумеется, не будет брать ссуды и поэтому крайне бедна. Кроме этих четверых, все остальные глубоко увязли в долгах, и с каждым днем их ситуация ухудшается. Но как нам с толком использовать имеющуюся у нас в распоряжении информацию? Как нам заприметить назревающий бунт?

– Думаю, вы предпочтете, чтобы я притворился невеждой. Тогда у вас будет возможность самой ввести меня в курс дела.

– А ты чудесный секретарь, Мер Ло. По подожди, дай убедиться, что я нигде не ошиблась.

Оглядев ящик, изображающий Ордвинн, Бару пририсовала к нему крышу и разделила его на три этажа.

– Как сказочный домик, да? На чердаке высоко, холодно, зато полно полезных вещей. Вот где Эребог и Лизаксу грызутся за камень и глину! Еще там живут Вультъяг и Отсфир, причем у Отсфира есть лестница, по которой он может спускаться вниз. Прямо под чердаком расположены спальни и кабинет, где тоже

полно полезных вещей и много жильцов. Например, Наяуру, Строительница Плотин, контролирует княжества Отр и Сахауле, дающие ей воду, соль и искуснейших ремесленников, а под контролем Игуаке находится Пиньягата – с лучшими стадами и… лучшими солдатами.

Мер Ло усмехнулся.

– Что здесь смешного?

– Сравнение со спальнями. Я думал, это шутка в адрес княгини Наяуру.

– Почему?

– Она придерживается старых традиций. Здоровые отцы – залог сильной династии и тому подобное. Поэтому оба князя, и Отр и Сахауле…

Ясно. Значит, дети Наяуру тоже могут с гордостью заявить: «Я – отпрыск охотницы, кузнеца и щитоносца…» Но нет, они такого не скажут – по крайней мере, пока в Ордвинне правит Маскарад.

– Мы должны взимать с любовников Наяуру налоги, а остальное оставим Зате Яве. На чем я остановилась?

– Ордвинн подобен дому. И вы как раз довели свою метафору до этажа спален, то есть любви.

– Ага. На первом этаже есть прихожая, кухня, а еще – кладовые с зерном и прочими припасами. Дом окружен оливковыми деревьями. Чуть не забыла, надо пристроить к нему и арсенал! В реальности это Пактимонт, где в гавани Порт-Рог стоит наш флот.

– В доме – собственный арсенал? Неужели у вас был такой?

– Цыц! Зато метафора хороша.

Бару с гордостью оглядела свой рисунок. Итак, на первом уровне велась морская торговля и хранились припасы, вторым владели потенциальные союзники со стадами и водохранилищами, а третий отдали под леса, рудники и волчьи логова.

– Ты собираешься взбунтоваться и завладеть домом. Что тебе нужно?

– Полагаю, имперский счетовод уверен, что ответ – деньги.

– Да. Для любого мятежа, корни которого – не в идеалах и не в чистой ненависти, необходимы средства. – Бару пристукнула угольком по карте, нацарапанной на стене. – Вот что выдаст мне мятежников с головой. Это будут те, кто попытается выбраться из нашей ловушки.

– Я с вами согласен, но…

– Исключительно тупой мятежник мог бы взять гигантскую ссуду и начать войну, рассудив, что ничегошеньки ему даже не придется отдавать. Но воевать на вражескую валюту – идиотизм.

Люди доверяют фиатным билетам только потому, что могут обменять их на что-либо ценное. Начни воевать против той стороны, на которой Фиатный банк, и доверие к твоей заемной бумаге сразу же рухнет. Это – наш крючок, понимаешь? Князья заглатывают приманку в виде ссуд, обменивают свое богатство на бумажки, а мы их подсекаем, вытаскиваем из воды – и на кукан! [9] А как бы ты избавился от крючка?

Мер Ло заморгал.

– Я до сих пор Хейнгиль? Ему и в голову ничего не придет. Он принес Каттлсону вассальную присягу, для него срываться с крючков Каттлсона – против чести.

– Нет. Допустим, ты – Вультъяг…

Тайн Ху – рисковый взгляд, упругие движения рыси…

– Но за ней нет долгов. Значит, и крючка нет.

– Она отчаянно бедна. А чтобы финансировать восстание, необходимо богатство. Как ей превратить наши бумаги в сокровища бунтовщика?

– Наверное, через закупку особых товаров. Драгоценных камней, золота, скота, камня, руд, тканей…

– Именно. Мятежники будут стараться превратить свои долги в материальные ценности – в кровь восстания. Но!..

Но против мятежников встанет Маскарад – непревзойденный богатырь экономических войн. Что за блестящая афера! Какая невероятная ловушка! Фиатный банк любит скупать золото, серебро и драгоценные камни себе в убыток. Сидя на них, он умоляет: «Они так нужны нам для обеспечения фиатного билета, чтобы вы не сомневались в ценности ваших банкнот! Прошу вас, помогите же нам, и тогда мы будем рады помочь вам! Отчего бы вам не платить налоги серебром и золотом? Мы сделаем вам скидку! Но у вас самих столько ценных товаров! Увы, в таком случае мы будем вынуждены повысить налоги. Не лучше ли попросту превратить товары в фиатные билеты и уклониться от повышения?»

Бару вообразила себе огромный насос, высасывающий из Ордвинна богатства и перекачивающий их в Фалькрест, а взамен наводняющий Ордвинн фалькрестскими бумажками. Вообразила – и едва нс заплакала в восторге от его красоты. И, естественно же, оттого, что этот насос давал ей власть – силу, способную сорвать с мятежников маскировку и представить их Империи как подарок и доказательство своего таланта.

– Но вы же прекрасно понимаете, что для восстания важны не только деньга и что местная знать куда, менее расчетлива и рациональна, чем вы думаете? – продолжал за нее Мер Ло. – Вам необходимо прочесть монографию Хейнгиль Ри о перспективах

союза Внутренних Земель. Она предрекает междоусобную войну только потому, что у Наяуру имеются наследники от князей Отра и Сахауле, которые могут представлять серьезную угрозу для будущего рода Игуаке.

– Хейнгиль Ри считает это важным потому, что и сама – знатного рода. Она чрезмерно зашорена феодальной помпезностью, чтобы свести проблему к базовым экономическим факторам. – Бару вскинула ладонь, предотвращая возражения. – Скоро они начнут превращать свои долги в необходимые для восстания материальные ценности! Ничего, их возня не останется незамеченной! Любые товарные сделки будут за

несены в счетные книги. Итак… – сжав кулак, Бару раскрошила уголек в пыль, хлопнула ладонью о ладонь, отряхнула перчатки и двинулась к своей башне. – Ответы в наших книгах. В числах. Нужно только искать.

* * *

И Бару с жаром принялась за работу. Она надеялась, что составит «карту» бунта со всеми крамольными князьями и захлебывающимися в тайнах чиновниками уже к концу дня.

Она обнаружила среди книг целую страницу из записной книжки, исчерканную лихорадочными, неровными строками на афалоне. На сей раз почерк принадлежал Фаре Танифель.

«Они добрались до меня с неожиданной стороны. Объявили безнравственной и негигиеничной, как будто Каттлсон сдерживает аппетиты и отказывает себе в излюбленном лакомстве! Если меня отправят в Погреба на „осмотр“, я погибну. Она заявляет, что не в силах защитить меня».

Вздрогнув от ужаса и сочувствия, Бару сложила листок и отложила в сторону.

Надежды ее не сбылись. К закату она не нашла абсолютно ничего подозрительного. Фиатный банк отслеживал, приход, расход, финансовые активы и пассивы княжеств Ордвинна. И в банковских записях ничто не выделялось и не напоминало прелюдию к восстанию. При всех своих недостатках князья оказались скрупулезно честны. Они лишь беззаботно залезали в долги, агрессивно тратили средства и были откровенно туповаты в финансовых вопросах.

Но за что убили Су Олонори? Па то должна быть веская причина! Наверняка он вплотную приблизился к разгадке. А до него – Танифель казнили за коррупцию…

Значит, в чем бы ни заключался фокус, какой бы финт ни

проделали заговорщики, чтобы найти деньги, тайна не может ускользнуть от имперского счетовода.

Кто знает, может, Бару даже предстоит стать до некоторой степени соучастником бунтовщиков…

Она почти не замечала головной боли, пока Мер Ло не постучал в дверь, – звук резко отдался в висках.

– Войдите! – простонала она.

– Ваше превосходительство, к вам лейтенант Амината с результатами ревизии банковских хранилищ.

Бару стиснула голову ладонями. Какими сальными сделались ее немытые волосы! Кроме того, целый день она грызла кофейные зерна и сейчас почувствовала настоятельную необходимость дочиста вылизать зубы.

– Пусть войдет.

– Ваше превосходительство!

Войдя в кабинет, Амината отсалютовала и вытянулась по стойке «смирно». Бару откашлялась и от души позавидовала чертовски бодрому и свежему виду Аминаты. Наверное, по пути сюда успела почистить форму или загодя послала на корабль за запасной. Так или иначе, но выглядела Амината безукоризненно. С годами она все так же оставалась выше ростом, а должностные обязанности заставляли ее сохранять силу, грацию, прямолинейность и стремительность метательного копья. В общем, причин избегать ее на борту «Лаптиара» имелось множество.

Бару встала и обогнула стол.

– Все мышцы затекли! Но ничего не поделаешь: я просидела целый день. Итак, приступим к делу. Обнаружены ли расхождения?

– Нет. Материальные ценности в хранилищах точно соответствуют представленной принципал-фактором описи, как количеством, так и качеством. Признаков злоупотребления или растраты не обнаружено. Даже качество металла превосходно, – доложила Амината, подавая Бару палимпсест. – Вот данные сверки.

Бару устало приняла документ.

– Благодарю морскую пехоту за помощь, лейтенант.

– К вашим услугам. Рада сообщить, что дисциплина моих людей оказалась на высоте.

– Хорошо.

Внезапно Бару почувствовала желание душевно и физически опереться на Аминату – на ее безупречную выправку, сияющий мундир и неистощимое терпение. Но это было невозможно. «Амината», – мысленно произнесла Бару и незамедлительно

ощутила безумное смущение. Сердце словно превратилось в сгусток боли. Тот безжалостный поединок и яростный выговор (неужели она решила, что речь шла о самой Бару? Но если так, она же ни словом не обмолвилась…), формальный тон и отстраненность – все явно свидетельствовало о злости.

Но позже она предложила Бару свой клинок и привела морских пехотинцев – может, она все-таки подобрела?

– Ваше превосходительство, уже стемнело, – сказала Амината. – Вы совсем заработались. Что, если…

Вероятно, Бару не смогла скрыть удивление.

– Простите за нарушение приличий, – продолжала Амината. – Я еще не использовала увольнение на берег и полагаю, что мы могли бы вспомнить Тараноке, пока «Лаптиар» не ушел…

«И мы не расстались навсегда…»

Желудок Бару сжался в комок.

– У меня есть вино.

– Ваше превосходительство…

Все часы краденой свободы, проведенные вместе в учительской кладовой… Наверное, они все еще чего-нибудь да стоят.

– Не надо, Амината. Зови меня по-прежнему – Бару.

Амината скрестила руки на груди, отставила ногу в сторону и беззаботно улыбнулась.

– Не знаю твоих вкусов, Бару, но мы в порту, а моряку не пристало проводить увольнительную среди конторских книг с бокалом вина.

– Э-э…

Желудок не отпускало. А сердце, похоже, забыло, когда и как ему биться. За Аминату говорил Кердин Фарьер. Кердин незримо присутствовал здесь, в кабинете Бару, и наблюдал за ней глазами Аминаты. И совсем недавно – для того, чтобы спасти себя, хватило одной-единственной фразы…

«Благодарю, лейтенант, но воздержитесь от фамильярностей».

Но, как бы там ни было, а утро вечера мудренее.

– Я только переоденусь, – выдавила Бару.

* * *

– Ничего себе вкус! Натуральная моча! – воскликнула Бару, поперхнувшись.

– Откуда ты знаешь, какова моча на вкус?

Бару фыркнула в кружку.

– Я дикарка из диких земель!

– Ладно тебе! В здешнем захолустье мочу пьют только ордвиннцы! – Амината проказливо постучала по донцу кружки Бару. – До дна, до дна, Бару! Еще по одной?

Заглянув в опустевшую кружку, Бару попыталась обдумать предложение. Инстинкт – возможно, впервые за всю ее жизнь – не возражал.

– Да, – ответила она. – Согласна.

– Только платишь ты, – предупредила Амината, опираясь о стойку бара. – У тебя теперь деньжищ – сколько угодно.

– Нет, это работает совсем не так… – Бару нахмурилась. Она понимала, что некоторые темы затрагивать не стоит, и в итоге решила, что о денежных вопросах можно говорить лишь в общих чертах. – Нельзя забывать об инфляции и… Знаешь, я даже не составила требований на закупку перьев и чернил. Столько дел, Амината!.. Я-то думала, меня ждут сложные вычисления и скучные примитивные обязанности, а получилось – в точности наоборот!

– Для тебя нет ничего сложного! Ты же гений, забыла?

Звучно рыгнув, Амината приняла от бармена еще пару кружек. Бармен старался следовать той же фалькрестской моде, что и изобиженный Бару принципал-фактор Бел Латеман, – фартук, обнаженные плечи, спортивный корсет с распущенной шнуровкой, броский макияж…

– Рада, что ты так считаешь, – произнесла Бару, внимательно изучая геометрию ее поднятого указательного пальца. – Я пьяна. Наверное, в первый раз в жизни.

Но, даже во хмелю, следовало держаться настороже. Ей нельзя выдать себя и сболтнуть нечто вроде: «А мне тебя не хватало…»

– Рано плакать, пташка, – за полночь едва перевалило! Пожалуй, надо найти тебе… – Амината подалась к ней и приподняла бровь. – Компанию, а?

Вблизи лицо Аминаты оказалось очередной идеальной геометрической теоремой во плоти: ровные углы, совершенная концентрическая топология склер, радужек и зрачков. Навалившись на стойку, Бару вспомнила о своей паранойе. «Правоблюститель всегда начеку».

– Верно, – пробормотала она, оценив выражение своего лица в зеркале во всю стену и оставшись довольной. – Но так приятно поговорить с кем-нибудь. С кем угодно, лишь бы слушал меня… Но ведь не слушают… Я не могу…

Амината молча кивала. За ее спиной женщина со шрамами на лице кричала притихшим собутыльникам, что намерена убить

князя Сахауле, Конскую Погибель, за какой-то его ужасный поступок.

«Вероятно, он что-то сделал с ее конем», – подумала Бару.

– Не знаю, как сказать, – сказала Бару вслух и потрясла отяжелевшей головой.

– Нет-нет, продолжай! Все это не важно – я скоро отбываю!

– Я и не помню, какой была, пока не пошла в школу. Кажется, мне никогда не позволяли ничего! Даже иметь свои собственные чувства!

– Как это? – крикнула Амината, перекрывая вдруг поднявшийся рев.

– Ну…

Форменный мундир Аминаты был вывернут наизнанку в знак того, что она «не при исполнении», но Бару все же вяло подергала ее китель.

– Вот ты – солдат Маскарада. Но ты же ориати! И служишь тем, кто хочет завоевать твою родину. Начнись новая Война Армад – придется убивать своих! Что ты сделаешь?

«От меня ждут подобных сомнений и колебаний в лояльности, – с пьяной хитростью предположила она. – Ха! Пусть те, кому она доносит, сожрут и будут довольны».

– Понятия не имею, – ответила Амината, наморщив лоб. – У них, наверное, все по-честному. Когда-нибудь я стану адмиралом.

– Не станешь! Только посмотри, кто ты есть!

– Я тебя умоляю, – закатив глаза, вздохнула Амината. – Мореходство издавна было женским ремеслом. У нас лучше с математикой и навигацией – это и наука о наследственности подтверждает.

– Нет! Ты – ориати. Они никогда не дадут тебе возможности…

– А ты – имперский счетовод, но погляди, откуда ты, – возразила Амината, резко поднимаясь с места. – Хватит. Пока ты не сделалась слишком серьезной, идем наверх. Тебя ждет сюрприз!

– Нет, нет, подожди!

Но Амината уже ушла. Нетвердым шагом, удивляясь тому, насколько толпа ограничивает обзор, Бару двинулась за ней.

– Простите, – повторяла она, сожалея о неудобствах, причиняемых тем, на кого она натыкалась. – Простите, пожалуйста. Я совсем пьяна…

Поднявшись наверх вслед за Аминатой, она очутилась в тускло освещенном помещении, битком набитом пихающимися и кричащими людьми. Здесь имелось множество дверей, а в центре возвышался помост, где танцевали мужчины и женщины в

основном почти безо всякой одежды.

– Объяснить, как это делается? – проорала Амината ей в ухо. – Нужно сказать, каких ты предпочитаешь…

– Не хочу я никого нанимать!

– Бояться совершенно нечего! Нацепляешь ему колпачок, там все и остается! Я покажу!

Щеки Бару вспыхнули. Покачнувшись, она схватила Аминату за плечи.

– Теперь понятно, почему ты это делаешь!

– Что?

– Я говорю: понятно, почему ты это делаешь!

Амината на секунду насупилась и прикусила нижнюю губу. Какие-то мужчины, толкаясь, грубо протиснулись мимо них к помосту. Однако, увидев вывернутый наизнанку мундир Аминаты, быстро присмирели и не стали нарываться на драку. Как-никак, но Амината принадлежала к когорте офицеров военного флота Империи, а это означало, что она может похвастаться крепким тылом. Целый синдикат злопамятных женщин-мореходов жестоко мстил своим обидчикам за любые мелкие оскорбления.

– Ладно, – буркнула Амината. – Если так оно и есть, считай, что я ничего не слышала. Давай-ка просто помолчим. Для нас обеих будет безопаснее.

Бару не хотелось молчать, но она согласно кивнула.

– Идем обратно в бар, – заявила Амината, взяв ее за запястье. – Попробуем выпить чего-нибудь покрепче.

* * *

– А они будут бунтовать?

– Ордвинн бунтует всегда! – крикнула в ответ Амината, перекрывая рев толпы. – Если князья довольны, восстает народ. Если народ доволен, баламутят князья. А если князья возненавидят друг друга, начинается междоусобная война. Так считают в Адмиралтействе.

– И что мне делать? – От крика Бару сорвала голос. Теперь она была вынуждена наклоняться к самому уху Аминаты, чтобы та не теряла нить разговора. – Губернатор – бесхребетный романтик, а правоблюститель Зате, похоже, на их стороне!

– Не могу знать! Я ведь обычный лейтенант! – рассмеялась Амината, словно только что удачно пошутила.

Локоть Бару соскользнул с барной стойки, и ей пришлось уцепиться за табурет Аминаты, чтобы не упасть.

– Домой хочу, Амината! На Тараноке. Мне его так не хватает…

Амината помогла ей подняться.

– Ты не вернешься домой.

– Почему?

– Потому, что твоего дома больше нет… – Сдвинув брови, Амината осушила свой бокал. – Ты его уже не отыщешь. А если и вернешься, то просто испугаешься. Твой Тараноке стал совсем другим! История – такая штука, Бару! В одну реку не войдешь дважды. Кто-то постоянно изменяет кого-то другого…

Она была права. И, конечно, она дурачила Бару, не говоря главного с самого начала: Тараноке ее детства исчез. А может, и не существовал никогда. Риф Халае не резал воды, точно гладкий акулий клык. Не блестел сквозь ласковую прозрачную волну роскошный черный песок. Пиньон не знала имени каждой звезды, и Солит никогда не помогал ей считать эти звезды всю ночь напролет, а Сальм… Нет, об этом во хмелю лучше и не вспоминать.

Неужели Бару была бессильна?

Отведя взгляд в сторону, Бару внезапно увидела в углу какого-то юношу. Он показался ей знакомым, хотя его лицо порой скрывала широченная спина лесоруба-стахечи в кожаном табарде. Мер Ло! Холодно глядя на лесоруба снизу вверх, ее секретарь что-то говорил. Наверное, сыпал угрозами или витиеватыми ругательствами…

– Ах, чтоб его… – вырвалось у Бару.

– Что стряслось?

– Тот парень в углу – мой секретарь! И, вероятно, приставленный ко мне соглядатай.

– Ну и что? Ты ведь не сделала ничего плохого!

– Если он засек, как мы вдвоем поднимаемся наверх, то мог подумать… или уже донести кому-нибудь, что мы…

Бару оборвала себя на полуслове и съежилась. Что, если ее вместе с Аминатой обвинят в трайбадизме?

– Стоп! – Амината резко выпрямилась. – Ты в курсе, кем он приставлен?

– Думаю, тем самым купцом. Ты с ним говорила…

– Бежим!

– Нельзя, выйдет подозрительно. Лучше подойду к нему и мило поболтаю. Ло!

Великан-лесоруб взревел на всю таверну, схватил Мер Ло за глотку и с размаху пригвоздил его к стене. От них отскочили завсегдатаи, завопив по-стахечийски, по-урунски, по-иолински, на афалоне… Бару с Аминатой спрыгнули с табуретов почти

одновременно. Амината ринулась вперед, увлекая Бару за собой и крича на афалоне:

– Военный флот Империи! Прочь с дороги!

Мер Ло вцепился в кисть лесоруба, сдавившую его горло. Глаза его вылезли из орбит. Лесоруб вежливо, но твердо выставил назад свободную ладонь, призывая посторонних не вмешиваться, и продолжал сдавливать горло Мер Ло с безжалостной мощью.

Амината, добравшаяся до лесоруба первой, захватила запястье его выставленной руки. Заломив кисть громилы ладонью кверху, она резко дернула к животу и крутанулась на носках, чтобы боль от захвата заставила противника упасть. Но лесоруб оказался слишком велик и крепко сложен, и потому захват просто сломал его запястье. Взревев, великан отшвырнул Мер Ло, но прежде, чем он успел сделать что-либо еще, Бару огрела противника по затылку подвернувшейся под руку увесистой кружкой. Лесоруб был огромен и разъярен и, вероятно, справился бы с ними обеими, несмотря на сломанное запястье. Но выбора у нее не было.

Здоровяк рухнул плашмя на каменный пол. Левая рука его осталась торчать кверху, чуть согнутая правая прижалась к боку.

– Видала? – беззаботно произнесла Амината и присвистнула. – Это называется «поза фехтовальщика». Контузия. Мастерский удар. Военный флот Империи, вам говорят! Все назад!!!

Мер Ло, который еще не успел подняться на ноги, ошеломленно смотрел на Бару. Его рот беззвучно разевался и захлопывался, как у рыбы, выловленной из воды. Все вокруг вдруг качнулось, словно корабль на волне, и Бару решила опуститься на пол рядом с ним. Она была пьяна и напугана и потому не сразу сумела выстроить в уме нужную фразу:

– Что ты здесь делаешь?

– Я думал, вас собираются убить… – просипел Мер Ло. Кроме того, ее секретарь явно сгорал от стыда. – Прошу прощения, ваше превосходительство. Я лишь хотел присмотреть за вами, но на тренировках я в этом деле не блистал. Да и таверны – явно не мой конек.

– А это кто?

– Он… – Мер Ло и не взглянул на поверженного великана. – В общем, я сказал ему, на кого работаю, и он рассвирепел.

Бару решила оставить уклончивый ответ без внимания. Завтра у бедолаги будет времени в избытке.

– А теперь что? – спросила она у Аминаты.

– Расплатимся и пойдем, – ответила та, опускаясь на колени и осматривая карманы лесоруба. – А если тебе охота объяснять

губернатору, правоблюстителю и моему капитану, что мы делали вдвоем в таверне Южной гавани, можем сдать этого типа властям.

– Он следил за вами, – мрачно сообщил Мер Ло, щупая шею, на которой начали проступать синяки.

– Кто сказал тебе, будто меня собираются убить? – осведомилась Бару, отмахиваясь от руки какого-то зеваки.

Мало-помалу вокруг них собрались, оттесняя посторонних, свободные от дежурств солдаты гарнизона. Извечное соперничество армии и флота было забыто во имя имперской солидарности.

– Мер Ло, признавайся: кто тебе сказал, что на меня организовано покушение?

– Никто, – ответил секретарь, отводя взгляд. – Но я подумал: если правоблюститель предпримет такую попытку, то это случится, как только губернатор отправится на охоту.

– Оружие при нем есть? – спросила Бару у Аминаты.

– Нет, – проворчала та. – Но я нашла записную книжку.

Глава 7

Утро встретило Бару первым в жизни похмельем. Постанывая, морщась, спотыкаясь на каждом шагу, она обошла комнату в поисках кувшина чистой воды. Поиски не увенчались успехом, и, плюнув на последствия, Бару прихватила с собой в ванную комнату бутылку вина. Водопровод, чудесное изобретение Маскарада, наполнил ванну горячей водой и пробудил воспоминания о том, как она пила из горячих источников на Тараноке.

Далеко ли до этих источников? Далеко ли до синего неба, отраженного в безмятежной воде? До камней, темнеющих в глубине жерла вулкана, точно тени огненных богов? Боль, пульсирующая в голове, мешала вспомнить, не давала мыслям совладать с географией и тригонометрией. Не важно. Все это бесконечно далеко. Недостижимо.

Амината ведь сказала: «Ты не вернешься домой».

В дверь постучали: сперва робко, а затем – настойчиво. Мер Ло, не иначе.

– Войдите! – крикнула Бару и из уважения к местным целомудренным нравам добавила: – Но я в ванной!

– Ваше превосходительство, правоблюститель Зате Ява ожидает вас в приемной.

Бару застонала.

– Что прикажете ей передать?

– Займи ее светской беседой на десять минут. Я скоро спущусь.

Погрузив голову в воду, Бару попробовала вытянуться в длину, но ванна была слишком мала.

В следующий миг ужасная мысль заставила ее вскочить.

Что, если Зате Ява явилась арестовать ее? Уволочь с собой и утопить, как Фаре Танифель? Но если она была заодно с мятежниками, то наверняка уберегла бы изменницу-счетовода…

Но в записке было сказано: «Она заявляет, что не в силах защитить меня».

Быть может, Зате Ява пожертвовала ею, дабы доказать собственную лояльность и обезопасить себя. Или Каттлсон сделал ей более выгодное предложение.

* * *

– Я бы хотела извиниться.

Правоблюститель Зате Ява смотрела на Бару через стол: в ее взгляде не было ни малейшего намека на приговор. Официальный взгляд, гордая осанка, затянутые в перчатки руки неподвижно лежат на столешнице. Бару, вряд ли выглядевшая прилично в кружевной сорочке без ворота, с расстегнутыми рукавами, едва удерживалась, чтобы не выбежать вон из комнаты.

Глаза Зате Явы, как она отметила еще при первой встрече в порту, были синими, как у таранокийской вороны. Бару не сомневалась, о прошлой ночи в таверне Яве известны все подробности.

– Извиниться? – переспросила Бару, чтобы выиграть время и успеть понять, что к чему. – За что?

– За человека, которому я велела следить за вами. И за его поведение по отношению к вашему секретарю.

Правоблюститель аккуратно поправила ворот своего платья: безупречность ее манер яснее ясного говорила: «Между нами возникло небольшое недоразумение, но я мигом все исправлю».

Значит, лесоруб-стахечи был послан ею. И записная книжка принадлежала ей. Она поняла, что Бару известны намерения ее человека, и признала временное поражение, пока игра не обернулась против нее самой.

«Берегись, счетовод Бару, – подумала Бару. – Зате – гораздо старше и опытнее тебя. Она знает толк в интригах и стравливании. Она использовала вторжение Маскарада, чтобы получить высокий пост для себя и целое княжество для брата. Берегись ее несгибаемости. Тебе ее не одолеть».

– Я еще молода, – сказала она вслух, – и я не местная. И конец двух моих предшественников был страшен. Если вы решили игнорировать мое аморальное поведение, вы проявляете излишнее милосердие. Однако это повредит интересам Имперской Республики в провинции Ордвинн, и вас же обвинят в преступной халатности. Отправляя соглядатая шпионить за мной, вы всего лишь выполняли свой долг блюстителя моральной гигиены в провинции.

На секунду Зате Ява с облегчением расслабилась, но миг этот был почти неуловим. Она владела собой безукоризненно.

– Вы столь прагматичны! А мы здесь тратим время на сплошные политесы!

– Я позабочусь о том, чтобы лесоруба освободили и вернули вам. Если вы доверили ему важное задание, должно быть, он очень полезен для вас.

– Благодарю вас.

И они стали улыбаться друг другу во взаимном уважении и восторге. Бару сосредоточилась па мыслях об Аминате и только о

ней – самый проверенный способ сохранить искренность улыбки.

– Я слышала, вы начали ревизию, – вымолвила Зате. – Удалось ли вам обнаружить что-либо предосудительное? Боюсь, некоторые из северных княжеств ссужают деньгами икарийские культы. Отсфир до неприличия разбогател на торговле вдоль Инирейна, а его друг Лизаксу обожает регрессивную философию.

– Когда я обнаружу что-либо несообразное, тотчас явлюсь к вам в канцелярию требовать ордер. Обещаю.

– Прекрасно, – сказала Зате Ява, подавая Бару руку. – Пожалуй, мы с вами сработаемся. Прошу вас, не думайте дурного: все мои поступки движимы исключительно чувством долга перед Имперской Республикой.

– Безусловно. Доброго вам дня, ваше превосходительство.

Поцеловав ее пальцы, Бару не прекращала улыбаться, пока Мер Ло (оказывается, он стоял в коридоре) не распахнул перед правоблюстителем двери кабинета.

Когда Зате удалилась, секретарь подлетел к столу Бару.

– Если не подслушиваешь у замочной скважины, – заметила Бару, – то откуда тебе знать, что она уходит, до того, как она постучит в дверь?

Щеки Мер Ло вспыхнули румянцем, и секретарь потер свое горло, украшенное кольцом из синяков.

– Вы его отпустите? Вот так запросто? Вы даже не спросили, почему он…

– Он напал на тебя, когда ты брякнул ему, что ты – фалькрестский шпион, а значит – крайне опасен для крамольного заговора, в который замешана Зате Ява. – Скривившись, Бару хлопнула ладонью по столешнице (от громкого звука Мер Ло вздрогнул). – Молчать! Ты слышал, как прямолинейно она разыграла эту сцену? Насколько была откровенна? Она боится меня и потому пускает в ход одну лишь правду. И она права – ведь тогда мне нечего будет обратить против нее! Она знает, что Фалькрест мне благоволит – и я вот-вот нащупаю нечто, способное ей повредить! А эти два факта – прямая угроза для нее. Напавший на тебя человек нам совершенно ни к чему. Но его записная книжка… Понимаешь?

– Да. Он следил за вами и делал заметки.

– А письменная улика – это все. Если у Зате будет достоверное свидетельство в виде доноса о том, что меня видели входящей в бордель вместе с прекрасной женщиной… – Мер Ло вновь залился румянцем, свидетельствующим о множестве разных вещей. – В общем, я окажусь в одном шаге от ужасного и неотвратимого конца. В руках Зате – и судьи, и суды! Имея мотив и предлог, она легко уничтожит меня. Если она заодно с

мятежниками, у нее есть мотив. А если бы она завладела и записной книжкой, то у нее был бы и предлог. Кстати, может ли она приказать ему сделать копию?

Мер Ло оживился и задумчиво покачал головой. Теперь он явно очутился в своей родной стихии. «Его учили этому», – догадалась Бару.

– Возможно, но бессмысленно: слитком много трудностей. Придется подделывать печати и штемпеля даты и времени. В показаниях он наверняка запутается. Любая проверка выявит недочеты.

– Ладно. Предположим, лесорубом она воспользовалась второпях – прибегла к первому попавшемуся под руку средству. Получается, что ее план находится уже на той стадии, которая не оставляет времени для более тонких мер… – Бару позволила себе погрузиться в аналитический транс в поисках сулоев[10] над коварными отмелями. – Вероятно, следующим шагом Зате может стать и убийство. Имея власть над ордвиннскими преступниками, она сумеет натравить их на меня. Так случилось с Олонори.

– Тогда вам надо затаиться на «Лаптиаре», – выпалил Мер Ло, поворачиваясь к двери. – Туда ей не дотянуться.

– Нет. Запершись на корабле, я все равно что мертва. Оттуда мне не выследить заговорщиков. – Сцепив пальцы на затылке, Бару яростно искала выход. – Нужно перебраться куда-то, где нанести мне удар будет крайне рискованно. В таком случае Зате, конечно, сообразит, что расследование моей смерти неизбежно приведет к ней или к ее союзникам. Нельзя ли перенести канцелярию в Погреба? Нет, оттуда она будет наблюдать за каждым моим движением, от нее нужно держаться подальше…

– Тайн Ху, – произнес Мер Ло.

– Тайн Ху?..

– Вультъяг. Тайн Ху, Княгиня Комет, – пояснил Мер Ло, широко улыбаясь, в восторге от собственной идеи. – Покойная тетка Тайн Ху была замужем за братом Зате Явы, Зате Олаке, Незримым Князем Лахтинским. Каждому известно, что Тайн Ху первая бросила вам вызов – еще на балу. Все в курсе, что она пыталась вытащить ваш порок на обозрение Зате Явы. Если вы будете рядом с Тайн Ху и вас убьют, то каждый увидит в этом руку Зате Явы.

– Если я буду рядом с Тайн Ху, – повторила она.

Бару оценила логику рассуждений Мер Ло.

Можно допустить, что Тайн Ху входит в круг заговорщиков. Убив Бару, она неизбежно навлечет на себя гнев Каттлсона. А Зате Яве невыгодно привлекать внимание к столь «порочной связи»!

Идея была хороша со всех сторон. Кроме одной: Бару попадет в руки женщины, которая может и не отличаться изощренностью Зате Явы. Оружие Тайн Ху – острый нож, а нс судебное постановление.

Но Бару обещала Кердину Фарьеру предотвратить мятеж. А Кердин Фарьер – это дорога в Фалькрест.

Она рискнет.

Бару принялась торопливо выдвигать ящики стола.

– Я соберу документы, необходимые для продолжения работы. Отыщи Тайн Ху и сообщи ей, что я отправляюсь в ее вультъягские владения с ревизией счетных книг. И передай, что она окажет мне великую честь, если составит мне компанию.

* * *

Мер Ло отбыл выполнять ее поручение, а Бару вернулась в спальню за одеждой в дорогу – джодпурами, теплым плащом из плотной ткани и сапогами на прочной толстой подошве. Роясь в шкафу, она размышляла, стараясь оставаться отстраненной, невозмутимой и осмотрительной. Но мысли разбередили ее сердце, и вскоре она обнаружила, что вытаскивает одежду с полок и швыряет ее в кучу, словно обиженный ребенок.

Присев па уголок кровати, она подперла подбородок ладонями.

Вультъягские владения Тайн Ху раскинулись далеко на севере. Будущее путешествие обещало быть трудным, а дороги оставляли желать лучшего. Бару знала, что карета будет трястись по насыпям, гатям[11] и гребням плотин княжеств Хейнгиля и Игуаке. «Лаптиар» уйдет задолго до того, как Бару успеет вернуться сюда.

Значит, у нее не будет верных морских пехотинцев – единственной па весь Ордвинн подмоги, на которую можно положиться. Не будет Аминаты, ее единственной подруги.

Да, она могла приказать кораблю отложить отплытие и взять с собой Аминату и солдат для охраны. Но это будет чересчур сентиментально и просто глупо. Нельзя игнорировать тот факт, что Амината привела ее в таверну и, притворяясь пьяной, потащила наверх на глазах у соглядатая Зате. Конечно, все могло быть и неудачным совпадением. Но не исключено, что Амината, думая о карьере, решила, что благоволение и помощь правоблюстителя провинции не помешают.

Позже вернулся Мер Ло.

– С приготовлениями покончено, – отрапортовал он. – Не

будет ли сообщений на «Лаптиар»?

Бару набросала лапидарно-официальный набор распоряжений, приказывая в ее отсутствие усилить бдительность и отплыть по расписанию. Писать Аминате – отправить ей хотя бы официальное прощание – было бы слишком опасно. Она не собиралась подставлять ни себя, ни подругу.

Итак, жребий брошен. Чтобы идти вперед, нужно брать с собой лишь самое необходимое.

– Ты со мной не поедешь, – заявила она Мер Ло, не зная, как он воспримет эту новость. – Ты нужен мне здесь.

При слове «нужен» он расплылся в улыбке.

* * *

Тайн Ху прислала за Бару карету и конную дружину – два десятка всадников под знаменем с изображением кометы. Бару ожидала, что поедет в экипаже одна, а княгиня предпочтет гарцевать на своем скакуне.

Но, залезая в карету, она обнаружила внутри Тайн Ху, растянувшуюся вдоль одного из пассажирских сидений, точно сытая, довольная кошка.

– Ваше, – бросила Тайн Ху, указывая на второе сиденье.

Бару бережно поставила рядом сумку с бумагами и палимпсестами.

– Благодарю за столь быстрый ответ на мою просьбу, ваша светлость.

Губы Тайн Ху были похожи на рекурсивный лук, вечно натянутый и готовый пустить насмешку в цель.

– Я привыкла к надзору Маскарада. Они частенько посылают своих выкормышей, чтобы держать северные земли в узде.

Ноги Тайн Ху были затянуты в бриджи для верховой езды, высокие сапоги заляпаны грязью. Она была сильна и высока, как и положено благородному княжескому отпрыску, взращенному на мясе и цитрусах. Бару с радостью отметила, что почти не уступает ей в росте.

– Уверена, – продолжала Тайн Ху, – что вы еще наведаетесь ко мне много раз. Но разве у вас нет сопровождающего? А где же ваш тщедушный компаньон?

Определить возраст Тайн Ху оказалось трудновато. Конечно, она была старше Бару, но ненамного, и поэтому от ее пренебрежения коробило еще больше. (Сколько же ей исполнилось лет, когда она унаследовала Вультъяг?)

Бару могла бы напомнить княгине Вультъягской о правилах

этикета, но решила не быть мелочной.

– Мне не нужны помощники, – ответила она и усмехнулась. – По моим ожиданиям, ревизия пройдет гладко, а лучшей охраны в пути, чем ваши дружинники, и пожелать невозможно. Конечно, и неприступность ваших владений вряд ли нуждается в похвалах.

Тайн Ху изящно привстала со скамьи.

– А вы не боитесь, – сказала она, прищурившись, – что найдете в моих финансах что-либо не совсем законное, и мне придется порезать вас на куски и закопать их в лесу?

«Боюсь, да еще как», – подумала Бару, не позволяя мысли отразиться на лице.

– Боюсь ли я, что вы окажетесь дурой? Нет.

– Су Олонори убили в его собственной постели. Убийцу до сих пор не нашли.

– Значит, вам надо охранять меня даже в спальне.

Тайн Ху опустилась обратно на скамью, глядя на Бару с неподдельным недоумением. Ее сломанная и вправленная переносица осталась слегка искривленной, что играло Бару на руку. Было так удобно сосредоточить свой взгляд на крошечном недостатке княгини и не терять бдительности!

– Зачем вы здесь?

– Очень просто. Чтобы выполнять свою работу, я должна знать, откуда и куда идут деньги.

– Деньги – еще не все.

– Я счетовод, – ответила Бару, пожав плечами. – И меня учили, что деньги – самое главное в жизни.

Тайн Ху уперла руки в колени и наклонилась вперед. Губы ее дрогнули, обнажив резцы. Во взгляде появилась неприязнь – а может, вызов или что-то еще.

– Вас учили… И вы хотите, чтобы я продолжила ваше образование?

Вспомнив их последнюю встречу, Бару услышала собственные слова: «Дичайшие парадоксы Ордвинна сплелись в одной женщине. Думаю, я очень многому смогу научиться у вас, Тайн Ху».

Пожалуй, надо ответить княгине напрямую.

– Если бы не хотела, меня бы здесь не было.

– Тогда смотрите. Смотрите и знайте: вы тоже замешаны в этом.

Тайн потянулась через ее плечо к передней стенке кареты и, откинув шторку, которая закрывала окошко, обратилась к кучеру.

– Прежде чем покинуть город, заверни в Северную гавань. Пусть счетовод полюбуется зачисткой.

* * *

В Северной гавани, где портовые постройки примыкали к аркам и сводчатым галереям старинных стахечийских зданий, они обнаружили кое-что интересное. Беспорядки были в самом разгаре.

Вначале их настиг звук – рев, шум неотступного прибоя. Затем лошади догнали шеренги солдат Маскарада в серо-голубых мундирах, шагающих в ногу, с бочонками разбавленной кислоты на плечах. И, наконец, заняв удобное положение на крыше кареты (ни Тайн Ху, ни ее дружинникам не улыбалось углубляться в шеренги Маскарада), – они увидели все воочию с безопасного расстояния.

В толпе преобладали зеленые одежды, выкрашенные с помощью железной протравы. Бару ожидала увидеть толпу в нападении, ломающей ворота тюрьмы или спешащей с факелами к дому сборщика налогов.

Но нет, гарнизон наступал на людей, загоняя их в угол, прижав ревущую массу к северному краю площади. Толпа обороняла от солдат выбеленный известью склад без единого окна или вывески, кроме афалонской надписи «ПРЯНОСТИ СЕВЕРНОЙ ГАВАНИ». Бару навострила уши, пытаясь различить, что кричат люди, но слова сливались в сплошной отчаянный гул.

– Тайный храм Видд, – шепнула ей па ухо Тайн Ху. – Защищаемый ее последователями.

На уроках об ордвиннских верованиях об этом упоминалось, но лишь как о политической проблеме.

– Это богиня?

– Нет, она человек. Она довела некую Добродетель до совершенства – настолько, что сама сделалась ее воплощением. Добродетель Видд – кротость, непротивление. Она воплощает собой зиму, воспаление легких, медленное разрушение, упадок, само время… Вот что связывают с Видд. Ей противостоит Химу, а Девена стоит между ними и уравновешивает их, – Тайн Ху коснулась лба – вероятно, в знак почтения, а может, просто чтобы почесаться. – Конечно, достойные люди не верят в старые суеверия.

– Что-то ее последователи не отличаются кротостью, – заметила Бару, вглядываясь в шеренги солдат гарнизона.

Те по цепочке передавали бочонки с кислотой в первые ряды. Саперы с лопатами, в перчатках и набитых ветошью кожаных масках с клювами, ждали сигнала, чтобы их откупорить.

– Видимо, они – не лучшие из ее последователей, – сухо ответила Тайн Ху, – или сегодня ими движет Химу.

Саперы откупорили бочонки и принялись разбрасывать кислоту над толпой, мерно поднимая и опуская лопаты. Ветер донес со стороны гавани крики боли.

– Ничего страшного, – заявила Тайн Ху. – Кислота, используемая для умиротворения, только щиплет глаза и слизистые оболочки. На коже она вызывает красную зудящую сыпь. Ослепляет редко, по ожоги метят виновных, чтобы впоследствии их легче было переловить поодиночке. Весьма точный и гуманный, как меня уверяли, метод.

Прядь, выбившаяся из косы Тайн Ху, затрепетала на ветру. Бару предпочла остановить взгляд на ней и отвлечься от воцарившегося внизу хаоса.

– Зачем устраивать храм Видд на складе? И зачем защищать его?

– Культы икари запрещены законом. Они, понимаете ли, учат, что земная власть временна и преходяща, и сеют анархию и раскол. – Тайн Ху нащупала выбившуюся прядь и подоткнула ее, не сводя взгляда с толпы: гарнизон, продвигаясь вперед за облаками кислотных брызг, рассекал ее на части. – И потому вы изобрели хитрый трюк. Вы разрешаете иликари устроить маленький тихий конклав в укромном местечке. Вы позволяете распространиться вести о том, что правоверные могут собираться там для поклонения и прорицаний. Думаю, иногда вы даже организуете подобные секты сами.

– Для приманки.

– Верно. Зачем давить секты в зародыше, когда можно проследить, кто собирается в них, кто смотрит па них сквозь пальцы, кто берет взятки и потворствует им, а потом – прижать к ногтю всех разом? – Тайн Ху обвела окрестности широким жестом. – Везде полным ходом идут аресты. Иликари будут брошены в тюрьмы или утоплены, а их сектанты и пособники предстанут перед судом правоблюстителя и ее присных[12]. В течение нескольких недель Зате будет очень занята преступниками, которых доставят в ее Погреба с кислотными ожогами!

Бару припомнила бал, их обмен взглядами, свои подозрения о заговоре. Глупо говорить сейчас, но не прощупать Тайн Ху на предмет союза с правоблюстителем – еще глупее.

– Вам хорошо известны методы правоблюстителя.

– Зате Ява поступает, как считает нужным, дабы удержать власть. Методы Маскарада хитры и изощренны. Она рассказывала, что в Фалькресте заключенным позволяют бежать из их камер, не правда ли? А когда они оказываются на свободе, их ловят снова! И так происходит постоянно. Зато позже они

понимают, что бегство – не более чем иллюзия.

Тем временем на площади передали в передний ряд вторую очередь бочонков с кислотой.

– Полюбуйтесь-ка! Смотрите, какое зрелище! – продолжала Тайн Ху. – Вы уверены, что в этом есть необходимость?

– Я счетовод, – выдавила Бару, с трудом сдерживая желание заткнуть уши, чтобы не слышать воплей дымящейся, разрозненной толпы. – Я имею дело с ценами, а не с верованиями.

– Но ведь и вы – часть Империи.

Тайн Ху все же была чуть выше ростом. Каждое ее движение источало целеустремленную мощь. И, сколь бы мягко ни звучали ее речи, в них чувствовалась угроза.

– Вот какую цену мы платим за широкие дороги и горячую воду, за банки и обильный урожай, – добавила Тайн Ху. – Такова сделка, на которой ты настаиваешь.

Сомнений в том, кого она имеет в виду, быть не могло: княгиня употребила афалонское местоимение в единственном числе.

– Такое сопротивление бессмысленно, – произнесла Бару. – Если им нужны перемены, они должны стать полезными Фалькресту. Можно найти путь наверх, но сначала надо проникнуть в нутро Маскарада.

– Что за недостойные речи! Люди не могут долго молчать под плетью.

– Порядок лучше беспорядка, – возразила Бару теми самыми словами, над которыми издевалась на Тараноке, спрятавшись под темным пологом школьной кровати.

Тайн Ху молча отвернулась от Бару.

* * *

Они ехали на север по сливочно-белому известняку, уложенному на подстилку из бетона и керамической крошки, по гравию с известью, по гудящей под копытами ордвиннской земле. «Может, настанет день, – думала Бару, – и дороги здесь начнут строить из таранокийского туфа».

Теперь Тайн Ху скакала верхом вместе со своими дружинниками, оставив Бару работать в карете. Бару отчаянно старалась сосредоточиться на бумагах, одолеть смутное, неизвестно откуда взявшееся беспокойство. Наверное, его породили воспоминания о беспорядках в Северной гавани и мысли о несчастных, запятнанных кислотой и сгинувших в

Погребах. Или осознание того, что Тайн Ху вполне может убить ее и бросить тело Бару на поживу шакалам. Тогда ее труп точно никогда не найдут…

Раздумывая над палимпсестом, Бару пыталась сконцентрироваться. В Вультъягских владениях Тайн Ху, конечно, должны были вести кучу счетных книг. Бару предстояло изучить их и найти в них признаки подготовки к бунту: чрезмерное увлечение ссудами, агрессивные инвестиции в старую монету и ценные товары, закупки оружия и зерна, необходимые для потенциальных восставших…

А если такие признаки обнаружатся? Или Тайн Ху решит, будто Бару их отыскала? Что тогда?

Если во время поездки она исчезнет или погибнет, будет очевидно, что ее убила Тайн Ху.

И Тайн Ху это, разумеется, понимает.

Бару посмотрела в окошко кареты. Теперь перед ней раскинулись ухоженные оливковые рощи княжества Хейнгиль: ровные квадраты серебристо-зеленых зарослей давали Орд винну превосходное масло. Мысленно переработав столь ценный товар в деньги и власть, Бару поймала себя на том, что не может оторвать глаз от этой земли. Ее манили и сосновые леса, стоящие стражами над долинами, и отливающие синевой мрачные склоны горы Кидзуне, и заснеженные пики, которые возвышались вдали. То был настоящий Ордвинн, волчья земля – живущая, должно быть, по волчьим законам. Наверное, здесь сила вовсе не в знании – да и против ножа особо ведь не поспоришь… «Может, – нашептывала на ухо недоверчивая часть ее сознания, – Мер Ло устроил все нарочно, чтобы избавиться от тебя?»

Вечером они разбили лагерь. Бару уставилась на темное небо, исчерканное зигзагами чужеземных созвездий.

– Вам неспокойно? – поинтересовалась Тайн Ху.

Закутавшись в плащ, Бару взглянула на княгиню через пламя костра, не понимая, стоит ли воспринимать ее вопрос как угрозу.

А княгиня Вультъягская распахнула руки навстречу окрестным кустам и вековым деревьям. Она улыбнулась, глаза ее блеснули в отсветах огня, словно глаза орла.

– Я просто подумала, что вы наверняка еще ни разу в жизни не забирались в такую глушь и настолько не отдалялись от моря. Я угадала?

* * *

Ко дню прибытия в Вультъяг она поняла, отчего Парламент

так жадно цепляется за Ордвинн. Нет, Ордвинн был не только щитом против возможного вторжения – он являлся источником несметных богатств. Леса, рыбные промыслы, прибрежные земельные угодья, каменоломни, мельницы и сами феодальные ремесленники, чье мастерство складывалось и закалялось на протяжении многих лет междоусобных войн, – все это оказалось бесценно…

Ордвинн стал бы для Империи крупным уловом. А также принес бы немалую выгоду своему будущему единовластному хозяину, который мог бы его взнуздать.

Но князья и княгини и не думали об объединении земель. Эгоистические пошлины и гильдии мешали свободному предпринимательству, что влекло за собой неизмеримые убытки. Бару мысленно бродила по воображаемой карте, стирая границы тринадцати княжеств, сокрушая крепости и замки, освобождая Ордвинн от владык и подводя итоги.

Что бы сделала она, если бы сама подняла восстание? Разрушила бы все, дабы выстроить заново? Будут ли дочери Ордвинна взирать на нее с тем же забавным изумлением, с каким сама она глазела на паруса, поднимающиеся к небу из-за рифа Халае?

Крутая дорога вела их через редкий лес. Наконец они достигли высшей точки горного перевала.

– Езжайте вперед и откройте заставу, – приказала Тайн Ху, направляя своего скакуна к карете. – Что ж, Бару, приглашаю вас взглянуть на мои земли.

Бару ухватилась за ее руку – перчатка к перчатке – и с трудом взгромоздилась на круп коня Тайн Ху. Она держалась, как учили книги, не за всадника, а за заднюю луку седла. Скакун пошел рысью, и движение его не имело ничего общего с плавным ходом корабля.

– Легче. Не напрягайтесь.

Тайн Ху направила коня вперед. Проехав под воротами из камня и сосновых бревен, она миновала строй остроглазых дружинников в табардах с изображением кометы, с короткими луками за плечами.

Перед ними открылась горная долина – весь Вультъяг лежал у их ног.

Лес заполнял долину от края до края. Тени облаков дрожали на вершинах деревьев, колеблемых ветром. Кривой стрелой неслись бурные воды реки Вультсниады. По берегам угнездились мельницы и деревни. А на севере, на нижней ступени гор, будто мост над бурной стремниной, возвышалась известняковая цитадель. Гигантский водопад струился в долину прямо из-под ее

стен и пенился возле поднятых ворот шлюза.

Но как бы ни был прекрасен этот пейзаж, взгляд Бару устремился к воронам, ястребам и луням. Птицы парили в восходящих потоках воздуха высоко над лугами и скальными выступами. Они собирались в огромные конусы, казалось, протянувшиеся от крон деревьев и до самых туч.

Но не успела она начать счет, как Тайн Ху, выкрикнув что-то по-урунски, пришпорила коня и пустила его вскачь, вниз по крутой дороге, исчезающей между деревьев. К всаднице тотчас присоединились дружинники с княжескими знаменами. Бару вцепилась в луку седла в поисках компромисса между достоинством и безопасностью, стараясь задавить в себе внезапное, необъяснимое ощущение счастья.

Глава 8

Бару провела ночь в холодных гостевых комнатах замка над водопадом, слушая, как горные ветры воют среди башен. Позавтракав копченым лососем и вином, разбавленным водой, она отправилась на прогулку по владениям княгини Вультъяг.

Она незамедлительно поняла, что здесь процветает коррупция.

В первой же из прибрежных деревень ей встретились охотники. Они тащили к дубильне оленьи шкуры, подтрунивая друг над другом по-иолински. Лицом и цветом кожи Бару еще могла бы сойти за свою, но стоило ей заговорить, шутки разом смолкли. На вопросы охотники отвечать отказались, но от счетовода не укрылись ни их количество, ни размеры дубильни.

В каменоломне рабочие и члены их семей, едва завидев карету и княжеские знамена, разразились приветственными возгласами. Но когда Бару приблизилась к ним, они уже знали, с кем имеют дело. В толпе зашептались по-иолински: «Маска, маска…» – и Бару невольно напряглась. А люди уже прятали детей от посланца Пактимонта, от фалькрестской пешки, выслеживающей социальные пороки. Бару прошествовала сквозь толпу в полной тишине, оценив мускулы и мастерство каменотесов.

Впрочем, боялись ее не все. Некоторые согласились поговорить – кто на грубом афалоне, кто через переводчика.

– Моя семья работает с камнем сотни лет, – сказала светлокожая зеленоглазая женщина, передав вопящего младенца кормилице. – Мои предки выстроили для стахечи столько домов, что хватило бы на дюжину городов. А я только год назад закончила возводить нашей княгине новый замок. Взгляните

на моего младшенького – он вытянул из меня больше меловой пыли, чем молока. Но, может, это ему только на пользу.

Говорила она с любовью и явно не боялась ни суровых зим, ни гибели сыновей.

На деревенской площади упражнялись дружинники – длинные копья, блестящие щиты, огромные медвежьи шубы… Прекрасно обученная, дисциплинированная фаланга.

– Это Сентиамуты, – пояснили ей. – Их семья даже в Пактимонте славится верностью на службе нашей княгине. А крой своих фамильных медвежьих шуб они держат в глубокой тайне.

«Местные знаменитости… Я тоже знакома кое с кем из этой семьи», – подумала Бару.

Все, что увидела Бару, срослось в одну загадку, общую для

всех владений Тайн Ху. А заключалась она в том, что здесь не было голода.

В Вультъяге имелась каменоломня. Каменотесам требовалась физическая сила, а значит – и хорошая еда. Но долина была слишком плодородной. В лесах можно было охотиться и собирать грибы и ягоды, в реке – ловить рыбу и солить ее на зиму. Однако запасов хватило бы лишь на пару деревень. Без хлебопашества и скотоводства ремесленники, каменщики и их семьи вымерли бы от голода.

Значит, зерно и оливки доставляли в Вультъяг но реке, которая впадала в великий Инирейн (замечательное название, означавшее «Ток света»), или – сушей, через узкий горный перевал, вероятно, непроходимый в зимние месяцы. Но вначале провиант следовало купить или выменять. Для бартера у Тайн Ху и ее крепостных имелись камни – в том числе и драгоценные, а еще древесина, охотничьи соколы, ястребы и, конечно же, пушнина (местные охотники никогда не дремали). Но обмен неэффективен и ненадежен. Должно быть, Тайн Ху закупает провизию оптом, каждую осень молясь о милости рынка и благополучном транзите.

Но для крупных закупок требуются фиатные деньги! Их-то княгиня может получить, сбывая меха, драгоценные камни и прочие товары своему западному соседу Отсфиру. Ну а тот, в свою очередь, переправляет все это по Инирейну на побережье и продает… несомненно, он получает большую выручку! А без фиатных билетов Маскарада здесь никак не обойтись: княгине нужно рассчитываться с Отсфиром, а Отсфиру надо расплачиваться с прибрежными князьками. Последние тоже

вожделеют фиатных билетов, чтобы получить максимальную выгоду. Таким образом, вся экономическая система держится на фиатных билетах.

В общем, народ Вультъяга работал в долине, производя товары в обмен на еду. И, как всякое натуральное хозяйство, Вультъяг был обречен на бедность, перебиваясь от весны до осени, а затем – снова до следующей весны. Экономика Маскарада научила Бару, что богатство достается тому, кто находится на вершине производственной цепочки.

Однако бедностью тут и не пахло.

Деньги переходили из рук в руки повсюду. Хруст бумажных купюр оглашал деревенские рыночные площади, конюшни, мельницы и лесопилки. Вокруг прибрежных деревушек высились прочные ограды и свежеоструганные частоколы. Команды наемных черпальщиков с ведрами относили нечистоты в реку и держали улицы в чистоте.

«Откуда берутся деньги?» – спрашивала себя Бару.

Вультъяг оказался богаче, чем ему полагалось. Откуда новенькие мельницы, казармы и жалованье для каменотесов?

На какие деньги построен княжеский замок, нахально возвышающийся прямо над бурлящим водопадом?

Мало того, вернувшись в неприступную твердыню Тайн Ху и потребовав к себе княжеского счетовода, Бару немного растерялась. Она обнаружила очередную вопиющую несообразность.

– Я к вашим услугам, – произнесла Тайн Ху.

Ее распущенные волосы ниспадали па кольчужные оплечья табарда, каблуки сапог грохотали по каменным плитам, а поклон оказался издевательски низким. В руках она держала книги в кожаных переплетах.

– Вы?!

– Закон гласит, что в каждом княжестве должен быть счетовод. Но нигде не сказано о том, кому следует занимать данную должность, – ответила Тайн Ху. – Грамоте я обучена, хотя бы и только иолинской. В здешних краях, ваше превосходительство, и это – редкость.

Приняв у нее книги, Бару положила их на сосновый столик и молча открыла первый фолиант. Ей очень хотелось усмехнуться или нагло громко расхохотаться Тайн Ху в лицо, обвинив ее в коррупции. Правда, сперва надо было найти в книгах обман или прореху.

– Жду вас к обеду. Дружинники вас проводят. – Задержавшись в дверях, Тайн Ху оглянулась на Бару с мрачным любопытством. – А вы действительно умеете фехтовать?

Бару раскладывала на столике книги, пергаменты и палимпсесты, словно не слыша вопроса княгини. Счета велись по-иолински. На иолинском Бару пока еще читала по слогам, зато понимала цифры, и этого было достаточно.

– Пришлите мне еще чернил, – буркнула она.

* * *

Бару пропустила обед. Йомен, слуга из свободнорожденных, принес ей свечей, чтобы работать ночью.

Первая ее атака провалилась. Счета княжества Вультъяг оказались сбалансированы со всей возможной дотошностью. Простейшие виды жульничества и коррупции обычно проявлялись именно в платежном балансе, но пока Бару не могла ни к чему придраться. Средства, которые шли в уплату за железо и

провиант, на выплаты жалованья и ссудного процента, были абсолютно законно получены в качестве налогов, ссуд, прибыли от продаж или брались из казны княжества. С арифметикой Тайн Ху управлялась отменно.

Но Тайн Ху родилась в Ордвинне, а значит, она еще не могла похвастать умением ловко обращаться с фиатной валютой и имперскими счетами. Она должна допустить где-нибудь ошибку, которая не укроется от чуткого нюха счетовода.

Наверняка.

Разве что ей не требовалось прятать никакой измены.

Неужели мятежники, нуждающиеся в деньгах, существовали только в воображении Бару?

Бару отхлебнула вина, разбавленного водой, и провела пальцем по строкам постатейного реестра финансовых операций, словно хотела нащупать отпечатки мятежа.

– Что? – проронила она, отставляя в сторону бокал. – Что?!

Она искала следы использования крупных заемных сумм фиатных денег для покупки драгоценных камней и металлов, товаров, земельный угодий…

Но Вультъяг поступила в точности наоборот. Тайн Ху продала каменоломни и леса за фиатные билеты. Она избавилась от золота и серебра, накопленных поколениями ее предков, и все – во имя того, чтобы собрать как можно больше бумаг.

Странно, насколько непритязательными оказались действия княгини: Бару не заметила нигде ни сбивания цен, ни крупных финансовых маневров. Бару мысленно вообразила себе вихрь крошечных сделок, который разметал владения Тайн Ху и унес оставшийся прах прочь.

Постойте-ка! А Тайн Ху неплохо нажилась на своих сделках. Цены были более чем щедры.

Но кто же покупатели? Имена в счетных книгах оказались отнюдь не княжескими. В реестре не было ни западного соседа Отсфира, давно точившего зуб на Вультъяг, ни Лизаксу, снизошедшего со своего Высокого Камня. Ни кротки не отошло ни Фиатному банку, ни Имперской коммерческой фактории, которые с великой радостью купили бы доходную землю. Лишь бесконечная череда серых, ничем не примечательных имен без единого титула…

– Ох, – вздохнула Бару. – Ох-хо-хо…

Открыв перепись населения Вультъяга, она бегло пролистала ее. Вот они, все эти имена! И Обедиры, плодовитые Одфири и Алеменуксы, из поколения в поколение застраивавшие берега мельницами… Сентиамуты в медвежьих шубах, сделавшие состояние на выпасе скота в северных высокогорьях Зимних

Гребней, откуда пришли их предки.

Никого из знати. Только простые вультъягские семьи.

Тайн Ху продала княжество своему народу и тем самым избавилась от владений.

Но где эти люди – охотники, каменщики, лесники – раздобыли капиталы, чтобы купить все богатство? Где они заработали столько имперских фиатных билетов, чтобы приобрести собственность Тайн Ху, да еще но баснословно щедрым расценкам? Ведь теперь-то княгине явно хватит средств, чтобы скупить прочие княжества оптом, вкупе с их долгами?

Деньги не могли взяться из ниоткуда. Неразгаданная тайна мучила Бару.

Бару поднялась и прошлась но комнате, продолжая размышлять. Ковер – нитяные всадники, копейщики, потоки крови – мягко пружинил иод сапогами.

Зачем Тайн Ху понадобилось швыряться своим богатством? Видимо, требовалось добыть деньги, не привлекая внимания. Например, продать имения своему же народу. Но отчего народ согласился на это? Что будут делать Сентиамуты с наделом земли в предгорьях Зимних Гребней? А чем займутся Обедиры

на тысяче акров леса? Продадут земли Фиатному банку с небольшой выгодой? Ведь они – крепостные, а не помещики и не рантье, преобладающие в княжествах Внутренних Земель. На севере одна лишь Эребог позволила помещикам слегка возвыситься – и обнаружила, что даже эта скудная мера сделала их своевольными и прижимистыми.

Нет, вультъягские семьи не знают, как взяться за дело.

Бару притиснула кулаки к вискам.

Зачем подданные Тайн Ху покупали владения своей хозяйки за фиатные билеты, которые им неоткуда было взять? Если бы они ринулись в Фиатный банк за ссудами, это отразилось бы в счетных книгах. Тогда – откуда же деньги? И для чего? Ведь Тайн Ху не может всерьез полагать, будто ей удастся потратить все фиатные билеты на копья, алебарды и скакунов или хотя бы платить своим дружинникам жалованье в военное время?

Вероятно, деньги будут использованы до начала войны.

Подойдя к окну, Бару взглянула на безмолвный темный лес и на долину, раскинувшуюся внизу. Удивительно, но похоже, что здешние богатства оказались никчемными. Ни древесину, ни драгоценные камни и серебро нельзя использовать здесь с толком из-за дороговизны человеческого труда и того непреложного факта, что княжество Вультъяг способно лишь обеспечивать сырье, из которого извлекут выгоду другие.

Прикрыв глаза, Бару расправила плечи и представила, будто

она – Тайн Ху. Вот она поднимает в стремя тяжелый сапог, взлетает в седло и мчится но тропам своего княжества, думая: «Как высвободить мои богатства и превратить их в силу, способную противостоять Маскараду? Продав Маскараду свои сокровища и земли, я усилю его – как вырваться из заколдованного круга? Как создать вооруженную армию под стенами Пактимонта?»

Деньги не могли взяться из ниоткуда.

Но бумажный след обрывался на семьях из простонародья. Они, в отличие от князей, не были обязаны вести счетные книги.

Бару почувствовала зацепку.

Запись Су Олонори гласила: «В. – продано много земель –?».

Он был на верном пути! «В.» – значит «Вультъяг». Продававшая свои земли.

И Аке Сентиамут, женщина в медвежьей шубе, которая принесла Бару пиво и тихо шептала, что Бел Латеман невиновен. Аке Сентиамут, ответственная за взаимодействие с печатниками…

Деньги не могли взяться из ниоткуда. Однако в Ордвинне все было возможно.

* * *

На следующее утро она сообщила Тайн Ху, что ревизия окончена.

– Все в полном порядке, – улыбнулась Бару. – Если бы все княжества вели книги так же аккуратно, как вы! Если вы будете столь любезны и дадите мне чуточку времени, чтобы избавиться от этого…

Бару коснулась символического кошеля на цепи, свисавшего с ее пояса, словно трупик дикого зверька.

– Вы, конечно, погостите у меня еще немного, – не терпящим возражений тоном произнесла Тайн Ху. – Я поклялась научить вас ездить верхом, пока губернатору Каттлсону не представилась возможность испортить вашу технику.

Мысль о «Лаптиаре» явилась непрошеной гостьей, и Бару поспешила выставить ее вон. Корабль Аминаты уйдет до ее возвращения. Тут уж ей надо смириться.

Сделав добрый глоток разбавленного вина, Бару смежила веки, чтобы хоть на миг ускользнуть от гнетущего пристального взора Тайн Ху.

– С удовольствием, – согласилась она.

* * *

И княгиня действительно научила ее ездить верхом. Сперва Бару сидела в седле позади Тайн Ху, а после нескольких уроков решилась совершить свою первую конную прогулку. Тайн Ху предложила ей флегматичную гнедую кобылку, которая, похоже, никогда не торопилась.

Она медленно трусила вдоль опушки леса, позволяя Бару любоваться окрестностями, и даже не обратила внимания на воронью стаю, весьма недовольную вторжением двух всадниц. А вороны очень понравились Бару: она задержалась, чтобы поглядеть, насколько далеко может зайти их ярость. Но вскоре они притихли, беззаботно объявив одностороннее перемирие.

– У меня есть теория касательно вашего внимания к птицам, – заявила Тайн Ху.

– Неужто?

– Птичий язык – единственный из языков вашей родины, который вы можете слышать по сей день.

– На Тараноке мы говорили на афалоне, – возразила Бару, не подавая виду, что удивлена.

– Только после их прихода.

– После нашего прихода, – поправила ее Бару.

Тайн Ху насмешливо скривилась.

На другой день Тайн Ху принесла короткие кавалерийские луки и принялась учить Бару стрелять. Каждая деталь лука была прекрасна – древко, оперение, полочка, рукоять, жилы и рог – однако при стрельбе требовалась недюжинная координация, а последней Бару явно недоставало.

Сама Тайн Ху поразила Бару. Она двигалась и говорила решительно, порой с некоторым нетерпением. Казалось, что она раздражена медлительностью мира, отстающего от ее воли на пару шагов. С конем и луком она управлялась инстинктивно, не задумываясь, не отвлекаясь от беседы с Бару. Но, столкнувшись с конкретной задачей – не оборачиваясь в седле, на всем скаку послать стрелу в цель или ответить на сложный исторический либо философский вопрос, – Тайн Ху хмурила лоб и утрачивала толику обычной жесткости. Возможно, в такие моменты она забывала притворяться кем-то другим…

Некоторое время Бару не замечала, сколь пристально она наблюдает за этой женщиной. Возможно, то был самообман: обнаружив за собой такое, пришлось бы строго себя контролировать.

Разъезжая без охраны под сенью высоких сосен, они часто затрагивали опасные темы. Они беседовали о религии, о

внутренней и внешней политике и даже о браке. Тайн Ху была молода, а в Ордвинне до сих пор не умерли древние бикамеральные обычаи ту майя. В этом смысле женщина, доказавшая способность к деторождению, могла проявлять и большую инициативу, чем княгиня.

Наконец они заговорили о Маскараде. Началось все с вопросов, столь дорогих сердцу Бару: «Отчего они правят нами? В чем их сила?» И на лучшие ее ответы: «В химии, в финансах, в развитом мореплавании», – Тайн Ху нашла что возразить. Да, ту майя изобрели тяжелую кавалерию и конный плуг, и это подчинило им половину ойкумены, но лишь на время.

– Что с нами станет, если мы пойдем вашей дорогой? – спросила Тайн Ху.

Вокруг шелестел ветвями сумрачный вековой лес.

– Вас переделают. Внесут в кровь предохранительные прививки. Научат новым способам добывать богатство и приносить пользу. Ваши браки будут… – Бару запнулась, подыскивая подходящий термин из афалона, – … скорректированы. Ваши дети и их потомки смогут служить Республике наилучшим образом.

– То есть нас будут скрещивать, как скотину, – Тайн Ху склонилась и погладила бок своего копя каким-то извиняющимся жестом. – А процесс уже начался. Они установили квоты: не менее такого-то количества союзов между кровными линиями стахечи и ту майя, чисто бельтикские браки запрещены…

– Первые шаги инкрастической программы направлены на подсчет и исследование естественных преимуществ разных рас и их гибридов.

– Каково ваше мнение?

– Я счетовод. Наследственность – не моя забота.

– Ограничивая себя, – презрительно вымолвила Тайн Ху, – никогда не добьешься власти.

– Что? – переспросила Вару, выигрывая время, чтобы унять холодок, вызванный словами Кердина Фарьера, прозвучавшими из уст Тайн Ху.

– Деньги – только один вид власти. Я бы отнесла сюда веру и любовь. Символы тоже указывают па власть – вы же носите свой кошель всегда и повсюду, Бару Корморан. А когда вы решаете, как нужно одеться, как смотреть на людей, как держать осанку, вы присовокупляете к своему образу кое-что еще, верно? И все эти символы могут поднять людей на труд или на бой, – пояснила Тайн Ху.

Она умолкла и посмотрела на Бару с царственной отстраненностью, без малейшего намека на злость.

– И сами вы – тоже символ, Бару Корморан, – продолжала она. – Судите сами. Вы – дитя завоеванной страны. Хозяева заметили вас, оценили ваш ум и сообразительность и отдали учиться. А теперь вы служите Маскараду в наших краях! Что это, если не вызов? Девчонке простого происхождения дана власть над землей древней знати! Вы – слово Империи, Бару Корморан, вы – символ, который означает: «Ордвинн, ты наш!»

– Я – Бару Корморан, – возразила Бару, – счетовод, назначенный на данный пост сообразно своим достоинствам. И я не символизирую ничего, кроме самой себя.

– Пока вы этому верите, вам не стать ничем, кроме как винтиком, частью гигантского механизма.

– Но винтик может изменить весь механизм. Конечно, потребуется терпение, да и о самопожертвовании нельзя забывать, но…

– Гораздо эффективнее – сломать механизм и сделать вместо него что-нибудь совершенно иное.

С этими словами Тайн Ху пришпорила своего коня и понеслась вперед.

* * *

Позже они любовались закатом с высокой каменной пустоши, куда лошади поднялись не без опаски. Похоже, Тайн Ху не собиралась домой.

– Вы ведь нашли в книгах, что искали? – спросила она. – Вы сказали, что в них все в порядке, но вы обманули меня. Вы догадались, что я подделываю фиатные билеты. Возможно, вы смогли представить себе масштаб.

Бару могла бы солгать вновь – и быть пойманной на лжи. Поэтому она сказала правду, подумав, что Тайн Ху отнесется к этому с уважением.

– Да, – произнесла она. – Я обнаружила ваш трюк. Можете убить меня и сделать вид, что всему виной несчастный случай.

– Зачем? Тогда сюда пришлют очередного головастого иноземца, гораздо менее приятного. – Тайн Ху покачала головой, разметав по плечам косы. – Нет. Это даже не рассматривалось. Вы слишком ловко обезопасили себя.

Бару поклонилась в седле.

– Я польщена.

Тайн Ху перевела взгляд к лесу. Вдали ухнул филин.

– Вы ничем не сможете помешать. Восстание состоится. И ваша беспомощность будет неизгладимым упущением, отметит

вас лучше всякого шрама. Вот о чем я сожалею. У вас, несомненно, были какие-то личные намерения, а данное упущение поставит на них крест.

Во время прошлого восстания Тайн Ху была совсем юной. Она не упоминала ни о родителях, ни о братьях или сестрах. Вероятно, она прекрасно осведомлена о цене революции.

– А чего хотите вы, Тайн Ху?

Княгиня Вультъягская окинула взором свои владения, распростершиеся внизу.

– Во мне течет благородная кровь. Раньше я, как всякий князь, жаждала власти. Никому не повиноваться и править своим народом. Но теперь, когда нами правите вы…

– А что теперь изменилось?

– Маскарад показал мне, насколько тяжело ярмо. Зате Олаке, муж моей покойной тетки, образно говоря, открыл мои уши для стонов простонародья… – Тайн Ху подняла ладонь к губам и ухнула в ответ филину, имитируя его крик легко и безупречно. – Я хочу свободы для своего народа.

– Это измена, – негромко упрекнула ее Бару.

– Донесите о ней правоблюстителю, – рассмеялась Тайн Ху.

– Отмыть фальшивые деньги в счетных книгах при помощи крепостных – весьма разумная идея. Но мне интересна одна вещь…

– Только одна? Скромный у вас аппетит!

– Тогда две, – заявила Бару, вспоминая ревизию в Фиатном банке, до смерти перепуганного принципал-фактора и Аке Сентиамут, заверявшую, что ее любимый начальник никогда не отступал от правил. – Мне известно, как вы раздобыли образцы и печати для подделки билетов – дерзость семейства Сентиамутов вне всяких похвал. Но откуда взялись умелые исполнители? Скопировать фиатный билет – уже целое предприятие. А изготавливать их в таких количествах, и чтобы никто не отличил…

Тайн Ху натянула поводья и пригляделась к опасному спуску.

– Я слышала, что жрецы иликари, почитающие Видд, Девену и Химу, больше всего на свете любят изучать священные писания. Они, кстати, прекрасно иллюстрированы – и оригиналы, и позднейшие копии. Некоторые даже увезены в Фалькрест как произведения искусства.

– О-о! – протянула Бару, начиная понимать.

Погреба Зате Явы битком набиты иликари, ожидающими суда, – их-то и приставили к делу.

Они отправились к водопаду уже в сумерках. Здешние звезды были чужими для Бару, но не для Тайн Ху, и они легко нашли

дорогу в замок.

Глава 9

Бару ехала на юг – обратно в Пактимонт, в это змеиное логово. Наперегонки со временем и планами мятежников. Возможно, шанс еще есть.

К северу от вольного города Хараерода, в острой, точно клык, тени горы Кидзуне, ей преградила путь банда грязных, опустившихся солдат. Вонючая фаланга, ощетинившаяся сталью… Сопровождавшие Бару дружинники Вультъяг зашептались – мрачно, но без тревоги: «Ясно, что Игуаке собирает дорожную пошлину. Она думает, мы – скотина, и хочет состричь с нас последнюю шерсть».

Скорее всего, это были не подосланные убийцы. Нет, не здесь, не сейчас и не таким способом! Иначе дружинники Вультъяг и сами бы справились.

Бару спешилась, надела маску и направилась прямо в зубы заступившей дорогу фаланге. Сегодня был не лучший день для задержек, и она не собиралась трястись от страха и скулить.

– Прочь! – крикнула она, подняв руку в белой перчатке. – Имперская служба! Я не плачу пошлин!

Строй копейщиков не шелохнулся. Тогда она добавила:

– Княгиня Игуаке моя данница! Хотите всю оставшуюся жизнь хлебать помои в ее свинарниках?

Один из бойцов в фаланге опустил наземь копье и щит и вышел ей навстречу. Он был стар, злые годы избороздили его лицо глубокими морщинами и шрамами, однако тяжесть доспеха, казалось, была ему нипочем. Под его глазами были нарисованы черные полукружья – для защиты от яркого солнца.

– Боюсь, они не понимают афалон, – произнес он, послужив лучшим подтверждением своей честности: его афалон был ужасен. – Дай-ка на тебя посмотреть. Хм…

Бару приблизилась к нему на расстояние вытянутой руки. Старик сощурился, недовольно шевеля нижней челюстью, и, наконец, с отвращением покачал головой.

– А ты с виду совсем как она, но она лучше держится в седле. Сними маску. Нужно убедиться.

Любопытство победило негодование.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты похожа на княгиню Наяуру. Пришла весть, что ее видели переодетой на землях Игуаке. Молодая, смышленая, как раз твоего роста. Возможно, имеет намерение соблазнить сына ее светлости Игуаке и узурпировать ее линию наследования. Так сказала ее светлость. Ты хочешь соблазнить наследника Коровьей

Княгини? – Наконец пехотинец заметил свисавший с ее пояса кошель на цепи и сдвинул брови. – Ого, а вы, значит, имперский счетовод?

– Да.

Старик задумался, сплюнул на дорогу.

– Что ж, князь Пиньягата к вашим услугам. А вы – Фаре Танифель? Мы встречались на… как его… на том треклятом празднике в большом доме, помните?

Сохраняя невозмутимость перед лицом окружающего ее абсурда, Бару превзошла саму себя. Князь Фаланг, встреченный посреди дороги пешим, за охотой на тайных любовников – это словно было взято прямо из дореволюционного рыцарского романа. Или из монографии, которую советовал ей прочесть Мер Ло.

– Фаре Танифель мертва.

– Точно-точно! Зате ведь добралась до нее. А тогда вы – Су Олонори, следующий счетовод. С вами мы, кажется, не знакомы… – Пиньягата подал Бару руку в кольчужной перчатке. – А еще я думал, вы – мужчина. Или вы и впрямь мужчина? Я слыхал, что у ориати на этот счет свободнее… Ладно, не мое дело, только скажите, вы вообще какого пола будете?

– Су Олонори тоже мертв, – сообщила Бару, стараясь как можно крепче сжать поданную ладонь сквозь кольчужную защиту. – Я здесь, чтобы исправить положение.

– Правда? – Пиньягата вытаращился на нее с изумленным уважением. – А вы явились сюда, чтобы исправить грызню между этими двумя?

– Между Игуаке и Наяуру? – Нет уж, пусть с распрями величайших княгинь Внутренних Земель из-за прав наследования возится Зате Ява – а Бару нужно срочно разобраться с Тайн Ху. – Нет, сейчас есть более насущные вопросы. У меня – неотложные дела в Пактимонте. Отведите солдат, и я забуду об этом недоразумении.

– Очень любезно с вашей стороны. – Повинуясь жесту Пиньягаты, его фаланга подняла копья и расступилась. – Рад, что вы не Наяуру. Будь я проклят, если знаю, что бы с ней делал. Наверное, пришлось бы арестовать по выдуманному поводу. Тогда бы ее жеребцы, Отр с Сахауле, затеяли еще одну междоусобную войну, а мне надоело побеждать в подобных междоусобицах. Убьешь князя – прекрасно, война есть война, но ведь его родичи поклянутся тебе отомстить. Приходится убивать и их всех подряд! Лично мне всегда было тяжко сворачивать шею какому-нибудь четвероюродному брату, у которого и яиц-то еще не видно, понимаете? Наверное, поэтому у Игуаке и уйма коров, и целая

династия, а у меня – нет. Сердце у меня слишком мягкое. А вам доводилось убивать при исполнении? Если кто, к примеру, мошенничает с налогами или задерживает выплату ссуды? Коли уж те двое мертвы, должно быть, на сей раз кошель доверили настоящему душегубу.

– Интересная теория… – Бару подала знак своей охране, чтобы те подвели к ней ее коня. – Кстати, разве Игуаке с Наяуру не союзницы?

– И не спрашивайте. Обе вечно что-то затевают – то с наследованием, то с пастбищами, с питьевой водой, а то – кому из них быть королевой! Я в их склоки не вникаю. Я только кампании планирую. Ладно… – Пиньягата крепко хлопнул ее по плечу. – Счастливого пути!

* * *

«Лаптиар» ушел в открытое море, не дождавшись возвращения Бару.

Мер Ло ждал ее за своим столом. Слева от него лежала стопка официальной корреспонденции, а справа – одно-единственное письмо, запечатанное красным воском военного флота.

– Лейтенант Амината? – спросила Бару, расстегивая плащ.

– Она уже в пути, ваше превосходительство. «Лаптиар» отбыл в Фалькрест. Позвольте ваш плащ…

Бару имела в виду письмо и едва не зарычала на Мер Ло, разъясняя свою мысль. Но если бы послание было от Аминаты, ему не потребовалось бы разъяснений. Значит, она не стала писать.

Игнорируя предложение Мер Ло, она принялась складывать плащ – только затем, чтобы занять руки.

Аминаты нет. Морских пехотинцев с «Лаптиара» – тоже. Зате Ява и Тайн Ху продолжают свою игру. У Бару есть лишь Мер Ло, чтобы остановить их, удовлетворить Каттлсона, заслужить переезд в Фалькрест и спасти Тараноке.

– В отсутствие вашего превосходительства имели место народные волнения и беспорядки, – доложил, копаясь в бумагах, Мер Ло. Беспричинная холодность Бару сбила его с толку. – Местные чиновники арестованы по обвинениям в крамоле и преступном сговоре, обнаружено и разорено несколько храмов икари Видд и Девены. Еще – довольно много прошений об аудиенции, они у меня записаны здесь. В частности, князю Лизаксу не терпится обсудить кое-какие философские вопросы.

– Штат укомплектован?

– Нет, ваше превосходительство, но я подобрал подходящих кандидатов. Осталось дождаться результатов социальных ревизий из канцелярии правоблюстителя.

Бару пристукнула ногтем по письму, запечатанному красным воском.

– А как насчет письма от Кердина Фарьера у тебя на столе? Ты знаешь его содержание?

Вышло жестче, чем Бару задумала изначально. Или нет? Что, кроме обвинения, вообще могло выйти из этого?

Мер Ло уткнулся взглядом в сложенные перед собой ладони в поисках ответа – благопристойного и одновременно честного. Поиски затягивались: в конце концов он покраснел и придвинул послание с нетронутой красной печатью по направлению к Бару.

Бару цапнула письмо со стола, оценивая его вес – легкое – и качество бумаги (бриллиантовый фальц[13], кремово-мраморная бумага, лучший флотский воск).

– Наверное, Кердин уехал, – предположила Бару. – Это означает, что тебе нужно получше отточить мастерство передачи ему донесений. Если хоть одно попадется мне на глаза, мне останется только вышвырнуть тебя с должности. Ясно тебе?

Последовавшего за этим взрыва она не ожидала. Возможно, он назревал в ее отсутствие, пока Мер Ло, оставленный вести дела в раздирающем себя на части городе, сидел в ее башне и отваживал просителей. А может, ее неосторожное пренебрежение приличиями заставило его нанести удар счетоводу.

Вспышка его, неторопливая и обдуманная, выразилась в безмолвном жесте. Мер Ло открыл скрипучую дверцу стола

и с почтительным видом извлек из его недр записную книжку – ту самую, принадлежавшую стахечи-лесорубу, который украсил его синяками. Молча, аккуратно слюнявя палец, он пролистал ее, раскрыл на последней странице и положил на стол. Конечно, Бару не могла прочесть написанного, но это было и не важно – там наверняка говорилось: «Она поднялась с той морячкой наверх, в бордель».

– Осмотрительный политик, безусловно, тщательно следил бы за любыми потенциально компрометирующими предметами, – произнес Мер Ло. – Особенно когда город так сильно лихорадит.

Взяв книжку со стола, Бару с треском захлопнула ее, сунула под мышку и – задержав на Мер Ло уважительный взгляд, кивнула ему – признательно и благодарно.

– Безусловно, – пробормотал она. – Вокруг мало тех, кому можно доверять.

Мер Ло встал и с поясным поклоном распахнул дверь в ее

кабинет. Переступая порог, Бару коснулась секретарского плеча. В груди потеплело, в голове деловито зароились мысли.

Записная книжка вполне могла бы отправиться с Кердином Фарьером в Фалькрест и навсегда осесть в ее личном деле. Но она осталась здесь.

Похоже, Мер Ло – надежный человек.

А вдруг Кердин Фарьер намеренно оставил книжку Мер Ло, чтобы он, воспользовавшись ею, завоевал доверие Бару?

Мер Ло откашлялся.

– Продуктивной ли оказалась поездка в Вультьяг?

– Сверх всяких ожиданий, – ответила Бару, выставляя на стол чернильницу. – Тебе, несомненно, будет интересно узнать, каким образом жрецы-иликари, приговоренные правоблюстителем к смерти, проводят свои последние дни. Они без устали печатают для Тайн Ху фальшивые фиатные билеты. А Тайн Ху распродает владения своим крепостным и отмывает фальшивые деньги в своих счетных книгах.

Секретарь молча взирал на Бару.

– Любопытно. Должен ли я организовать встречу с правоблюстителем?

– Нет смысла. Зате Ява тоже замешана в этом. А тюрьмы – в ее руках, и при первом же признаке опасности она легко избавится от улик. – Открыв ящик стола, Бару достала главную счетную книгу. – Нужно отследить связи. Деньги у Тайн Ху уже есть, но, чтобы поднять восстание, их еще нужно потратить.

– Я сбегаю за книгами кузнецов и хлеботорговцев.

– Хорошо. И организуй срочную встречу с Каттлсоном, – насупившись, добавила Бару. – У Тайн Ху может быть на уме и что-нибудь более прямолинейное.

Письмо, как она и ожидала, оказалось от Кердина Фарьера. В нем было лишь несколько строк:

«Порядок лучше беспорядка.
Помни „Сомнение об иерархии“…
Я – не единственный их агент.
Ты – не единственный кандидат».

* * *

Поездка на охоту с князем Хейнгилем пошла губернатору Каттлсону на пользу.

– Ваше превосходительство! – провозгласил он, широким жестом выдвигая из-под стола кресло для Бару. – Как хорошо, что

вы вернулись к нам! Встречи с вами требует весь город! Кстати, Хейнгиль меня уверял, что вы меня предадите и будете подкапываться под меня! Но я подозреваю, он просто зол, что мы нашли достойную соперницу его дочери, Ри. Мальчик, принеси нам минеральной воды и запри за собой двери. Служба губернатора не терпит отлагательств.

Ее час настал. Пора доказать, насколько полезным инструментом она может быть для Империи.

За окном сквозь туманную дымку краснели корабельные паруса.

Под хвастливые разглагольствования об олене, добытом на охоте, и об экспериментальных браках («в лесных краях лучше всего скрещивать только северные кровные линии, купируя остальные, – лишь так можно добиться отличных физических данных») Бару раскрыла свой кошель на цепи.

Губернатор изумленно заморгал: Бару, словно фокусник, извлекла из кошеля карту, начерченную накануне.

– Что это? – нахмурился Каттлсон.

– Заговор с целью поднять в Ордвинне восстание. – Чтобы ее указующий перст выглядел поистине впечатляющим, Бару надела белоснежные перчатки. – Он начинается здесь, в Пактимонте. Правоблюститель Зате Ява ревностно искореняет икарийские секты, чем подталкивает заключенных жрецов-иликари к сотрудничеству с мятежниками. Агенты Тайн Ху, которых правоблюститель якобы не видит, используют художественные

таланты иликари для изготовления фальшивых имперских фиатных билетов в невероятных количествах. – Коснувшись изображенного на карте Пактимонта, Бару повела пальцем вверх, вдоль дороги на север и указала на Вультъяг. – Фальшивые деньги отправляются в княжество Вультъяг и отмываются в счетных книгах Тайн Ху посредством сделок с ее же собственными крепостными. Княгиня продает им свои владения за гроши, а представляет дело таким образом, будто получает от них огромные суммы. Пока прочие княжества все глубже увязают в долгах перед Фиатным банком, Тайн Ху накапливает военный капитал.

Каттлсон подпер свой выступающий, точно таран, подбородок ладонями и вздохнул. Бару, ожидавшая от него совсем другой реакции, запнулась.

– Поймите меня правильно, – заговорил он с мягкой отеческой улыбкой, пытаясь смягчить контрдоводы, которые, по его мнению, ускользнули от нее. – Я вовсе не хочу красть попутный ветер у ваших парусов. Что ж, история замечательная. Возможно даже, что все так и есть. Мне известно, что Зате Ява

допускает кое-какие вольности, когда считает, что это к лучшему. И я закрываю на них глаза – а она, в свою очередь, не замечает мои проделки. Вероятно, в тюрьмах Пактимонта налажена печать фальшивых денег. Возможно, разбойная стерва Тайн Ху получает большую выгоду. По это никак не указывает на подготовку восстания.

Бару почувствовала себя уткой, с лету нырнувшей в воду и неожиданно наткнувшейся на отмель.

– Вы даже не поинтересуетесь доказательствами?

– Зачем? Вы ведь протеже Кердина Фарьера, а уж я-то осведомлен о его предпочтениях. А у вас, конечно, набралось улик с три короба.

Бару прикусила губу: ей так хотелось, чтобы губернатор воспринимал ее всерьез!

– Деньги – кровь восстания, – заговорила Бару, стараясь казаться как можно массивнее, высокой и широкоплечей, как треклятые товарищи губернатора по охоте. – Деньги нужны Тайн Ху, чтобы костер вспыхнул и…

Губернатор расхохотался. Он явно очень старался сдержаться, но не сумел.

– Вы – счетовод. Талантливый и энергичный… Но разве вы не видите, как это может искажать обзор? Допустим, Тайн Ху разбогатела – ну и что? Ей еще надо купить оружие, найти верных дружинников, обеспечить их провиантом! Это займет

годы, а тем временем ее недоверчивые соседи Отсфир и Лизаксу явятся к нам с нашептываниями. А если она подкупит их – не буду отрицать, ваше превосходительство, деньги могут затуманить разум не хуже, чем вино или тайны, – за ними проследят наши соглядатаи. Я что хочу сказать: успокойтесь! Мы – Маскарад! Нас врасплох не застать!

Бару захотелось заорать на него, и она некстати вспомнила речи Дилине, школьного социал-гигиениста: «У юных девушек и молодых женщин бывает множество истерических состояний и иных неврозов. Это научный факт, неизбежное следствие путей наследования, формирующих пол».

Или это говорил Кердин Фарьер?

– Тайн Ху может воспользоваться деньгами, чтобы уничтожить и вас, и все, что вы старались построить, – негромко продолжала она, стоя на своем больше из гордости, чем в надежде достучаться до губернатора. – Федеральная провинция Ордвинн выскользнет из объятий Фалькреста. Парламент не получит ни крепости, ни богатств. И в ответе окажетесь вы.

А она лишится пути к вершине…

Каттлсон откинулся на спинку кресла, не скрывая

раздражения.

– Как вы уверены, что восстание близко! Подцепили какие-то слухи и сделали их своим храмом и верой! Но вы напрочь лишены чувства истории. Ордвиннские князья бьются друг с другом в течение веков, Корморан. Девять лет назад они пробовали бунтовать – наш ответ они помнят и по сей день. Мы дали им поблажку, позволили отстроиться и продолжать скакать верхом по своим владениям, охотиться и тешить свою похоть. Мы не столь строги к ним – вы же слышали, как княгиня Наяуру хвастается своими любовниками? Вряд ли это гигиенично, однако она до сих пор правит половиной Внутренних Земель. Мы подарили им безопасность, проложили повсюду дороги и обещали прививки. Даже слепому – по запаху! – очевидно, насколько лучше мы делаем их жизнь. Зачем им бунтовать?

Губернатор, похоже, считал, что она разбирается исключительно в деньгах, пренебрегая всем прочим. Возможно, он был прав – рациональное мышление требует допустить и такую возможность. Он – старше, опытнее, поставлен на должность благодаря своим достоинствам и навыкам, кроме того, он из Фалькреста, средоточия всех знаний…

Но нет. От Тайн Ху она узнала многое о политике и непокорности.

– Правоблюститель жестоко подавляет их веру. Теперь мы диктуем им обычаи и управляем их брачными союзами. Мы взимаем с их земель налоги, а князья облагают дополнительными поборами крепостных. Вы сами говорили: их жизнь тяжела. Вот и все причины.

Уголки губ Каттлсона дрогнули, показывая, что ему доставляет удовольствие указывать Бару на ее же наивность. Однако она не уловила мстительности в его усмешке. Скорее – удовлетворение или облегчение: ведь сейчас именно он наставлял дикарку Бару Корморан на путь истины.

– Правоблюститель делает все, что необходимо для удовлетворения самых усердных ее фалькрестских кураторов. Что с того, что мы подавляем их веру? Какое это имеет значение? До этих старых книг нет дела никому, кроме иликари и их прихожан, сплошь испятнанных кислотой. Народу же нужны пиво, медицина, мясо и развлечения. Давая им все это, мы в полном праве требовать взамен немного инкрастической дисциплины.

Сейчас надо отступить. Собраться с силами и вновь двинуться в атаку. Но губернатор говорил с ней свысока…

Бару придвинула к нему карту – свою паутину из сделок и крамолы.

– Ваше превосходительство, призываю вас принять во

внимание точку зрения народа, каковая… – Запнувшись, она плюнула на академический тон. – Народ Ордвинна – все равно что стадо. Его учат любить своего князя и опасаться всего, что скрывается за горизонтом. Вы же в курсе, что Маскарад не боится недовольства народа, а страшиться недовольства его властелинов. Когда знать восстанет, простой люд последует за ней.

Губернатор помрачнел.

– Ваше пренебрежительное отношение к народу Ордвинна меня тревожит. Ордвинн зародился на обломках трех различных культур – сложных, высокоразвитых и совершенно различных между собой. Князья не способны объединить свой народ!

Бару поднялась, опершись кулаками на стол, и напружинилась.

– Князья не бушуют только потому, что все они – в огромном долгу у Фиатного банка, то есть у меня! Своим процветанием они обязаны мне, счетоводу! Они берут ссуды, словно соревнуются друг с другом! Я могу завтра же потребовать погашения долгов и уничтожить их, но если Тайн Ху выкупит их долги, воспользовавшись своими фальшивыми активами…

Если я потребую деньги обратно, и Тайн Ху придет им на выручку… Понимаете, на что я намекаю?

Каттлсон засопел.

– Но разве можно купить долг?

– А как же иначе! Тайн Ху нет надобности создавать армию или нанимать оружейников! Она может легко скупить прочие княжества на корню: Наяуру, Игуаке и в придачу Внутренние Земли, а заодно – их дружины и кавалерию, Радашича со всеми его оливковыми рощами и зерном, без которого нам в Пактимонте не прокормиться! – Бару опустила кулак на карту побережья, и белая перчатка засияла на фоне фиолетовых чернил. – Представьте себе, что произойдет, когда она скупит их долги! Я подскажу вам – в этот момент право руководства их владениями перейдет от меня к ней, к Тайн Ху! И тогда, вместо того, чтобы наперегонки брать бумажные ссуды, дабы народ и помещики были довольны, она заставит их скупать золото, зерно и копья. Она повернет нашу экономическую систему против нас и подготовит Ордвинн к восстанию.

Губернатор вздохнул.

– Но теперь-то вы знаете, что ее деньги – фальшивые. И не позволите ей ничего выкупить.

– Тайн Ху отмыла их через свои счетные книги. А Зате Ява поддержит ее сделку, не усмотрев в ней ничего незаконного. Без вашей помощи мне не остановить Вультъяг. Она займет мое

место! Она станет новым Фиатным банком! – Бару ударила кулаком по карте. – Разбогатев, Тайн Ху предложит им богатство и свободу, и они сразу же восстанут! Думаю, что в этом году мы окажемся заперты в Пактимонте. Подмоге из Фалькреста придется передвигаться по суше – а вы прекрасно понимаете, что они обрушат мосты через Инирейн, – или плыть по морю. Надо надеяться, что корабли не утонут во время зимних бурь! Но мы сами не продержимся так долго!

Выражение лица Каттлсона сделалось обескураженным, словно перед ним только разверзлась пропасть. На секунду Бару решила, что ей удалось убедить его. Но нет: он просто-напросто сообразил, что она не успокоится, пока не осложнит ему жизнь до предела. В качестве девчонки с кошелем на поясе, не понимающей двусмысленных намеков, она явно нравилась ему гораздо больше.

Она ожидала услышать: «Правда ли, что вы провели последние две недели в Вультъяге?»

– Вероятно, вы правы, – произнес он, придя в себя. У него была хорошая улыбка – открытая и искренняя, – губернатор все-таки отличался добродушным нравом. – Почему бы вам не подготовить доклад и не выступить с ним на ближайшем собрании представителей правительства? Мы все смогли бы оценить ваши предостережения но достоинству.

А Зате Ява, предупрежденная Тайн Ху, выставит Бару на посмешище, уничтожив ее авторитет еще до того, как она завоюет его в полной мере.

Уходя, Бару оставила карту на столе. По пути к выходу она миновала секретаря Каттлсона, бережно доливающего воду в бокал с вином.

– Губернатор не в духе, – негромко предупредила она.

В благодарность за предостережение секретарь поднял бокал: дескать, весьма признателен, спасибо за поддержку.

* * *

И что дальше?

А дальше Бару предстояло абсурдное, устрашающее количество работы. Даже располагая информацией из Фиатного банка (которую, кстати, еще нужно было тщательно проверить самой), Бару следовало затребовать копии главных счетных книг каждого княжества и сопоставить их в поисках расхождений. А каждый день, потраченный на эту работу, будет увеличивать груду отложенных рутинных дел имперского счетовода. Сюда

входила и подготовка к налоговому периоду, и пересмотр ставок и структур, и бесконечное количество прошений, которые поступали от купцов, от князей и от самого Фиатного банка. Прошения, конечно, были сугубо практического характера. В одних говорилось о пересмотре инструкций Олонори, в других – об отмене рекомендаций Танифель, а кое-кто даже просил снизить мельничный сбор и заодно запретить речную пошлину…

Контроль над всем этим хаосом требовал сотни подчиненных и год работы без сна и отдыха. А встреча с Каттлсоном разозлила Бару настолько сильно, что она не могла сосредоточиться.

В конце концов отложила изгрызенное перо и позвала Мер Ло.

– Ваше превосходительство? – спросил он, заглядывая в дверь.

– Ты фехтуешь?

– Только не с вами, ваше превосходительство.

После случая с записной книжкой лесоруба он заметно осмелел. И Бару это нравилось, что было не очень разумным с ее стороны.

– На сегодня с меня хватит. Налей себе вина и садись. Давно пора задать тебе несколько вопросов.

Мер Ло справился со стеклянной бутылью, как ловкий виночерпий, и присел к столу.

– Я ожидал, что вы пожелаете знать, есть ли у меня семья. Или некто, кого мне хотелось бы найти.

Подобрав под себя ноги, Бару взяла бокал.

– Я навел справки. Нанес пару визитов. И, в общем и целом, добился результата. – Он безразлично поднес к губам бокал и пригубил из него. – Если моя семья и скучает по кому-либо, то лишь по мальчику, давным-давно увезенному в Фалькрест. Но не по тому юноше, который вернулся.

– Тебя не узнали.

– В этом и заключается цель имперского образования, – ответил он, пожав плечами. – Переделать… Изменит!..

– Кердин Фарьер тренировал тебя лично?

Глаза Мер Ло сверкнули.

– Я познакомился с ним на Тараноке. Назначая меня к вам, он был удовлетворен уровнем моей подготовки.

– Хорошо. – Одобрение относилось как к уровню подготовки, так и к осмотрительному уходу от ответа. – Когда подберем достойный штат сотрудников, я попрошу тебя собрать для меня некоторые сведения. – Она обвела кабинет небрежным взмахом руки. – Здесь твои способности пропадают почем зря.

– Но тут есть и свое очарование.

– Значит, кроме службы для тебя ничего не существует… – Бару усмехнулась, сглаживая резкость своей реплики. – Никакой награды, которой тебя можно поманить. Ты желаешь лишь того же, что и я.

– А чего желаете вы?

– Хочу понять, откуда берется власть, – без малейших колебаний ответила она. – И как распорядиться ей наилучшим образом.

Напившись на пару с Аминатой, Бару говорила совсем не то, что сейчас.

«А вино не делает меня откровеннее», – подумала она.

– Пока вы были в Вультъяге, я бродил по городу. Прогулялся по Арвибонской дороге, поболтал с рыбаками и докерами. Повсюду наблюдаются крамольные перешептывания.

Тон его сделался клинически-беспристрастным. «Похоже, его учили слушать и доносить», – решила Бару.

– Они боятся, что у них отнимут жен и мужей. А кое-кто считает, что княгиня Вультъяг намерена вызвать на поединок и убить князя Хейнгиля и похитить Хейнгиль Ри – ведь тогда Тайн Ху не будет нужды становиться женой Отсфира. Правда, Зате Ява сразу отдаст Тайн Ху под суд и приговорит к лоботомии… – Отпив еще глоток вина, Мер Ло покосился на эркерное окно за плечом Бару. Когда он продолжил говорить, ледяное беспристрастие исчезло из его тона. – Я был здесь во время Дурацкого Бунта: сестры убивали братьев за коллаборационизм, а отцы отрекались от своих дочерей. Я не хочу видеть, как Ордвинн снова возвращается к этому кошмару. – Он умолк и смущенно улыбнулся: – Если вам удастся узнать хоть что-нибудь о природе власти, ваша прозорливость качнет чашу весов и в мою сторону.

– А мы с тобой действительно в чем-то схожи.

– Секретарю положено учитывать желания начальства. Во время Дурацкого Бунта моя мать стала лоялисткой. Отец – тоже, но он разделял взгляды другой стороны, так что мои родители оказались по разные стороны баррикад. Однако они оба называли себя лоялистами! В общем, я хочу сказать, что… – Мер Ло сдвинул брови и уставился на донышко своего бокала. – По-моему, меня с раннего детства научили тому, что надо учитывать чужие желания.

Бару глотнула темно-красного сухого вина и сжала зубы.

– Завтра я еду в Фиатный банк, – произнесла она после паузы. – Я положу конец поползновениям Тайн Ху поднять восстание.

– Неужели?

Бару улыбнулась, но ее улыбка больше походила на оскал.

– Ты сомневаешься во мне? В драгоценном саванте Кердина Фарьера?

– Послушайте меня, – Мер Ло поднял руку в предостерегающем или заботливом жесте. – Когда дело касается восстаний, я всегда ожидаю жертв.

– Ты прав, – согласилась Бару и почувствовала, как в ее животе разливается тепло.

«Наверное, вино ударило мне в голову. Ничего, свой план я уже почти придумала», – сказала она себе.

Странно, но она не смогла сдержать веселья, вызванного чувством податливости мира под ее рукой.

– Жертвы будут, Мер Ло.

Глава 10

Площадь и Фиатный банк кишмя кишели солдатами.

Бару спешилась. Кошель с бумагами брякнул под левым локтем, а сердце – где-то под самым горлом.

– Вы! – указала она на первого гарнизонного офицера, попавшегося на глаза, – объясните мне, что случилось?

– Почетный караул, гос… ваше превосходительство, – ответил тот, кланяясь в пояс. – В банк прибыла с визитом ее превосходительство правоблюститель.

– А также – имперский счетовод. Известите их.

Офицер отступил, а Бару позволила себе поддаться панике. Зате Ява – здесь и сейчас? Совпадение или ответный ход? Невозможно понять. Впрочем – не важно. Ей нужно просто-напросто войти в здание и отдать распоряжения, которые остановят Тайн Ху.

Разве Зате Ява может ей помешать?

И Бару направилась к банковскому крыльцу, минуя ряды сине-серых, словно гребень морской волны, мундиров. По пути она гадала, внушила бы сабля на поясе солдатам почтение к счетоводу или, наоборот, – взбесила их до крайности.

– Имперский счетовод! – рявкнул офицер, объявляя о ее прибытии и… предавая ее.

Двери Фиатного банка распахнулись, и она прошла в зал писарей, украшенный охотничьими трофеями.

Теперь налево, вдоль стены, к кабинету принципал-фактора Бела Латемана.

Там ее и поджидала Зате Ява. Она попивала что-то из оловянной кружки в обществе принципал-фактора. Раздраженно вскинув взгляд и привстав, принципал-фактор произнес:

– Обратитесь к моему секре…

Внезапно его взгляд упал на символический кошель на поясе, и он узнал Бару. С плохо скрываемым отчаянием он плюхнулся в кресло и потянулся к своему высокому воротничку, проверяя, в порядке ли костюм.

– Ваше превосходительство! – воскликнула Зате Ява. – Пожалуйста, простите меня за то, что не встаю. Какое неожиданное удовольствие – видеть вас! Какая честь!

– Взаимно, ваше превосходительство. Кстати, для меня это удовольствие еще более неожиданное – мы ведь в банке, а не в суде.

Бару поцеловала ей руку. Взгляда вороньих глаз Зате было не избежать. Вероятно, Зате оттачивала его в течение десятилетий –

во время долгих допросов…

Тайн Ху наверняка успела предупредить ее о том, что Бару все известно. Ладно. Бару справится.

– Я охочусь на вырожденцев – сектантов-икари. Бел Латеман оказал мне бесценную помощь, – проворковала Зате Ява, улыбаясь принципал-фактору. Тот поспешно кивнул, глаза его забегали, заметавшись между двумя посетительницами. – В конце концов, для устройства храмов им нужна недвижимость, а у любой недвижимости есть владелец. К ответу надо призвать и виновных, и их пособников – вольных или невольных.

Бару также одарила Бела Латемана улыбкой. Фалькрестиец, космополит и, судя по закушенной губе и бисеринам пота на лбу, явно недоволен своим положением. Пожалуй, следовало пообедать с ним, прежде чем устраивать набег на банк в компании морской пехоты.

– Замечательно, что мой принципал может оказать вам столь важную услугу. Пожалуйста, впредь не стесняйтесь обращаться прямо ко мне.

Ее принципал. Должно быть, сейчас бедолага вспоминает о судьбе двух прежних имперских счетоводов, под началом которых он успел послужить.

– Конечно же, я бы обратилась прямо к вам! Но ваш секретарь заявил, что вы отправились в Вультъяг, – ответила Зате Ява, безобразно подмигивая, как будто Вультъяг был сердцем не ее собственного заговора, а портовым борделем или чуть более импозантным домом свиданий. – Уверена, у вас есть дела к вашему принципал-фактору. Если они требуют приватности, я вполне могу подождать нужных сведений в общем зале.

– Нет-нет, – произнесла Бару, решительно отметая малейший намек на секретность. – Я хотела расспросить принципала об изменениях в денежно-кредитной политике и о ссудах, требующих одобрения. В общем, заняться хозяйственной рутиной.

– Но отчего же вы не прислали секретаря? – хмыкнула Зате Ява. – Он для этого и существует.

Бел Латеман не проронил ни слова, и его гротескная, точно приклеенная улыбка едва не повергла Бару в припадок нервного смеха. «Я чувствую то же самое, – хотелось сказать ей, однако она молча раскрыла кошель и извлекла из него распоряжения, скрепленные личной печатью счетовода, с пометками „срочно, секретно“».

– Ваше превосходительство, – вымолвила Бару, передавая их Латеману, – пожалуйста, проследите, чтобы все они вступили в силу немедленно.

Тот вежливо принял бумаги и чуть-чуть расслабился. Сейчас

в его взгляде сквозила надежда – похоже, счетовод пришел в банк не с очередным обыском, а значит, принципалу незачем ломать голову над новым загадочным приказом Бару Корморан.

Ничего, зато теперь у него есть возможность проявить себя!

– Немедленно, – повторил он. – Так точно.

– Разве это не гриф «секретно»? – поинтересовалась Зате Ява, мягко опуская кружку на стол. – И «срочно»? Ваше превосходительство, любой приказ с такими грифами должен обсуждаться с представителями правительства. Не припомню, чтобы мне приходилось участвовать в подобном обсуждении. Одобрены ли ваши приказы губернатором Каттлсоном?

– Хороший вопрос, – произнесла Бару, мысленно визжа от ярости. Как? Как старая ворона это углядела? Почерк Бару был бисерным! – До собрания представителей правительства – почти месяц. Я боюсь, что неразбериха, оставленная мне Олонори и Танифель, может усугубиться. Вы ведь понимаете, документацию нужно еще передать в местные отделения банка в каждом княжестве.

– Полагаю, это весьма масштабная смена политики?

– Нет, обычные процедурные изменения.

Бару хотела отвести глаза, но взгляд Зате Явы буквально приковывал к себе. Наверное, так же она смотрела и на Фаре Танифель, наблюдая, как тонет бывший счетовод.

– Меня, как судью, весьма интересуют процедурные вопросы.

Зате попыталась встать и притворилась, будто пошатнулась, вынудив Бару и принципал-фактора вскочить и подхватить ее под руки. Пальцы Зате легли на запястье Бару – они были сухими, теплыми и на удивление спокойными.

– Пожалуйста, давайте проверим приказы вместе. И если Каттлсон будет возражать, вы найдете во мне союзника.

Сердце Бару затрепетало в груди.

У нее было два выхода. Она может приказать принципал-фактору не вскрывать письма. Тогда Бару, конечно, будет настаивать на том, что проверки ее служебной переписки требуют письменных полномочий, подтвержденных органами имперской юстиции. Но Зате Ява, разумеется, возразит, что она имеет право оформлять такие полномочия, а потому приказы Бару можно проверить без лишней волокиты. Принципал-фактор окажется между двух огней, а Зате Ява отправится к губернатору Каттлсону и всполошит его рассказами о загадочных приказах Бару Корморан.

Так что Бару сделала вдох и произнесла:

– Пожалуйста, распечатайте. Секретарь!

В кабинет заглянула Аке Сентиамут, та самая женщина,

украшая клише фиатных билетов для фальшивомонетчиков Тайн Ху. На сей раз медвежьей шубы на ней не было.

– Ваше превосходительство?

– Запереть кабинет, посетителей не впускать. Служебная тайна.

Дрожащими руками принципал-фактор вскрыл два конверта. Зате Ява задумчиво склонила голову.

– «Принципал-фактору банка провинции, – начал читать он вслух, – от имперского счетовода Бару Корморан, приписанного к объединенной провинции Ордвинн…»

– Спасибо, Бел, – перебила Зате Ява, опираясь на его плечо. – Положи бумаги на стол, я прочту сама.

Он подчинился, а Бару решила ничем не выдавать себя.

Зате Ява сдвинула брови.

– Любопытно. Вы приказываете банку отпечатать новый тираж фиатных билетов для выдачи ссуд князьям. И наделяете местные отделения банка полномочиями выдавать мелкие ссуды напрямую частным лицам, но только золотом и серебром.

Бару кивнула в ответ, не доверяя собственному голосу.

– Данные меры – весьма необычны и выходят за рамки моего понимания политики Имперской Республики… – Зате Ява выпрямилась. В ее осанке не осталось ни малейших намеков на возраст и немощь.

«А она в бешенстве!» – подумала Бару.

– Но вы – имперский счетовод и, как говорят, превосходный математик, а значит, знаете толк в подобных водах. Признаюсь, в делах, не касающихся имен и разновидностей порока, я – не специалист.

И она удалилась, со свистом рассекая воздух складками платья.

Вздох облегчения, вырвавшийся из груди Бару, наверное, был слышен на весь кабинет. Принципал-фактор Бел Латеман потрясенно взирал на нее через стол.

– Что вы творите? – прошипел он. – Я не могу выполнить эти приказы.

– Приношу свои извинения, – сказала Бару, крепко стиснув львиные головы на подлокотниках кресла. – Я только что обесценила имперский фиатный билет в Ордвинне. Я отодвинула нас на десять лет назад, пустила прахом экономику провинции и обанкротила большинство князей.

Ее приказы обернутся катастрофой. Выпустив столько фиатных билетов, банк не сумеет обеспечить их золотом и серебром. Деньги хлынут на рынок посредством соблазнительно щедрых ссуд, неслыханного богатства, рожденного из бумаги и

чернил. Князья передерутся, лишь бы поставить подписи первыми.

Но ордвиннские князья, вероятно, не знакомы с термином «инфляция». Они явно не в курсе того, что избыток денежной массы убьет ценность валюты. Однако ордвиннский лесоруб, видя, что теперь княжеская лесопилка, благодаря лавине ссуд, может купить все его сырье одним махом, поднимет цены. И так же поступят рыбаки и рудокопы, каменотесы и землеторговцы, охотники и кожевенники. А те, кто работает за жалованье, столкнувшись с новыми ценами, потребуют прибавки, дабы сохранить способность прокормиться.

Цены на потребительские товары взлетят до небес, и покупательная способность фиатного билета, количество товара, который можно купить за него, резко упадет.

Да, это будет финансовое самоубийство. Доверие к фиатному билету рухнет, и вскоре излюбленное оружие Фалькреста будет годиться лишь на подтирку.

Естественно, что все ссуды и долги, исчисляемые в фиатных билетах, – те самые, из которых Тайн Ху вознамерилась построить свой союз, – не будут стоить ни гроша.

Вместе с ее собственными подделками.

Все, исчисляющееся в фиатных билетах, будет начисто сметено. И тут уж ничего не смогут поделать ни Зате Ява, ни губернатор.

Восстание, затеваемое Тайн Ху, сгинет вместе с княжескими долгами.

Ну а золото, загодя накопленное Фиатным банком, будет роздано в виде мелких ссуд. Но не князьям – об этом Бару позаботилась. Ссуды, дозволенные ее приказом, пойдут в карманы рыбаков, лесорубов и крестьян, возделывающих оливковые рощи. И каменщиц, и их сыновей, вскормленных меловой пылью.

Ордвинн соскользнет обратно к экономике доимперских времен, основанной на золоте и потребительских товарах. Однако золото это окажется в руках простого человека. Понаблюдав, как Маскарад перестроил экономику Тараноке, Бару устраивала в Ордвинне совершенно обратное.

Каждый из договоров о золотых ссудах – тех, что спасут сотни тысяч крепостных от голода и долговой кабалы, – будет начинаться с крупного заголовка: «ОТ ЩЕДРОТ ИМПЕРСКОГО СЧЕТОВОДА БАРУ КОРМОРАН».

Но большинство ордвиннских крестьян неграмотны. Тем лучше. Кому-нибудь придется зачитывать договоры вслух. «От щедрот имперского счетовода Бару Корморан…»

Запомните ее имя.

– Нас должны видеть за обедом, – произнесла она вслух.

Принципал-фактор вытаращил глаза.

– Что?

– Работа не оставляет мне времени на ухаживания. Мне нужен мужчина – в качестве эскорта, который защитит меня от неподобающих шепотков. Нас связывают служебные отношения, за которыми можно прятать любовную связь, отчего все будет выглядеть много достовернее. Вы женаты?

Плечи принципал-фактора обвисли от великой усталости.

– Нет, – ответил он. – Но…

– Жаль. Иначе скандал вышел бы еще убедительнее. Ладно! – Бару улыбнулась и хлопнула по столу ладонью. – Напишите моему секретарю, он распорядится. И еще…

Латеман подпер подбородок ладонями.

– Да?

– Ваш секретарь. Женщина в медвежьей шубе. Она из Сентиамутов? Из княжества Вультъяг?

– Аке? Урожденная Одфири. В замужестве – Сентиамут. Хотя ее муж в Погребах как бунтовщик… – Глаза его вдруг расширились. – Нет! Она незаменима!

– Уволить, – отчеканила Бару.

* * *

А то, что произошло потом, было уже простой экономикой.

– Это моя вина, – поведала Бару актрисе. – Я все устроила.

Их территории на барной стойке разделял частокол из пустых стопок.

Менее получаса назад актриса пролила на столешницу виски. Сейчас она слушала Бару и рисовала пальцами реки, вытекавшие из одной лужицы и впадавшие в другую. На ней было роскошное камчатное платье – красное с золотом.

– Не может быть, – отвечала она с сильным урунским акцентом. – Разорить князей и купцов? Как одна женщина могла сделать такое?

Весна сменилась летом. Ссуды, учрежденные Бару, вызвали па рынке эйфорию, но ненадолго. Вскоре экономика, объевшаяся излишками фиатных билетов, начала задыхаться. Цены взлетели вверх. Инфляционный коллапс, разгоревшийся на портовых рынках, выплеснулся наружу, как бумажный шторм.

Противницы Бару, Тайн Ху и Зате Ява, были обузданы. Ценой нарастающей разрухи.

– Все это – только моя работа, – подтвердила Бару, добавляя к частоколу очередную опустевшую хрустальную стоику. – Нищета. Беспорядки. Введенный из-за беспорядков комендантский час. Купцы, вываливающие фиатные билеты в бухту, потому что они обесценились. Вереницы голодающих, тянущиеся прочь из города. – Она рассмеялась. Смех должен был прозвучать горько, неискренне, но получился сильным, почти хвастливым. – Я превратила должность счетовода в настоящее искусство.

Актриса ахнула – удивленно, а может, и поражению. Хмельные реки на ее территории дрогнули в своих руслах, освещенных огоньками свечей.

Равнодушный наблюдатель принял бы актрису за сестру Бару. Она оказалась чуть меньше ростом, чуть слабее Бару (с последним было не поспорить, ведь тренировки в школе и повседневный труд закалили саванта!), но общее сходство здесь

явно присутствовало. Бару, недолго думая, решила использовать данное преимущество как камуфляж. Помимо прочего, актриса могла похвастаться тем же обаянием и властностью, которая не нуждалась в подтверждениях и не зависела от одобрения или верности окружающих. Вероятно, именно поэтому Бару и заговорила с ней, если только актриса не обратилась к ней первой. Она была новичком – таверну рекомендовала ей двоюродная сестренка – и, кто знает, наверное, она увидела в Бару частичку самой себя.

С некоторых пор Бару проводила в подобных заведениях много времени – лишь бы выпить и побыть рядом с морем. Одевалась она в матросское платье, столкнувшись с патрулем, предъявляла печать технократа.

И совсем неудивительно, что сегодня она отправилась в таверну неподалеку от Ату-холла. Кроме того, Бару хотела оказаться подальше от ныряльщиц – длинноногих пловчих, вооруженных сапожными ножами. Они были опасны во всех смыслах, а их интуиция была острой, словно жестяной лист каменщицы. И они слишком бередили душу. С актрисами как-то спокойнее.

Актриса чиркнула пальцем но стойке, соединяя два озерца, покрытых мелкими пузырьками. Взгляд ее – любопытный, чуть искоса – буравил имперского счетовода.

– Значит, у вас побольше власти, чем, скажем, у любого князя? Вы на это претендуете?

– Их власть просто передана им по наследству. По крови. А мне этого было бы мало.

– Но их кровь столь благородна!

– Неужто?

– Князь Хейнгиль каждый день ездит дозором со своими дружинниками, чтобы избавить беженцев от бандитов. Воистину благородный человек!

– Говорят, князь Радашич тоже выезжает в дозор, дабы избавить беженцев от общества Хейнгиля. Очень благородно – на свой манер!

Актриса рассмеялась – восхищенно и обиженно. Бару выложила на стойку монету и подала знак налить еще.

– Что толку им от благородной крови? – продолжала она. – Мне хватило одного письма, чтобы уничтожить их богатства, хотя я… – она указала на свои скулы и переносицу, – из простых.

Актриса подняла два пальца, решительно протестуя:

– Нет. Богатства у них остались.

– Только не в моих книгах.

– Значит, в ваших книгах записано не все.

Бару опустила палец на стойку со своей стороны хрустального частокола, словно прикалывая что-то невидимое к доске.

– Укажите на мою ошибку. Где они, тайные богатства Радашича?

– Радашич – не шут гороховый. Подумать только – княжеством Уэльским правит человек, ничего не смыслящий в ирригации! Но у него есть сыновья. Князь Хейнгиль навсегда останется цепным псом Каттлсона, но его дочь – гениальна. Читали ее монографии? У князей Лизаксу и Отсфира тоже есть дочери. У княгини Игуаке – сын и дочь, и она вовсе не намерена останавливаться.

Актриса коснулась разделявшего их частокола, поправила одну стопку, другую. Глаза ее – настороженные, внимательные – не отпускали взгляда Бару, явно предлагая что-то или намереваясь о чем-то попросить.

– Есть семья, – продолжала она. – И наследники. Значит, род в безопасности. Никакие чернильные фокусы не отнимут у них этого.

Бару опрокинула очередную стопку дрянного виски и скривилась.

– Только лишние рты, – пробормотала она, выискивая в частоколе свободное место. – Если, конечно, их не заберет Зате Ява. Или служба милосердия не отправит их в Фалькрест.

Забрав у нее опустевшую стопку, актриса пристроила ее к частоколу.

– Ага… – задумчиво проговорила она.

Проверив геометрию хрусталя с остатками виски, Бару залюбовалась игрой отсветов пламени свечей на отточенных

гранях.

– Что? – рассеянно спросила она и поправила частокол.

– Вы только что рассказали о себе.

– Вряд ли.

– Когда вы в последний раз обращали внимание на детей?

– Зачем? Они не платят налогов.

– А можете назвать кого-нибудь из княжеских супругов? Как, например, зовут жену Лизаксу?

– Мне не до пустяков.

– А знаете ли историю брака Зате Олаке с Тайн Ко? Почему у Хейнгиль Ри только один живой кузен – и кто он? Можете ли назвать князей, потерявших свое потомство во время Дурацкого Бунта?

В ответ на вызов Бару лишь отмахнулась.

– Уверена, что эти истории крайне трогательны. Но я не драматург. Возникнет надобность – выясню.

– Надобность есть. Вы управляете обездоленным народом, что коренным образом меняет наш образ мыслей.

– Мои мысли обычно заняты работой.

– И детей у вас, полагаю, нет?

– Нет… – Поразительно, как быстро ее общество начало утомлять. – А у вас?

– Я могла бы… Через своих отпрысков я могла бы править Ордвинном!

Бару стало весело.

– Добиться тропа материнской лаской?

Ее смех зацепил уязвимую струнку – гордость, а может, строптивость. Актриса подалась вперед, уперлась руками в колени, и в ее взгляде Бару обнаружила нечто – возможно, только что возникшее и обнажившееся из-под резко облетевшего камуфляжа. Далекий горизонт и ветер, который реял над воображаемым будущим, но не над точным механизмом Кердина Фарьера, нет – над страстью, над желанием, над могучей волей, сосредоточенной в одной точке.

Голос актрисы нес в себе заряд этой воли.

– Я родила бы детей от князей и сыновей княгинь. Я смешала бы свою кровь с их кровью и удерживала бы их верность узами взаимного наслаждения. Взрастив детей и привязав соперников к моей плоти, я бы стерла все границы и соединила наши земли воедино. Я бы устроила ирригацию на общинных землях и сделала бы их обильными и плодородными. Зерном я откормила бы скот и сделала мой народ толстым от молока и мяса. Я отправила бы на охрану дорог и областей широкоплечих юношей и дев, рожденных женщинами, свободными в любви. Против

нашей древней силы бледная химия и деликатные законы юных народов – все равно что детская истерика, и потому они уберутся обратно на восток и будут забыты. А с меня начнется истинная династия! Мой род создаст страну, над которой вновь зазвучат урунские песни, где империя ту майя вновь обретет, а со временем и превзойдет былую славу. Вот на что претендую я!

Огонь в ее глазах потух, из груди вырвался вздох. На миг опустив взгляд на озерца из пролитого виски, актриса вздрогнула и посмотрела на Бару. В таверне почему-то воцарилась тишина, а актриса показалась Бару отчаянно юной.

– Недешевые притязания, – произнесла Бару, пряча за словами свои истинные чувства. – Не нужна ли вам ссуда?

Актриса расхохоталась – дико, необузданно, и тотчас после жгучего сценического монолога и этого смеха Бару пришлось признать, что ее общество вовсе не безопаснее компании ныряльщиц.

– Ссуда, – повторила актриса. – А кому она не нужна? Но и без благородной крови тоже не обойтись. Поэтому я, пожалуй, останусь в Пактимонте… изображать тех, кем не являюсь.

– А лицедействовать у вас прекрасно получается, – искренне (монолог и вправду прозвучал волнующе и своеобразно) сказала Бару. – Это из какой пьесы?

Актриса пожала плечами.

– Из моей собственной. Я еще работаю над ней. Думаю, есть риск, что ее объявят крамольной.

– Как чиновник Империи я должна поддерживать искусства. Я оплачу ваш счет.

– А могущество денег превосходит все прочее, – заявила актриса, поднимаясь и осматривая подол своего платья. – Какие забавные бары выбирает моя кузина. Она заслуживает похвалы.

* * *

Так Бару и проводила свое время. В тавернах она выпивала и даже пела местные песни. Постепенно она научилась немного болтать по-иолински и по-урунски, но порой сидела в полном одиночестве.

Однажды вечером совершенно другая актриса – пышная, подгулявшая и ослепительная по ту майянским понятиям о красоте – сказала:

– Зачем вы все скрываете? Я предпочла бы видеть смех или слезы, но не вторую маску!

И Бару подумала: «Если я собираюсь в Фалькрест разгадывать

имперские тайны, нужно посвятить себя делу целиком. Я должна уметь прятать любое чувство и принимать любой облик. Если в сердце моем – бунт матерей-охотниц, отправляющихся на поиски пропавших мужей со смертоносными копьями, я должна держать наготове кислоту и стальную маску».

Но ответила она так:

– Я слишком много времени провожу в вычислениях.

Привычка жить в двух мирах стала ее второй натурой. А может, и единственной – что ей еще оставалось делать? Наверное, она до сих пор хранила верность своему родному Тараноке – или нет?

Что скрывалось под ее маской?

Она сокрушила восстание Тайн Ху во имя собственного возвышения. Она стремилась попасть в Фалькрест. Ей следовало играть по правилам Маскарада, чтобы достичь вершины.

Иного выбора не существовало.

В припортовой таверне, глядя на купцов, мечущих кости и обменивающихся новостями, она обратила внимание на высокого ту майя в маске из соколиных перьев. В его повадках было нечто кошачье, а на его поясе из грубой бечевки висели ножны, разумеется, с мечом.

Бару была не па шутку заинтригована. Захватив с собой вина, она быстро вытащила незнакомца из толпы. Правда, она еще не знала, что будет делать, но собиралась попрактиковаться в искусстве обмана.

– Вы – Бару Корморан, – произнес незнакомец. Голос его звучал немного неестественно, не очень высоко и не очень низко, похоже, он был себе на уме. – Я угадал, верно?

Усадив его за кособокий стол, Бару заняла место напротив.

– Сегодня – нет! – заявила она. – Сегодня я из Ордвинна.

Мужчина пожал плечами и потянулся. Кожа его жилистых рук оказалась совершенно безволосой, и Бару не стала скрывать интереса к данной подробности. Пожалуй, она даже внушила ей облегчение. Редкие ужины в обществе Бела Латемана проходили даже более напряженно, чем официальные встречи с губернатором Каттлсоном в совете. Поначалу бедняга (Латеман, не Каттлсон) казался по уши влюбленным, но Бару мигом сообразила, что влюблен он, к счастью, не в нее.

– В маске вы бы могли сойти за ту майянку, – вымолвил незнакомец. – Но тогда бы вам понадобилось новое имя.

– Готова выслушать предложения, – ухмыльнулась Бару.

– Рыбачка, – предложил незнакомец. – Лесная куница, так любимая простым народом. Вдобавок выходит игра слов.

– Игра слов?

Бару наморщила лоб, не находя в афалонском варианте никаких каламбуров.

– Корморан – это птица, которая любит гнездиться возле воды. Корморан всегда ловит рыбу. А по-иолински «рыбачка» означает «куница, которая рыбачит». Вот он – символ икари Девены, ее основа и опора!

– Замечательно! Бару Рыбачка, любимица запретного бога. – Она кивнула на его меч. – Между прочим, многие жаждут моей смерти. Князья, которых я разорила, мятежники, которых обставила… Я даже умудрилась разочаровать парламентариев! Вы могли бы получить неплохую награду. Пожалуй, после того, что я сделала с фиатным билетом, губернатор с правоблюстителем даже не подумают возражать. Фалькрестские налоговые службы до сих пор выходят из себя.

– Мое оружие опечатано, – сухо ответил он. – И без труда его не извлечь.

Поднося бокал к своим губам, Бару рассматривала незнакомца и размышляла. Акцент, голос, нос е горбинкой могут многое рассказать о лесных краях…

Вероятно, лесничий. Из ту майя, очевидно… или нет?

Склонив голову, она пригляделась к лицу незнакомца, затем протянула руку и взяла его за подбородок. Он не отстранился даже после того, как она сжала пальцы, словно нащупывая знакомые черты. Навалившись на стол, Бару потянула его на себя, отметила полузакрытые глаза и крупные губы. Почувствовала, как напряглись его мышцы…

И, наверное, разочаровала его, шепнув на ухо вместо ожидавшегося продолжения:

– Тайн Ху? Какая решительная маскировка!

Княгиня Вультъягская разразилась хриплым смехом.

– Наконец-то! Как долго я ждала! Я-то не сомневалась, что вы меня сразу раскусите!

– Явились убить меня?

Тайн Ху качнула головой. Волосы, коротко остриженные после их последней встречи, защекотали ухо Бару.

– Ваш ход сделан. Фиатный билет рухнул. Ответить мне нечем. Но, разорив нас, вы погубили и себя. Освободили нас от бумажных оков Империи. Дотла спалили плоды десяти лет экономического наступления Маскарада. В каком-то смысле я победила.

– Но я остановила вас.

– На время. Но подумайте о своем будущем.

Отстранившись, Бару опустилась в кресло и выпила.

Тайн Ху расхохоталась. Похоже, княгиня предположила, что

Бару последовала ее совету и погрузилась в раздумья.

В каком странном положении оказались они обе! Метнули друг в друга копья и теперь сидели рядом – раненые, истекающие кровью. Тайны и устремления Тайн Ху были известны Бару, как никому во всем Ордвинне. И она уничтожила их – надежно, как только смогла.

Вероятно, именно по этой причине Тайн Ху неотвратимо влекло к пей.

– Я собираюсь вам кое-что сказать, – начала Бару. – Замечательная идея, о которой мне довелось читать. Нечто, изобретенное в Ориати.

Тайн Ху ухмыльнулась.

– Выкладывайте.

– Каждое лето вы закупаете для Вультъяга зерно и фрукты и делаете запасы на зиму. Если цены поднимаются, страдаете вы – и, конечно же, вместе со вультъягскими семьями – Вультъяг-Сентиамутами, Вультъяг-Одфири и прочими. Если цены вдруг падают, бедствуют хлеботорговцы. Для обеих сторон предпочтительна золотая середина. – Бару уставилась на свой бокал и решила, что с нее пока хватит. – Поэтому заключайте сделки заранее. Закупайте зерно для урожая следующего лета сейчас.

Тайн Ху сдвинула брови.

– А вы, я вижу, шутить изволите! Это зерно еще лежит в земле и ждет своего часа, чтобы проклюнуться! Никто не ручается ни за будущий урожая, ни за цены!

– Именно поэтому и нужно заключать срочные сделки – чтобы защититься от неопределенности. Торговцы поступятся надеждами на необычайно высокие цены, а вы – на необычайно низкие. Но риск и для них и для вас тоже уменьшится.

Губы Тайн Ху сжались за окаймлявшими маску перьями.

– Ваше последнее экономическое нововведение разорило тысячи. Из-за вас нынешней зимой погибнут от голода люди.

– Нонсенс и преувеличение, – ответила Бару с толикой яда в голосе (вздрагивать от этой мысли она будет позже – по ночам). – В фиатные билеты вкладывали средства помещики, купечество и знать. Именно они были той добычей, которую вознамерился поймать в свои сети Маскарад! А я приманила этот косяк рыб и выпотрошила имперский улов! Я… – Не удержавшись, она фыркнула в свой бокал. – Ха! Я – защитник простого люда!

– Разумеется. Но вы повторяетесь. Ваши золотые ссуды прославили вас в загонах для скота и каменоломнях. Но вы не понимаете Ордвинн, ваше превосходительство. Если князь несет убытки, он возмещает их поборами с крестьян.

Помрачнев, Бару умолкла и мельком окинула таверну, битком набитую матросами. Среди них затесался какой-то штатский: мужчина с рыжими, будто ягоды рябины, волосами. Он заказал необычайно старое и крепкое пойло и привлек к себе восхищенное внимание собутыльников.

Молчание нарушила Тайн Ху.

– Расскажите мне о Тараноке.

– Я почти ничего не помню… – соврала Бару, и ложь, перемешанная с крупицами истины, потекла с языка сама собой. – Только краски. Какой черной была земля, каким чистым – море. Мы сидели под звездами, я слушала шум волн и мечтала. Я стояла с отцами на берегу, смотрела вслед уходящим купеческим кораблям и думала, что корабли дойдут до края мира и упадут вниз, а мы останемся… И ничего не знала ни о гаванских, ни о равнинных, ни об обмене валют, ни о масках.

– С отцами? У вас был не один отец?

– Мы жили в дикости, – проговорила Бару, чувствуя, как у нее свело живот. Тема оказалась щекотливой и табуированной, и теперь ей придется оправдываться. – Мы не понимали собственной пользы. Но в школе, устроенной Маскарадом, я выучила…

– Содомитам – каленое железо, трайбадисткам – нож, – нараспев продекламировала Тайн Ху. – Мне известен гигиенический кодекс и разновидности порока. Мне приказали расклеить это на каждой двери в Вультъяге, чтобы соседи шпионили друг за дружкой.

– У меня была куча теток и дядьев… – выдавила Бару. Вести подобные беседы с врагом – весьма неразумный и неудачный ход! Но у Бару после выпивки всегда разыгрывалось воображение. Ей так нравилось представлять себе, что ее окутал теплый безопасный кокон, где можно делиться секретами! – В середине лета, когда звезды пылают на небе, мы все покидали наши дома. Стоя на берегу, мы брались за руки. Мы могли протянуть цепочку от моря до самого…

Голос прервался вместе с воспоминаниями.

Бару решила, что самое мудрое – замолчать.

– Когда мы восстанем, – проговорила Тайн Ху, – я оповещу всех, что Бару Рыбачка нужна мне живой. Я попросила Незримого Князя пощадить вас.

Опять этот Незримый Князь, исчезнувший брат Зате Явы! Значит, он – глава разведки у мятежников? Примечай, Бару! Тайн Ху легко может проговориться!

– Вы убили Су Олонори, когда он вплотную приблизился к разгадке. Зачем щадить меня?

– Вам нас не остановить.

Бару помогала головой, сильно кружившейся от вина.

– Я не допущу вашей победы. Вы рождены, чтобы править своей родиной. А я собираюсь завоевать право править моей. Я должна попасть в Фалькрест.

– Но в Фалькресте вы ничего не найдете, – ледяным тоном произнесла Тайн Ху. – Кроме того, вы не носите маску. Все обстоит с точностью до наоборот. Маска уже овладела вами и теперь пожирает ваше настоящее лицо. Сорвав ее, вы сделаете для родины куда больше.

– Но как мне ее снять? Они правят при помощи денег и своей химической отравы! Они используют свое красноречие, чтобы лгать нам и порабощать нас! Власть Фалькреста огромна, терпелива, несгибаема. Никакими восстаниями ее не одолеть. – Бару понурилась. – Единственный путь вперед начинается в самом человеке, в его душе.

– Цена такого пути ужасна. Вы рискуете потерять саму себя, Бару Рыбачка.

– Я согласна заплатить любую цену и принести любую жертву, – выдохнула Бару. – Лишь так я сумею взять себе хоть кусочек их власти.

Каждое слово ложилось в ее счетные книги – и вовсе не в графу «Приход». Секреты Бару выплывали наружу без причины, без выигрыша – только потому, что так велело сердце. Предательское сердце…

Тайн Ху молча ждала продолжения речи Бару. Похоже, она хотела услышать нечто совсем неожиданное, к примеру, узнать очередную шокирующую правду. Но Бару, разомлев от спиртного, не находила в голове подходящих слов. Она задремала и даже не сумела вспомнить, когда именно Тайн Ху ушла.

Интерлюдия: Криптархи

После той вылазки в таверну Бару дочитала книгу об истории революционного Фалькреста, о временах «Наставления к вольности» и «Рогатого камня». Цареубийства. Древняя благородная кровь, заливающая площадь Комсвиль, выжигаемая горечью химических стерилизаторов из несозревших половых желез королевских детей. Террор, начавшийся после того, как восстание обратилось против себя и злокачественная опухоль нескончаемых предательств принялась пожирать собственные клетки.

Конечно, то был кошмар, дни и месяцы нескончаемых кровавых бесчинств, хотя именно тогда и наступила пора великих возможностей. Те, кто выжил в кровавой бане, обрели власть над Имперской Республикой – и над всем миром.

Как бы поступила Бару на их месте? Сидя в башне счетовода, подперев подбородок ладонями, Бару размышляла: «Смогла ли бы я пережить ту революцию?»

Доверие нуждается в гарантированном обеспечении – точно так же, как и деньги. Значит, ей понадобились бы союзники, которым есть что скрывать. Их секреты дали бы ей власть над ними. Она бы сплела паутину – и никто не смог бы сорваться с крючка Бару Рыбачки.

Да, это бы сработало. Нужен баланс: кто уничтожит остальных, погубит и самого себя. Доверие надо основывать не на любви или страхе, но на уверенности во взаимном уничтожении, на тщательно сбалансированной угрозе неизбежного уничтожения всякого, кто покинет общий строй. На взаимном шантаже.

Именно такую власть над ней едва не получила Зате Ява.

Бару прошлепала к двери и отворила ее.

– Мер Ло! – окликнула Бару секретаря.

Мер Ло допоздна надзирал за восстановлением счетных книг и порой засыпал прямо в канцелярии.

– Ло, поднимись сюда!

Он настороженно выглянул из-за перил лестницы.

– Ваше превосходительство?

– Как на афалоне назвать… – Бару на миг задумалась. – Управление посредством тайн?

– Хм-м… – Мер Ло наморщил лоб. – Не знаю.

– Тащи словари, – велела она.

Однако она отправилась в канцелярию вместе с Мер Ло – босиком по каменным плитам. Со смехом они принялись

открывать том за томом, отшвыривая их на пол.

Но нужное слово не находилось.

– Мы не с того конца взялись, – пробормотал Мер Ло, сидя среди разбросанных по полу тезаурусов и потирая виски. – Какие требуются корни? Если приходится изобретать новый термин из нескольких первооснов, то какими должны быть данные первоосновы?

– Допустим, «тайна» – это «крипсис»… – Бару уселась рядом с ним. Когда она постаралась устроиться поудобнее, ее тень буйно заплясала в свете масляных ламп. – А окончание?

– Для «управления»? Полагаю, что «архия».

– Выходит, «крипсархия»?

– Правильнее – «криптархия». А правители будут называться «криптархи».

Бару принялась размышлять о бессловесном и неразумном Императоре под маской. Она вообразила, как из-под этой маски над ней смеется Кердин Фарьер, и похолодела.

Она негромко кашлянула.

– Сквозняк, – объяснила она, поймав скептический косой взгляд Мер Ло. – Я совсем замерзла!

– А чего вы ожидали, сидя здесь в ночной рубашке?

– Никакого от тебя толку…

Мер Ло пожал плечами.

– Я мог бы принести вам одеяло, но это вышло бы слишком покровительственно, – сухо произнес он. – Прочие же доступные мне методы и вовсе против приличий.

Бару расхохоталась, но тотчас взглянула на себя глазами Мер Ло – разлегшуюся перед ним, бесстыдную, чужеземную, могущественную, хохочущую… Даже после стольких лет маскарадской нормализации странно это было – смотреть на себя со стороны и думать: «Нельзя вести себя таким образом! Ведь он – мой союзник и советник. Это может внушить ему чувства, которых я позволить себе не могу».

Бару устало поднялась и начала собирать разбросанные словари.

– Я помогу прибраться.

Мер Ло вскочил, поклонился и решительно отмахнулся от ее помощи:

– Не стоит. Прошу вас, ваше превосходительство. Вы простудитесь на сквозняке.

Часть II
Вождь

Глава 11

Мечты о карьере рухнули, как только волны, поднятые падением фиатного билета, докатились до Фалькреста. Бару проводила дни за работой. Она сидела в башне, которую постепенно заполнили новые и явно ненадежные служащие. Пока они сновали вверх и вниз по лестнице, Бару старалась справиться с разрухой в счетных книгах, учиненной Олонори. Ко всему прочему, она, конечно же, пыталась и упорядочить хаос в экономике, устроенный ею самой. Вечера посвящались чтению или фехтованию. Мер Ло был вынужден перебраться в подвал после того, как кто-то сжег его жилье. Бару подозревала людей Радашича – даже беззаботному князю Уэльса было ясно, по какой причине опустела его казна!

Иногда Бару ужинала в компании Мер Ло, а порой выбиралась на люди с принципал-фактором Белом Латеманом, чья репутация была уничтожена одной лишь близостью к ней.

Но бедняга служил ей щитом, причем надежным и жизненно важным.

Пока Бару не получила ни единой весточки от Кердина Фарьера. Ни благодарности за предотвращение назревавшего бунта. Ни намека на то, что Парламент чувствует хоть что-то, кроме ярости и потрясения от ее финансовой политики. Большая часть почты поступала от князя Лизаксу – соседа Вультъяга. Из-под его пера выходили длинные, но не лишенные связности рассуждения о феноменологии и философии управления, над которыми Бару подолгу размышляла и даже собиралась найти время для ответов.

Поневоле возникали мысли, что таинственная влиятельность Фарьера, его непонятные коллеги с именами наподобие «Исихаста», его близость к государственной машине, спрятанной за Безликим Троном, – просто-напросто плод ее воображения.

Так продолжалось три года.

Ордвиннские князья роптали, недовольные жизнью в нищете. Груды золота, накопленные Фиатным банком, ручейками текли обратно во Внутренние Земли и северные долины. Беспорядки, вспыхивавшие повсюду, тут же гасли, задохнувшись в парах кислоты. Тайн Ху познакомила Ордвинн со срочными сделками. Мер Ло устроил представление, не сумев скрыть от Бару свою переписку с Фалькрестом, в которой (как полагалось ему по должности) секретарь доносил об успехах и промашках счетовода. Три года работы – и ни намека на прогресс.

Она брела в порт и напивалась в неизменном одиночестве.

При этом Бару умудрялась тщательно следить за собой. Она не собиралась создавать никаких шаблонов, кроме одного, самоочевидного – пить раз от разу все больше.

А однажды корабль, пришвартовавшийся в порту, принес новость о том, что Тараноке переименован в Зюйдвард.

Когда Бару топила в вине свою горькую тоску, в таверну вошел мужчина с бледной стахечийской физиономией в обрамлении рыжих стахечийских кудрей. Клиент этот сделал заказ – скандально, неслыханно дорогой.

Потом он подсел к столику Бару. Она подняла на него раздраженный взгляд. И где она могла его увидеть?

В ответ он ослепительно улыбнулся и спросил:

– Вы знаете «Сомнение об иерархии»?

* * *

Мужчина оказался абсурдно, умопомрачительно рыж. Вероятно, все дело было в краске… или же в чистейшей стахечийской крови, которая текла в его жилах, выступала веснушками на щеках и даже проявлялась в цвете его пестрых глаз.

– «Сомнение об иерархии»… – промямлила Бару.

Она частенько встречала всяких странных типов в портовых заведениях, однако ни один не начинал разговора с Фалькрестской революционной философии, с отсылок к старинному «Наставлению к вольности».

– Да, я знаю его. А что?

Как «что»? Очередное испытание, конечно, – произнес рыжеволосый тип, взмахом руки указывая на Пактимонт и на весь Ордвинн, лежавший за спиной имперского счетовода. – Испытания позади, испытания впереди. Мне как-то не верится, что вы его знаете.

– Жаль, – невразумительно ответила Бару.

Мысли ее вновь и вновь возвращались к свежим новостям: «Тараноке переименован в Зюйдвард. На острове построят уже шестой флот. Обилие леса и рабочей силы при условии профилактики массовых волнений среди местного населения принесут пользу Империи…»

Все, что предвидела она, отправляясь прощаться в гавань, где ждал ее «Лаптиар», сбылось.

Рыжий подался вперед. От него явственно пахло солью.

– Странник говорил мне, что вы всегда рады возможности показать свои дарования. Но то было три года назад, и вы еще

надеялись сделаться фалькрестским технократом. Похоже, вы сбились с пути, который он предрекал вам.

Бару поставила стакан на стол и невозмутимо взглянула на рыжего. Она с трудом сумела скрыть внезапный приступ паники и болезненного восторга. Наконец-то все вернулось – и таинственные незнакомцы, наблюдающие за ней и оценивающие ее, и политическая клика, из-за которой губернатор Каттлсон держался с неприметным купчишкой как со старшим!

– Фарьер, – сказала она, соединив в уме все точки. – Именно его вы называете Странником. Он говорил о своем коллеге Исихасте. Выходит, я имею честь?..

– Ха! Нет.

Северянин сделал глоток своего баснословно дорогого напитка и состроил блаженную мину. Одетый в простую рубашку свободного кроя и короткую куртку, он смахивал на щеголя, который притворялся моряком. Такой маскарад обманул бы кого угодно, но только не Бару. Да и его шейный платок оказался завязан «тещиным узлом» – и напомнил Бару об известной моряцкой шутке.

– Я не разделяю увлечения Исихаста. Он интересуется научными изысканиями, в которых говорится о том, кто здесь хозяин, а кто – нет. Меня прозвали Вестником, а значит, по разным надобностям посылают именно меня. И вот я здесь, с весточкой. Итак, «Сомнение об иерархии»?

– «Меч убивает, но его направляет рука», – начала Бару, хотя в ее голове крутились строки из «Наставления к вольности» и его доводы в пользу революционного порыва. – «Виновна ли рука в убийстве? Нет. Ее направляет разум. Виновен ли разум в убийстве? Нет. Разум присягнул в верности долгу, и долг направляет разум, как предписано Безликим Троном. Вот отчего слуга Трона безгрешен».

– Давайте прогуляемся, – проговорил рыжий.

Они вышли наружу и двинулись вдоль вечернего порта. Вода тихо журчала среди меди, ракушек и причальных свай. Лучи закатного солнца окрашивали белые паруса купеческих судов в алый цвет военного флота.

– То, что вы сделали с фиатным билетом три года тому назад, свело на нет все наши усилия. А ведь нам удалось многого достичь здесь, в Ордвинне, – произнес Вестник. – Мы планировали использовать провинцию как налоговую базу для войны против Ориатийской Федерации. Теперь Ордвинн приносит нам одни убытки. Половина Парламента жаждет вашей крови, а другая половина требует отрубить голову тому, кто назначил имперским счетоводом девчонку-тараноки. Они

возлагали на Ордвинн большие надежды – как на источник легкой наживы и щит против вторжения стахечи из-за Зимних Гребней. Но сейчас князья свободны от долгов, а золото утекает обратно в Ордвинн, и мы сдаем позиции… – Вестник с донельзя экзотической внешностью покосился на Бару и лукаво улыбнулся. Его лицо казалось портретом, написанным на холсте паруса дромона[14], который стоял на якоре. – Но дело в другом. Бару Корморан, вправду ли вы уничтожили фиатный билет ради блага Трона? И посему безгрешны?

– Парламент не понимает Ордвинна. Я сделала то, что было необходимо для сохранения власти Имперской Республики над Ордвинном.

Бару ничего не писала в Фалькрест в защиту своей политики. О таком нельзя было и помышлять, поскольку любые обвинения счетовода требовали доказательств. Если бы Бару осмелилась черкнуть в Фалькрест пару откровенных строк, власти бы сразу обратились к самой Зате, чтобы проверить, действительно ли Тайн Ху использует для печати фальшивых денег своих крепостных и кое-каких неугодных людей.

Вестник взирал на нее с нескрываемым любопытством, и Бару воспользовалась паузой, чтобы, в свою очередь, разглядеть его. Он был молод – не намного старше ее – и хрупок сложением, однако двигался с неторопливой уверенностью, подняв голову со странной, едва уловимой гордостью, присущей знати. Разнобой слов и осанки раздражали: он говорил, будто Кердин Фарьер, но манерой двигаться отдаленно напоминал Тайн Ху.

– Парламент не понимает ничего, кроме собственной выгоды, – произнес он. – Но мы понимаем Ордвинн. И поэтому послали сюда вас.

– Вы? – Бару долго раздумывала об этом за последние три года! – Вы, Кердин Фарьер и он – Исихаст? Вы – та самая сила, которая прячется за Императором, сидящим па Безликом Троне?

– Кроме нас, есть и другие. Мы, в общем-то, и есть Трон. И… – Вестник замешкался в поисках нужных слов, и Бару подумала, что застала его врасплох. – Так сказать, направляющий комитет. Мы наблюдаем за горизонтом событий, пока Парламент спорит о богатстве Империи… – Вестник скромно потупился. – Всего лишь несколько философов и авантюристов, прекрасно уравновешивающих друг друга и – волею случая – подписывающих свои меморандумы именем Императора. Мы повязаны, каждый из нас находится в руках всех прочих. Как ни круги, а тайны каждого сообщника известны всем.

– Значит, вы послали меня сюда? Вы стояли за моим экзаменом на чин и за назначением на должность счетовода?

– Странник отстаивал ваш потенциал саванта. А нам очевидно, что древнее изречение правдиво, – произнес Вестник и простер руку к далеким Зимним Гребням, строем высившимся вдалеке. – «Ордвинн не подчинить». Князья – отличное средство, чтобы держать в узде народ. Но с ними возникает серьезная проблема: они не слишком лояльны к нам. Если на Империю налетит буря, одни встанут на нашу сторону, а другие присоединятся к врагам. А если нашими противниками окажутся объединившиеся против нас стахечи, империя ту майя, возрождающаяся па западе, или зло из-за Матери Бурь, то никакая рознь в столь критический момент будет просто недопустима! И мы задумались: как же выявить нелояльных? Как подступиться к проблеме князей? Как излечить Ордвинн от его болезни, пока эта хворь не охватила Империю целиком? У нас есть превосходный метод.

Бару быстро поняла, о чем речь. От мощи их бездушного, всесокрушающего размаха перехватывало дыхание. Негласный комитет, надежно спрятанный в чиновничьем аппарате, планировал завоевания и переселения народов, перемещение богатств, культур и моровых поветрий через пространство и время, и все это – с холодной уверенностью в своем научном, инкрастическом подходе.

И, конечно же, они не сомневались в том, что они лучше всех понимают, какую цену следует заплатить.

И какую цену заплатит она, Бару Корморан.

– Цивилизация должна выжить, – добавил Вестник, словно прочтя ее мысли. – Мы не допустим гибели Империи. Жизни, спасенные нашей гигиеной и дисциплиной, победы, которые мы одержим в грядущих столетиях над эпидемиями и хаосом, оправдывают любую жесткость. Мы должны править. Любыми средствами.

– А я догадалась, чего вы от меня хотите, – сказала Бару, поражаясь собственному спокойствию. Возможно, она поняла, какая крупная рыба угодила в ее сети три года назад, когда общалась с Мер Ло в каюте «Лаптиара». – Но что я получу взамен?

Вестник хлопнул в ладоши.

– Вот это стиль! Странник очень прозорлив! Бы и впрямь показали блестящие результаты на экзамене, Бару Корморан! Вы действительно савант, и не только в вычислениях, по в понимании самой природы власти! Вы – тараноки, в вас смешалась кровь ту майя, правивших половиной Пепельного моря, и ориати мбо, подаривших миру величайших мыслителей последнего тысячелетия. Вы владеете ключом, который отопрет последнюю дверь, и тогда мы узрим мир, который до сих пор

ускользал от нас! Попять – значит подчинить себе, а именно это нам и нужно.

– И вы сделаете меня…

Лицо Вестника вдруг разом приняло торжественное, формальное выражение.

– Имейте в виду, что тогда вы должны остаться в живых, Бару Корморан. Мы дадим вам то, чего вы хотите больше всего на свете. То, чего вы жаждете с детства.

Ей стало смешно. Она едва не ответила на его блеф: «И вы наградите меня властью за банальный обвал фиатного билета?» Или, может: «Отчего же не позволить мне сделать чиновничью карьеру, набраться опыта и показать себя? Вы лжете, чтобы обманом заставить сделать все это для вас. Вы превратили меня, туземку, которой не жаль и пожертвовать, в свое орудие».

По Бару осознавала, что самой ей никогда не сделать карьеры чиновника. Слишком многое уничтожила ее выходка с инфляцией. В том числе и ее саму.

Вспомнилась любимая присказка Кердина Фарьера: «Важны лишь талант и достоинства, и только они». Стало ясно, к чему он готовил ее.

– Итак, Бару Корморан, – Вестник с улыбкой поправил шейный платок, – исполните ли вы волю Трона?

* * *

На другой день она отправилась в канцелярию переписи и учета. То была основа основ могущества Империи: в бесчисленных кипах реестров значились все ценности в Ордвинне – камень и золото, соль и древесина, плоть и кровь. Демографические прогнозы прироста рабочей силы. База налогообложения и внешнеторговые обороты. Относительные пропорции стахечийской, бельтикской и ту майянской крови.

Канцелярия находилась в ведении Зате Явы. Глаза правоблюстителя зорко следили за работой Бару – так же, как и на улицах, и в башне счетовода, и на собраниях представителей правительства.

Здесь Бару не рисковала даже встречаться взглядом с женщинами. Фаре Танифель взяли по обвинению в безнравственности – недопустимо страстному влечению к мужчинам. Порок Бару был гораздо страшнее.

Она работала с тихой злостью.

С нее довольно. Хватит подчиняться. Пора прекратить молча и послушно играть свою роль. Судя по реакции Парламента,

обвал фиатного билета ляжет клеймом непригодности не только в ее личное дело, но и на все ее потомство до седьмого колена включительно. Мечты о Фалькресте, об академиях и телескопах, о Метадемосе и профессуре, не говоря уж о самом Парламенте, погибли. Ее оплошность может отозваться и на других тараноки на имперской службе. Могут казнить Пиньон и Солита!

Преуспев в должности имперского счетовода, ей не спасти Тараноке. Ей никогда не бывать технократом, ученым или членом Парламента.

Но перед ней открылся иной путь.

Сила имперской бюрократии заключена в ее способности исчислять и оценивать мир, дабы наиразумнейшим образом превращать его в деньги и армии, – оптимальный экстракт из налогов и пактов.

Бару захотелось понять, что конкретно думают о ней простые ордвиннцы.

Она тщательно прочесывала дополнения к переписям – длинные опросы, которые переписчики могли проводить от имени губернатора, а порой и самого имперского счетовода. Переписи обычно проводились с целью выяснить общественное мнение, а на самом деле – для сбора различных сведений. Разочарованно хмурясь, она прочла: «Дополняющие переписи опросы должны быть рассмотрены и одобрены полномочным представителем губернатора».

Получалось, что новая перепись нс даст ей никакой информации. Сперва надо заручиться поддержкой Каттлсона.

Сложная задачка!

Уходя, она не стала скрывать своего разочарования и выставила его напоказ. Пусть поздно вечером кто-нибудь из чиновников правоблюстителя прочтет донос: «Бару Корморан, разумеется, осталась недовольна».

Только в резиденции губернатора, по пути наверх, через множество деловито гудящих комнат своей башни, она наткнулась на решение загвоздки с переписью.

– Мер Ло! – окликнула она секретаря, проносясь мимо его стола (Мер Ло не любил работать в подвале). – Ко мне!

За три года они успели привыкнуть, притереться друг к дружке. Бару привыкла к Мер Ло: он стал для нее нянькой, советчиком, портным, служащим, ходячей записной книжкой и не слишком усердным соглядатаем. А что же она дала ему взамен?.. Вечное одиночество, захламленную тесную комнатушку в подвале башни.

Кроме того, они оба порой чувствовали себя неуютно. Бару знала, что ему приходилось строчить послания, адресованные

одной важной персоне в далеком городе, и это отнюдь не радовало ее. Вдобавок Мер Ло ощущал острую неприязнь к «непростительно грубому» принципал-фактору Белу Латеману, что временами только подливало масла в огонь.

– Ваше превосходительство? Очередной налет на банк?

Прикрыв за собой дверь кабинета – от посторонних глаз, – Мер Ло устроил целое представление, разливая вино и позванивая бутылью о бокалы.

Бару подошла к нему и зашептала на ухо:

– В этом сезоне я хочу сделать небольшое дополнение к стандартной налоговой форме. Там будет сказано, что десять билетов из уплаченного налога будут распределены между местным князем, губернатором Каттлсоном, правоблюстителем Зате и мной и пойдут на наши личные планы. А как разделить данную сумму между нами – решать им самим.

– Но что я отвечу, если подчиненные спросят о причинах? – поинтересовался Мер Ло, вытаращив глаза.

Бару хлопнула его по плечу.

– Уверена, причины они придумают сами. Важно одно: дополнения к переписи должны быть утверждены Каттлсоном, а вот налоговые формы он не читает никогда. Распорядись.

– Надо ли приготовиться к распределению десяти билетов?

– Нет, – отмахнулась Бару, направляясь к лестнице в свое жилище. – Не потребуется. Мне нужны только ответы.

Она была очень довольна собой. Теперь-то она сможет составить карту лояльности ордвиннцев.

Несомненно, она продвигалась вперед.

* * *

Бару сидела у окна, поджав колени к подбородку, и смотрела на город.

Если она сделает это, она попрощается со своей прежней жизнью. Она уже не будет наслаждаться тишиной и покоем и никогда не почувствует настоящего умиротворения. Неизвестность немного пугала ее.

Она провела в Ордвинне целых три года и приспособилась к здешней жизни. В принципе, в Ордвинне было хорошо, несмотря на все, что она успела туг натворить. А у Бару набралось много прегрешений: она обесценила валюту, разорила местных купцов и даже игнорировала письма князя Лизаксу, всегда оставляя их без ответа. У нее были апартаменты на вершине башни, горячая ванна и толковый секретарь.

Каждый день, едва продрав глаза, она разворачивала пергамент и тренировала свой ум и навыки. Она честно боролась с бесконечной финансовой катастрофой, постигшей Ордвинн.

Но была ли она счастлива?

Бару приходилось посещать собрания представителей правительства, где ей весьма доходчиво объясняли смысл ее же собственной работы и политики… но могла ли она продегустировать там вкус самой власти? А доставляли ли ей искреннюю радость ночи в припортовых тавернах, когда Бару, заранее изменив свой облик, притворялась другой женщиной? В такие часы она играла роль чужеземки из загадочной страны и говорила с сильным акцентом, но разве стоило тратить на подобные развлечения столько времени и сил?

Бару продолжала смотреть в окно. Взвод солдат гарнизона в перчатках и масках патрулировал улицу, проверяя нищих и явившихся с петициями посетителей. ЗатеЯва держала на восточной границе города, сразу за оборонительной стеной, госпиталь, где имперские доктора из министерства грядущего изучали воздействие заморских и местных заболеваний на ордвиннские расы. Некоторые утверждали, что это лучшая экспериментальная клиника в провинции. Обладателей естественного иммунитета предполагалось размножать в крупных масштабах: предпочтение отдавалось мужчинам, поскольку они были способны произвести большое количество потомства за краткий срок. Ходили слухи, что носителей самых страшных хворей сгонят на специальные корабли и увезут к берегам Ориати Мбо, а потом выпустят во вражеские города в случае войны.

В голове Бару зазвучал голос Тайн Ху. Кажется, княгиня сказала, что она, Бару, – часть всего этого…

Уже три года минуло, но Бару до сих пор вздрагивала от давнего воспоминания о той беседе.

Разве она с самого начала не стремилась изменить ход событий? Разве, глядя на алые паруса над ириадской гаванью, она не упрашивала мать Пиньон объяснить, как ей поступить?

А ведь она столько усвоила! Странно, неужели она забыла уроки инкрастической философии и направительной истории? Ведь еще в школе учителя объясняли, что Имперская Республика – лучший путь развития цивилизации. Он продиктован законами разума, признающими различия и особые способности представителей разных полов и рас. Законами, которые могли вычислить негигиеничное поведение в чертогах власти и колыбелях и спальнях далеких земель, прежде чем данные характеристики станут наследственными и испортят кровь. Библиотеки Имперской Республики до краев полны знаний,

которых хватит, чтобы сто тысяч звезд таранокийского неба показались детскими каракулями, убогим чудом примитивного мирка. А судьи и ученые-инкрасты систематизировали гораздо больше разновидностей и последствий порока, чем дети Тараноке могли хотя бы представить себе.

Какая же она наивная! Как она могла подумать, что троюродная сестра Лао и отец Сальм важнее, чем судьбы народов?

Конечно, это будет нерационально. Надо идти вперед по узкой безопасной тропке. Она останется имперским счетоводом! Она не собирается рисковать, согласившись на дикую авантюру.

Мысли – горькие, самоедские – постоянно крутились в ее голове.

В конце концов она позвала Мер Ло.

– Ваше превосходительство?

– Если хочешь что-то изменить, но точно не знаешь, что или как, – заговорила она, – как логичнее всего поступить?

– Император Унане – «Диктаты». В отсутствие указания пути – утверждай и расширяй свободу действовать по своему желанию.

– Хорошо, – произнесла Бару, убеждаясь, что в этом они согласны.

«Возьми больше власти, и сможешь изменить мир», – подумала она.

– Конечно, – сказала она вслух. – Мер Ло, мне нужно организовать необычную встречу.

Она выдержит все. Она – Бару Корморан, Бару Рыбачка – завладеет тайной тайн. А сейчас ей предстоит сделать первый шаг на этом пути.

Решено! Она бросит свое место в башне счетовода и рискнет.

Кстати, этот ход Мер Ло подсказал ей еще три года назад, когда они ожидали восстания в любой момент: «Покойная тетка Тайн Ху была замужем за братом Зате Явы, Зате Олаке, Незримым Князем Лахтинским».

Тем самым, кто убил Су Олонори.

– Мне необходимо встретиться с Незримым Князем. С Зате Олаке, – вымолвила Бару. – Где бы он ни был, разыщи его и приведи ко мне.

Мер Ло пристально посмотрел на нее, а затем с поклоном удалился.

Глава 12

– С меня хватит, – заявил Бел Латеман.

Бару подняла руку, отваживая от их столика трактирного слугу.

– Прошу прощения?

Они встретились, дабы показаться на людях вместе, как делали каждый месяц. Места для «свиданий» Бару выбирала так, чтобы создать видимость попыток укрыться от любопытных глаз.

В последнее время среди чиновников правительства провинции и коммерческой фактории вошли в моду обеды в заведениях, где прислуживали чистокровные бельтики, отличавшиеся особой сноровкой. (Бельтики были настоящей редкостью – их приходилось выкрадывать из лесов.)

Вот и сейчас эти слуги, жеманно улыбаясь, предлагали посетителям попробовать яства ресторанчика. Здесь подавали разносолы, к примеру, украшенная гарниром дичь, птица, маринованная в цитрусах и нашпигованная бычьим салом, и рыба – тунец или морской лещ, изжаренные на сосновых углях. Разорение ордвиннской знати научило перворазрядные заведения угождать иноземцам.

Обычно Бару и принципал-фактор, изысканно одетые, отправлялись в один из таких ресторанчиков во второй половине дня. Они поглощали пищу в сдержанном молчании и исчезали вместе в карете – якобы для более тесного общения. Мало-помалу Бару начала наслаждаться сшитыми по фигуре нарядами, небрежно подобранными украшениями и ревнивыми взглядами, которые бросали на нее местные технократы. Костюм и макияж Бела Латемана, законодателя местной моды, были безупречны.

Можно было сказать, что и принципал, и Бару отличались завидной аккуратностью и компетентностью.

Три года фальшивых свиданий подействовали усыпляюще: Бару давно решила, что он смирился со своим уделом и расценивал все как часть своей работы.

– Я сказал, что с меня хватит. Мне надоело играть роль любовника, – ответил Латеман, нарезая оленину мелкими кубиками. Он уставился в тарелку, костяшки его пальцев, сжимавших рукоять ножа, побелели. – Ваше превосходительство, я абсолютно уверен, что мне нет нужды описывать ущерб, нанесенный моей репутации – как финансиста, так и потенциального жениха – нашей…

Конечно, несправедливо так думать, но – почему именно сейчас? Почему ему вздумалось устроить сцену в преддверии

столь важных событий? Как несправедливо. Он был совершенным, крайне полезным орудием – и в банке, и за обеденным столом.

– Договоренностью, – закончила за него Бару, подбавив в голос раздражения. – Пожалуй, вам нет нужды описывать ущерб.

– По я сделаю это. Вероятно, вы не осознаете, что появившись в обществе с очень юной женщиной из таких отдаленных мест, приобретаешь совершенно новую и необратимую репутацию! – Латеман опустил нож на тарелку так решительно, что она зазвенела не хуже корабельной рынды. Посетители ресторанчика тут же сделали вид, что не обращают на парочку никакого внимания. – Есть некоторые негласные правила, с которыми вы, похоже, незнакомы – что неудивительно, учитывая, где вы родились и воспитывались. Среди прочего, неприлично заводить личные отношения с подчиненными. А еще, как многие могут подтвердить, – крайне некорректно доверять ответственную имперскую должность неопытным юнцам, когда в наличии есть другие достойные кандидатуры!

Бару начала закипать. Хоть Бару и приготовилась к атаке, его слова все же попали в цель. С великим трудом она сдержала ответную колкость – фалькрестский афоризм о том, что мужчины мыслят конкретно и образно, а потому непригодны для работы с абстрактными числами и книгами. Лучше воспользоваться представившейся возможностью: его речь будет прекрасным поводом прекратить все встречи!

– Бел, – шепнула она, – я с удовольствием вам помогу. Вы сделали для меня достаточно.

Латеман склонился вперед. Фальшивая полумаска под его глазами была нарисована с поразительным мастерством.

Бару невольно отметила, что его ногти в крапинку тщательно подрезаны, и стала ждать ответной реплики.

– Бесполезно! Из этого конфузного положения нет достойного выхода, – зашипел он и сжал кулаки. – Я жду возмещения, иначе… – Он осекся, сглотнул и продолжал: – Иначе я извещу губернатора Каттлсона о дополнении к новой налоговой форме – я имею в виду ту самую о «разделе десяти билетов» – и доложу обо всей его крамольной сути.

Бару отсчитала пять вдохов и выдохов.

– Чего вы хотите? – спросила она, мимоходом уловив акцент, появившийся в ее афалоне, словно злость вытащила его наружу.

– Пожизненное пособие, учитывая, что моя карьера на имперской службе наверняка никуда не продвинется. – Он решительно стиснул губы. – И разрешение на брак из канцелярии правоблюстителя, необходимое для ухаживаний, которые я намерен начать.

Может, это приманка? Хитрость Зате Явы?

– Нет, – отчеканила она. – Коррупции на моей совести не будет. Я уволю вас и дам вам щедрое выходное пособие. А к Зате Яве можете отправляться сами.

В последний момент он сдержал крик, прозвучавший как дрожащий шепот:

– Не вам диктовать условия! Вы сломали мою жизнь! Без вашего содействия Зате Ява никогда не даст разрешения на мой брак с Хейнгиль Ри…

Хейнгиль Ри. Интересно. Значит, не одна она находит острые глазки принципала очаровательными.

– Дополнение к форме – чисто эмпирический опыт, безобидная часть моих исследований. Если вы и пойдете с ним к Каттлсону, мне нечего опасаться. – Бару безразлично пожала плечами – как ради себя, так и для устремленных на них глаз. – Просто не представляю себе, как вы рассчитываете добиться успеха в ухаживаниях за дочерью князя Хейнгиля. Браки с аристократами – убыточная игра для порядочного гражданина Имперской Республики.

– Она заслуживает вашей должности. Вы обесценили фиатный билет, вы игнорируете безнравственные забавы княгини Наяуру – что вы сделали, чтобы их прекратить? Вы хотя бы видите, в чем их опасность? А госпожа Ри не настолько слепа.

Бару сделала намеренно беззаботный – с расчетом разозлить его – глоток вина. Как это на него похоже – не замечать ничего вокруг, кроме страшной угрозы в лице княгини Наяуру и ее любовников!

– Прислушайтесь к себе. Ввязываетесь в лихорадку мечтаний о королевстве и наследстве. Давно ли вы сбились с верного пути?

Латеман благопристойно выпрямился и взял себя в руки. Бару поняла, что недооценила его, и убедилась в своей догадке, едва он вновь заговорил.

– Бару, вы поможете мне. Иначе я пойду к Зате Яве и дам показания – письменные, под присягой – что за три года ухаживаний вы ни разу не взглянули с интересом ни на меня, ни на любого другого мужчину. Тогда вы попадетесь к ней и никогда не сможете вырваться на волю.

Бару ничего не могла поделать с ответной реакцией. К такой угрозе – сколь реальной, столь и отвратительной – ему прибегать не стоило. Бару вскочила и наполовину сдернула со своей левой руки перчатку, прежде чем смогла остановиться и подумать. Вокруг зашептались. Бел Латеман был явно потрясен.

– Вы не посмеете, – выдавил он. – За вас некому выйти на поединок, кроме вашего бесхребетного секретаря.

– Латеман, – процедила она, – мне не понадобится заместитель.

– Тогда я откажусь, – заявил он, подняв подбородок. – Поединок – состязание равных.

Мысли вихрем закружились в ее голове. Теперь она принялась оценивать возможности и последствия. Она сфабрикует все что угодно! Она сумеет устроить настоящее представление, и она станет режиссером невероятного спектакля, сотканного из любви, ревности, коррупции, нарушения приличий, скандалов на почве расы, возраста, гигиенического поведения!

И Ордвинн содрогнется! Слухи просочатся во все закоулки.

Каждый житель Ордвинна будет судачить и сплетничать об этой сенсации.

Превосходно, не так ли?

Вот что ей нужно.

Бару молниеносно сдернула с руки наполовину снятую левую перчатку и швырнула ее на стол.

– До первой крови, – громко, чтобы слышали остальные посетители, сказала она. – За честь Тараноке, моей родины, которую вы оскорбили. Можете назвать заместителя. Но я буду драться сама.

Латеман неловко поднялся и вытаращил глаза.

– Последний шанс, – сказал он, несомненно, имея в виду: «Иначе я иду к правоблюстителю и заявляю, что вы – трайбадистка».

Бару скрестила руки на груди. Па ней было белое платье с кошелем на цепи у пояса. Она ждала ответа на вызов.

– Прекратите истерику, – пробурчал он, хотя сердцем вовсе не желал оскорбить ее – напротив, похоже, он хотел извиниться. Все превратилось в театр. – Подумайте о том, что Зате Ява сделала с Фаре Танифель.

Он сделал явный промах, но Бару на мгновение оцепенела.

– И вы еще смеете намекать, что я – изменница? Вы, замешанный в печатании нашей валюты для бунтовщиков? – Нет, не стоит перегибать палку. Бару сглотнула и надменно улыбнулась. – Вы под самым моим носом помышляете о другой женщине! Значит, аристократка древних кровей для вас – желаннее, чем савант, добившийся всего в жизни только благодаря личным достоинствам?

Посетители ресторанчика оживились. Бару, внезапно охваченная страхом подмостков, почувствовала, что ее бьет дрожь. Однако она продолжала стоять спокойно, думая: «Теперь он не сможет отказаться. Речь идет о его чести. Он же не хочет, чтобы его высмеяли».

А честь ему еще потребуется – для князя Хейнгиля.

Бел Латеман поднял перчатку и поджал губы.

– Вы заставили меня уволить моего лучшего секретаря, – процедил он, не в силах прекратить играть роль обиженного невниманием любовника. – Вы никогда не давали мне поступать по своей воле.

* * *

Дрожи Бару поддалась, только поднимаясь по ступеням к своим апартаментам.

В башне счетовода царила тишина. Служащие разошлись по домам.

– Ты можешь справиться с собой, – прошипела она, прислонившись к каменной стене и сжав кулаки так, что затрещали перчатки. – Это тоже твоя работа.

Что она сделала? Что могло толкнуть ее на столь поспешный, прямолинейный поступок? Поединок? Ей никогда не доводилось применять оружие в гневе, и разумеется, что подобное представление не ускользнет ни от Зате Явы, ни Каттлсона! Три года Бару куталась, словно в вуаль, в скучную, кропотливую, верноподданническую работенку. И приступить к задуманному следовало осторожно, до мельчайших деталей продумывая каждый шаг.

А теперь она попалась на приманку Латемана!

А что, если за этим стоит не он? Вдруг он – пешка в руках Зате Явы?

Проклиная трясущиеся пальцы, она заперла дверь, кинулась в спальню и налила себе вина – со скрупулезной точностью, не пролив ни капли. Вино горчило во рту, но Бару плеснула в бокал еще, мурлыча под нос песенку про названия звезд. Ее Бару услышала в детстве от матери Пиньон или от кого-то из теток, а может, в те ночные часы, когда их огромная семья собиралась па берегу и составляла из старых звезд россыпи новых созвездий.

– Оно отравлено, – раздался голос из ванной.

В «Наставлении о телесном разуме» говорилось, что характер человека определяется по предмету, к которому он устремится при неожиданном испуге – будь то дверь, оружие или письменные принадлежности. Бару вспомнила, что иногда бедолага может оцепенеть, уподобившись жертве перед хищником, и вздохнула.

Наверное, она отупела из-за алкоголя, а может, просто устала. Сейчас ее почти не волновало, останется ли она в живых или нет. Она видела столько ночных кошмаров, в которых ее

буквально стирали с лица земли!

Бару неторопливо опустила бокал на стол и задумалась.

Пришелец уже убил бы ее, если бы хотел того. Помимо прочего, он не стал бы предупреждать ее о яде.

Значит, ей ничего не угрожает.

Если только это – не расчет, а акт жестокости. Возможно, он собирается причинить ей неимоверные страдания.

– Идите сюда, – произнесла она, вставая и освобождая кресло.

У незваного гостя оказались синие вороньи глаза Зате Явы, но гораздо больше седины в волосах и в длинной бороде. Одет он был в прочные сапоги и солдатскую куртку из оленьей кожи и шерсти, а зубы его выглядели неухоженными, как у бедного крестьянина. Посмотрев на его руки и пояс, Бару поняла, что он безоружен.

А лицо его было знакомым! Странно!

– Приветствую вас, – вымолвил он. – Ваш секретарь поднял такой шум, пытаясь отыскать меня. И я решил нанести вам визит.

Бару измерила взглядом расстояние до него – и до висевших на стене ножен.

– Где Мер Ло?

– В полной безопасности. Совсем вымотался – целый день все ныл да тявкал. Но вы правы, Бару. Вам надо быть начеку. – Он шагнул к столу, и Бару отступила, держась от мужчины на некотором расстоянии. – Стража в вашей башне ненадежна. Замки нужно обязательно поменять. Беда с вами, с технократами… – Взяв со стола ее бокал, он принюхался к содержимому. – Вы слишком уважаете утонченность. Вы без ума от сплетен, слухов, неосязаемых признаков власти. Вам и в голову не приходит, что кто-то может вломиться к вам с ножом и чиркнуть по горлу. А Ордвинн еще недостаточно цивилизован для тонкой политики.

– Я ожидала такой встречи, – сказала Бару. До ножен на стене было легко дотянуться. – Но не думала, что к имперскому счетоводу пожалует князь. Что побудило вас устроить этот маскарад, Зате Олаке?

– Вы, конечно. Молодежь уважает театр больше, чем смерть… – Отпив из ее бокала, он нахмурился и засопел. – Похоже, я переусердствовал с дозой. Но не будем терять времени. Зачем звали? Город уже знает, что я живу в уединении. Для чего понадобилось меня искать?

Неужели ее сердце только что пропустило удар? А резкая боль в животе – отозвалась спазмом в грудной клетке?

Внезапно Бару ощутила липкий страх, и ее ладони взмокли от пота.

– Как заслужить противоядие?

– Только правдой, – буркнул Незримый Князь, нетерпеливо постукивая пальцами по столу. – Разве я похож на человека, которому нечего делать? Зачем вы звали меня?

Она глубоко вдохнула, как будто собиралась прыгнуть в воду. При князе не было ни пера, ни пергамента, да и вряд ли он надеялся обвинить ее на основании письменных показаний. Но он – брат Зате Явы, а та, если захочет, найдет, чем подкрепить обвинение.

Зате способна удушить Бару – так же, как некогда утопила Фаре Танифель.

– Вы убили Су Олонори, – начала она, – чтобы никто не раскрыл секрета Тайн Ху с фальшивыми фиатными билетами. Но я раскрыла ее замысел и положила ему конец.

В Маскараде трудились хирурги, удалявшие голосовые связки собакам, чтобы те не могли лаять. Из них получались замечательные сторожа – безмолвные и бешеные. Именно их напомнил сухой, почти беззвучный смех Зате Олаке.

– Пожалуй, технически так и есть. Но вы не ответили на мой вопрос. Зачем вы начали ссужать золотом княжьих крепостных? Почему рассорились с губернатором Каттлсоном, чье благоволение и сейчас могло бы открыть вам путь в Фалькрест, к высоким постам? Зачем вы звали меня?

– Я обдумываю план восстания, – отчеканила Бару. – Вы возглавляете разведку мятежников и нужны мне как союзник.

– После таких речей, – негромко заметил Зате Олаке, – я могу отдать вас Зате Яве, и она сварит вас заживо. А вашу шкуру сохранят для опытов.

– Зате Ява и пальцем меня не тронет, – уверенно парировала Бару (как бы хотелось чувствовать эту уверенность па самом деле!). – Она стремится освободить Ордвинн. Маскарад для нее – лишь орудие, а Дурацкий Бунт она помогла подавить только потому, что он был обречен. Она гениально сыграла свою роль. У нее есть власть, и она выжидает подходящего момента и нужного человека. Этот человек – я.

– А если патриотизм моей дражайшей сестрицы не простирается столь далеко? Может, она встанет на сторону явного победителя, будь то восставшие или Маскарад?

– Я гарантирую вашему заранее обреченному на поражение восстанию верную победу. Без меня вы потерпите поражение.

– Фаре Танифель твердила то же самое. Но оступилась, сплоховала, и ее измена стала очевидна даже Каттлсону. У сестры не было выбора – пришлось завести дело и приговорить ее к смерти, чтобы не погибнуть самой. – Зате Олаке сложил пальцы

домиком. – Отчего вы уверены, что справитесь лучше?

– Я способна повести за собой князей и народ.

Снова – сухой, беззвучный смех.

«Не сдавайся», – подумала Бару.

– Не сомневаюсь. Кстати, известно ли вам «Сомнение предателя»?

– Нет, – призналась Бару.

– По крайней мере, честно. Я сочинил его, на манер тех инкрастических «Сомнений», которые все вы так любите. Именно оно погубило Дурацкий Бунт, а сказано в нем вот что. Если ты – ордвиннский князь и чуешь назревающий мятеж, перед тобой встает выбор. – Он отпил еще глоток отравленного вина. – За кем пойти – за восставшими или за лоялистами? Если твоя сторона проиграет, тебе конец. Если победит, ты сохранишь свое положение и получишь выгоду. Но именно в восставших есть некая загвоздка: среди них пышным цветом цветет предательство! Вы понимаете меня, Бару? Предатели никогда не осудят акта измены. И потому сперва надежнее остаться с лоялистами и затаиться. А позже, когда бунтовщики наверняка победят, можно переметнуться на их сторону – якобы ты столь умен, что успел навредить в гнезде проклятых лоялистов. Но в чем вся суть, Бару?

Против хитроумной загадки Бару устоять не могла – даже при незваном госте в собственной спальне и яде, струящемся в собственных венах.

– Для того чтобы получить поддержку князей, необходим успех, но на него нельзя рассчитывать без покровительства знати. Если восстание не начнется с яркой победы, к нему никто не примкнет. Оно задохнется.

– Отлично. Мне всегда было любопытно, учат ли в имперских школах хоть чему-нибудь дельному. – Он кивнул и почесал в бороде, как будто их разговор и впрямь мирно протекал в туфовых стенах школьного класса. – Ни одно восстание не будет удачным, если лидеры не завоюют доверия осторожных и своекорыстных. Истовые мятежники и твердые лоялисты должны привлечь к себе середняков. Учитывая, что Маскарад – это почти нерушимая данность, – у лоялистов имеется значительное преимущество.

– Народ готов, – возразила Бару, хотя перед лицом княжеского возраста и опыта ее упрямство выглядело смехотворным. – Негодование его растет!

– Народ не может распорядиться своим гневом с толком. Уж я-то знаю, сам из простых. Мы с сестрой выбились в благородные, играя за Маскарад против мятежников. Нет, нам нужны князья, а они скованы «Сомнением предателя». Еще рано… – Он тяжко

вздохнул. – Но то, что вы сделали с фиатным билетом, нам сильно помогло. Да и со времен замысла Тайн Ху обстановка изменилась. Князья боятся крестьянских бунтов, помещичьих мятежей, разорения, зимы – но не Маскарада. Надо подождать еще десяток лег, пока хворост накопится, и уж тогда высекать искру.

Бару захотелось закричать: «Они переименовали мою родину! Они уничтожили традиции моего дома и превратили Ириад в огромную верфь! И ты предлагаешь мне ждать еще десять лет?!»

– У вас нет выбора, – строго сказала она.

Зате Олаке резко поднял на нее взгляд, и глаза его блеснули в пламени свечи.

– Я ввязалась в бой. Через две-три недели мне предстоит поединок с принципал-фактором Белом Латеманом. Я устроила так, что дело идет о национальном достоинстве. Для меня наступил прекрасный момент, и я заявлю о себе.

– Сестрица не допустит поединка. Это ведь судебная традиция, а суды в ее власти. Вас не допустят на авансцену. – Зате Олаке поднялся, пожал плечами и осушил бокал вина. – Потерпите, дитя мое. Мы дадим знать, если понадобитесь, и уничтожим вас, если вы пойдете против нас. Вероятно, мы с сестрой не доживем до восстания. Но Тайн Ху и прочие – молоды и могут позволить себе выжидать. Дурацкий Бунт… забавное название, верно? Поразмышляйте об этом на досуге… Мы не допустим, чтобы Ордвинн погиб в восстании и захлебнулся в реках крови.

Бару сорвала со стены ножны.

– Противоядие, – прошипела она. – Сейчас же! Или я заколю вас за незаконное вторжение, а потом рискну справиться с ядом сама.

Зате Олаке уже стоял возле двери.

Обернувшись, он вновь негромко вздохнул.

– Рекомендую терпение и сдержанность, – усмехнулся он. – Возможно, я отравил вас. Кто его знает?.. Но если так, то скажу вам правду – яд действует очень медленно. И если вы хотите жить, Бару Корморан, станьте достойны противоядия.

Глава 13

Бару разбудила Мер Ло, и вместе они сели писать распоряжения о смене охраны и замков. Она поделилась с ним несколькими подробностями. Конечно, новости он принял с тревогой, но в подобных ситуациях явно разбирался.

– Медленный яд? В малой дозе? Надо проверять вашу еду и питье. У князя могут оказаться свои люди на кухнях.

– А вдруг он блефовал, – предположила Бару. Ее жизнь всегда была непредсказуема, и Бару не желала впадать в панику. – Прими меры, Ло, а я опять хочу подремать.

Если Зате Олаке и отравил ее, то доза оказалась слишком мала.

Бару сразу провалилась в сон, а проснулась отдохнувшей и свежей. Во время завтрака она непрестанно думала о Беле Латемане и будущем поединке, а еще о налогах и о «Сомнении предателя» и – невольно и с яростью – о треклятом словечке «Зюйдвард».

Как давно ушел и не вернулся домой отец Сальм! И ведь Бару до сих пор не узнала, кто и как убил его. Ведь он погиб насильственной смертью? Наверняка. Может, его убийца (или убийцы?) стал офицером, командиром гарнизона, городским стражником.

А если мать Пиньон выслеживала душегуба все эти годы? А если они оба и сейчас шпионят друг за другом и выжидают удобного случая, возможности обнажить абордажную саблю или нанести укол острым копьем?

Может, порой он поддразнивает ее: «Твоя дочь стала одной из нас. Она служит в Ордвинне. Надо сказать, неважно…»

Из приемной донесся крик Мер Ло.

У Бару был только один миг, чтобы собраться, прежде чем в кабинет ворвался Каттлсон. Шапка из волчьей головы скалилась в безмолвном рыке. За губернатором ввалились, гремя оружием и доспехами, солдаты гарнизона. С ними был хрупкий человечек в маске и перчатках, почти неразличимых на фоне его молочно-белой кожи.

– Корморан! – взревел губернатор. – Довольно с меня ваших выходок!

При виде вооруженных солдат сердце Бару пустилось вскачь, но она заставила себя кивнуть и улыбнуться. Что ему известно? Был ли у него Бел Латеман?

– Ваше превосходительство? Что-то срочное?

Каттлсон махнул рукой, веля охране выйти, и

промаршировал к ее столу, глухо гремя но ковру подбитыми железом сапогами. Бледнокожий бесшумной тенью следовал за губернатором.

– Поединок?! – проревел Каттлсон. – С вашим собственным банкиром?! А я узнаю от князя Хейнгиля, что весь город, включая даже крепостных, уже делает ставки?! Новость долетела до самого Хараерода!

– Он оскорбил мою честь, – произнесла Бару, сидя на месте (незачем лишний раз чувствовать, насколько она меньше Каттлсона). – У меня не было выбора.

– Что за чушь?! Налоговый период на носу, а вы устраиваете мне спектакль и выставляете ваши отношения напоказ! Если вы заботитесь о чести, лучше бы подумали, как исправить репутацию таранокийских женщин! – Он грохнул по столу кулаком. – Вы – позор моего правительства, катастрофа для нашей власти!

Оборвав свою тираду па полуслове, Каттлсон сделал несколько шумных вдохов. Бледнокожий неподвижно стоял за его плечом. Бару поежилась и почувствовала, что готова вскочить и отвесить губернатору угодливый поклон, но задавила непроизвольную реакцию в зародыше. Как тяжело избавляться от вбитых в школе привычек, от рабского этикета!

– Я неустанно забочусь о том, дабы предоставить тем, кому не повезло с рождением, все возможности, – заговорил Каттлсон, пытаясь выжать из себя улыбку. А ведь обычно он улыбался легко и при малейшем поводе, и Бару даже стало его жаль. – Я искренне желал, чтобы вы преуспели на своем посту.

Я понимаю, что юность полна страстей, затмевающих порой здравый смысл. Но если у Парламента возникнут хоть малейшие претензии к налоговым сборам нынешнего года и если вы допустите крошечную ошибку, собирая свой урожай счетовода, меня отзовут! И тогда Ордвинн попадет в руки человека гораздо менее великодушного – и по сравнению с которым За те Ява покажется всепрощающей. Я не могу допустить такого! Я так долго добивался взаимопонимания с князьями. Я хочу, чтобы у сыновей и дочерей Ордвинна было будущее! Я не могу позволить вам погубить провинцию. Я говорю с вами как с равным! Прислушайтесь ко мне!..

Бару оторопела. Как быстро она приобретает спокойствие и неторопливую осмотрительность, которые вели ее через бальные залы, интриги и столкновения с врагом? Понадобился всего-навсего орущий на нее здоровый мужик.

– Мой поединок не погубит провинцию, – возразила она, скорее защищаясь, чем наступая.

– С вами я рисковать не могу. Вам недостает серьезности,

степенности, подобающей вашему положению. Вы так молоды… – Каттлсон покачал головой, и волчья голова едва не клацнула челюстями. – Мне доложили, что в вашу башню проник неизвестный, и вы потребовали сменить стражу. Прошу любить и жаловать! Пока вы работаете в канцелярии, капитан Лодепон и его люди будут охранять помещение со всей возможной бдительностью. Что же до личной охраны…

Бледнокожий человечек за плечом Каттлсона, ни формой, ни внешностью совершенно не похожий на бравого вояку, истово кивнул. Тонкие мускулы его шеи скользнули под кожей испуганными змейками.

– Я решил вверить вашу личную безопасность одному из очищенных. – Каттлсон тревожно покосился на бледнолицего, что напугало Бару не на шутку. – Он будет находиться при вас неотлучно.

Нет. Неприемлемо. Бару наконец-то нащупала подходящий рычаг давления.

– У вас нет полномочий помещать меня под арест. Чтобы обеспечить урожайный налоговый период и оставить довольным Фалькрест, придется предоставить мне свободу. Если вы не согласитесь, то…

Губернатор раздраженно всплеснул руками.

– Не будьте капризной девицей!..

– Если меня лишат свободы, думаю, налоговый период окажется целиком и полностью дезорганизован, – продолжала Бару, сжимая кулаки, чтобы унять дрожь. – Вы не сможете обойтись без меня.

Каттлсон устало поднес руку ко лбу.

– Я предоставил вам все мыслимые возможности. Но вы сами меня вынуждаете. Я должен передать ваши полномочия более надежному слуге Имперской Республики. Белу Латеману, например.

Отчаянно стараясь сообразить, каким будет его следующий ход, Бару ухмыльнулась и с сомнением хмыкнула.

– Я назначена на должность в силу личных достоинств. Не вам меня смещать.

Каттлсон вдавил кулачищи в столешницу так, что стол заскрипел по углам.

– Вы еще успеете продемонстрировать ваши таланты! Но если вы не откажетесь от необдуманного, опрометчивого поединка, вы будете ранены. Ваше физическое и эмоциональное здоровье не выдержит подобных пертурбаций. И мне не останется ничего другого, кроме как заменить вас Латеманом… на этот период.

– Неужто? – не без удовольствия парировала Бару. – Ранена?

Вы столь уверены в фехтовальном мастерстве Бела Латемана?

Каттлсон одернул куртку и сокрушенно покачал головой.

– Бел Латеман назвал заместителя, который выйдет на бой вместо него, как позволяет кодекс. Уж этот-то человек соответствует всем требованиям, клянусь вам, Бару! А после поединка народ поймет, что мое правительство всячески поддерживает брак Бела Латемана с Хейнгиль Ри, как почетный и достойный союз знати и технократии. А Ордвинн любит воинские забавы и состязания – если вы настаиваете на участии в подобном зрелище… Что ж, я должен быть уверен в конструктивности его последствий.

Слушая Каттлсона, Бару разложила но пунктам его план. Губернатор посодействует Латеману в стремлении занять ее должность. Также поддержит он и брак Латемана с дочерью своего лучшего союзника среди князей – и вдобавок ближайшего друга. Таким образом в его руки перейдет канцелярия счетовода, что еще сильнее привлечет к нему лояльных князьков. Умно и ловко!

Интересно только, кто подсказал все это Каттлсону.

– Кто является моим противником? – осведомилась Бару, чтобы выигрывать минуту-другую.

Каттлсон расправил плечи и гордо поднял подбородок.

– У вас – неделя. Бару, через семь дней мы с вами встретимся на площади перед Фиатным банком, в полдень. Без доспехов. До первой крови.

– Но кто…

Внезапно осознав, что к чему, Бару стиснула зубы, чтобы не выдать своего изумления.

Каттлсон с отеческой печалью человека, уверенного, что он здесь – единственная опора здравого рассудка, невесело улыбнулся.

– Да, Бару, мы с вами встретимся, – повторил губернатор.

* * *

Бледнолицый прилип к Бару, будто ремора[15]. Похоже, избавиться от него не было никакой возможности.

Она пыталась говорить с ним, но он оставался нем как рыба. Бару решила поработать, но не сумела сосредоточиться. Хоть он и соблюдал приличествующую дистанцию, она сомневалась, что он пристально следит за ней. Да и как она могла изучать счетные книги, зная, что всем ее надеждам скоро придет конец! Мер Ло – тот прямо обходил человека-ремору па цыпочках, охваченный тем

же трепетом, что и Бару (или обладая некими тайными знаниями о его способностях и склонностях).

Стемнело. Бару отправилась в жилые комнаты, и бледнолицый потащился за ней. Скрестив руки на груди, она крутанулась на месте и преградила ему путь. Тогда он в первый раз заговорил. Голос его звучал мягко и рассудительно.

– Я не могу причинить вам вреда. Я – лишь орудие. Я способен увидеть опасность и предотвратить ее. Более ничего.

– Посторонних мужчин в моей спальне не будет! – рявкнула она.

Голос ее звучал хрипло – от разочарования. Как такое могло случиться? Разве еще вчера она не чувствовала, что подчинит своей воле свою судьбу и все в Ордвинне в придачу? Что она видит – очередную тернистую дорогу? Как же Каттлсон смог ворваться к ней и уничтожить все это одним-единственным разговором?

Чего стоит власть кошеля и монеты, если ее не хватает на то, чтобы выгнать из собственного жилища чужака?

– Я не мужчина, – терпеливо объяснил очищенный. – Я – орудие, инструмент, с рождения нормализованный лекарством и звонком. Я должен служить и выполнять свой долг.

Увы, он не собирался оставить Бару в одиночестве!

«Значит, придется мыться и переодеваться в его обществе», – сказала себе Бару и приуныла. А она-то думала, что школьные гигиенические осмотры давно сгинули в прошлое!

Конечно, она не забыла о шумных помывках на борту «Лаптиара», но на корабле, по крайней мере, все делалось сообща. А сейчас в ее башне поселился странный персонаж с пристальным немигающим взором. Порой Бару казалось, что человек-ремора и не дышал! Натягивая на себя ночную рубашку, она решила выказать ему гордое презрение, заявив с уверенным таранокийским бесстыдством: «Да, это мое тело, и что с того?» Но стыдливость стала привычной для Бару и настолько въелась в нее за последние годы, что она так и не сумела повернуться к нему лицом.

Но с прагматической точки зрения разницы не имелось: обнажена она была или нет, взгляд человека-реморы не менялся.

Он нес свою вахту молча… и круглосуточно.

В итоге Бару махнула на него рукой и уснула.

На следующий день Бару хотела прогуляться на улицу, но стражники капитана Лодемона не выпустили ее. Лодемон настаивал на том, что она должна оставаться в башне, пока таинственный визитер не будет арестован. К сожалению, печать технократа не помогла: капитан принял суровый вид и

приосанился.

Разочарованная Бару подумала о фехтовании. Вместо работы она принялась упражняться в своем кабинете, где с кряхтеньем старалась избавиться от раздражения под пустым взглядом очищенного.

Средство к спасению принес Мер Ло.

– Письмо, ваше превосходительство! Из стопки срочных! – Мер Ло покосился на бледнолицего. Взгляд очищенного подавлял; наверное, Мер Ло уже почудилось, что над ним навис гигантский микроскоп. – Штамп гласит: «В собственные руки, не для посторонних».

Капитан Лодемон, скрепя сердце, подчинился.

Развернув лист дешевой тряпичной бумаги, Бару прочла: «Их выводят и нормализуют в Фалькресте. Прибыли с тем же кораблем, что и новость о Зюйдварде. Подчиняются губернатору, но мне переданы слова власти над ними, для ограничения могущества Каттлсона. Запомните и ваше слово – „вздохнуть“. Приказа он не нарушит, зато будет слушать вас. А нам нужно поговорить. Найдите способ».

Бару перечла письмо дважды, кивнула и вернула Мер Ло.

– Уничтожить. Ответ последует вскоре.

«Прибыли с тем же кораблем»… Значит, реморы были и на Тараноке. Вероятно, вынюхивали крамолу. Охотились на наших мятежных матерей и их мужей.

* * *

Ночью человек-ремора вновь последовал за ней в жилые комнаты. Бару собиралась приберечь слова до какого-нибудь ключевого момента и удивить врагов, по затем передумала. Какой в этом смысл? Каттлсон держит ее взаперти, ей разрешено только строчить послания и корпеть над счетными книгами.

Бару посмотрела на человека-ремору в упор и произнесла:

– Вздохнуть! Назови свое имя.

– Чистый Лист, – без колебаний ответил он.

Простую черную полумаску, казалось, намертво припечатали к его молочно-белой коже.

– Какие полномочия дает мне это слово?

Если неожиданность ее права отдавать приказы изумила человека-ремору, внешне это не проявилось никак.

– Вы можете распоряжаться мной в рамках закона и установленных норм. Вы не можете отменять приказы губернатора Каттлсона. – Внезапно, будто брешь в парусе под

сильным порывом ветра, его губы раздвинулись в подобии улыбки. – Вы можете разрешать или запрещать мне говорить.

Восхищенная и слегка напуганная, Бару присела на краешек кровати. Что же с ним сделали в Фалькресте, если подчиняется одному-единственному слову, как марионетка? Вдруг в Фалькресте разработали особый кодекс чести, тайное вероучение или некий рыцарский орден, члены которого посвящают себя служению Империи? Нет, это не согласуется с инкрастической философией. Скорее, дело в научных методах – процедуры, режим, хирургическая операция или зараза из далеких стран…

Так или иначе, но в Фалькресте вывели новую расу, покорную и всецело приспособленную для службы. Перед ней воочию предстало будущее Империи, и, конечно, Бару не сомневалась, что к этому приложил руку Кердин Фарьер со товарищи. Исихаст – значит, «тот, кто превращает тело в храм».

А что бы сделала она сама, будь в ее руках раса таких, как Чистый Лист? Какой справедливости она бы добивалась? На Бару накатила волна восхищения, которая тотчас сменилась отвращением к самой себе. Бару поморщилась.

Что еще скрывается в Фалькресте?..

Она попробовала выяснить, какие приказы человек-ремора получил от Каттлсона. После этого она принялась засыпать его вопросами об Исихасте, Вестнике и Страннике, подобралась к Императору на Безликом Троне и, наконец, осведомилась о секретах Имперской Республики.

Но на каждый из вопросов ремора сухо отвечал:

– Не подлежит разглашению согласно приказу вышестоящего командования.

Но он улыбнулся, упоминая о собственных ограничениях!

Бару сменила тактику.

– Я отменяю все ограничения на твою речь, мимику и жестикуляцию, кроме явно оговоренных вышестоящим командованием.

Ремора (мысленно Бару продолжала называть его так – из-за бледности или неприметных черт лица, а может, из-за змеиной манеры двигаться) благодарно склонил голову.

– Вы относитесь к высшему разряду имперских слуг в Ордвинне, – произнес ремора. – А я благодарен за предоставленную мне возможность служить не только губернатору Каттлсону, но и вам, пока это явно не противоречит моему долгу по отношению к губернатору.

Как же воспользоваться жутковатым орудием, чтобы выбраться из клетки? Посеянные ею семена – дополнение к налоговой форме, поединок и дальнейшие цели – отчаянно

требовали полива.

– Выйди за меня на поединок, – приказала она.

– Я не могу.

Проклятие. Если это не сработало…

– Доставишь ли ты по назначению мои письма?

– Да.

– Прочтешь ли ты их и доложишь ли об их содержании губернатору Каттлсону?

– Да, – сказал ремора и широко улыбнулся.

Чуть поразмыслив над его неуклюжей гримасой, Бару поняла: отменив ограничения на жесты и мимику, она позволила ему выражать удовольствие или неудовольствие. Похоже, ремора – не такое и лояльное создание, как она предположила… Нет, она опять заблуждается. Он – рабское существо и ревностно подчиняется букве приказа. Предоставленный же собственной воле, он будет стремиться удовлетворить столько вышестоящих, сколько сможет.

Он был нормализован таким образом, что получал удовлетворение от повиновения, словно собака. Он не отдает предпочтения ни ей, ни Каттлсону.

Однако Бару действительно предоставила реморе больше свободы повиновения – ведь теперь у него есть возможность слушаться не только Каттлсона, но и счетовода Империи.

А раз так, то Бару разговорит его!

– Тебя вывели и тренировали для умственной работы, – продолжала она, – верно?

– Во мне развивали все качества, необходимые для выполнения задачи.

– И ты предпочитаешь применять их, служа Маскараду?

– Имперской Республике, с вашего позволения, – вымолвил он и болезненно скривился – видимо, в его мозгу сработал условный рефлекс. – Я предпочитаю служить Имперской Республике с максимальным рвением. Я создан для того, чтобы защищать и повиноваться, но в мои обязанности входят и другие функции. Я способен давать советы и информировать.

– Дай мне оценку, – выпалила Бару, не сумев удержаться от возможности взглянуть на себя со стороны глазами умнейшего человека, напрочь лишенного собственного «я» и личного интереса. – Поведай мне обо мне самой – и тогда я тоже буду служить Империи наилучшим образом.

– Женщина с Зюйдварда. Будучи женщиной, вы имеете предрасположенность к абстрактному мышлению и работе с числами, но вас ослабляют склонность к сильным эмоциям и врожденный материнский инстинкт, смягчающий суждения.

Эту часть инкрастической доктрины Бару оставила без внимания.

– Будучи зюйдвардийкой, – добавил ремора, – вы имеете в крови факторы, способствовавшие успеху империи ту майя, но также унаследовали их расовую склонность к промискуитету и дикость, усугубленную негигиеничными брачными обычаями последних столетий.

Говоря это, ремора улыбался уже не столь неуклюже – теперь его физиономия выражала удовлетворение от применения своих талантов. Наблюдения и их анализ доставляли ему радость.

– Вы до известной степени одаренный математик, потенциальный полимат и перспективный савант имперского масштаба в дисциплинах управления. Ваша самоотверженность в работе и утилитарный характер немногих известных социальных связей указывают на такое похвальное качество, как прагматический инструментализм, но также допускают риск резко выраженной социопатии. Не исключен латентный трайбадизм, что может потребовать коррекционного лечения.

Его речь зачаровывала и немного злила – последнего хватило, чтобы злость выскользнула наружу окольным путем, в бессмысленном требовании:

– Тараноке. Называй мою родину «Тараноке».

– Я не могу.

Глупость с ее стороны. Нет причин тратить время на пустяки.

– Объясни, в чем я ошиблась. Почему моя власть ограничена?

– Ваша тактика эгоцентрична. Вы забыли, что вы – не единственный игрок за доской – и опыт значит не меньше, чем врожденный талант. Помимо прочего, окружающие стремятся расширить свое влияние и ограничить ваше. Ваша ошибка вызвана одним из фундаментальных изъянов человеческой психики: вы позволили себе счесть окружающих статичными и постижимыми механизмами, и лишь себя – действующей силой.

Как легко и приятно и отвратительно сладко было использовать его! Она заполучила в свои руки бледного безвольного оракула, способного разумно и авторитетно высказаться обо всем, чего ее душе угодно, и ничего не требующего взамен! Кстати, похоже, что его нижняя челюсть слегка обмякла? А дыхание сделалось гладким и глубоким, словно от действия сильных успокоительных? Информируя Бару, он использует свои навыки, он служит ей и искренне наслаждается этим.

Можно ли назвать рабством такое состояние? Ведь он и впрямь счастлив…

Ощущение счастья вбито молотом в сплав самого его

существа.

В глубине души Бару подозревала, что Маскарад стремится переделать весь мир по образу и подобию Чистого Листа. Взрастить будущее поколение счастливых человеческих автоматов. Они уничтожили собственную природную аристократию, крича: «Яд в их наследственности, слабость в их семени!» Но даже с гибелью старых династий не исчезла одержимость улучшением крови. В Метадемосе определили, что поведение и жизненный опыт способны изменять наследственные клетки. Гигиеничное поведение взращивает разумных и дисциплинированных граждан, а социальный порок – распутных гедонистических паразитов.

– А мой следующий ход? Что я, по твоему мнению, должна сделать, чтобы упрочить свои позиции?

– Заведите любовника, – ответил он без всякого вожделения и вообще без интереса. – Арест по обвинению в негигиеничном поведении – самое страшное оружие, которое можно использовать против вас. Если я скажу губернатору Каттлсону, что у вас есть любовник мужского пола, мои слова будут приняты как факт любым имперским судом. Зато, в свою очередь, я хотя бы немного ограждаю вас от подозрений.

В животе томительно заныло. Ощущение почти ничем не отличалось от того, которое Бару чувствовала, осознав свою власть над ним – сильное, но абсолютно непохожее на похоть. Наверное, именно это сразу побудило Бару отвергнуть его предложение: ее плоть протестовала, невзирая ни на невозмутимость меноры, ни на ее искренний и тошнотворный интерес к покорному Чистому Листу. А может, причина была действительно разумной и коренилась в беседах с Аминатой о флоте. Именно тогда в Бару зародилось упрямое, неподатливое чувство, что пользоваться телом как инструментом влияния – в любой, самой невинной форме – тоже подчинение или компромисс.

Почему ее должны наказывать за целомудрие? Отчего ее спальня значит больше, чем счетные книги и деньги?

Ответом был стоявший перед ней человек.

– Ступай, – буркнула она и внезапно окаменела от ужаса. А вдруг она разговаривает во сне – ведь тогда Чистый Лист услышит и запомнит все ее бормотание! – Ступай охранять лестницу внизу, пока я сплю. Вздохнуть! Ступай.

На следующее утро Бару сказала себе, что ей снился Тараноке. Ее родной остров заполонили механические люди – гениальные мужчины и женщины. Они создавали под руководством Бару прекрасные вещи и без боязни общались

между собой. Во сне все побережье Пепельного моря было населено ими и сделалось безупречно практичным, как аккуратная счетная книга, и каждый был на своем месте, будто звезда в созвездии.

На Бару обманывала себя. То был вовсе не сон. И она опять погрузилась в раздумья с зачарованностью ребенка, который сковыривает струпья со ссадин и не может остановиться.

Бару уже не понимала, что она чувствует – боль или восторг.

День поединка приближался. Времени до того, как Каттлсон отрубит ей руку или сделает что-нибудь похуже – и тем самым прикует ее к постели на длительный период – оставалось совсем мало.

Что Бару могла предпринять? Только ответить на письмо со словом власти.

И Бару начала действовать.

Под неотступным взглядом Чистого Листа она черкнула пару строк и передала свое послание Мер Ло. Ее записка была совершенного содержания: «Хотелось бы встретиться для обсуждения плана налогового периода».

Заге Ява явилась в тот же день.

Глава 14

Они пили кофе с крохотными пирожными, пропитанными финиковым сиропом, под наблюдением Чистого Листа и Мер Ло.

Человек-менора и секретарь представляли собой удивительное зрелище. Теперь они превратились в безмолвных стражей, приставленных к Бару властями. Парадоксально, но Бару могла им полностью доверять – в определенных узких границах.

Однако вскоре она выпорхнет из клетки.

Зате Ява с улыбкой разглядывала бледнолицего человека.

– Выдающийся экземпляр, не правда ли? Отменные качества. Губернатор так бахвалился им, а позже очищенный повторил мне все до последнего словечка! Он способен легко заменить моих протоколистов.

Поняв ее предостережение, Бару едва не поперхнулась пирожным. Она велела Мер Ло записывать их беседу, дабы убедиться, что Зате Ява понимает, сколь тщательно за ней наблюдают. Старая законница явно раскусила этот трюк.

– Будь у меня дюжина таких, я привела бы в порядок книги Су Олонори за неделю.

– Сомневаюсь, что в Ордвинне наберется дюжина очищенных. Их выращивают в Метадемосе в специальных замысловатых колыбелях из рычагов и звонков. Конечно, это только слухи. – Зате Ява сдержанно усмехнулась. – Не стоит мне их распространять.

– Но с некоторых пор мне доступны исключительно слухи, – произнесла Бару, кивая в сторону Чистого Листа.

Затем она многозначительно посмотрела на дверь и вздохнула: дескать, стража никогда не дремлет.

Глаза Зате Явы заблестели.

– Да! Что касается мер безопасности. Будь это формальный домашний арест, я могла бы отменить его немедля. Но, усмотрев в неустановленном злоумышленнике угрозу безопасности провинции, губернатор имеет право на военные действия в целях вашей защиты. Если он может оправдать ваше заточение временными мерами безопасности, я – в данный момент – бессильна.

То есть они с братом не видят причин выпускать Бару из башни. Поскольку уверены, что восстание обречено на поражение.

Бару должна переубедить их. Они поддержали Тайн Ху.

Надо попытаться что-то сделать.

Крутанув кофейную чашечку на блюдце, Бару непринужденно откинулась на спинку кресла и мысленно заорала Зате Яве в

лицо: «Сейчас я вас озадачу!»

– Пустяки. У меня появилась прекрасная возможность сосредоточиться на планировании налогового периода.

– Как ответственно… и весьма похвально.

– Сборщики в нуги, кубышки начинают наполняться. В общем, я тоже задумалась о проблемах безопасности. Настали скудные времена: в такие годы народ мечтает о мятеже, а князья – о мошенничестве. А губернатор Каттлсон… – Она покосилась на менору. – Он очень озабочен! Он искренне хочет, чтобы Фалькрест остался доволен налоговым периодом. Парламент разочарован понесенными нами убытками. Они ожидают войны с Ориатийской федерацией, что дорого нам обойдется.

Зате Ява рассеянно изучала убранство кабинета, скользя взглядом по орнаменту из цепей и якорей.

– За все годы, проведенные здесь, я доказала, к чему может привести мошенничество. Они осознали, что Ордвинну крайне необходима сплоченность. Думаю, вы соберете обильную жатву, Бару.

В действительности эта реплика означала: «Играй свою роль. Не поднимай шум».

Мер Ло усердно царапал пером по пергаменту.

– Не сомневаюсь, – ответила Бару, уставившись на старуху. – Но я решила, что мы рискуем в другом отношении. Слухи о флоте Империи, строящемся в Зюйдварде, могут погнать пиратов на север, по великому торговому кольцу. Но их прежние логова на юго-западе Пепельного моря не будут пустовать. Полагаю, что скоро они пустятся на поиски новых жертв.

У Зате Явы отвисла челюсть. Ее изумление показалось бы фальшивым любому, не знающему об ее истинной лояльности и не встречавшемуся с ее братом среди ночи. Но Бару была уверена, что старуха не притворяется и поняла, к чему клонит имперский счетовод.

Воспользовавшись секундной паузой, Зате Ява взяла себя в руки.

– Галеоны, которые направляются в Фалькрест с грузом золота, собранного с целой страны, па борту… Но военно-морской флот будет бдительно охранять каждое судно. И пираты будут отогнаны.

– Я доверяю флоту и думаю, что галеоны не пострадают. Но я бы предпочла принять определенные меры к тому, чтобы превратить доверие в уверенность, – произнесла Бару и любезно улыбнулась. – Рынки работают исключительно па доверии…

На заднем плане статуей замер Чистый Лист. Взгляд его бездумно блуждал по комнате, но Бару ощущала его напряжение.

Если бы Бару приказала ему говорить, он бы наверняка закричал: «Тревога! Тревога!»

Бару тоже хотелось закричать во всю глотку. В этот миг она почувствовала, что вся ее жизнь – ее мечты, амбиции, жгучая тоска по чистым водам и крикам чаек над Тараноке, ее надежды на власть и сокрушение империи – балансируют на острие ножа, в который вцепилась Зате Ява.

«Я – дура, – подумала Бару. – Она поступит именно так, как говорил ее браг».

А он сказал: «Она сварит вас заживо».

Зате Ява нарушила паузу.

– Безусловно, мы должны принять меры. Я велю представителю адмирала Крофтар доставить вам некоторые необходимые бумаги, чтобы вы рассмотрели расписание рейсов и реорганизовали его, как сочтете нужным. – Она поднесла к губам чашку. – Возможно, отправку галеонов надо отложить, чтобы они отправились в путь единым конвоем. Тогда их точно не переловят по одному.

– Верно.

Правоблюститель резко сдвинула брови.

– Однако нам необходимо обсудить еще одно дело – к сожалению, куда менее конструктивное. Я безумно расстроена тем, что вы и губернатор Каттлсон схлестнетесь в поединке. Что за ребячество! Многие годы я трудилась над гем, чтобы изжить пристрастие ордвиннцев к судебным спорам. А вы взбудоражили всю страну: народ поговаривает, что вы, благодетельница простых людей, поднимете меч против губернатора. Я настаивала на том, чтобы нелепая ссора была улажена в судебном порядке, но губернатор просто помешался на поединке.

– Как и я – ведь речь идет о чести.

Бару отчаянно старалась не переиграть, удержать беседу в одном ключе с Зате Явой. А Зате столь гладко сменила направление разговора, уводя его прочь от предложения, которое было сделано еще секунду назад!

Зате Ява судорожно одернула воротничок.

– А если вас тяжело ранят? Я настаиваю, чтобы вы нашли кого-либо, кто выйдет на поединок вместо вас. Мы не можем позволить себе лишиться имперского счетовода.

– Или губернатора.

Зате Ява закатила глаза.

– Да-да. Простите, я запамятовала, что вы тоже владеете клинком.

Бару беспомощно развела руками.

– Но я лишена возможности искать заместителя, находясь

под… – Неожиданно она рассмеялась – совершенно искренне, от души позабавленная иронией ситуации. – Под защитой губернатора.

– Я сама подыщу подходящего мечника вам в заместители. – Зате Ява раздраженно улыбнулась – без малейшего намека на удовлетворение. Она даже не моргнула украдкой в знак удовольствия от столь быстрого разрешения дела. – Способного устроить так, чтобы ни одна из сторон не пострадала.

Безусловно, это было в силах Зате Явы. Сама Зате убила старого князя Лахтинского, а ныне, в силу занимаемой должности, держала в своих руках все до единого преступные сообщества Ордвинна!

А Мер Ло и Чистый Лист уже начали протоколировать происходящее. Острое перо и прекрасная память, конечно, не могли их подвести, но Бару хотелось надеяться, что они упустили великий поворотный момент разговора.

А главный ход сделала именно она, Бару! Она предложила два желанных трофея двум главарям вскипающего в Ордвинне восстания. Золото и кровь лежали перед ними как на блюдечке. Оставалось лишь взять их.

Дело сделано. От Бару уже ничего не зависело. Через пару-тройку дней Зате Ява уничтожит ее или увидит, как вспыхивает первая искра восстания.

И тогда для Бару начнется настоящее испытание.

* * *

В день поединка было дождливо и душно. Гладкие плиты и грубый булыжник мостовых курились паром после летнего ливня. Размявшись и облачившись в штаны для верховой езды и тяжелый сюрко[16], Бару спустилась в свой кабинет, где она и обнаружила Мер Ло.

Секретарь стоял спиной к ней и смотрел в окно.

– Лист убрался восвояси, – сообщил Мер Ло беспечным тоном и повернулся к Бару. – Губернатор вызвал его доложить о результатах наблюдений. А я принес завтрак.

Мер Ло собственноручно пожарил свежую треску в оливковом масле, сдобренную луком. По ордвиннским приметам, это блюдо готовилось на удачу. Жаль, что аппетит у нее совсем пропал.

– Я и не заметила его исчезновения, – удивилась Бару. – Он – будто мебель. Чистый Лист прямо-таки ускользал от моего внимания.

– Но не от моего, – произнес Мер Ло и вновь повернулся к

окну. Опершись о стекло растопыренными пальцами, Мер Ло смотрел в туман, который окутывал город.

Теперь от его веселости не осталось и следа. В голосе Мер Ло уже сквозили меланхолические нотки, которые легонько кольнули Бару. Эта мягкость и вежливость насторожили ее. Похоже, секретарь решился сказать нечто, что причинит ей боль.

– Помню, раньше в такую погоду по утрам жутко воняло. Стоки у нас были ужасные, в дождь переполнялись, и все растекалось по улицам.

– А сейчас?

Мер Ло пожал плечами.

– В мое отсутствие Маскарад их перестроил. Здесь канализацией и не пахнет. Но ведь у вас есть горячая вода на самой верхушке башни, так что вас это вряд ли впечатлит.

– Продолжать, – сказала Бару, ковыряя треску вилкой.

– М-м… О водопроводе и канализации?

– Обо всем, что ты хотел сказать, но помалкивал, пока ко мне был приставлен Чистый Лист.

Мер Ло крутанулся на месте, посмотрел на Бару и прикрыл глаза. Бару наблюдала за ним. Ей хотелось понять его, хоть мысли и возвращались раз за разом к поединку и к Каттлсону, замыслившему искалечить ее и убрать из игры. Будет ли ей больно? Чего она лишится – пальца, руки?

– Что вы делаете? – прошептал Мер Ло, словно опасался, что в комнате спрятался соглядатай.

– Я… – проглотив кусочек трески, Бару подняла нож. – Отказаться от поединка, не принеся Белу Латеману официальных извинений, я не могу. Принеся извинения, я выкажу неспособность занимать должность счетовода, и меня вынудят уйти в отставку. Каттлсон считает, что поединок – это хороший шанс для него самого, поскольку таким образом он сумеет выйти сухим из воды. Я успела изрядно подпортить его репутацию и навредить правительству, зато после поединка он будет чист! Сама Ява, похоже, не настолько озабочена этой историей, чтобы положить ей конец. Значит, ни у кого из нас нет выхода. Придется драться.

– Я другое имел в виду, – Мер Ло энергично потряс головой, и Бару с содроганием вспомнила тонкую мускулистую шею Чистого Листа. – Я о дополнении к налоговой форме. О непонятной договоренности с Зате Явой. О тщательном планировании деловых встреч на шесть месяцев вперед – вы будто пытаетесь доказать, что в ближайшие полгода вам предстоит куча официальных встреч… – Он подошел к столу и встал по другую сторону от Бару. Волосы его блестели от масла,

сюртук был официально застегнут под самое горло. Он уже не походил на зяблика. Скорее, на ворону. – Я ведь знаю вас. Вы не станете рисковать положением и карьерой в этом глупом поединке просто так, без серьезной причины. Что вы делаете?

Бару отправила в рот еще кусочек трески, чтобы выиграть для себя и своего сердца чуточку времени.

– После поединка мне потребуется твоя помощь с уймой бумажной работы.

– Или в качестве сиделки… – Уголки губ Мер Ло дрогнули, но улыбка тотчас угасла. Он заговорил резко, точно подгоняя самого себя. – Если вы переходите в их лагерь и намерены ввязаться в переделку, мне надо предупредить семью до того, как начнется кутерьма. Я хочу успеть, Бару. Пусть они отплывут на надежном корабле, покидающем порт. Помните охотника, который едва не придушил меня, когда я сказал, на кого работаю? Такая же ярость обрушится и на них.

Сердце в груди Бару плакало, исполнившись внезапного желания спасти Мер Ло. Он – дитя прошлого восстания, и она может предупредить его о том, что ждет Ордвинн. Странно, что он так расчувствовался! Ведь Мер Ло был обученным оперативником из местных – опытным и прожженным типом. Он вполне может справиться сам. Однако он находился в ее власти и ничего не мог поделать, приставленный к ней Кердином Фарьером.

– Я не слышала в своем кабинете никакой крамолы, – произнесла она, делая вид, что оправдывается. – Ведь за мной постоянно шпионили.

Мер Ло ссутулился.

– Виноват. Простите. Я должен понимать ход ваших мыслей. Но я думал, что… Он запнулся на полуслове. – В сложившихся обстоятельствах я предположил, что вам может кое-что понадобиться…

Он замялся и умолк. Неужто Мер Ло потерял дар красноречия? А она-то тут при чем?

Бару рассерженно оттолкнула поднос.

– Хочу прибыть заранее. Вызови экипаж. Если губернатор уже прислал за мной экипаж, распорядись заменить его.

Что бы он ни собирался сказать – нечто доверительное или рискованное – все вмиг было проглочено и забыто.

– Слушаю, ваше превосходительство.

Отыскав абордажную саблю Аминаты, Бару повесила ее на пояс, рядом с кошелем на цепи. Если сегодня ей потребуется оружие, она уже проиграла.

А письма от Зате Явы о найденном заместителе так и не

поступило.

* * *

Толпа ревела, как прибой в штормовую погоду.

Думать о поражении было ни к чему. Непродуктивно. Представлять себе, как она потеряет руку, получит гноящуюся рану или просто лишится чувств от внезапной боли… Нет, у Зате Явы – наготове человек, который выйдет на бой за нее. Драться ей не придется. Иначе она неизбежно проиграла бы Каттлсону – на его стороне и рост, и физическая мощь, и искусство владения клинком.

Бару судорожно вздохнула.

Она вышла из кареты посреди площади, и половина города пронзительно завопила, окатывая ее – кто ненавистью, а кто и обожанием.

Подспудный, зашифрованный бунт. Голубые шеренги гарнизона теснили толпу. Флаги с монетой и маской реяли на сосновых мачтах, разносчики бойко продавали пиво оборванным портовым рабочим и охотникам-лесовикам с ввалившимися глазами и зубами, прореженными цингой. Копейщицы Пиньягаты стояли плечом к плечу и воодушевленно выкрикивали на чудовищном афалоне:

– Золото из честных рук! Золото из честных рук!

Приветствие подхватили даже люди под княжескими знаменами – Отсфир, Лизаксу и Унузекоме, сгрудившиеся в неудобном отдалении особняком от толпы простонародья.

И это приветствие звучало в ее честь.

Новая ссудная политика являлась обдуманным шагом к завоеванию симпатий простолюдинов. Шум вокруг оскорбления, нанесенного ей Белом Латеманом, должен был привести их к возмущению.

Похоже, Бару достигла цели.

– Честная рука!

Без оппозиции, конечно, тоже не обошлось.

Раздвигая толпу, на площадь со стороны Фиатного банка выехали всадники в доспехах и княжеском убранстве. Бару разглядела «олений» флаг Хейнгиля, а затем и самого князя. Он неподвижно, будто каменный истукан, восседал на черном жеребце. Из-за вызванной Бару инфляции он потерял столько, что губернатору Каттлсону пришлось поддержать его золотом. Но лояльность князя держалась нс на этом. Он присягнул Маскараду после первого поражения Ордвинна, и его представления о чести

оказались столь непоколебимыми, что во время Дурацкого Бунта он встал на сторону Фалькреста. Слово его было тверже железа.

Он поднял руку, указывая в ее сторону, и сорвал с седла птицу – белую крачку, связанную и отчаянно дергающуюся. Мер Ло за плечом Бару с резким шумом втянул воздух.

Хейнгиль свернул птице шею и швырнул ее в толпу. Народ откликнулся рокотом вулкана, слившимся в ошеломляюще громкий хор:

– Задешево дает!

– Грубо, – хмыкнула Зате Ява, подойдя к Бару из-за шеренги гарнизонных солдат в стальных масках. – Интересно, что бы сказала его дочь? Я буду судьей вашего поединка.

Бару улыбнулась, с отчаянными усилиями сохраняя спокойный вид. Колени дрожали, желудок сводило судорогами.

– А заместитель? – тихо спросила она.

Зате Ява наморщила лоб и склонила к ней ухо:

– Простите? В теплую погоду мой старческий слух порой подводит.

Сердце Бару ухнуло вниз. К горлу подступила горькая желчь. Заместителя не было.

Смелей, Бару Корморан! В школе она была хорошим бойцом и до сих пор поддерживала форму. Может, как-нибудь она справится.

Зате Ява потянула ее за запястье:

– Идемте. Доктор наготове. Лучше встретить боль лицом к лицу. Раньше начнете – раньше и закончите.

Значит, ее предложение отвергнуто – и кровь, и золото, и прочее. Вероятно, Зате Ява посоветовалась с братом, и они считают, что время еще не пришло.

Шагая по грубо отесанной булыжной мостовой, Бару ступила в круг, вычерченный мелом в центре площади. Людской рев разом стих. В круге ее ждал губернатор Каттлсон – шапка из волчьей головы, темная кожаная безрукавка, длинный двуручный меч у пояса.

– Корморан, – заговорил он, улыбаясь, как всегда, однако голос его звучал печально. – Уже пересчитали толпу?

– Здесь, наверное, полгорода.

– Я закрыл доки и объявил праздничный день. Толпа преклоняется перед силой. Ордвинн должен знать, кто правит им и почему – им будет полезно поглядеть, как их губернатор одержит победу на их же условиях. – Переложив меч в левую руку, он подал Бару правую. – Я постараюсь ранить вас легко – если получится. И – прошу прощения за… грубость. Ее придумал не я и даже не князь Хейнгиль.

За спиной Каттлсона с гордо поднятой головой стоял приосанившийся Бел Латеман. Злость оказалась приятнее страха. Бару едва не сплюнула ему под ноги, но хоровой крик – «Задешево!» – напомнил ей реплику, сказанную Латеманом в ресторанчике: «Прекратите истерику». Любые проявленные сейчас эмоции будут обращены против нее.

Сжав руку Каттлсона, она встряхнула ее.

– Вы забыли маску, – хмурясь, заметил он.

Бару специально оставила маску дома. То был символ. Она не стала надевать ее: хотела подчеркнуть, что повод для поединка – ее родина, Тараноке. Вот ее заместитель мог бы драться и в маске…

Но заместителя, увы, не предвиделось. Против роста и силы Каттлсона у Бару имелась лишь флотская система.

Мер Ло дернул ее за рукав и указал вперед. Бару прищурилась и различила среди скрытых иод масками лиц губернаторской свиты бледную физиономию человека-реморы.

Чистый Лист тоже заметила ее, и Бару показалось, что он приоткрыл рот.

Но его прервали.

Зате Ява кивнула, и солдаты гарнизона ударили в щиты. Толпа угомонилась. Теперь на площади слышалось лишь ржание лошадей да негромкие перешептывания.

– Я выступаю судьей в этом споре до первой крови, – провозгласила она. Гарнизонные офицеры повторили фразу нараспев, и их слаженный хор громом раскатился над шерengами. – Сегодня ее превосходительство Бару Корморан с Тараноке, имперский счетовод, вызывает на бой его превосходительство Бела Латемана из Фалькреста, принципал-фактора Фиатного банка. Бару Корморан, чем вас оскорбили?

Это Бару репетировала сотню раз, и сейчас слова слетели с губ легко, как плевок, точно горькая желчь страха:

– Бел Латеман вероломен в службе и в любви. Он использовал свое положение на благо себе и в ущерб Ордвинну, а моими теплыми чувствами лить забавлялся, ухаживая за Хейнгиль Ри. Он оскорбил мой род, мой пол и мою родину. Подобного отношения я не потерплю ни от фалькрестийца, ни от кого-либо еще.

Столь простая речь должна была растрогать местное население. Здешняя публика – лесорубы и докеры. И, разумеется, сплетники – они разнесут словеса Бару на север и на юг, по дорогам и вверх по Инирейну, по всем княжествам и вольным городам. А князь Пиньягата услышит повесть о том, как остроглазая женщина, которую он перепутал с Наяуру, выступила

против Каттлсона, и, естественно, запомнит ее имя.

– Бел Латеман, что вы можете сказать в ответ?

Теперь офицеры и шеренги солдат принялись повторять за Латеманом:

– Бару Корморан принудила меня встречаться с ней, используя свое положение. Ее разрушительные новшества разорили князей Ордвинна, и пятно позора легло и на мою репутацию. Она не подходит для высокой должности счетовода ни умом, ни происхождением, и я не хочу иметь с ней каких-либо отношений – ни личных, ни служебных.

От обвинения в трайбадизме он воздержался. Вероятно, устыдился и хотел избежать неловкости. Или отеческая забота Каттлсона заставила его передумать. А может, вспомнил о хирургах Зате Явы с их скальпелями, лишающими трайбадисток женского естества.

Бару сосредоточилась на собственных вздохах и попыталась зафиксировать результат. Простые числа – один (на данный счет есть разные мнения), два, три, пять, семь…

А Зате Ява могла добавить к вышесказанному кое-что еще… к примеру, процитировать законы, описывающие ошибочность и иррациональность поединков. Но она очень торопилась. Она жаждала увидеть Бару раненой и исключенной из игры.

– Пусть поединок до первой крови покажет нам, кто прав, а кто – нет. Бару Корморан, не угодно ли вам принести извинения и отказаться от боя?

Нет. Она доверится клинку.

– Нет.

– А вам, Бел Латеман?

– Мне – нет.

– Бел Латеман, угодно ли вам призвать того, кто выйдет на бой за вас?

– Я призываю его превосходительство губернатора.

Служащие Фиатного банка и кучка людей возле князя Хейнгиля разразились ревом и рукоплесканиями. В унисон им заржали лошади. Каттлсон распахнул руки навстречу толпе и заключил в триумфальные объятия очерченный мелом круг, булыжники мостовой, аркады и строительные леса, которые облепили уличные мальчишки и мещане.

Зате Ява обратилась к Бару, старавшейся не думать ни о чем, кроме отца Сальма. Он храбро сражался в свете костров с богатырями и никогда не сдавался… Почему же он не вернулся домой с поля битвы? Почему?

Бару посмотрела на Зате. Странно, но в поджатых губах правоблюстителя чувствовался слабый намек на сожаление.

– Бару Корморан, угодно ли вам призвать того, кто выйдет на бой за вас?

Бару решила окончательно закрепить свое уничтожение.

– Я выйду на бой за Бару Корморан.

Толпа ахнула, стихла и взревела, как набежавшая на берег волна.

И в круг ступила княгиня Тайн Ху – звон подкованных сапог по известняковой мостовой, коротко обрезанные волосы, алые штрихи на щеках. Она подняла клинок, приветствуя Каттлсона, взглянула на Бару и отсалютовала, коснувшись лба.

– Приказывайте, сударыня, – вымолвила она, в то время как Зате Ява старалась скрыть бешенство, а офицеры гарнизона повторяли публике все, что говорила княгиня.

А Бару метнула первый из заготовленных дротиков – слова, заставившие откликнуться дружным гласом бондарей, рыбников, знаменосцев Лизаксу, Отсфира и Унузекоме:

– Покажите им, кто и по какому праву должен править Ордвинном!

– Вультъяг! – хрипло, изумленно завизжала публика победнее. – Вультъяг!!!

* * *

«Рогатый камень» увлекал именно своими боевыми сценами – увлекательными и романтичными одновременно: ведь дореволюционный Фалькрест не зря славился ими! Бару проштудировала это произведение от корки до корки и не забыла, что фехтовальные сцены «Рогатого камня» отличались замечательной простотой и откровенностью, свойственной всей Второй Книге, без подробнейших описаний оружия, доспехов и генеалогий, которые переполняли древние эпосы.

Зато описания поединков занимали многие страницы и вызывали у каждого бурное восхищение. Парады, рипосты, финты и прочие маневры в фехтовании превращались в истинное искусство…

По Бару тренировалась по флотской системе. Здесь не было старинного изящества. Любой ответ являлся и атакой – контрударом, выверенным так, чтобы перехватить и отвести удар противника. Следовало резко сбить его с толку, а потом завершить контратаку захватом или нанести последний поражающий удар.

– На палубе, в шторм, в темноте, – рычала Амината, отстукивая костяшками пальцев ритм, – пьяный, загнанный в

угол, один против шестерых!..

Это казалось Бару верным, хотя до Аминаты ей всегда было далеко.

Но Тайн Ху не знала флотской системы. А чему обучен Каттлсон, Бару себе даже не представляла. Впрочем, не важно. Каттлсон был выше и массивнее, а ручищи у него оказалась громадными.

Бойцы встали по местам, и площадь замерла. Правоблюститель Зате Ява стояла, вытянув руки но швам, кожа на ее неподвижном лице натянулась, как пергамент.

– Смотрите на ноги, – шепнул Мер Ло на ухо Бару.

Каттлсон принял стойку: согнул колени, выставив левую ножищу вперед, и поднял меч в позицию «вол» из флотской системы. Одна его рука застыла на яблоке – головке рукояти, другая была под самой гардой[17]. Острие, направленное на Тайн Ху, напоминало обвиняющий перст. Обнаженные плечи бугрились от мускулов, клинок был совершенно неподвижен. Невероятная демонстрация статической силы. Похвальба.

Тайн Ху, оскорбительно повернувшись к противнику спиной (толпа со стороны банка разразилась свистом), стряхнула с плеч куртку и с лаконичной уверенностью развернулась к Кагглсону в полувыпаде, склонив корпус вперед. Ее мышцы заходили ходуном и взмокли от пота. Левая рука ее стиснула яблоко, правая ухватила рукоять под гардой, клинок она наклонила назад и положила на плечо, точно рабочий, несущий жердь.

Мощный, словно нос корабля, подбородок Каттлсона шевельнулся, и его сторонники вновь засвистели и заулюлюкали.

– Подними клинок! – крикнул кто-то.

– Могла бы выбрать позицию посильнее, – пробормотал Мер Ло.

Бару, в кровь изжевавшая правую сторону нижней губы, закусила ее слева.

– Это прекрасная позиция, – возразила она. – Я знаю наверняка.

Зате Ява встрепенулась.

– До первой крови! – провозгласила она. – Готовы?

В детстве Бару наблюдала за птицами не меньше, чем за звездами, – смотрела на взмахи их крыльев и пыталась разгадать механику полета.

За спиной Тайн Ху кто-то громко хлопнул в ладоши и насмешливо, визгливо рявкнул. Княгиня Вультъяг не шелохнулась. Икры Каттлсона непроизвольно напряглись при резком звуке.

Зате Ява хлопнула в ладоши, шагнула за меловую черту.

И Каттлсон атаковал.

То был чудовищный удар, невероятной дальности, остановленный одной лишь силой Тайн Ху. Острие меча, направленное вниз (позиция «хвост»), засвистело в воздухе и едва не воткнулось в мостовую. Тайн Ху, все так же держа клинок на плече, отступила назад и вовремя увернулась из-под удара. Проиграла, отдала пространство, очерченное ударом Каттлсона.

Очередная волна свиста и гвалта поднялась в ответ на ее отступление. Губернатор принял высокую позицию «вол» и двинулся по кругу длинными ровными шагами. Тайн Ху, не меняясь в лице, последовала за ним. Дыхание ее было почти незаметно – лишь плечи медленно покачивались вверх-вниз.

– Нет, – пробормотал Мер Ло, судорожно стискивавший кулаки где-то рядом, в уголке зрения. – Он слишком…

Стойка Каттлсона резко опала, словно перед прыжком. Тайн Ху и не шелохнулась в ответ. Губернатор хмыкнул, оскалил зубы в улыбке.

– Как ты думаешь, была бы твоя карьера намного лучше, – процедила Тайн Ху, – если б ты, как намеревался, всадил ей меч в спину, когда она…

Фраза оборвалась. Пальцы ног и икры Тайн Ху сработали, как пружины, меч вспорхнул с плеча и ударил наискось сверху вниз.

Каттлсон взмахнул своим смертельным оружием и принял меч Тайн Ху на гарду. Раздался металлический звон, на секунду Бару почудилось, что два клинка намертво сцепились между собой. Рык Каттлсона слился с лязгом и скрежетом. Он продолжил наступать на Тайн Ху, тесня ее назад – меч в меч…

Тайн Ху, потеряв равновесие, прогнулась. (Бару почему-то опять вспомнила, как в детстве она следила за взмахами птичьих крыльев.)

Тайн Ху сумела выйти из клинча, но пропустила яростный натиск Каттлсона справа от себя. Его меч скользнул вдоль ее клинка, пройдя над ее плечом, и Каттлсон шагнул вперед, чтобы сохранить контакт, пересилить и обезоружить княгиню.

Сталь взвизгнула, скрестившись со сталью.

Плечи Тайн Ху выдавали анатомический рельеф. Она развернулась, позволяя инерции увлечь Каттлсона вперед, и ее рука в перчатке легла прямо на яблоко губернаторского меча.

Бару удалось разглядеть движения Тайн Ху: она сумела перехватить клинок под гардой у незаточенного основания и развернула холодное оружие во мгновение ока.

Коротко рыкнув, княгиня всадила яблоко в лоб противника. Яростный натиск Каттлсона в буквальном смысле сыграл ей на руку: удар рукоятью пришелся как нельзя кстати.

Оглушенный губернатор боком рухнул на мостовую. Толпа взвыла. Мер Ло издал неясный звук и подпрыгнул на носках.

Тайн Ху опустила острие меча и рассекла кожу на лбу Каттлсона. То был след победителя, издевательская царапина, лоботомия прямо под шапкой из волчьей головы. Отступив на шаг, княгиня встретилась взглядом с Бару и широко улыбнулась – без расчета, без насмешки, торжествующей улыбкой хищника.

Все продолжалось секунду. Может, две.

– Победа за Бару Корморан! – выкрикнула Зате Ява, разорвав тишину.

Опасаясь беспорядков, солдаты гарнизона загремели щитами еще до того, как толпа разразилась воплями. Бару оцепенела, и Мер Ло схватил ее за плечо. Чистый Лист скользнул к губернатору и опустился на колени, чтобы оказать ему помощь. Бел Латеман обхватил голову руками и затрясся.

– В карету! – прошипел Мер Ло. – Быстро, пока толпа не перекрыла дорогу!

Мер Ло потянул ее куда-то в сторону, но Бару вырвалась и кинулась к Тайн Ху – к ее кривой ухмылке и дурно вправленному носу. Она увлекла Тайн Ху за собой в надежный полумрак экипажа имперского счетовода.

А толпа вокруг бушевала:

– Честная рука! Честная рука!

Глава 15

Теперь пробил час поспешных контрманевров. Пришло время распечатывать секретные пакеты с приказами на случай поражения Каттлсона. Люди, незнакомые с хорошими манерами Зате Олаке, могли вооружиться грубо заточенными ножами и устроить мятеж хоть сию секунду.

Она выиграла поединок и завоевала сердце Ордвинна. Но потеряла последние надежды на безопасность в Пактимонте.

Все могло обернуться бедой. Бару рассчитывала, что Зате Ява защитит ее, пока замысел будет развиваться дальше, но теперь полагаться на поддержку старухи ей не следовало. Возвращаться в башню, битком набитую стражами Каттлсона, тоже было нельзя.

– Княгиня! – заорала Бару, перекрикивая грохот колес по булыжной мостовой. – Мне нужна тихая гавань!

Тайн Ху сидела напротив с ножнами на коленях. На ее устах до сих нор не померкла волчья улыбка, хотя они уже давно покинули площадь.

– Мои люди расквартированы в усадьбе князя Отсфира, которая находится возле Северной гавани. На севере он мой соперник, но здесь – союзник. Если вам нужно бежать, он запросто посадит вас на корабль до устья Инирейна, а оттуда князь Унузекоме отвезет вас в верховья, в мой вультъягский замок.

Где ее можно будет спрятать в карман, словно монету… Но, по крайней мере, у Бару был выход.

– Хорошо. Мер Ло?

– Я все передам кучеру.

И секретарь перебрался вперед.

– Как долго вы ждали этого момента? – спросила Бару княгиню, в свою очередь расплываясь в улыбке.

– С тех пор, как самодовольный болван ступил на наш берег. – Тайн Ху потянулась и уселась, приняв позу военачальника на старинном портрете. – Тогда он не умел драться. Я тоже – совсем еще девчонкой была. – Она коротко хохотнула. – Похоже, я оказалась лучшей ученицей, чем он, – с ехидством добавила она.

– Верно! – Как приятно снова побыть легкомысленной! – А где научились владеть мечом?

– У лесников и у дровосеков. В нескольких настоящих стычках, – пожала плечами княгиня. – Осенью из-за Зимних Гребней явились стахечи-браконьеры, но мы их прогнали.

– Вам приходилось убивать? – спросила Бару с болезненным

восторгом.

– Человека в железном венце, – ответила Тайн Ху – возможно, обращаясь к какой-то легенде или к личным воспоминаниям.

И в глазах Тайн Ху вспыхнули лукавые искорки. Бару вернулась к мыслям о поспешности и контрманеврах и напомнила себе, что Тайн Ху небезопасна, будучи величиной неизвестной.

В этой игре схлестнулось множество игроков…

Бару придвинулась к Тайн Ху и склонилась к ее уху. От княгини пахло потом и кожей – победой.

– Стоит ли делать вид, что я верю, будто вас выбрала мне в заместители Зате Ява? Что она решила обеспечить победу мне?

– Не важно, – шепнула в ответ Тайн Ху. – Они с братом решили, что поддерживать вас рано, хоть вы и предложили им золотые галеоны. По их замыслу вас должны были ранить и вышвырнуть вон. Но я сделала свой ход и встала на вашу сторону. Если сумеем показать им, что у нас есть шанс, они присоединятся.

– Почему? – недоуменно спросила Бару, имея в виду: почему они обязательно присоединятся.

Губы Тайн Ху остановились на безопасном расстоянии от ее уха.

– Неужели вы не поняли? Смотрите, Бару, – то, кем вы являетесь сейчас, навсегда закроет путь к тому, чего вы заслуживаете. Вы эгоистичны, расчетливы, прозорливы и, не найдя в фалькрестском лабиринте пути вперед, додумаетесь проломить стену. Я знала это еще тогда, когда вы расстроили мое предприятие с фальшивыми деньгами. Я догадалась, что вам наскучит сидеть на цепи. – Она схватила Бару за плечо и болезненно сдавила – перчатка Тайн Ху оказалась усеяна заклепками. – Но моя поддержка – не задаром, счетовод.

* * *

Беспорядки, случившиеся после поединка, встряхнули Пактимонт – и за несколько дней гарнизон израсходовал все наличные запасы кислоты. Суды Загс Явы объявили амнистию и организовали клиники, где обожженные могли получить целебную мазь, просто назвав свои имена. Бару вообразила судебных писарей: они аккуратно заносили имена бунтовщиков в потайные реестры, снабжали их ссылками на уже известные клички и псевдонимы и вписывали виновных в таблицы и формы. Гроза разразится позже. Маскарад никогда не оставлял без

наказания даже малейшее неповиновение.

Мер Ло, несмотря на его возражения, был отправлен в башню – объяснять и прикрывать отсутствие Бару. Секретарь исправно писал Бару по уграм и вечерам, но деловитая краткость его записок – «сбор налогов идет по плану, губернатор Каттлсон озабочен мятежами и делами личного характера, а Зате Ява осведомлялась о вашем здоровье» – ясно свидетельствовала о том, что за Мер Ло шпионили сутки напролет.

Бару понимала, что и за ней пристально наблюдают, однако механизм слежки не был очевиден. Тайн Ху тщательно рассчитала свою цену и дала предельно четкие инструкции: Бару ждет в усадьбе Отсфира, пока Тайн Ху не пришлет за ней.

Никто не испытывал терпение Бару. Однажды утром, спускаясь вниз, Бару увидела женщину-стахечи в шерстяном платье, с соломенного цвета косой, обернутой вокруг головы.

– Ваше превосходительство, – с поклоном произнесла женщина.

Бару вздрогнула. Этот поклон застал ее врасплох, заставив замереть на ходу, меж двух ступенек.

– Аке Сентиамут?

Та любезно улыбнулась. Если она и помнила, что Бару сделала с ней – бесцеремонный приказ, устраняющий агента Тайн Ху из Фиатного банка, бездушное простое «Уволить!» – все отразилось лишь в едва заметном прищуре. Без медвежьей шубы она оказалась тонкой, словно поручень перил, почти изможденной. Возможно, в последнее время она лишилась не только дорогой шубы.

– Меня прислала княгиня, – вымолвила она, нянча в ладонях шкатулку, инкрустированную деревом. – Я буду вашим проводником по трущобам Пактимонта.

– Зачем?

– Урок. Княгиня хочет, чтобы вы увидели, как тяжела участь простолюдинов, – сказала она и подала шкатулку Бару. – Откройте ларчик. Вы же теперь стали знаменитостью, и его содержимое вам пригодится.

В шкатулке лежала фалькрестская косметика. Бару пожала плечами и усмехнулась: точно такой же мастерски пользовался и Бел Латеман! Под крышкой был вырезан олень с ветвистыми рогами.

Бару скептически взглянула на пудру и баночки с гримом.

– Ладно, – согласилась она, – но меня трудно будет переодеть мужчиной.

Губы Аке дрогнули.

– Это искусство мы оставим ее светлости, ваше

превосходительство. А косметика служит не только украшением для мужчины, но и маскировкой для женщины. – Она сделала вежливую паузу. – Доверьтесь мне – с ту майянской кожей мне и раньше доводилось работать.

С неуверенным любопытством Бару вернула ей шкатулку. Аке отвела ее в гардеробную и велела сидеть не шевелясь. Бару заговорила, стараясь сохранять неподвижность лица, словно оно превратилось в фарфоровую маску.

– Вы учились пользоваться косметикой у Бела Латемана?

Сосредоточенно прикусив кончик языка, Аке вывела какой-то знак или линию на ее лбу.

– Нет. Он учился у меня.

Бару наморщилась, заставив Аке досадливо цокнуть языком.

– Но ведь это – фалькрестские навыки, а он всегда был таким изысканным!

– Он был очень застенчив и небрежно воспитан. И отчаянно старался соответствовать своему положению. – Кисть Аке защекотала Бару веки. – Я помогла ему стать человеком, которого Каттлсон сможет уважать.

Любопытство пересилило деликатность, и Бару спросила:

– А где учились вы?

– Муж был уличным артистом в доках. В гавань заходили ориатийские корабли. В их командах встречались ламены – они и научили его.

– Надо же! – проговорила Бару и усмехнулась.

Сейчас ей все стало понятно.

Очутившись в обществе, признающем только два пола, ламены часто предпочитали выдавать себя за мужчину или женщину и могли достичь в этом немалого мастерства.

– Вашего мужа освободили?

– Значит, вы помните, – произнесла Аке, колдуя над ее носом.

Бару пожалела, что не перевела разговор на другую тему. Истощенность Аке показывала, что три года, прошедшие после того, как Бару сломала ей жизнь, дались ей нелегко. Но сделанного не вернуть.

– Удивительно, что вы помогали Белу Латеману справляться с должностью, когда другие фалькрестийцы бросили вашего мужа в тюрьму за крамолу. Несмотря на то что вы были агентом Тайн Ху в Фиатном банке.

Аке принялась убирать инструменты.

– А меня поражает другое, – ответила она. – Вы расстроили планы Тайн Ху, а теперь сами начинаете восстание. Но я из простых людей. Наверное, мало понимаю в политике и в интригах, – добавила она и почтительно опустила голову.

«Вероятно, ее собственное искусство маскировки заключается в том, чтобы прятаться под маской приличий, – подумала Бару. – Но всякий выживает, как умеет».

– А что ваша княгиня хотела мне показать?

Аке Сентиамут вывела ее на улицы в неброской одежде.

– Не показывайте зубы, – предупредила она. – Они выдадут вас с головой, а тут не любят знати.

Они направились на север, затем – на восток, покинули могучие, просоленные аркады Северной гавани и оказались в Малом Уэльтоне, где жили семьи портовиков, ныряльщиц и грузчиков.

– Я работаю у химика, – рассказывала Аке по пути. – Он – фалькрестиец.

– Здесь?

Обычно фалькрестийцы селились неподалеку от Южной гавани и казарм гарнизона, где можно было уберечь детей от иолинских языков и ту майянских соблазнов большого города.

Там улицы были полны специально нанятых лицедеев, которые должны были выкрикивать определенные фразы на афалоне – длинные цитаты из революционных наставлений, пропагандирующих инкрастицизм среди подростков и их младших братьев и сестер.

– Здесь можно делать деньги, – проговорила Аке, и за ее смирением сверкнула искра гнева. – Вы понимаете предписания гигиены наследования?

– Зачем мне думать об обязанностях правоблюстителя и службы милосердия. Я – счетовод.

– В наших краях говорят, что это – долг каждой женщины, – парировала Аке. – Иначе и быть не может.

Она рассказала Бару, что детей «недозволенного расового смешения» хватают на улицах, что незаконные браки караются стерилизацией или (желудок Бару сжался в тугой комок) репаративным деторождением.

– Матерям нужна фалькрестская химия, иначе фалькрестский закон заберет их тела. – Аке громко рассмеялась, покачав головой. – Прекрасный рынок сбыта для химиков.

Репаративное деторождение. Женщин изымают в пользу государства и засевают, точно землю, отнятую за долги. Конечно, Бару было известно обо всем – она ведь не спала на собраниях представителей правительства. Но одно дело – быть осведомленной о чем-то и совсем другое – столкнуться с этим лицом к лицу.

Такие же меры будут установлены и на Тараноке. Хотя нет – их установили еще в те годы, когда Бару пряталась в стенах

школы.

По пути они слышали детский смех и визг, но не встретили на улице ни одного ребенка. Бару не спрашивала почему. За способной ребятней охотились люди из службы милосердия, и агентом мог оказаться любой человек, даже первый встречный бродяга.

Бару сама видела типовой контракт: «Вознаграждение полагается за выявление способных детей. Особое вознаграждение полагается также и в будущем, в зависимости от назначения, полученного оными детьми после экзамена на государственный чин».

Вероятно, Мер Ло был в числе «избранных». «Способного мальчика оправили в Фалькрест. Наверняка тот, кто выдал его Маскараду, получил очень щедрую награду», – подумала Бару.

Похоже, он не особо горел желанием вновь увидеться с семьей. А его близкие – хотели они обнять Мер Ло или нет?

– Настанет время, – пробормотала Аке, – и город забудет, как он жил до Маскарада. Империя проникнет всюду – в наш язык, в наши дома и в нашу кровь.

В ушах Бару зазвенели отголоски воспоминаний: звуки афалона на Ириадском торгу, точно новый куплет в старой песне…

Ей захотелось возразить Аке: «Не бойся конкретных деяний Маскарада. Страшись его скрытых намерений. Маскарад может убедить вас сделать все за него».

В трущобах ей довелось увидеть много странного. Фалькрестийцы являлись сюда нанимать кормилиц, в надежде, что их младенцы всосут с туземным молоком гормоны иммунитета – защиту от суровых зим и моровых поветрий, погубивших множество местных детей. Некоторые даже искали незаконных благословений иликари. Здесь процветала целая индустрия молока и кощунства – с собственной преступностью, с отравителями младенцев, с шантажистами-мистиками, проклинавшими чей-нибудь дом и требовавшими золото за снятие проклятия. Налицо были и другие преступления. Целые гильдии «желтых курток» – тех, кто пережил мор и занимался уборкой трупов, – предлагали на продажу мертвечину как людоедский прививочный материал. Мошенничество, коррупция, преступная любовь…

И это, конечно, не сводилось к простому противопоставлению «захватчик – побежденный».

В городе Бару увидела то, что чувствовала и в своей душе. Двуличие, боязливый ежесекундный самоконтроль, стелющаяся угодливость и внутреннее неповиновение. Один глаз смотрел в

будущее, сверкающее позолотой рабства, другой – в прошлое, вслед уходящей навсегда свободе.

Крепкий пастой империи, одновременно манящий и разъедающий, пропитывал все – мужчин, женщин, детей, разнообразные расы и саму историю человечества. Он перестраивал мир посулами и угрозами.

Когда солнце покраснело и склонилось к закату, Аке Сентиамут взяла Бару за запястье. Ее почтительность вдруг улетучилась.

– Сегодня вы увидели достаточно. Пора к княгине.

– Мы возвращаемся в усадьбу Отсфира?

Аке улыбнулась, как будто Бару неосознанно пошутила.

– Княгине Вультъягской плохо спится под крышей Отсфира. Она будет ждать в моем доме.

«Домом» оказалась единственная комнатушка в узком каменном здании. Для мужа в ней места не было. Тайн Ху лежала на деревянной лавке, растянувшись, как кошка, и при появлении Аке и Бару прищурилась.

– Вы прямо как раскрашенная горгулья. Что вы видели?

– Надежду, – ответила Бару.

– Правда?

– Люди еще чувствуют на себе оковы. Маскарад правит ими, но еще не внушил им желания повиноваться. Оковы пока не стали невидимыми.

Тайн Ху села.

– Вы долго думали над этим, не так ли?

– Надежда, которую я ощутила здесь, в городе, принадлежит и Ордвинну.

– Но этот город создал ваш народ. Настоящий Ордвинн – там, где деревья и соколы в небе. Где нет отвратительных оков. – Тайн Ху поднялась на ноги. – Скажите, чего вам хотелось сегодня?

Бару решила ответить честно. Сейчас нет смысла притворяться.

– Мне хотелось спасти мою родину от того, что было сделано здесь.

– От чего? От новой канализации? От прививок и срочных сделок? – фыркнула Тайн Ху, ища в ней сомнения. – Значит, вот о чем вы мечтаете – вы жаждете повернуть время вспять – и сжечь дотла все, что принес с собой Маскарад?

– Нет, – произнесла Бару, медленно снимая перчатки и тщательно взвешивая каждое слово. – Я собираюсь украсть их секреты и присвоить их себе. А потом – обратить их против их создателей.

Тайн Ху протиснулась мимо Бару к Аке Сентиамут. Та

потупилась, но Тайн Ху опустилась перед ней на колено.

– Аке, – сказала княгиня, – ты очень мне помогла. Отправляйся домой.

– Но я понадоблюсь вам, ваша светлость.

– Не здесь, в Вультъяге. Хватит сжигать свою жизнь в этой выгребной яме. – Тайн Ху поцеловала худую, почти прозрачную руку Аке с царственной учтивостью. – Возвращайся в лес.

Сентиамуты будут тебе рады. Набирайся сил, и я призову тебя, когда вернусь сама.

Поднявшись, она стиснула губы и взглянула на Бару.

– Возможно, я вернусь с гостьей. А может, и одна.

* * *

Возвращаясь в свою спальню в усадьбе Отсфира, Бару услышала разговор двух человек. Они перешептывались на афалоне с явным северным акцентом.

– Вультъяг долго пела ей в уши. И наверняка влила в ее мозг столько яда на мой счет.

Второй голос звучал мягче, акцент в нем был выражен чуть-чуть слабее, а речь была предельно грамотной.

– Тогда необходимо преподнести ей противоядие.

– У меня нет твоего обаяния.

– И моей жены, и моего ума, и того, и сего… Друг мой, ты тратишь значительную часть жизни на жалобы и стенания. Отчего бы просто не вспомнить о своих сильных сторонах?

– Ты намекаешь на мои деньги? Хотя – Химу не даст соврать – Корморан и это едва не испортила. Может, я не сумею внушить ей уважение! Что, если Вультъяг рассказала ей о моем неудачном сватовстве?

– Вон! – велела Бару, слишком поздно заметив их отороченные волчьим мехом плащи.

Она резко остановилась, поскользнулась на керамических плитках, но сохранила равновесие. Бару была потрясена до глубины души: эта парочка принадлежала к высшей знати.

– Конечно. Сию минуту, – ответил бородатый, низкорослый и коренастый князь, отшатнувшись от дверного косяка.

Он оказался при оружии, с нескромным, но хотя бы не назойливым взглядом.

– Но мы будем рады пообщаться с вами, ваше превосходительство. Тайн Ху удовлетворена вашими способностями. Пора пригласить вас к нам в гости.

Второй соглядатай тоже был из князей. Бару внимательно

посмотрела на этого бледного тонкогубого мужчину с безмятежным лицом, в накидке из рыжих куньих шкурок. Его афалон звучал намного правильнее и грамотнее.

– Отсфир, князь Мельниц, к вашим услугам. Надеюсь, вам понравился мой городской особняк. Я заплатил за него сполна, вопреки всем вашим стараниям, – с низким поклоном произнес бородатый. – Наши вожди созывают совет, а поводом будете вы, Бару.

– Я бы сказал, также и причиной, – добавил его долговязый спутник. – Лизаксу, князь Высокого Камня, западный и более воспитанный сосед Вультъяг. Надеюсь, княгиня Вультъягская была с вами любезна?

– Ее переменчивость всем известна, – заявил Отсфир и помахал ладонью, изображая птичье крыло.

– Только не в отношении тебя, – заметил Лизаксу, насмешливо блеснув глазами.

– Да уж, в моем отношении она непоколебима!

Бару нашла обоих раздражающими и решила не поддаваться их обаянию.

– Мне, как лояльному имперскому счетоводу, понадобится пара недель, прежде чем приступать к чему-либо. Передайте вашему совету: пусть подождут.

– Каттлсон ищет вас повсюду. Медлить нельзя, – возразил Лизаксу, оттолкнувшись от дверного косяка и осматривая перчатки – не испачкались ли о побелку. – Опасно как в духовном, так и в практическом смысле. Оба Зате…

– Да не удостоимся мы их внимания!.. Что угодно, только не это!

– Верно. Итак, оба Зате считают, что пора привязать вас к остальным.

– У нас есть причины не доверять вам, Бару.

Лизаксу хмуро взглянул на своего спутника.

– И ты действительно вознамерился перечислить их все? – Да.

– Тогда приступай.

Отсфир забарабанил костяшками пальцев по стене, выстукивая медленную боевую барабанную дробь:

– Иноземка. Популистка. Имперский технократ. А ее секретарь является имперским шпионом.

– Вы, Бару Корморан, разорили меня дотла, – добавил Лизаксу и невесело усмехнулся. – Сильнее даже, чем Радашича. Я накупил столько идиотских бумаг!

Привстав на цыпочки, Отсфир хлопнул его по плечу.

– Недвижимость, друг мой. Я же советовал: дома, золото и все такое прочее! Значит, ваше превосходительство удостоились

редкостного благоволения нашей соседки Вультъяг, этой дерзкой девицы из северных краев. Идемте с нами, присоединитесь к нашему великому бунту.

– Подожди, старина. Не будем стесняться наших целей, – проворчал Лизаксу, становясь между Бару и своим бородатым товарищем. – Мы хотим побеседовать с вами по душам, прежде чем вы ввяжетесь в заварушку. Кстати, я полагаю, что Вультъяг рассказывала о нас. Вероятно, она поведала вам о наших биографиях и, конечно, успела вам пожаловаться насчет наших хищнических намерений относительно ее долинки?

Бару изогнула бровь, смущенная его откровенностью.

– Вы ошибаетесь.

– Неужели? – Лизаксу поднял брови. – Но обыкновенно она весьма…

– Прямолинейна.

– И бестактна.

– Старина, ты утомляешь ее превосходительство.

– Прошу прощения, – Лизаксу откашлялся. – Вот какую тему мы хотели бы обсудить. Поскольку вы женщина…

– Поддерживаю, это очевидно.

– Заткнись, ваша светлость, – Лизаксу выпрямился во весь свой немалый рост. – Ваше превосходительство, у меня имеются дочери. Как и у моего друга. Я женат по любви, а он разведен по причине отсутствия оной. Нам очень не хочется видеть наших детей… размножающимися для улучшения породы согласно планам Маскарада. Ведь мы заняты не только охотой и вопросами чести, как идиот Хейнгиль. Некоторым из нас нравится философствовать, беспокоиться о собственных отпрысках и размышлять о всяческих…

– Женских штучках, – продолжила за него Бару ледяным тоном.

Что привело ее в такое раздражение? Может, то, что князь начал разговор издалека, точно имел в виду нечто постыдное? Или его собственнические чувства, дескать, «мы не любим, что другие командуют нашими женщинами»?

– Ваше превосходительство, – вымолвил Отсфир, – мы вот вокруг чего выплясываем. Вышел среди нас спор. Что, если для спасения Ордвинна потребуется иноземец? Как отрицать указания Маскарада, связанные с наследственностью, если мы нуждаемся в чужой крови, чтобы получить свободу?

Бару и раньше задумывалась о том же. Иногда она представляла себе, что какой-нибудь ориатийский принц освобождает ее родной остров и мажется с ног до головы жирной вулканической почвой, будто был рожден именно для Тараноке.

Как приняла бы это мать Пиньон?

– Но Ордвинн, в общем-то, основан иноземцами. Он – словно шрам, оставленный чередой чужих вторжений. Почему же иноземец не подойдет на роль освободителя?

– Честная рука! – завопил Лизаксу, подражая скандирующей толпе. – Хотя эта длань была очень занята, дабы написать мне пару строк.

Он рассмеялся. Бару тотчас почувствовала себя виноватой – из-за рефлекса, вбитого еще в школьные времена.

Отсфир не разделял веселья Лизаксу. Он затряс своей бородой, и его лицо приняло серьезное выражение.

– Когда бунт, к которому вы с Тайн Ху подталкиваете нас, закончится, мы либо погибнем, либо победим. Если победа будет за нами, Ордвинн должен остаться единым целым. В таком случае без единоличного правителя, стоящего выше князей, нам не обойтись! Вспомните, как стахечи прогнали ту майя: одна общая нужда мгновенно объединила все дворцы. И прогоним Маскарад, когда они явятся снова, – подытожил он.

Лизаксу торжественно кивнул.

– Единоличный правитель. Король или королева. К этой награде, не названной вслух, постоянно устремлены наши помыслы. Самый близкий и самый жадный до власти претендент – Наяуру, Строительница Плотин. У нее есть дети от Отра и Сахауле. Если она поженит их наследников с отпрысками Игуаке или родит ребенка от одного из ее сыновей, то сумеет узурпировать владения Коровьей Княгини, прикончить старого Пиньягату и объединить пять княжеств под одним троном. Соединив, наконец, свои водохранилища с пастбищами Игуаке, она получит в свое распоряжение плодородные земли, запросто прокормит миллионы! А в итоге она создаст королевство, способное потягаться даже с Фалькрестом. По мы приструним ее, Бару! Вы же понимаете ход моих мыслей, не так ли?

– Наша вражда складывалась столетиями. Десятка лет хватит, чтобы пустячные ссоры въелись в плоть и кровь. Когда возвышается один из нас, в конкурентах просыпается ревность. Только королева, рожденная в иных землях, стоящая в стороне от ордвиннских дрязг, имеет право править нами. – Отсфир покосился на Лизаксу, намекая на какие-то общие воспоминания, призрачный шрам прошлых бед или предчувствие бед грядущих. – Союз Внутренних Земель долго не протянет. Игуаке боится плодовитости и амбициозности Наяуру. Ну а мы наделали изрядное количество ошибок на севере. К примеру, Лизаксу грызется с Эребог. А сама Эребог дала своим помещикам слишком много власти и теперь не может забрать ее обратно. А я

из-за жадности до земель и ископаемых решил замахнуться на Вульгъяг, да только все пальцы исколол. Нам нужен настоящий лидер, вождь.

Бару моргнула.

– Вы просите меня стать вашей королевой? Но мы пока не начали восстания.

– Не все сразу!

– Сейчас мы всего лишь рассказываем вам о ваших потенциальных возможностях, – произнес Отсфир, протягивая к ней раскрытую ладонь. – И присовокупляем сюда условия нашей поддержки.

Лизаксу выгнул брови.

– Иноземная королева будет нуждаться и в ордвиннском короле. Это неоспоримо.

– Жаль, что он женат, – ухмыльнулся Отсфир. – Я же знаю, что он симпатичнее. – Гремя сапогами по плиткам пола, он двинулся мимо Бару к выходу. – Ваше превосходительство, совет ждет вас.

Бару встретилась взглядом с великаном Лизаксу.

– Я читала ваши письма, – отчеканила она. – Все до единого. И на каждое хотела ответить, но времени не хватало.

– Конечно, – ответил он, разводя руками. – Сперва дело, а уж затем – философия.

Глава 16

Восстание Ордвинна началось в тайном храме – в хижине из бумаги, масла и старой веры.

Выйдя из кареты под теплый летний дождик, Бару направилась за князьями прямо в ламповую мастерскую. В складских помещениях пахло оливковым маслом и глиной. Они шли между бухт конопляной пеньки и полок с керамическими лампами, выставленными на просушку.

– Закрыто, пока не утихнут беспорядки, – объяснил Лизаксу. – Сюда, вверх по лестнице, ваше превосходительство.

Крохотный страж в голове Бару, будто метроном, отсчитывал любые опасности: «Западня, медовая ловушка, убийцы Зате Явы, месть Каттлсона, хитрость Погребов…»

Как она жалела, что рядом нет Мер Ло с его прагматизмом! А ведь она никогда не принимала его на веру!

Наверху оказалась дверь, которую стерегла полная бельтийка, остро пахнущая луком. Она встретила их теплой улыбкой.

– Икари Химу приветствует вас, – сказала она на певучем, но правильном афалоне. – Милости просим в храм Трех Добродетелей. Вы богато одеты, ваше превосходительство, и потому будьте осторожны: масло не отстирывается.

И эта женщина – несомненно, иликари, одна из объявленных вне закона жрецов-последователей Добродетельных – отперла дверь двумя маленькими блестящими ключами.

Бару затрясло от холода и внезапного благоговения. Прежде второй этаж мастерской был отведен под кабинеты. Иликари снесли внутренние перегородки и устроили здесь просторное помещение из белых ширм и кедровых столбов. Храм озаряли лампы мягким золотистым сиянием.

Бару на миг лишилась дара речи. Поразительно, но все здесь было сделано из бумаги – в том числе кельи для медитации и боковые комнатки-приделы.

Ширмы храма рассекали пространство, точно короткие энергичные стрелы, словно требовали, чтобы вновь пришедший двигался, проявлял усердие.

В воздухе сильный аромат оливкового масла. Стянув с руки перчатку, Бару коснулась ближайшего столба. Палец стал скользким.

– Чтобы можно было вмиг сжечь все, если нас обнаружат, – не прекращая улыбаться, сказала иликари. – Следуйте за мной.

Остальные заговорщики ждали в центральной комнате и

сидели па циновках, раскинутых по кругу.

Зоркая Зате Ява и Зате Олаке, правоблюститель и седобородый Незримый Князь, устроились рядышком, как голуби, прилетевшие сюда на ночлег. Тайн Ху в костюме для верховой езды (рядом с ней лежали ножны с тем самым мечом, которым она победила Каттлсона). Еще какой-то мужчина в княжеских одеждах… Бару затаила дыхание от радостного удивления. Она узнала Унузекоме, Жениха Моря, который владел доброй четвертью частных судов и верфей Ордвинна и, по слухам, разбогател на пиратстве. Встретившись взглядом с Бару, он улыбнулся.

В храме царила тишина. За спиной Зате Явы текла по желобку из вощеной бумаги струйка воды, падавшая в серебряную чашу. Бару опустилась на циновку, а Отсфир и Лизаксу заняли места возле нее.

Однако тяжесть страшного риска сдавливала грудь, не давая вдохнуть. Все собраны в одном месте, на глазах Зате Явы – да еще в храме иликари. Достаточно лишь словечка, чтобы за ними явился вооруженный гарнизон.

Может, так и задумано? Заговорщики находятся под одной крышей, и гибели им не миновать…

Жрица-иликари прошла в центр круга, шелестя подошвами сандалий, и села. В руках она держала чернильницу и палимпсест, туго натянутый на кедровую рамку.

– В молчании нашем мы воплощаем Видд, дарующую терпение и стойкость. Наша воля к действию воплощает Химу, ведущую нас на бой. Действуя же вовремя, когда настал час, воплощаем Девену, средний путь, примиряющий две крайности.

Бару заметила, как Зате Ява шевельнулась, сжав губы от едва различимого нетерпения. Значит, она и сейчас думает, что час мятежа не пробил? Будь ее воля, ноги бы ее здесь не было. Но Тайн Ху, ее сообщница, начала действовать, и ей поневоле пришлось вступить в игру.

Что ж, старухе ума не занимать: конечно, она оставила себе путь к отступлению.

Жрица подняла палимпсест, и Бару различила столбцы незнакомых староиолинских букв.

– Сейчас я прочту вам послания, полученные анонимно и без подписей. – Голос женщины звучал предельно спокойно. – Я поведаю о страхах и надеждах тех, кто собрался здесь, и мы услышим то, чего они не могут высказать. Послушайте, что пишут они: «Я боюсь, что тараноки – орудие Маскарада, и любовь народа к Бару Корморан подорвет его лояльность к нам. Меня страшит, что даже с ней нам не хватит сил одолеть Маскарад, мы упустим

возможность, и больше она не представится. Еще меня пугает, что она очень молода и нетерпелива».

Безмолвное умиротворение храма передалось и Бару. Она не верила в древних мужчин и женщин, которые довели свои добродетели до совершенства и в итоге сами сделались их средоточием и воплощением, но хитросплетение тревог в ее голове вдруг ослабло и распуталось. Мелодичное журчание воды, запах масла, мерцающий за бумажными ширмами свет и слова – правдивые, но отчего-то не опасные…

Однако она пыталась угадать, кто является автором проникновенного послания. Любопытство никогда не покидало Бару.

– «Я надеюсь, что мои дочери будут жить к свободном Ордвинне и тараноки окажется той самой искрой, которая нам необходима. – Иликари мягко улыбнулась, точно была тронута прочитанным. – Я надеюсь на ее руку и трон, но самое главное – для меня это свобода. И я не устану повторять, что я надеюсь и верю в свободу».

Снаружи дунул ветер, и капли воды, сочившиеся сквозь ветхую крышу, забарабанили по вощеной бумаге и промасленным кедровым столбам. Огоньки за стеклами фонарей вздрогнули и замерцали.

– За стенами храма некоторые из нас – враги, – заговорила жрица под шум ветерка. – Зате Ява выслеживает и убивает моих собратьев-иликари. Бару Корморан носит маску фалькрестской тирании. Князья Отсфир и Лизаксу ссорятся с Вультъяг из-за возможных брачных союзов и земель. Князь Унузекоме якшается с пиратами, тревожащими наши воды. Поднимая восстание вместе, мы должны быть тесно связаны друг с другом. Я спаяла крепкими узами всех вас, теперь же я соединю с вами и Бару Корморан. Бару, выйди вперед.

Темные глаза Тайн Ху сверкнули золотом в пламени свечей. Бару сделала над собой усилие, чтобы подняться: покой храма словно сковал ее по рукам и ногам.

– Я здесь, – произнесла она.

Жрица подала ей чернильницу, перо и палимпсест, заполненный крохотными квадратными провинциями староиолинского шрифта.

– Здесь мной записаны секреты, которыми поделились со мной собравшиеся. Эти тайны отдают жизнь каждого в руки остальных. Поведай мне о себе, Бару. Я запишу на палимпсесте, и ты будешь связана со всеми нами прочными узами.

Аромат оливкового масла щекотал ноздри и щипал глаза.

– Что, если я солгу? – спросила Бару.

– Я чувствую любую ложь, – ответила жрица, наклоняясь к уху Бару и переходя на шепот, мягкий, точно глина. – Как Кердин Фарьер узрел в твоих глазах огромный потенциал, как Девена видит раздоры в твоем сердце, так и я увижу обман – даже самый крохотный, Бару Корморан.

От неожиданности Бару отпрянула назад, и у нее мурашки побежали но позвоночнику. Князь Лизаксу усмехнулся и почти беззвучно шепнул что-то Отсфиру.

Жрица держала перо низко, крепко стиснув пальцы, как будто удерживала за горло змею.

– Ты не знаешь староиолинского, но не тревожься. Просто скажи мне на ухо свой секрет, Бару Корморан, и Видд услышит.

И самый страшный, постыдный и глубоко хранимый секрет Бару подступил к ее горлу, как рвотный позыв, как тухлятина, которую не принимает желудок. Остановить бы его, направить внутрь по пищеводу – сделать хоть что-нибудь, но удержать его при себе! Только бы не чувствовать его! Он был как обсидиановый столб, привязанный вдоль спины Бару…

Внезапно она схватила жрицу за затылок, притянула к себе и прошептала в ее темное ухо другой секрет:

– Мне хочется не мужчин, а женщин.

Нет! Зачем она это сделала? Кто тянул ее за язык? Какая же она дура набитая – что за отчаяние исторгло из нее признание в том, что она каждый день скрывала с таким трудом?!

Перо забегало по пергаменту, выводя короткие правильные полукружья.

– Готово? – спросила Зате Ява, нарушив тишину. – Даст ли секрет Бару Корморан власть над ней самой?

– Маскараду этого довольно, чтобы лишить ее жизни, – произнесла жрица. – Путь назад для нее закрыт навсегда.

– Отлично! – воскликнул морской князь Унузекоме, хлопнув себя по коленям. – Тогда начнем!

* * *

И восстание быстро переродилось в военный совет.

Зате Ява заговорила первой, подчеркивая свое главенство:

– Я остаюсь в Пактимонте. Продолжаю играть роль правоблюстителя, пока остается хоть какая-то возможность. Если узнаю нечто жизненно важное, передам через брата.

Голос ее звучал непринужденно, почти беззаботно.

Как жутко было видеть рядом с ней Зате Олаке – две пары острых вороньих глаз, буравивших собеседников!

А что они видят и чувствуют, глядя друг на друга?

Скрывают ли они что-то друг от друга или нет?

Вместе они являли собой средоточие бдительности. Наверное, они – инстинктивно или при помощи специальной мантры – даже не моргают одновременно, чтобы один из Зате всегда был настороже?

– Мои соглядатаи весьма надежны, – заговорил Олаке. – Нужно выяснить, кто из князей присоединится к нам, кто пойдет за Каттлсоном и кого можно переманить. Хейнгиль, конечно, встанет за Каттлсона. А вот Радашича, хоть они с Хейнгилем и были как братья, я надеюсь склонить на нашу сторону. Сейчас он в раздумьях над книгами, которые дал ему Лизаксу, и над ущербом, причиненным его владениям Бару Корморан. И оковы ему порядком надоели.

– А Внутренние Земли? – поинтересовался Лизаксу.

– Наяуру и Игуаке могут качнуться в любую сторону, если трещина между ними станет глубже. За Наяуру пойдут Отр с Сахауле – это соль и тренированные солдаты. За Игуаке побежит Пиньягата, чьи достоинства нам хорошо известны.

– Его достоинства – в том, – шепнул Бару Отсфир, – что он и его дружина – бешеные ублюдки, рожденные разъяренной медведицей. Они появились на свет прямо с копьями в руках.

Бару ухмыльнулась, вспомнив жутковатую встречу с Пиньягатой, но быстро посерьезнела, дабы не вводить Отсфира в заблуждение.

Олаке новел рукой, как будто отодвигал названных князей в угол или выплескивая воду из ведра.

– Но Внутренние Земли могут подождать. В первую очередь – твоя соседка, Лизаксу. Чтобы закрепиться на севере, нам нужна Эребог. Надо прийти ей на выручку, чтобы она справилась со своими помещиками.

– Зачем нам север? – осведомилась Бару, раздумывая, как долго и тщательно составлялись эти планы. Она пришла на их совет поздно – на исходе ночи и после стольких лет работы в одиночку! – Разве вы не собираетесь начать с захвата Пактимонта?

– Пактимонт – западня, – пояснил Унузекоме, Жених Моря. Голос его звучал азартно: он наконец дождался возможности действовать. – Хейнгиль, Охотник па Оленей, поддержит своего приятеля Каттлсона при помощи сильной кавалерии. А Радашич может и не пойти за нами – он любит и боится Хейнгиля.

Соколиные глаза Тайн Ху отражали золотистый свет ламп, но Бару казалось, что это – отсветы внутреннего пламени.

– Радашич подождет, у нас есть дела и поважнее. Кстати,

насчет Пактимонта надо держать ухо востро, иначе наши планы пойдут прахом. Заняв Пактимонт, мы будем заперты в нем. И не сумеем защитить свои владения, когда из Фалькреста прибудут подкрепления.

Негромкий голос Зате Олаке ассоциировался у Бару со вкусом отравленного вина на языке и принес воспоминания о медленно действующем яде.

– Действуя неожиданно, мы не вырвемся из замкнутого круга «Сомнения предателя». Необходимо продемонстрировать прочность нашего положения, показать Наяуру с Отром и Сахауле и Игуаке с Пиньягатой свою надежность. Они нужны нам для окончательного триумфа.

– А прочность нашего положения зависит от того, удастся ли нам до зимы решить три задачи, – заговорила Тайн Ху, барабаня пальцами по полу и обводя взглядом круг заговорщиков. – Во-первых, следует закрепиться на севере и показать народу, что мы можем предложить ему более справедливое правление. – Она умолкла, взгляд ее скользнул по Бару, и она продолжила: – А уж потом мы восстанем открыто и обрушим мосты через Инирейн. Мои соседи согласны со мной?

Отсфир и Лизаксу, сидевшие по обе стороны от Бару, кивнули.

– Прочие князья прекрасно понимают, что им не выкурить нас из лесов, – заявил Лизаксу. – Взять в осаду Высокий Камень невозможно. Лучникам Отсфира нет равных. А Вультьяг – это место силы!

Унузекоме поднял руку.

– Мой друг Отсфир не женат – на случай, если понадобится подсластить кашу для Наяуру или Игуаке. Обе они не венчаны. Наяуру, конечно, придерживается древних ту майянских обычаев, но будет заинтригована идеей выгодного политического брака, если он не привяжет ее к одной-единственной постели.

Отсфир вздохнул.

– Мой южный сосед всегда заботился о моем благе!

– Она очень привлекательна.

– И очень хорошо это понимает.

– Уверен, перед твоим сердцем ей не устоять.

– Чтобы тягаться с Сахауле, нужно не сердце, а…

– Вторая задача, – встряла Тайн Ху, оборвав перебранку с восхитительной лаконичностью. – Наши крестьяне не оставят семьи и не пойдут воевать, если мы не дадим им пищу, защиту и жалованье. Значит, нам потребуются деньги. А после начала мятежа наши расходы только возрастут.

Заговорщики посмотрели на Бару. Она кивнула, изображая –

да и на самом деле ощущая – уверенность. Она чувствовала себя как рыба в воде. Хитросплетения, денежные потоки и измены не пугали ее. Хватит ей сидеть в кабинете счетовода, пить вино и прятать крамолу среди вежливых фраз. Ей так долго приходилось быть мягкой и уступчивой. Какое счастье – действовать! Наконец-то!

– Я могу отдать вам собранный налог – золотые галеоны. С помощью Зате Явы я устрою так, что они пойдут в Фалькрест конвоем, и их можно будет взять разом. Но чтобы захватить их, необходим флот.

Она покосилась на Унузекоме и поразилась энтузиазму и уважению в ответном взгляде. Неужто она заслужила его уважение?

– Если вам удастся оторвать их от эскорта из военных судов, мои корабли довершат дело, – проговорил Унузекоме. – Но почему вы считаете, что губернатор Каттлсон позволит вам распоряжаться налоговым конвоем после… – Он указал жестом на Тайн Ху, напоминая о поединке, повергшем Пактимонт в хаос. – Он наверняка подозревает, что ваша лояльность колеблется. В последний раз, когда имперский счетовод – то была женщина – примкнула к восставшим, он казнил ее. С чего же он теперь подпустит вас к собранным налогам?

Зате Ява улыбнулась тонкой победной улыбкой.

– А я не позволю ему удержать Бару! Он может не доверять счетоводу, но не имеет права отменять распоряжения правоблюстителя без предписания из Фалькреста. А предписание придет не сразу.

Тайн Ху поднялась с циновки, прошуршав по полу кончиком ножен.

– Отсюда следует третья задача. Как только мы захватим золото, Каттлсон затребует подкрепления. Корабли пойдут против торговых ветров и течений, чтобы успеть до конца лета и начала штормового сезона. Разумеется, губернатор будет уповать на быстрое подавление восстания… Князь Унузекоме, ваши суда – единственное средство преградить им путь. Это выполнимо?

Кураж князя явно свидетельствовал о том, что он не знаком с военно-морским флотом Маскарада. Впрочем, князь мог быть настоящим лихачом.

– Мои предки ходили вдоль этих берегов столетиями. Я помню каждый фьорд, каждую гавань моей родины! Я угадаю, где появится очередной водоворот! Между прочим, на север идут пираты, вытесненные из таранокийских вод. Давайте предложим им золото. Думаю, они не откажутся.

Тайн Ху обратилась к Зате Яве:

– Вы сомневались, что время пришло.

Зате Ява пожала плечами.

– Скоро никаких сомнений не останется.

Все разом поднялись на ноги. Бару не поняла, что послужило сигналом к окончанию совета.

– Расходимся по одному, – шепнул ей Отсфир. – И не одновременно.

– Могу себе представить, – буркнула Бару, отступая от него. Его покровительственный тон раздражал, но истинной причиной раздражения было нетерпение, жажда действий. – Унузекоме! Уделите мне минуту, ваша светлость!

Жених Моря вышел из круга вместе с ней. Кожа на его предплечьях над перчатками пестрела свежими ссадинами и ожогами от пеньковых тросов. Совсем недавно ему довелось ходить под парусом.

– Вы сказали: из таранокийских вод. Не зюйдвардских.

Он – понимающе, по-товарищески – улыбнулся ей.

– На моих картах написано: «Тараноке». Так и будет, пока я правлю своим княжеством.

– Спасибо, – искренне поблагодарила его Бару.

– Ясно, – протянул он, и пламя свечей за его спиной колыхнулось в такт завыванию ветра, доносившемуся снаружи. – Вы ввязались в мятеж из-за родного Тараноке? Пираты рассказывали, как он пал.

Бару запнулась, почувствовав проверку. Он заговорил в тишине:

– Я мечтаю освободить Ордвинн и править им. Думаю, все мы думаем об этом с самого начала оккупации. У меня были и флот, и ненависть к врагу. Но я не представлял, как взяться за дело. – Он сжал кулаки, перчатки его туго натянулись, словно наполненная ветром парусина над невидимыми такелажными узлами. – Я запутался…

Он говорил с ней совершенно откровенно. Бару была ошеломлена.

– Я знаю, как взяться за дело, ваша светлость! – выпалила она. – Мне слишком долго пришлось быть слугой. Теперь я хочу помочь хоть кому-нибудь стать свободным.

Он признательно склонил голову.

Отсфир внимательно наблюдал за их разговором из-под полуопущенных век.

* * *

Возмездие Каттлсона последовало незамедлительно – в виде письма, разосланного по всем органам и представителям правительства провинции.

Ускользнуть из Порт-Рога Бару помог Унузекоме – он провез ее на крохотном почтовом суденышке под названием «Битл Профет» мимо сожженных башен и огненосных фрегатов. Они направились на восток, в его родной Уэльтони – туда, где впадал в море великий Инирейн.

Перевалило за полдень. Стоя на носу, рядом с Унузекоме, Бару читала письма.

– Расскажите историю, – попросил князь.

– Историю… В Пактимонте – беспорядки.

А ведь беспорядки, начавшиеся с поединка, устроила Бару. Недовольство из-за нищеты и похищений детей, варившееся в котлах Малого Уэльтона и Арвибона, вскипело и выплеснулось наружу, подняв клубы пара и искр. Силы гарнизона устремились в Порт-Рог, чтобы обезопасить судоходство. Многое осталось без охраны. И группа лесовиков в зеленой шерсти повела толпу на штурм Погребов.

– Какая же это история, ваше превосходительство? Скорее отчет! – Князь балансировал, стоя на бушприте[18] и едва касаясь пальцами штагов[19]. – Нынче трудно найти хорошую историю. Я, видите ли, не умею читать на афалоне – у меня очень плохо с…

Из рассекаемых носом корабля волн выскочила летучая рыба, и Унузекоме рванулся вперед в стремительном выпаде, пытаясь поймать ее за серебристые крылья. Бару в ужасе вцепилась в его рубаху, заранее думая: «Идиот, как ребенок, они же скажут, что это я столкнула его…»

Но князь держался твердо – пальцы босых ног впились в дерево, руки легли на канаты. Летучая рыба ускользнула.

– Ох, – вздохнул князь, оборачиваясь к Бару, – вы думали, я упаду?

Бару спрятала смущение. Он был лет на десять старше, просоленный, властный, капитан любого судна, па котором ему вздумается пройтись. Ей следовало держаться вровень.

– Я просто хотела исключить случайности.

– А Вультъяг еще предупреждала, что вы думаете только о себе.

Бару позволила себе хмыкнуть.

– Допустим. Каттлсон был бы рад обвинить меня в убийстве князя.

– Ха! Но вы сами находитесь в розыске по обвинению в измене, разве нет?

– Нет. Я всего лишь под подозрением в подстрекательстве… –

Бару на миг помрачнела, вспоминая точные формулировки законов Маскарада. – У него недостаточно полномочий, чтобы арестовать меня без поддержки правоблюстителя. Но заклеймив меня подстрекательницей, он получает право пересмотра всех моих распоряжений, что позволит ему противодействовать мне. Будь я в Пактимонте, он снова поместил бы меня под стражу. Из соображений безопасности.

– Хм-м… – Растянувшись на фока-штаге[20], словно корабль был лишь подпоркой для его гамака, князь уставился на воду, бурлящую перед носом судна. – Но все это больше похоже на отчет, чем на историю. Героя не хватает.

– А необразованный князь, командующий почтовым судном?

Унузекоме вздрогнул как ужаленный, воззрился на нее и расхохотался.

– Простите, – произнес он. – Вероятно, я выглядел тщеславным ублюдком, прыгающим на бушприте.

– Я не ставлю под сомнение княжеские родословные.

– Я вас умоляю! Я всегда мечтал о том, что в действительности я ублюдок, бастард. Мать ходила в плавания с синдикатом Эйоты, понимаете? Она обожала дерзких ориатийских пиратов-буканьеров, любила рейды и приключения. – Князь прищурился и поднял взгляд к солнцу, клонившемуся к горизонту. – С ней было гораздо интереснее, чем с отцом – тот вечно думал об углублении гаваней да о речной торговле.

У Бару имелись соображения о том, что случилось с княгиней Унузекоме и ее супругом. Трагедия, которая произошла в прошлом, оставила княжества в руках молодежи с немногочисленными живыми родственниками… и кладбищами, полными костей знати. Но спрашивать о Дурацком Бунте она не хотела.

– Вам еще предстоит отправиться буканьерствовать, – заявила она. – Если моя затея будет успешной.

Он приподнялся, опираясь на канаты такелажа, и испытующе взглянул на Бару.

– Точно? Сможете ли вы организовать захват золотых галеонов, когда на вас охотится Каттлсон?

Губернатор пытался отменить ее приказ, отданный Адмиралтейству, – тот самый, жизненно важный, ключевой: «В целях безопасности отправить собранные налоги в Фалькрест единым конвоем». На этом мятеж мог и закончиться, не начавшись, но Зате Ява прикрыла ее. В конце концов, Бару законно выиграла поединок и даже не допустила грубого нарушения законодательства Маскарада. Буква имперского

закона не позволяла Каттлсону снять ее с должности или отменять установления счетовода. Чтобы лишить Бару власти, требовалось согласие правоблюстителя, но Каттлсон не получил его.

– Пусть поработает до конца налогового периода, – посоветовала Каттлсону сама Зате Ява (если верить сообщению Мер Ло). – Она будет из кожи вон лезть, чтобы выглядеть в глазах Фалькреста лучше, чем вы. Но этого недостаточно. К середине зимы Парламент снимет ее с должности.

Но Унузекоме ни к чему было знать, как близок конец, и Бару отмела его тревогу, словно отмахнулась от назойливой мухи.

– Галеоны пойдут туда, куда я скажу. Закон на моей стороне.

Унузекоме напружинился, как будто он приготовился к атаке дикого зверя.

– Зате Ява – па вашей стороне точно так же, как на моей – море. А вода течет сама по себе, Бару. Будьте начеку, чтобы Зате не расстроила ваши планы.

– Зачем волноваться? Мои планы основаны на вашем флоте, ваша светлость, – произнесла она в качестве увещевания и лести.

Но Унузекоме поднялся с каната и двинулся к ней по бушприту, покачиваясь в такт волнам.

– А все мои надежды – на вас, ваше превосходительство. Объясните мне, как взять галеоны. Скажите, где их найти, какой будет эскорт, и я позабочусь об остальном. Если вы хоть кому-то доверяете, доверьтесь мне. Но сперва обеспечьте все, что нужно.

А он и вправду считал, что справится! Бару посмотрела на босоногого, пропахшего потом князя морских волн и задумалась. В нем чувствовалось нечто важное, жизнеутверждающее – уверенность, властность, беззаботность…

«Наверное, это особая манера знатных, не связанных с какими-либо обязательствами. Им незачем постоянно следить за собой и притворяться – ведь они не добиваются своего положения тяжким трудом», – пронеслось у нее в голове.

Унузекоме любил занятные истории – гораздо сильнее, чем скучные планы. И если у него будет шанс стать легендарным капитаном, плывущим на смерть, – он своего не упустит.

Но Бару знала, что на свете бывают и другие истории. Она вспомнила о хвастливых рассказах Аминаты, которая бахвалилась, что единственный фрегат Маскарада способен выйти против четырех боевых дромонов Ориати и сжечь их дотла.

Флот Империи правил Пепельным морем. Унузекоме никогда не взять галеонов. Даже если на помощь придут пираты с юга. Его победу предстояло организовать Бару.

Но каким образом?

Письма, которые она пошлет в пактимонтское Адмиралтейство, будут вскрыты и прочитаны. Каждый отданный ею приказ будет изучен Каттлсоном: губернатор-здоровяк будет тщательно искать любую зацепку для его отмены. Нужно выдать восставшим золотой конвой, не выдав себя.

Как?

Унузекоме пытливо смотрел на нее. Князь терпеливо ожидал, когда она поделится своим великим планом, очередным ловким ходом, который даст ему шанс стать героем саги. Бару улыбнулась ему туманной улыбкой, хранящей за собой множество тайн.

– Я собираюсь полазать по вантам[21], – объявила она. – Хочу подвигаться. Не прихватите ли мой плащ?

Карабкаясь на мачту, она гадала, наблюдает ли за ней Унузекоме. Думает ли о том, что и его мать взлетала на ванты быстроходных судов, а в будущем, быть может, то же самое будут делать его дети? Таковы ведь все истории о князьях, не правда ли? Благородные предки, их чудесные наследники…

Ей – дикарке с Тараноке и талантливому саванту – надо найти преимущества и в своем происхождении.

Бару стиснула губы и продолжила лезть наверх.

А стоит ли ей верить князю? Но подозревать Унузекоме было неприятно. С ним ей легко, а его откровенность попросту обезоруживала.

А в глубине души Бару и сама любила истории.

Когда забралась на верхушку мачты, ее ладони горели, но она уже знала, как взять золотые галеоны.

* * *

«Битл Профет» сделал остановку, чтобы принять отчеты о ходе налогового периода. Бару читала их с беспокойством. Она не сомневалась, что Бел Латеман рассказал Каттлсону о ее дополнении к налоговой форме, о совершенно безобидном вопросе, заданном каждому ордвиннцу, простому и знатному: «Кого ты любишь больше?»

Отчеты Мер Ло пестрели цифрами, которые словно выпали из огромной вспучившейся от сырости мозаики. Теперь повсюду вскипали беспорядки – крепостные бунтовали против князей, толпы рвали в клочья сборщиков налогов, а гарнизоны отвечали на это жестоким возмездием. В частности, отмечалось нарастание напряженности во Внутренних Землях: и Строительница Плотин Наяуру, и Коровья Царица Игуаке подвергались дерзким набегам

таинственных бандитов, каждый раз скрывавшихся на территории соперницы.

Ткань правления ветшала.

Бару развернула карту Ордвинна, приготовила острое перо счетовода и несколько чернильниц.

Дополнение к налоговой форме предлагало плательщику разделить десять фиатных билетов между ней самой, местным князем, губернатором Каттлсоном и правоблюстителем Зате. Сейчас, взяв эти данные из отчетов Мер Ло, Бару, весьма довольная изобретенным инструментом, наносила на карту цвета лояльности.

Алый цвет парусов имперского флота – для городов и княжеств, склонявшихся на сторону губернатора (в основном это оказалось княжество Хейнгиль).

Зеленый – цвет леса, цвет Ордвинна – для земель, хранивших верность своим князьям. Наибольшими симпатиями пользовались Вультъяг и Унузекоме, но не мягкий Радашич, не книгочей Лизаксу и – особенно – не Глиняная Бабка Эребог. То есть не те, кто глубже всех увяз в долгах.

И, наконец, синий – огромные пятна небесной, морской синевы, какой бы из ее восхитительно изменчивых оттенков ни попадался под руку – для областей, где любили ее, Бару.

Зате Яву, конечно, не жаловал никто. Впрочем, ее власть и не требовала популярности.

А Бару получила то, чего хотела, – карту лояльности Ордвинна, исследованного сквозь линзы одной из разновидностей власти – той самой, с которой она управлялась наилучшим образом. Теперь надо проверить все эмпирически и понять, вправду ли ей удастся превратить голубые пятна на карте в ревущие толпы народа на улицах.

«Бита Профет» прибыл к устью Инирейна, могучего Тока Света, несшего свои воды на юг с Зимних Гребней и отмечавшего восточные границы Ордвинна.

Бару с князем Унузекоме сошли на берег и отправились прогуляться по площадям и улочкам его столицы, Уэльтони. На карте она была раскрашена синим и зеленым.

Весть понеслась по городу, опережая Бару и князя. Сперва люди восхищенно шептались им вслед, а потом – негромко окликали и даже улыбались. Наконец Бару заметила всадников, поскакавших к усадьбе князя. Бару не расставалась с символическим кошелем на поясе – а уэльтонцы, не питавшие дружеских чувств ни к Каттлсону, ни к Маскараду, бросали работу и кричали – кто на афалоне, кто по-иолински:

– Честная рука! Честная рука!

Довольный Унузекоме шел рядом – с непокрытой головой, подставив ветру гордые ту майянские скулы, свободные от маски.

– Мой корабль принес добрую весть, – пояснил он стражу у ворот усадьбы. – Она к нам не с ревизией!

– Я выросла у моря, – призналась Бару дружиннику, вспомнив о Тараноке и о собственных ту майянских корнях, – но никогда не думала, что встречусь с Женихом Моря!

Она не ошиблась, раскрашивая отдельные участки карты в синий цвет… Толпа зевак, сопровождавшая их, одобрительно взревела. Народу явно польстило то, что эта иноземка понимала смысл прозвища их князя.

– Вам удалось найти способ? – шепнул Унузекоме, увлекая ее за собой сквозь ворота, закрытые дружинниками перед носом толпы. – Галеоны вот-вот возьмут нужный курс. Как будем брать?

– Легко, – ответила Бару и по-братски хлопнула князя по плечу. – Я дам Каттлсону то, чего он хочет. Я оставлю свой пост.

* * *

К тому моменту, как «Бита Профет» покинул Уэльтони, возвращаясь на запад, в Пактимонт, Бару уже написала и скрепила печатью четыре послания – Каттлсону, Тайн Ху, Зате Яве и самому Унузекоме. Князь увез ее послание, направляясь на юг, на встречу с пиратами и ориатийскими каперами.

Стоя на носу и любуясь восходящим солнцем, Бару пыталась разглядеть округлость мира. Она старалась представить себе, как он вращается вокруг солнца, как вертятся вместе с ним гигантские письмена торговли, болезней, преемственности и власти. Письмена, выведенные в течение сотен тысяч лет, безраздельно властвовали над многими миллионами людей. Целые народы, все человечество – это чернила и грамматика самой истории. Вот он, разом и вопрос, и ответ: «Мать, почему они приплывают к нам и заключают пакты? Почему мы не приходим к ним сами? Почему они такие сильные?»

Мер Ло она не написала ни слова. Отказала ему в его просьбе. Ведь письмо наверняка вскроют и обнаружат предупреждение.

По он, конечно, сразу же догадается. Несомненно. Мер Ло вывезет семью. И спасется сам.

Все на свете имеет свою цену.

* * *

При входе в гавань Порт-Рог Бару увидела силуэты кораблей конвоя. Она смотрела на цепочку бакенов, которая протянулась между огненосцем «Эгалитария» и сожженными башнями, и размышляла.

Итак, к отплытию приготовилась дюжина громадных галеонов, глубоко осевших в воду под тяжестью золота и серебра. Их сопровождал эскорт – пять быстрых фрегатов под алыми парусами.

Разумеется, их палубы были разлинованы шеренгами морских пехотинцев на учениях.

Какая добыча!

В порту ее ждали солдаты гарнизона, чтобы взять Бару под арест.

Конечно, арестом называть это было нельзя. В письме Каттлсону она позаботилась о надлежащей формулировке: «Временно отстраняюсь от исполнения должности но собственному желанию». То есть она останется имперским счетоводом провинции Ордвинн и сохранит всю власть и ответственность такового, пока не прибудет в Фалькрест и не предстанет перед судом Парламента. Однако для Каттлсона разница была чисто формальной.

Бару будет надежно изолирована на борту одного из кораблей конвоя, подальше от служебной почты и денег. А губернатор сможет охотиться, пить, устраивать брак Хейнгиль Ри с Белом Латеманом и не ломать голову над выходками дикарки с Тараноке, которая путалась у него под ногами, устраивала экономические спады и умудрилась выиграть поединок.

Мер Ло будет распоряжаться канцелярией вместо нее, пока Парламент не вернет ее обратно с возобновленными полномочиями (ха-ха) – или не пришлет нового счетовода.

Она предложила Каттлсону выход.

Составляя письмо, Бару постоянно старалась поставить себя на его место, примеряла мании и страхи здоровяка, точно его шапку из волчьей головы, памятуя о словах Чистого Листа: «Вы не единственный игрок за доской».

Каттлсон может задаться вопросом, отчего Бару сдалась столь рано после победы в поединке. В таком случае он отправится к Зате Яве – выяснить, законно ли предложение Бару. А что тогда сделает старуха? Она намекнет ему, что Бару убедилась в своем бессилии: без поддержки губернатора у нее нет реальной власти, и для продолжения карьеры ей остается надеяться только на милосердие Парламента.

Кроме того, Бару слишком горда, дабы повиниться перед ним. Однако она притворится, что обращается в Фалькрест через

губернатора, чтобы добиться реабилитации, а не просить пощады. А Каттлсон, в своей отеческой заботе, все поймет и позволит ей сохранить лицо.

Но Каттлсон был осторожен.

Поэтому он прислал за ней в порт солдат гарнизона, морских птиц в серо-голубых мундирах.

Здесь же стояла сама Зате Ява и сжимала губы в кислой гримаске.

Мантия правоблюстителя выделялась черным пятном, как будто в стаю чаек решила прокрасться ворона.

– Ваше превосходительство! – Она повела рукой в черной перчатке, поманив Бару за собой. – Полагаю, с вашим отъездом в Ордвинне станет спокойнее. По приказу губернатора эти солдаты сопроводят вас на борт фрегата «Сулане», который доставит вас в Фалькрест.

Шагая за ней вдоль строя, Бару не забывала следить за осанкой и шла, высоко подняв голову. Убедительно прикинуться побежденной можно лишь при одном условии – надо просто притвориться победительницей.

– Я не поеду на «Сулане», – заявила Бару, цитируя строки из письма, которое она отправила Зате Яве из Уэльтони. – И я не потерплю вооруженного конвоя. Я проведу путешествие на борту судна «Маннерслет», приводя в порядок бумаги и готовя отчет для Парламента.

– Солдатами командует губернатор, – отчеканила Зате Ява.

– Губернатор командует гарнизоном, – парировала Бару, кивнув в сторону стоявшей в гавани флотилии. – Когда солдаты ступят на палубу корабля, они перейдут в подчинение флота. А как только флот покинет порт, я останусь единственным технократом на борту, и солдаты перейдут в мое подчинение. А я не желаю путешествовать под конвоем.

Зате Ява согласно кивнула.

– Я сообщу губернатору, что вы отвергли его любезность. Я взяла на себя смелость доставить затребованные вами документы и личные вещи на «Сулане», но не сомневаюсь, что их несложно переправить на «Маннерслет». – Она остановилась возле гарнизонного офицера. – Ваши солдаты остаются здесь. Ее превосходительство имперский счетовод едет без сопровождения.

Как и планировалось – Зате Ява прибегла к своей власти и устранила приставленную Каттлсоном охрану. Значит, Бару будет единственным и вдобавок неподконтрольным представителем властей Маскарада.

Правоблюститель подала ей руку. Что было в ее пожатии – формальная деликатность или зловещая сила, Бару не разобрала.

Перчатки скрывали слишком многое.

– Надеюсь, вы не будете поспешны, – вымолвила Зате.

Бару взглянула в ее холодные глаза в поисках отблеска уверенности, страха – любого человеческого чувства! Но во взгляде Зате Явы была лишь деликатная забота.

Она уже предала в руки Фалькреста одно восстание, полагая, что оно обречено. Может предать и другое.

Шлюпка, готовая доставить Бару на «Маннерслет», ждала ее в гавани. Очевидно, вести об отъезде имперского счетовода еще не успели распространиться – порт не бунтовал. «А вдруг я переоцениваю свою славу? Нет, цифры не врут», – подумала Бару.

Кто-то пробивался к ней сквозь толпу. Тревога сковала ее по рукам и ногам, ужас нахлынул волной. Неужели Каттлсон решил присмотреть за ее отъездом лично?

Но тут она узнала Мер Ло. Взгляд его, как всегда, был почтительно опущен, секретарский форменный плащ – застегнут под горло. В руках он держал папку, из которой небрежно торчали бумаги. Бару велела сердцу застыть куском льда.

– Сюда! – окликнула она Мер Ло, упреждая все, что бы он ни задумал.

Она оставила Мер Ло в Пактимонте, поскольку просто не могла взять его с собой. А сейчас было совсем не время для объяснений.

Он шагнул вперед. Волосы его оказались немытыми и не смазанными маслом.

– Простите, – выдавил он, не поднимая головы. – Я хотел его отвлечь.

С внезапным потрясением – резким, как хруст сломанной кости – Бару увидела Чистого Листа. Человек-ремора, покорный инструмент Маскарада, стоял в первом ряду зевак с любезной улыбкой на губах.

– Он назначен вам в телохранители, – объяснил Мер Ло и, наконец-то, посмотрел на Бару в упор.

Выражение его лица оказалось безмятежным, а в глазах не отражалось ни беспокойства, ни паники. Он словно пришел сюда, чтобы мирно попрощаться с бывшим счетоводом, а заодно и полюбоваться морским пейзажем. «Что ж, надо продолжать игру», – сказала себе Бару.

– Правда ли, что вы уезжаете в Фалькрест и оставляете меня замещать вас? – пролепетал Мер Ло.

Скрыв потрясение под улыбкой, Бару переключилась на насущную необходимость. Ей надо выглядеть беззаботно, чтобы придать Мер Ло сил и забыть о занозе в собственном сердце и о его глазах.

– Да, Мер Ло, – подтвердила она. – Прежде чем продолжать работу, мне нужно уладить с Парламентом некоторые недоразумения.

– Ваше превосходительство! – Он шагнул вперед с резкой поспешностью, словно пытался подхватить оброненную вещь. – Что я могу сделать в ваше отсутствие? Не хотите ли вы оставить мне какие-либо указания?

Любезный взгляд Чистого Листа следил за происходящим с ужасающей неспешной пунктуальностью.

Бару ободряюще улыбнулась Мер Ло, обманывая, изгоняя его прочь из мыслей. Она захлопывала дверь перед его носом, отшвыривала его в угол, как пройденный учебник…

Но возможности предостеречь его, не поставив под угрозу весь план, не существовало.

– Никаких особых указаний, – ответила она. – Держи канцелярию в порядке. Если вдруг возникнет что-то срочное, я напишу.

Бару испугалась, что он не удержится от необдуманного опрометчивого жеста. Но Мер Ло расправил плечи и выпрямился под бременем невысказанных слов.

В его голосе зазвучала резкая, непреклонная решимость.

– Ваше превосходительство, когда мы снова встретимся, вы найдете все в полном порядке.

Стоя на причальной стенке, Мер Ло провожал взглядом ее шлюпку. Чистый Лист сидел на корме и покачивался в такт волнам на фоне удаляющегося Порт-Рога… В этот момент человек-менора и сам походил на челнок, рассекающий морскую гладь.

Глава 17

Фрегат Имперской Республики «Судане» повел налоговый конвой на восток, следуя торговым ветрам, которые мчались наперегонки вдоль берегов Ордвинна. Двенадцать кораблей шли в кильватере «Сулане», в погоне за ее кормовыми огнями в сполохах полярного сияния. Величавые близнецы «Юристан» и «Комсвиль» несли вахту на пересекающихся курсах. Тяжелый, грозный «Уэльтерджой» был неторопливым замыкающим, готовым, однако, в любую секунду поднять все паруса, оседлать западный ветер и обрушиться на врага. Вокруг конвоя рыскал «Сцильптер» – юркая и голодная торпедоносная овчарка, спущенная с привязи, чтобы отыскать угрозу и, в свою очередь, пригрозить ей.

Флот не отдаст фалькрестский улов.

А улов и впрямь был баснословен!

Трюм ломился от самоцветов и драгоценных металлов, с которыми столь неохотно расстались ордвиннские князья. Сокровищ далекого княжества Эребог, богатого скотом Игуаке, солончакового Отра и прочих – хватит не на один год полномасштабной войны.

А Бару Корморан, пусть ненадолго, но все же попала на борт корабля, идущего в Фалькрест.

В первый вечер после отплытия она отужинала с контр-адмиралом Ормсмент на борту «Сулане» и нашла ее компанию – по крайней мере, поначалу – на удивление приятной. Ормсмент оказалась урожденной фалькрестийкой, к тому же – городской, и испытывала безграничный и, судя по всему, искренний интерес к Тараноке.

– Меня действительно беспокоит, что, подменяя вашу культуру своей, мы не замечаем некоей силы, первобытной витальности, которая может послужить нам на благо, – заявила она, когда разговор зашел о новом названии, об отвратительном для Бару словечке «Зюйдвард». – Какой смысл в многонациональной республике, если мы причесываем любой народ под одну гребенку?

– Это ведь практически кровосмешение, – согласилась Бару и на миг отвлеклась.

Может, подобные настроения в Фалькресте популярны? А вдруг Парламент поймет, что на условиях равного партнера, а не завоеванного народа, Тараноке мог бы предложить Маскараду намного больше?

Но она не задержится в Фалькресте. А Ормсмент, при всем ее

обаянии и авторитете, явно предпочитала рассуждать о «первобытной витальности» и относиться к Бару как к непутевой дочери, чем отвечать на ее вопросы об астрономии.

В любом случае расслабиться и отдыхать, чувствуя за спиной любезную гримасу Чистого Листа, оказалось невозможно.

* * *

С первым ударом пираты поспешили.

Бару заняла койку в каюте «Маннерслета». Конечно, вместо просторного помещения (а она-то на что надеялась?) ей предоставили гамак среди потных, вонючих морских пехотинцев, охранявших груз. Бумаги, которые она взяла с собой для имитации деятельности, было невозможно уберечь от сырости. Она вполне могла бы позволить им сгнить, но выработанная в школьные годы аккуратность выгнала Бару на палубу, просушить их на солнце. Птицы-фрегаты насмехались над ней с высоты.

За пару дней пути до устья Инирейна, за двое суток до назначенного срока Бару разбудил среди ночи звон склянок. Протолкавшись сквозь спешащих наверх морских пехотинцев и матросов на палубу, она увидела вдалеке сигнальную ракету. Описав яркую дугу, она упала в море. Шедший на средней дистанции «Сцильптер» выпустил две ракеты в ответ. Свет отразился в воде, словно упавшая в море луна.

Ослепительная вспышка выхватила из темноты корабли под упругими, туго натянутыми косыми парусами. Быстроходные галеры-дромоны ориатийского образца. Без флагов.

Два рейдера приближались, поймав попутный ветер.

Вероятно, они замышляли проскользнуть в строй и взять на абордаж один из галеонов с золотом. Но, скорее всего, они просто заметили галеон с фрегатом сопровождения. В таком случае капитаны рейдеров решили, что суда идут в Фалькрест по двое, чтобы подстраховаться от капризов погоды и не угодить в жестокий шторм скопом. Видя, что позиция фрегата сопровождения неудобна, они рискнули.

И попались «Сцильптеру».

Над «Сцильптером», а затем и над «Сулане» захлопали ракеты – красная, синяя и три белых. Приняв сообщение, флагман раздал приказы остальным. Бару следила за происходящим с опасливым изумлением, а капитан «Маннерслета» истошно заорала, приказывая держать заданный курс.

Птичьи силуэты фрегатов выдвинулись из темноты. Рейдеры повернули назад, прибирая паруса, поворачивая круто к ветру, и

«Сцильптер» повторил их маневр. На миг ночь превратилась в день: град ракетных вспышек не давал рейдерам скрыться из виду.

В ту же секунду развернулись в сполохах полярного сияния, наполнились ветром паруса «Уэльтерджоя». Корабль ринулся наперехват, круша фронт волны. Он шел без огней, доверяя сигналам «Сцильптера» и приказам «Сулане». Поглощенная величественным зрелищем, запутавшаяся в механике ветров, парусов и маневров, Бару окликнула облепивших ванты матросов и указала на «Уэльтерджой». Те возбужденно зашумели. Только морские пехотинцы хранили молчание.

Яркая вспышка на носу «Уэльтерджоя» – и две белые ракеты метнулись вперед, будто летучие рыбы. Ветер подхватил их и швырнул в воду за кормой рейдеров.

– Берут поправку на ветер, ваше превосходительство, – пояснил Чистый Лист.

Бару подскочила от неожиданности.

«Уэльтерджой» выстрелил вновь, выпустив восемь ракет под нужным углом. Одна из толстых стальных труб запуталась в такелаже переднего рейдера, принялась бешено плевать раскаленными искрами и взорвалась, окатив все вокруг струями жирного пламени.

Ванты и палуба рейдера загорелись. Все усилия команды привели лишь к распространению пожара. Гротовые паруса и мачты вспыхнули разом, словно окутавшись огненными полотнищами. Ужаснувшаяся и потрясенная до глубины души, Бару наблюдала в деле легендарный «Морской Пал», последнее достижение химиков Маскарада. Ветер принес с собой запах – едкую, невыносимо искусственную вонь испепеленной парусины, пеньки и плоти.

Когда «Уэльтерджой» покончил со вторым рейдером (огонь горел даже в воде, растекаясь по поверхности жестоким полярным сиянием), с «Сулане» взлетела в небо строка сигнальных ракет.

– «Помощи выжившим не оказывать, – расшифровал послание Чистый Лист и кивнул. – Конвою следовать заданным курсом в заданном порядке».

Но корабли не могли принадлежать Унузекоме. Не на двое суток раньше. Не столь ничтожными силами…

Впрочем, не важно! Флотилии Унузекоме не взять золотой конвой – ни при двукратном, ни даже при четырехкратном численном превосходстве. Имперский флот не одолеть в открытом море.

Выиграть битву предстояло Бару. Несмотря на неотвязное присутствие Чистого Листа.

* * *

Бару вызвала контр-адмирала Ормсмент на борт «Маннерслета», прежде чем Ормсмент успела пригласить ее на «Сулане». Чтобы все получилось, Бару требовалось отдавать приказы – превратить номинальную власть в реальную. Сейчас в глазах Ормсмент она – бедное дитя с Тараноке. Молодая, попавшая в беду карьеристка вела битву с враждебно настроенным начальством и мечтала реабилитироваться. Что ж, только Бару и могла привлечь на свою сторону Ормсмент: ведь та была сызмальства воспитана на крепких флотских традициях покровительства. Женщины-офицеры всегда защищали своих юных протеже…

Но Бару не нуждалась в материнском совете. Она хотела, чтобы Ормсмент увела эскорт от золотых галеонов. Поэтому ей следовало быть одним из трех высших технократов Ордвинна, а не бедняжкой с Тараноке.

Капитан «Маннерслета» предложила для их совещания свою каюту, однако Бару заняла салон картографии.

– Встань здесь, – приказала она Чистому Листу. – Выше. Можешь держаться серьезнее? Хорошо.

Он повиновался с явным удовольствием. Да, Каттлсон приказал ему наблюдать за Бару, чтобы предотвратить любой ее ход. Но человек-менора привязался к Бару. Условные рефлексы требовали приносить как можно больше пользы представителям правительства Имперской Республики.

Отыскав нужные карты, Бару приколола их к прокладочному столу.

Ормсмент прибыла со свитой, перепачканная сажей и измученная. При виде Чистого Листа, стоявшего в тени с подсвеченным снизу лампой лицом, она нахмурилась.

– Ваше превосходительство?

– Контр-адмирал! – Бару отсалютовала, коснувшись лба. На ней был официальный плащ, белые перчатки, кошель на поясе и полумаска. – Ваши команды прошлой ночью были выше всяких похвал, что я особо отмечу в моем отчете Парламенту.

– Не стоит, – хмыкнула Ормсмент, стягивая холщовые перчатки и сдержанно улыбаясь комплименту. Ее адъютанты зашептались, почти не обращая внимания на начальство. – Вчерашние гости, ваше превосходительство – глупые оппортунисты, пытавшиеся урвать крохи до начала настоящего пира. Первые ласточки.

– Так я и думала! – Бару щелкнула пальцами и склонилась над прокладочным столом. Направление взгляда Чистого Листа

было несложно определить, поскольку адъютанты перестали шептаться и окаменели. – Какие вести со «Сцильптера»? Удалось ли ему обнаружить главные силы противника?

Ормсмент выгнула бровь.

– Вы ожидаете, что пираты придут крупной флотилией?

– Я полагаю, что каперы ориатийского синдиката Эйоты под фальшивыми знаменами уже оттеснены на север нашими новыми силами в Зюйдварде. Тем не менее они продолжают препятствовать республиканской торговле, их главное желание – заполучить добычу! – Бару коснулась карты и обвела пальцем побережье, пятнистый веер дельты Инирейна. – Уверена, что за нами гонятся как минимум пятнадцать кораблей. Чтобы вернуться в Пактимонт, нам придется пробиваться сквозь них – а ведь попутный ветер на их стороне. Серьезное преимущество в морском бою, верно?

Ормсмент кивнула и хотела что-то сказать, но Бару опередила ее:

– Уйти от них так просто не получится. Как нельзя и ждать нападения: ваши фрегаты потеряют преимущество в скорости и маневренности. Галеоны – это кандалы, с которыми нельзя идти в бой.

Контр-адмирал скрестила руки на груди и ухмыльнулась.

– Да, тараноки – прирожденные мореходы!

– Я – имперский счетовод! – рыкнула Бару, давая немного воли искренней злости. Чистый Лист за ее спиной чуть шевельнулся, что заставило Ормсмент вытянуться и замереть. – Прирожденный или не прирожденный, но знающий, как обеспечить безопасность собранных средств. Вот мой приказ, контр-адмирал: сопровождение конвоя прекратить. Следующие за нами силы противника – найти и уничтожить.

Воодушевление свиты Ормсмент явно свидетельствовало, что они с самого начала собирались на коленях выпрашивать именно такую возможность.

– Но если в наше отсутствие корабли подвергнутся нападению другой флотилии рейдеров? – спросила Ормсмент. – Если они как раз и рассчитывают отвлечь нас?

Первый вопрос касался тактики. Не утверждения ее приоритета в военных делах. Не сомнительного политического положения Бару.

Прекрасно.

– Мы встанем на якорь в Уэльтони, где Инирейн впадает в море, – ответила Бару, стукнув костяшками пальцев по карте. – До вашего возвращения охрану обеспечат флот и дружина князя Унузекоме. Вы получите необходимую для победы свободу

действий.

– Вы доверяете Унузекоме?

Здесь приходилось блефовать, полагаясь на то, что Ормсмент плохо разбирается в ордвиннской политике и князьях.

– Вы забыли о дюжине кораблей морской пехоты? Да и мой Чистый Лист будет приглядывать за ним! В общем, я нахожусь под надежной защитой.

Секунду подумав, Ормсмент крепко стиснула углы прокладочного стола и склонила голову.

– Вы понимаете, насколько все рискованно? – спросила она.

– Я принимаю всю ответственность на себя.

– Об этом и речь. Если бы тактику предложила я – ая уже размышляла о чем-то подобном – и она привела бы нас к поражению, вы могли бы скормить Парламенту меня. У меня есть поддержка в Адмиралтействе. У меня – много союзников. Я имею преимущества, какие только можно приобрести за долгие годы службы. Я могла бы позволить себе ввязаться в авантюру. Но вы – иноземное дитя, и без того стремительно выпадающее из фавора! Вы понимаете, что вас ожидает, если что-то пойдет не так? – мягко спросила она.

– Контр-адмирал Ормсмент, – заговорила Бару, глядя в ее ясные Фалькрестские глаза. – Я – имперский счетовод провинции Ордвинн, высшая власть на борту данной флотилии. Вы будете действовать по моему приказу.

* * *

Штурман «Маннерслета», гибкий ориатиец с заячьей губой, ночами трудившийся над собственным переводом «Наставления к вольности», разрывался между раздражением и паникой от постоянного присутствия Бару. Но она дорвалась до карт течений и ветров, до искусно составленных планов моря и звезд, слишком прекрасных, чтобы не увлечься ими. Круговые ветры торгового сезона предельно упрощали каботажное судоходство. Тем не менее здесь, в открытом море, единственной защитой от штормов, мелей и от кораблекрушений оставалось лишь искусство штурманов Маскарада.

А Бару всегда хотелось стать штурманом, если со счетоводством не заладится.

Когда, по расчетам штурмана, до устья Инирейна осталось двенадцать часов пути, корабли контр-адмирала Ормсмент покинули строй, развернулись против ветра и галсами пошли в крутой бейдевинд[22]. Первым – «Сцильптер», за ним – «Юристан»

и «Комсвиль», после – «Уэльтерджой» и, наконец, «Сулане».

Бару представила себе, что на одном из них – Амината, рычащая на вахтенных и нагоняющая на команду жути историями о том, что может произойти от открытого огня вблизи ракет и торпед. Но Амината, конечно, далеко, на борту «Лаптиара», а то и на новой должности.

И ни огня, ни битвы не предвидится. Пиратская флотилия, следовавшая за золотыми галеонами, заманит Ормсмент как можно дальше, а затем оторвется, уйдет на юг, прочь из круга торговых ветров, и скроется. И не бывать Унузекоме прославленным пиратом – его час еще не настал.

Теперь путь к золоту восставшим преграждала только морская пехота на борту кораблей.

Они приближались к дельте Инирейна, и море изменило цвет. Птицы кружили над волнами и стремительно ныряли в мутную илистую воду. Бару мерила шагами палубу и докучала штурману вопросами, на которые могла бы ответить и сама.

В полдень впередсмотрящие закричали:

– Земля!

Бару поманила к себе человека-менору.

– Передай лейтенанту пехотинцев и другим кораблям: по прибытии на городской площади будет проведен строевой смотр. Морским пехотинцам надо готовиться, чтобы сойти на сушу. Пусть местный князь увидит, какими силами мы располагаем, и остережется связываться с нами.

Он кивнул, не выказав никаких подозрений, и удалился.

Замерев у леера па корме, Бару подставила лицо попутному ветру, зажмурилась и подумала: «Скоро все на корабле превратятся во врагов. Люди Зате Олаке пойдут по Пактимонту с ножами и факелами – „Маски долой!“. А Мер Ло… ох, Мер Ло…»

– Лист! – окликнула она.

Тот немедля возник на ступеньке трапа, ведущего на верхнюю палубу.

– Ваше превосходительство?

– Какие приказы ты получил от Каттлсона?

– Не подлежит разглашению согласно приказу свыше.

Бару отмахнулась, обрывая человека-менору на полуслове (Чистый Лист улыбнулся – даже столь незначительное повиновение доставило ему радость).

– При каких обстоятельствах ты должен убить меня?

Ответом были расширившиеся в детском изумлении глаза.

– Вы служите Безликому Трону. Зачем мне убивать вас?

– А если я прекращу служить ему?

– Как? – Он просиял – некий условный рефлекс дернул

нужную струнку в его сознании. – Рука Трона движет каждым из нас.

Неторопливые и незначительные приливы и отливы, высокие скалы, надежно защищающие бухту от непогод… Неглубокая гавань Уэльтони оказалась и впрямь хороша! Однако ее никогда не чистили от речного ила, так что экипажам золотых галеонов пришлось изрядно понервничать. С великими предосторожностями суда встали на якоря в тщательно выбранных местах, отмеченных на карте.

Бару торчала над плечом капитана, без всякой надобности досконально контролируя корабельные маневры и бурно протестуя, когда судно проходило в рискованной близости от рыбацкого буя. «Кордсбрет» угораздило нарушить строй, и Бару настояла, чтобы он поднял якоря и сменил позицию. Этот ужасающий маневр занял целый час и потребовал от гребцов шлюпок-буксиров невероятных усилий.

Теперь требовалось, чтобы все поверили, будто положение настолько безопасно, что позволяет одновременно спустить на берег морскую пехоту. И что грозный военный парад интересует имперского счетовода гораздо больше, чем сохранность собранного ею за целый налоговый сезон богатства…

Конечно, саванту с Тараноке не следовало быть столь наивным.

Лейтенант морской пехоты «Маннерслета», краснолицый, не обученный должным образом обращаться к технократам, взлетел на верхнюю палубу.

– Хватит с меня! – заорал он и выругался.

Выслушав его с гордым видом, Бару согласно кивнула. Разумеется, ни при каких обстоятельствах недопустимо спускать на берег личный состав, оставляя суда без охраны.

– Вы правы, лейтенант, – вымолвила она. – Но я решила, что наши люди пригодятся нам на суше – на случай каких-нибудь глупостей со стороны местных жителей. Но, пожалуй, смотр лучше отложить до утра. Сегодня вечером я нанесу визит князю Унузекоме и оценю его умонастроение. Вы можете отправить на берег разведчиков.

Щеки лейтенанта приняли более естественную окраску, выставив напоказ лесенку порезов после недавнего бритья. Он был очень молод – моложе Аминаты, примерно тех же лет, что и Бару.

– Ваше превосходительство… – пролепетал он, наконец-то вспомнив о положенном обращении. – Будет сделано, ваше превосходительство.

Бару сжала губы, чтобы не завизжать от ярости. Смотр

должен был стать ловушкой, ключевым элементом ее плана. Но все это предназначалось для спасения множества жизней! Пока морские пехотинцы находились на борту, добраться до богатств было невозможно.

Почему она не доверилась негласному пиратскому опыту князя Унузекоме! Он предупреждал Бару, что ее план не сработает. И оказался прав.

На закате она приказала спустить шлюпку и отправилась к берегу. Чистый Лист – ей удалось настоять на том, что в иной охране она не нуждается – покорно греб полпути до суши, но внезапно у нее совсем расшалились нервы.

– Пересядь на нос, – велела она и забрала у него весла.

Князь Унузекоме встретил их в порту в сопровождении почетного караула, облаченного в легкие доспехи. Они отсалютовали друг другу – резко, натянуто, холодно, как договаривались. Правда, Бару подозревала, что Унузекоме не пришлось притворяться: он взирал на человека-менору с нескрываемой тревогой.

– Один из Очищенных, – объяснила Бару. – Мой телохранитель.

Унузекоме (запястья его были в свежих ссадинах от канатов после недавнего плавания) наморщил лоб.

– Это фалькрестский орден? Никогда о таком не слышал… – Он покосился на человека-менору и снова уставился на Бару. – А он в порядке? Выглядит он как-то отстраненно.

– Не волнуйтесь, – заявила Бару и улыбнулась. – Он абсолютно лоялен.

Она не посмела подать даже оговоренный условный сигнал, означавший затруднение. Лист был слишком зорок.

Может, Унузекоме поймет. Что, если он найдет способ избавить ее от меноры, прежде чем солнце сядет, а Чистый Лист поймет, что она задумала?

Но нет. Они еще ужинали, когда в гавани грохнул взрыв.

* * *

Мины раздобыли в Ориати Мбо, а именно – в Сегу. Флотское оружие, разработанное для обороны от возможного вторжения Маскарада, было контрабандой вывезено из страны и переправлено в Ордвинн каперами синдиката Эйоты. Оиатийским химикам так и не удалось догнать фалькрестских соперников и создать вслед за ними безжалостный «Морской пал»[23] или средства улучшения человеческой породы, приписывавшиеся

сплетниками Метадемосу.

Но обеспечить колоссальный взрыв они вполне могли: был бы только под рукой корпус покрупнее.

Мины были закреплены специальными фалами – минрепами – на дне гавани еще в часы последнего отлива, а надувные полости и деревянные корпуса заставили их всплыть. Теперь, пока еще не стемнело, ныряльщицам Унузекоме, отобранным из самых верных семейств, оставалось всего лишь обрубить концы и освободить мины. Эти женщины, со смазанной маслом кожей и зажимами на ноздрях, всегда славились своим мастерством.

Бару не сомневалась, что вскоре мины окажутся прямо под днищами кораблей.

Бару изучила их конструкцию – особенно взрывные механизмы, пружинно-бойковые системы, вызывавшие детонацию, когда мина прижималась к обшивке судна. Она была уверена, что все получится. Торпеды Маскарада были гораздо сложнее и капризнее, но ведь работали же.

Возможно, проще было бы взять корабли на абордаж. Но от плана, который требовал успешной атаки на суда, нашпигованные пехотинцами, Бару отказалась наотрез. Морская пехота – даже малыми силами – способна держаться на борту, пока не закончится пресная вода! Фрегаты Ормсмент вернулись бы задолго до этого момента.

Что ж, если нельзя устранить пехоту, нужно действовать по-другому и заняться самими кораблями.

Усадьба князя – «Речной дом» – возвышалась на отвесном берегу, чуть выше живописной бухты. От сюда открывался прекрасный вид на гавань.

Слуги подали ужин на балкон, обращенный к морю. В общем, и Бару, и князь могли наблюдать за тем, как «Маннерслет» сложился пополам и начал тонуть.

Но человек-менора, сидевший спиной к гавани, отреагировал первым. Вероятно, он сразу заметил на лице князя потрясение (а может, признаки удивления либо удовлетворения от выполненной задачи, но не готовности к действию). Так или иначе, но Чистый Лист просто обернулся и взглянул в сторону гавани, ничего более.

– Что? – выдавила Бару и сглотнула.

Мины были устроены таким образом, чтобы взрываться прямо под днищем корабля. Сила их была чересчур мала, чтобы разломить судно, – в лучшем случае взрыв мог бы пробить дыру в медной обшивке и деревянном корпусе.

Однако взрыв вытеснял огромную массу воды: той самой жидкости, которую обычно вытесняет корпус судна. Той самой,

которая несет на себе вес корабля.

«Маннерслет» не столько взорвался, сколько рухнул в открывшуюся под ним пустоту – и разломился под собственным весом, оказавшимся куда опаснее мины. Звук, донесшийся до балкона, был совсем негромким – басовитый кашель и треск вдали. Мачты корабля плавно, грациозно рухнули в воду.

– Что случилось? – спросил Унузекоме, продолжая блеф.

Дружинники князя вскинули клинки, чтобы расправиться с человеком-менорой. Но он оказался проворнее.

Очищенный схватил нож и вскочил на стол единым движением, плавным и естественным, точно полет ныряльщицы к воде.

В гавани за его спиной резко накренился на правый борт «Кордсбрет».

– Лист! Стой! – приказала Бару, вскочив и ударившись о край стола.

Но он был таким быстрым!

Чистый Лист подцепил ногой блюдо (фаршированные фазаны в масле) и метнул его в физиономию Унузекоме. Жених Моря завалился на спину, а человек-менора с равнодушным видом прыгнул на него, уже в полете нанося удар.

Бару метнула в него нож, но тот, кувыркаясь в воздухе, ушел далеко в сторону. Прежде ей никогда не доводилось метать ножи.

Мина выскочила на поверхность и с гулким грохотом взорвалась.

Нож человека-меноры вонзился в горло Унузекоме, но один из княжьих дружинников выстрелил очищенному в грудь. Короткое оперение арбалетного болта было абсурдно ярким и подходило скорее для охоты, чем для войны. Человек-менора боком скатился с поверженного князя. Отряхнул руки, разбрызгивая капли крови, и прыгнул с балкона вниз – прямо в реку.

– Найдите его! – закричала Бару, надеясь, что княжьи люди подчинятся ей.

Разорвав ворот Унузекоме, она обнажила его щетинистую шею, скользкую от масла и крови. Он заслуживал лучшего. Совсем не так – вдали от корабля, рухнув на спину от брошенного в лицо фазана, – хотелось бы ему умереть. Не всякая история хороша для князей.

Эгоистическая часть сознания Бару методично отметила: «Менора не бросился на меня – значит, не курсе, что я тоже замешана. Или я ошибаюсь?»

– Кольчуга, – прохрипел Унузекоме. – Кольчугу нож не пробил.

Пальцы Бару нащупали кольчужный ворот под его рубахой. Лезвие соскользнуло со звеньев и нанесло неглубокий, но обильно кровоточивший порез. Рана князя протянулась вдоль шеи и доходила до самого уха.

Бару приложила к порезу льняную салфетку.

– Умно, – прошептала она.

Унузекоме улыбнулся в ответ и скривился от боли.

– Я ведь не над дурнями княжу.

Вокруг кричали дружинники. Кто-то выстрелил из арбалета в реку. В гавани вспыхнул, как вязанка хвороста, «Инундор» Одна из мачт, разломившись посередине, рухнула в воду – по пути пронзив палубу, будто копье.

– Началось?

Бару помогла окровавленному Унузекоме подняться на ноги. – Да.

Ей невольно вспомнился штурман с заячьей губой и его чудесные карты.

Глава 18

Резня в Уэльтонской гавани продолжалась до рассвета. Ордвиннские копейщики патрулировали берег на лодках и со смехом добивали матросов в воде, словно лучили рыбу острогами. Большая часть фалькрестийцев утонула, не добравшись до суши. Остальные теснились на палубах четырех уцелевших кораблей – некоторые мины отнесло течением в сторону, и они еще не взорвались.

Вот этими судами и занялись лучники князя Унузекоме. Горящие стрелы поджигали палубы и такелаж, но дисциплинированные, не поддавшиеся панике моряки Маскарада вооружились песком, тесаками, горшками со скисшей мочой и не давали огню распространиться.

Стоявший в гавани шум – возгласы победителей, стоны умирающих, звон склянок, бой барабанов и вопли офицеров Маскарада (они отдавали приказы своим экипажам) – доносился до княжеской усадьбы чудовищной атональной музыкой.

Первым взорвался «Маннерслет». Эта мысль преследовала, как наваждение, и Бару растравляла ее, точно ссадину. Ведь она путешествовала с его командой, зная, что скоро все они погибнут. Она лгала им, дескать, ничего необычного и не предвидится. И вправду, ничего необычного. Стандартное банальное предательство. Она притворялась, что все идет как должно. И она будет вынуждена делать то же самое снова и снова. Бару детально спланировала все, от Ордвинна до Фалькреста. Все было на своих местах, каждая деталь учтена. Но почему же первым взорвался «Маннерслет»? Почему не вторым, не третьим? Это явно неспроста…

Но нет, конечно, нет. Чистая случайность.

Бару постаралась выкинуть назойливые мысли из головы. Случайность. Совпадение. Они еще не раз скажут свое слово. Не стоит забывать о них.

– Они будут прорываться, – произнес Унузекоме.

Но бежать некуда! Выход из гавани блокировали дромоны и тартаны[24] Унузекоме, укрывшиеся в бухточках и узких проливах неподалеку.

«Кордсбрет», один из четырех уцелевших кораблей, дал течь и вскоре затонул. В освещенную звездами гавань выплыли, распевая молитвы икари Химу, лучшие ныряльщицы Унузекоме. Это были женщины средних лет в набедренных повязках. Они постоянно жевали свежие листья камещицы, чтобы расширить зрачки. Ручные мины, заведенные ими под днища, уничтожили

еще два судна.

Последний из золотых галеонов в отчаянной попытке прорвать блокаду сам напоролся на мину, дал крен на нос и затонул.

Когда над гаванью, вспухшей от трупов и обломков дерева, взошло солнце, начались спасательные работы. Здесь план сводился к одному-единственному жесткому пункту: морские пехотинцы гибнут под водой, а драгоценные металлы – нет.

Восемь кораблей, как и было задумано, оказались разломлены пополам. Однако их груз – ярко-алые сундуки, приспособленные для дальних перевозок по суше даже пешими носильщиками, – рассыпался по дну бухты. Ныряльщицы (исключительно женщины – на побережье Ордвинна помнили вековые традиции ту майя, которые считали водолазное дело женским ремеслом) вышли в бухту с камнями и тросами. Некоторые исчезали внутри затонувших кораблей не на одну минуту.

Отыскивая сундук за сундуком, они привязывали к ним тросики с поплавками и выныривали, чтобы глотнуть воздуха. Часть удалось поднять вручную, с помощью шлюпочных команд. За остальными ныряльщицы отправились с привязанными к камням воздушными пузырями – те крепили к сундукам и освобождали от балласта.

Как же Бару хотелось попасть в гавань! Она бы могла пересчитывать добычу или считать погибших, чтобы заглушить гнетущую тоску вычислениями. Но сейчас она должна была притворяться пленницей Унузекоме и поддерживать маскировку – на случай, если ее полномочия еще пригодятся.

Из бухты выловили сапоги человека-меноры.

– А ныряльщицы, – спросила Бару у князя, – откуда они взялись? Их ведь сотни!

– Верующие, – объяснил князь, поправляя повязку на шее. – Они живут в каждой прибрежной деревушке, и среди них много иликари – с дисциплиной тела приходит дисциплина души. Мои ныряльщицы – самые лучшие в Ордвинне. Княжество Унузекоме исстари держится на них.

Бару проводила взглядом очередную стайку ныряльщиц, спрыгнувших с борта рыбацкого шлюпа с канатами и воздушными пузырями.

– Лист каменщицы – в помощь зрению. Зажимы и хлопчатка для ноздрей и ушей – против перемен давления. Но время, глубина, холод…

– Икари даруют им силу! – Унузекоме помотал головой и улыбнулся. – Хотите – верьте, хотите – нет. Я предпочитаю

верить.

– Икари Химу, – предположила Бару, вспомнив совет в храме, масло и рассеянный свет. – Дарующая силу.

– И Видд, награждающая их терпением для задержки дыхания. И Девена, помогающая сбалансировать давление и не потерять путь наверх. В делах практических лучше прибегать ко всем троим… – Князь зевнул и тотчас поморщился, недовольный собой. – Прошу прощения… бессонная ночь, сами понимаете.

На лестнице донеслись шаги слуг, которые явились подавать поздний завтрак.

– Надеюсь, в делах восстания вы не полагаетесь на помощь богов, – произнесла Бару.

– Икари – не боги. Ордвинн слишком страдал от войн и бесконечных перемен, чтобы желать себе богов. Мы исповедуем торжество человеческой добродетели, – проговорил князь ровным тоном, и его глаза блеснули. – Они очень древние. Икари были бельгийками. Они жили здесь задолго до того, как мои предки и предки стахечи начали войны за эту землю. И живут до сих пор.

– Маскарад позаботится о том, чтобы положить конец всему. И он не забудет уничтожить иликари.

– Но женщина, которой поручены эти задачи, находится среди нас. – Улыбка князя угасла, словно мысль о Зате Яве напомнила ему о начале других заговоров, о сложных механизмах и хитросплетениях. Но в голосе его звучала спокойная надежда: – Видите? Они находят возможности уцелеть.

* * *

Ближе всех к Пактимонту были князь Хейнгиль, неизменный товарищ и спутник Каттлсона, и весельчак и пьяница Радашич.

Князь Радашич послал князю Хейнгилю письмо, дабы объяснить свой выбор. Люди Зате Явы перехватили его в пути и сняли копию. Позже Бару прочла копию и мало что поняла в происшедшем, но и этого с лихвой хватило, чтобы едва не разорвать бумагу в клочья от досады.

«Князю Хейнгилю, Охотнику на Оленей».

Далее следовал пробел, как будто Радашич хотел добавить к написанному и другие величания или что-то еще – например, личное имя Хейнгиля.

«Пишу прямо и откровенно, как ты всегда предпочитал. Когда ты получишь это письмо, я преступлю клятву верности, подниму восстание и выступлю маршем на Пактимонт. Знаю, ты не станешь читать слов клятвопреступника, и потому прошу тебя

отдать мое послание твоей дочери, чье совершенство, не оспариваемое ни тобой, ни мной, не может быть запятнано или умалено пониманием поступков изменников. Она умна и найдет способ передать тебе все остальное. Надеюсь, когда-нибудь она будет править Ордвинном, чего ты, как мне известно, желаешь более всего на свете.

Ты – брат мне. Я часто говорил это пьяным, а теперь повторю то же самое в трезвом уме, запечатлев и письменно. Моя семья не смогла вырастить меня, и я обрел родных в твоей семье. Даже возмужав, мы не расставались, как родные братья. Во времена Дурацкого Бунта только твой совет уберег меня от ямы, предназначенной для казни водой. Помню, как спорил с тобой и уговаривал присоединиться к восставшим. Не забыл и твой неизменный ответ: „Мы дали клятву“.

Все прочие Радашичи предпочли мятеж и были уничтожены. Остался лишь я. Благодаря тебе. Моя жизнь – твоя заслуга. Мои ошибки – полностью на моей совести.

Я – князь, славящийся обилием плодородных земель, веселыми пиршествами и непомерными долгами. Но я хочу оставить своим сыновьям имя, означающее нечто большее, чем хлеб и озорство. У тебя, мой названый брат, есть то, чего я хочу, – имя, при звуке которого люди вспоминают о твердости убеждений. Я тоже мечтал заслужить подобную участь и потому в последние годы обратился к философским книгам.

В них императоры и ученые дамы называют Истину путеводной звездой, не подвластной ни одному владыке. Названый брат мой, я убежден: если ты дал клятву верности владыке в фарфоровой маске и он скажет, что солнце черное, ты будешь слеп даже в яркий летний полдень. Ты заслуживаешь лучшего правителя. А солнце – золотое и доброе. Вот – высшая истина, которой мы должны хранить верность в первую очередь, и эту верность я должен отныне блюсти, если хочу хоть чего-то стоить в глазах окружающих. Они скажут, что предательство у Радашичей в крови и его нужно искоренить, как псари вытравляют ненужные для собачьей породы пятна. Но это ложь. Истина не нуждается в масках.

Итак, я иду войной на Пактимонт, дабы мои дети никогда не блуждали впотьмах под черным солнцем».

Земли Радашича лежали к северо-западу от Пактимонта. У него были хранилища с зерном, лошади и множество крестьян, восставших в поддержку беспорядков в Пактимонте с кличем «Честная Рука! Честная Рука!».

Однако в своем пронзительном послании князь даже не упомянул о том, что его люди – издольщики. Он выжал их

налогами досуха, пытаясь расплатиться с собственными долгами, – и только золотые ссуды спасли их от верной голодной смерти. Возможно, осознание вины тоже заставило его стремиться вперед. Видно, не хотел он остаться в истории хлебным князем, который любил кутежи и лишь чудом не погубил свой народ.

Собрав своих дружинников и мятежных крестьян, Радашич двинулся маршем на Пактимонт. Как ни упрашивал его Зате Олаке ударить на восток, захватить княжество Хейнгиль и соединиться с Унузекоме, обеспечив восставшим контроль почти над всем побережьем, Радашич не согласился. Нет, он не желал нападать против названого брата…

У Финнмеледхенджа, посвященного иликари и угнездившегося среди садов и пасек, его войско остановилось. Дружинники и крестьяне дали своим лошадям отдохнуть и сами устроили привал. Здесь и нашел его князь Хейнгиль со своей тяжелой кавалерией. Он не читал и даже не видел письма Радашича, но это было не важно.

Он явился выполнить свой долг, а иначе и быть не могло.

Хейнгиль лично возглавил первую атаку, сломавшую его строй и докатившуюся до сердца колонны. Сыновья Радашича пали. И здесь, на кончике копья – может, копья Охотника на Оленей, а может, и нет – род Радашичей закончился.

Земля обагрилась кровью, которая напоила цветы, кормящие пчел.

Гибель Радашича лишила восставших лучшего союзника на приморских равнинах. Хейнгиль разбил неподалеку лагерь – для отдыха, но никак не для медитаций и молений икари Видд, поскольку тогда он бы нарушил данную Фалькресту присягу.

Бару читала обо всех этих событиях, сидя на балконе «Речного дома» Унузекоме. До нее еще доносились крики ныряльщиц: те воевали с холодом и с тяжелыми сундуками, начиненными золотом и прочими богатствами.

Бару поежилась и почувствовала за плечом призрак Зате Олаке. «Сомнение предателя»… Восстание казалось дезорганизованным, бестолковым и обреченным на провал. Никто из владык Внутренних Земель не пойдет за ними – ни Наяуру, повелевающая Сахауле и Отром при помощи своей железной хватки и собственных отпрысков… ни Игуаке, которая могла бы привести с собой Пиньягату и его копейщиков, не говоря уж о собственных неисчислимых стадах и кавалерии. Значит, мятежникам не удастся запастись зерном на зиму – и у них не будет кавалерии, которая двинется на юг весной. Они будут заперты на севере.

Неужели их положение безвыходно?

Восстанию требовался центр, вождь, лидер, главная надежда, а вовсе не имперский счетовод, якобы взятый в заложники.

Требовалась настоящая отступница, гениальная изменница, лучшее из лучших орудий Фалькреста, поднявшее народ Ордвинна на борьбу со своими хозяевами.

Но прежде чем ей удалось отыскать способ воплотить эту мысль в жизнь и взорвать синие пятна на карте, словно ориатийскую мину, ей кое-кто помешал.

Княгиня Тайн Ху спустилась с севера но Инирейну и смешала все карты.

* * *

– Вы должны быть на севере.

Слова Тайн Ху прозвучали над ухом Бару. Энергия, принесенная княгиней, будто гальванический разряд, пробудила Бару от рабочего транса.

Тайн Ху, как хищник, склонившийся над ее креслом. Похоже, она хотела оттащить Бару от стола. Княгиня резко согнула руку: наверное, чтобы схватить Бару за горло или обнять…

Бару ухитрилась не вскрикнуть вслух.

– Княгиня Вультъяг? О вас не доложили.

Вероятно, стражники Унузекоме снаружи решили, что Тайн Ху ждут.

– Каттлсон не поверит, что вы – несчастная и невинная пленница. Он пошлет своего очищенного убить вас. В Вультъяге будет безопаснее.

Тайн Ху обогнула стол и с любопытством уставилась на бумаги.

Бару посмотрела на ее четкий орлиный профиль.

– Что вы пишете?

Стол был завален черновиками воззваний – целым ворохом исчерканных листов пергамента, в основном разорванных и скомканных от досады. Благо, что все они – на афалоне, на котором Тайн Ху умеет говорить, но не читать!

– Пытаюсь составить план расходов. Распределить захваченные деньги. Просто привычка счетовода.

Бару принялась собирать бумаги, делая вид, что закончила работу. Хорошо хоть, что здесь нет развернутой карты лояльности!

– Может, я и не знаю алфавита афалона, – произнесла Тайн Ху, пригвоздив один из обрывков пергамента к столешнице растопыренными пальцами. Золотистая темнота ее глаз пугала. –

Но я знаю, как на нем выглядит ваше имя. И оно встречается тут гораздо чаще, чем нужно для расчетов.

– Вы знаете, как выглядит мое имя? – переспросила Бару. – Забавно. Я приму это в качестве комплимента, если вы не возражаете.

И Бару откинулась в кресле с безмятежным видом, избегая цепкого взгляда Тайн Ху.

Зачем она сюда явилась? Почему Унузекоме не предупредил Бару о прибытии княгини?

Пожар, охвативший Ордвинн, мог бы призвать ее куда угодно!

Все вокруг, кроме пламени свечи, на миг замерло.

Затем Тайн Ху, стуча каблуками по половицам, обошла кресло. Бару хотела встать, но княгиня схватила ее за горло и с грохотом опрокинула на спину, подцепив ногой ножку кресла. Мебель незамедлительно треснула под весом Бару.

Тайн Ху обнажила меч.

– Стража! – захрипела Бару. В голове звенело, глаза затуманились красной пеленой.

Сильнее всех прочих ее чувств оказалось странное детское возмущение. Разве она не шептала на ухо жрице-иликари? Она же связала себя с прочими заговорщиками тайной ценою в жизнь!

Острие, вспоровшее скальп губернатора Каттлсона, защекотало ее лоб.

– Ты слишком много дала нам, – проговорила Тайн Ху. Голос ее звучал отстраненно, тонко, словно скрежет стекла под алмазом. – Я спасла тебя от Каттлсона, чтобы получить кое-что взамен. Но была чересчур щедрой, понимаешь, что я имею в виду?

– Вам не обойтись без меня.

Лицо княгини кружилось перед глазами, будто морской ястреб в небе. Как она могла забыть? Она повторила эту ошибку дважды! Игры князей и народов, десятилетия оккупации, века предательств и перестановок, огромный реестр политических интриг – и она наивно думала, что может стать ее центром, расставить фигуры и не стать пешкой!

– Золотых галеонов недостаточно. Нам предстоит одолеть «Сомнение предателя».

Острие меча кольнуло кожу.

– «Сомнение предателя» я выслушивала от Зате Олаке не один год. Я постоянно склонялась перед запретами Зате Явы – «время еще не пришло, наш час не пробил»… Теперь чае настал, и Ордвинн поднимается. – Тайн Ху умолкла, и клинок дрогнул от насмешливого пожатия плечами. – Какой нам сейчас в тебе прок?

Может, нам будет безопаснее без маскарадского технократа, а?

– Рыбачка… – прошептала Бару.

Острие замерло. Княгиня взглянула на Бару сверху вниз, губы ее дрогнули, с любопытством выдохнув:

– Что?

– То самое имя, которое ты дала мне. В порту, три года назад. Бару Рыбачка, основа и опора, любимица икари Девены. – Бару оттолкнулась от пола и, вгоняя себя в безрассудную ярость боя, поднялась. Тайн Ху отвела клинок. – Ты знаешь новости? Ты слышала, что Радашич с бою взял Пактимонт? Видела, как горят алые паруса в Порт-Роге? Нет?! Теперь буду говорить я! Восстание с самого начала обречено на провал – остальные князья не пойдут за нами. Наяуру с Игуаке полюбуются, как нас будут топить, а после разделят наши богатства и земли. Но прислушайся к кличу своих собственных крепостных, Тайн Ху…

– Честная рука, – пробормотала княгиня Вультъягская. – Да. Даже Сентиамутам из предгорий знаком этот клич.

Бару никогда не приходилось убивать кого-либо лицом к лицу. И она пока не встречалась с настоящей – неизбежной смертью. Яд Зате Олаке был невидим, а от поединка с Каттлсоном ее спасли в последний момент. Резня в гавани оказалась скорее испытанием для желудка, чем для сердца.

А теперь, опираясь на край стола, она обнаружила, что ее бьет дрожь. Трясущимися руками она собрала со стола пергаменты и передала их Тайн Ху. Значит, она трусиха…

– Восстание возглавлю я, – сказала Бару. – Если не делом, то хотя бы именем. Однажды я уже расправилась с ордвиннскими князьями. Они боятся и уважают меня. Я подняла меч на губернатора и завоевала любовь народа. Я разорву заколдованный круг! Прочь «Сомнение предателя»!.. Видишь, что здесь написано? «Я, Бару Рыбачка, Честная Рука»! Вот мое новое имя!

– А что, если именно этому я и хочу помешать? – прошипела Тайн Ху. – Восстание должно быть ордвиннским!

– Князья – еще не весь Ордвинн! Они не смогли отстоять Ордвинн. И не смогут, сколько бы ни пытались. Единственная надежда на меня, простую чужестранку без примеси благородных кровей! – Бару грохнула кулаком по столу, сминая пергаменты, на которых еще не просохли чернила. – Я ваш последний и единственный шанс!

– Довольно, Вультъяг, – раздался из-за дверей голос Унузекоме. – Она права.

Бешенство княгини Вультъяг не на шутку испугало Бару – ведь, прячась за стенами школы, она уже успела позабыть обо

всех унижениях и гневе покоренного народа Тараноке.

– Стоит ей укорениться среди нас, и от нее будет не избавиться. Она как клещ – разжиреет на нашей плоти, потом не вытащишь.

– Она заслужила свое место. Она хочет того же, чего и мы. И будет только символом, Вультъяг. Ничем более.

Конечно, Унузекоме за нее – огги вместе ходили в море, взяли добычу и стали товарищами.

Острие меча Тайн Ху вывело в воздухе крохотную аналемму[25], и Бару вспомнила ее слова, сказанные три года назад, в лесу, среди тишины и пения птиц: «Символы. Символы тоже указывают на власть… И сами вы – тоже символ, Бару Корморан».

Сердце Бару заныло при мысли о том, что какой бы выбор ни сделала Тайн Ху, она будет жалеть о нем до конца жизни.

– Ладно, – с кривой усмешкой сказала Тайн Ху, убирая меч в ножны. – Получается, что и ты присоединился ко двору будущих королей, Унузекоме. Мой бородатый сосед уже весь вне себя. Наконец-то он нашел союзника не столь своекорыстного, как я.

Жених Моря улыбнулся.

– Наверное, богатство Отсфира делает его одиночество еще горше.

– Вы довольны? – спросила Бару, поджав губы. – Секрета, которым я поделилась с иликари, было мало? Вам нужны еще какие-то доказательства?

Короткая пауза.

– В гавани тебя ждет пленница, – вымолвил Унузекоме.

* * *

– Этого я не сделаю! – воскликнула Бару.

В прибрежной грязи стояла на коленях капитан «Маннерслета». Несколько минут назад двое дружинников Жениха Моря выволокли ее, безмолвную и несгибаемую, из клетки и начали бить, пока она не упала. Во влажной грязи, будто маска, отпечаталось ее лицо.

Она не понимала по-урунски, но ее ни о чем и не спрашивали. Испытание предстояло не ей.

Бару не взяла с собой абордажную саблю, и Тайн Ху предложила ей свой меч.

– Ты предала их. Ты привела к гибели сотни человек. И станешь предательской королевой восстания, которое погубит еще десятки тысяч.

Закатные лучи осветили ее плечи, облитые кольчугой, и рассыпались на сотни блестящих колечек отраженного света.

– Убей ее. Распишись во всем кровью.

Тайн Ху сказала чистую правду. Бару уже убила эту женщину, приведя ее на смерть. Обезглавить ее – всего лишь исправить оплошность несработавшей мины, пущенной мимо стрелы, дрогнувшего копья.

Но Бару отвернулась.

Голос Тайн Ху зазвучал еще насмешливее.

– Забыла, кто ты? Ты предательница. Никто никогда не полюбит тебя. Никто никогда не назовет достойной или верной, вспомнив о том, как расплатилась ты с теми, кто взрастил тебя. Тебе не избавиться от клейма.

Измученная, не понимавшая ни слова женщина на песке сплюнула им под ноги.

– Надоело! – прорычала она на афалоне, стряхивая песок с униформы.

Чувствам здесь не было места. Ей и вправду не впервой убивать, верно? Разорив фиатную экономику Ордвинна, она вынудила князей обложить налогами их вассалов до полного истощения. Она погубила больных и слабых. От еще одной жизни тяжелее стать не должно.

Но – становилось.

Бару повернулась к княгине Вультъяг.

– Нет, – негромко, чтобы не спугнуть остатки храбрости, сказала она. – Я не буду ее убивать.

– А репаративные браки? А похищенные службой милосердия дети? А мертвые иликари? А содомиты? Их казнят раскаленными железными прутьями – тебе, Бару, не доводилось видеть это? – Голос Тайн Ху стих, превратился в шепот. – Не доводилось слышать их крики? Отомсти за все зло.

В приступе смутных сомнений, самоубийственного порыва, воспоминаний о муке от фарфоровой маски на лице, страха перед провалом испытания Бару вдруг поразила странная мысль. Она подумала об отповеди – о множестве спасенных Маскарадом жизней – о прививках, канализации, дорогах, школах и богатстве.

Она подняла руки, словно в панике или в попытке принять меч.

– Вультъяг, – заговорил Унузекоме, и его негромкий голос спас Бару от выбора. – Довольно. Мы видели достаточно.

Тайн Ху вложила меч в ножны.

– Пленница будет жить, – сказала она с улыбкой, в которой сквозило облегчение.

Сколько испытаний! Неужели им этого мало?!

Наверное, княгиня почувствовала ее ярость.

– Мы хотели увидеть, как ты поступишь.

– Ясно, – буркнула она.

Уж лучше частичная лояльность, чем вовсе никакой. Лучше – предатель поневоле, чем фанатик-социопат.

– С проверками покончено, – произнесла Тайн Ху, вскинув руку в перчатке, точно останавливая порыв Бару. – Перескажи капитану то, что ты написала. Но… – Она выгнула брови, и алые штрихи боевой раскраски шевельнулись на ее скулах. – Но не лги, Бару Корморан.

Волны прибоя мягко подкатывались к ногам Бару и отступали одна за другой.

Сделав шаг, Бару встала между двумя ордвиннскими владыками и капитаном «Маннерслета». Фразы на афалонском сразу закружились в ее голове – и эта легкость заставила ее усомниться в себе.

Ей так долго пришлось притворяться лояльной.

– Отправляйся в Пактимонт, – обратилась она женщине-капитану. – Иди в дом губернатора. Скажи Каттлсону, что я отрекаюсь от своего имени и должности, не признаю его фальшивой республики и всех ее властей. Передай ему, что я, Бару Рыбачка, Честная Рука, сделаю Ордвинн свободным.

Непонимание в глазах капитана сменилось гневом. Над гаванью разносились пронзительные крики чаек, дравшихся из-за мертвечины.

* * *

Отсфир Лизаксу и Тайн Ху прислали по Инирейну баржи, чтобы забрать свою долю добычи. Они собирались спрятать золото в предгорьях Зимних Гребней. Восстание получит свою северную твердыню, теплое гнездо на зиму.

Через два дня после резни в гавани на горизонте замаячили паруса «Сцильптера». Прикинув сроки, Бару возликовала: контр-адмирал Ормсмент использовала «Сцильптер» в качестве разведывательного авангарда. Если ее корабль вернулся через двое суток, значит, Ормсмент сперва последовала за пиратами на юг и проследила за ними, а уж потом повернула обратно.

Над «Сцильптером» взлетели сигнальные ракеты. Никто в Уэльтони, включая Бару, не знал, как прочесть сигнал, и она попросила князя Унузекоме отвести ее к нескольким пленникам, выловленным из бухты. Среди тех, кому удалось спастись, оказалась капитан «Маннерслета», круглолицая пожилая

женщина с запекшейся под ногтями кровью. Унузекоме приставил к горлу Бару нож, и Бару, следуя своей роли, дрожащим голосом приказала капитану расшифровать сигнал.

– «Враг обращен в бегство. Шестеро уничтожены. Потерь не имею. Возвращаюсь полным ходом, прибываю через восемнадцать часов. Доложите обстановку».

– Говори, как отвечать, – потребовал Унузекоме.

Капитан «Маннерслета» поправила униформу и, поразмыслив, сплюнула. Начался спор – обсудили отправку письма… или пленника, или хрупа. Но «Сцильптер» быстро убрался восвояси – вероятно, на его борту рассудили, что молчание и пустая гавань означают беду. Князь Унузекоме приказал своему флоту уйти в укрытия вдоль побережья. Разумеется, князь надеялся на то, что суда Ормсмент подорвутся на ориатийских минах или же приблизятся к берегу и попадут в кольцо противника. Но фрегаты держались на безопасном расстоянии. Вскоре «Сцильптер» отделился от общего строя и двинулся на запад, к Пактимонту, с известиями.

Первый успех мятежников повлек за собой лавину несчастий.

В Пактимонте взялись за дело люди Зате Олаке – сектанты-иликари, пираты, воры, фанатики, выдернутые из погребов его сестрицы. И тогда-то и начались события, о которых так долго шептались. «Ночь сорванных масок» была в действии. Солдаты гарнизона не поспевали всюду и буквально валились с ног. Многие задохнулись или сгорели в химическом огне пожара, охватившего портовые казармы.

Убийцы, посланные к Каттлсону, наткнулись на двух очищенных, переодетых горничными. Живым не удалось уйти никому (с тех пор ни одна горничная в особняке губернатора не жаловалась на непочтительное отношение). Группа, отправленная за Белом Латеманом, не смогла отыскать его. По странному совпадению Хейнгиль. Ри как раз отправилась в гости – навестить княгиню Наяуру.

Совсем не повезло восставшим в Порт-Роге, где группа ныряльщиц должна была уничтожить огненосцы, стоявшие на якоре у сожженных башен. Им следовало забросить в хранилища страшного «Морского пала» зажигательные гранаты, сжечь оба корабля и лишить имперский флот его главных сил в Ордвинне.

Но Крофтер, адмирал флота провинции, нюхом почуяв неладное, приказала самым мощным своим судам сменить место стоянки и отойти от берега на милю. Несколько ныряльщиц предприняли длительное плавание в холодной воде, жуя листья каменщицы, чтобы не сбиться с пути в темноте. Первая, добравшись до «Эгалитарии», полезла на борт, но потерпела

поражение. Капитан «Эгалитарии», повидавшая на своем веку десятки предательских ориатийских гаваней, приказала утыкать обшивку осколками стекла.

Ныряльщица порезала пальцы и упала в воду. Всплеск услышали вахтенные, и в воздух полетели ракеты. Одна из ныряльщиц, раненная арбалетным болтом с борта «Кингсбейна», прикрепила гранаты к перу его руля и сожгла судно. Другой удалось влезть на «Эгалитарию» по якорному канату и почти проникнуть в трюмы, но ее заколол не замеченный вовремя морской пехотинец.

В разгар переполоха в город прибыл с новостями «Сцильптер». Гарнизон не справлялся с беспорядками, граждан Фалькреста убивали каждую ночь, но флот еще удерживал гавань. Надежды на блокаду силами флота князя Унузекоме умерли в колыбели.

Губернатор Каттлсон, встретивший «Сцильптер», принял новость о том, что налоги разграблены, а Бару Корморан взята в заложники, с усталым безразличием.

– И почему я ничуть не удивлен? – сказал он у Зате Яве.

Однако губернатор хотел узнать, захлебнется ли бунт Унузекоме или все же начнет нарастать, поэтому и велел фрегату подождать с отплытием в Фалькрест.

Вспыхнувший бунт начал распространяться по Ордвинну. Но совсем не так, как планировали заговорщики.

Глава 19

Они рискнули еще раз собраться на совет в Уэльтони. Пусть труп человека-меноры так и не был найден, а кавалерия Охотника на Оленей или флот Маскарада могли двинуться на восток и явиться к ним через пару дней. Прежде чем надолго разделиться, нужно было встретиться лично и взглянуть друг другу в глаза.

Лето подходило к концу. На балконе усадьбы Унузекоме находились Тайн Ху, Бару Рыбачка и сам хозяин. Дул пронизывающий соленый ветер. С севера, с верховий Инирейна прибыли Отсфир, князь Мельниц, и Лизаксу, Высокий Камень.

Остальные оказались вне досягаемости. Зате Ява до сих пор играла роль правоблюстителя в Пактимонте, а Зате Олаке не стал бы покидать убежище ради приезда в Уэльтони. Но это почему-то не столь сильно тревожило Бару, как отсутствие последней из заговорщиков – жрицы-иликари, связавшей их друг с другом. Бару очень хотелось ее увидеть. Ночами Бару терзало чудовищное чувство вины. Это было гораздо хуже воспаленной бессонницы от раздумий, от попыток просчитать действия Маскарада до того, как они будут предприняты. То были муки совести: она предала тех, кто доверился ей.

– Я думал, мы решили, что она будет отвечать только за денежные средства.

Крепкий, коренастый Отсфир сильно укоротил бороду – видимо, чтобы выглядеть помоложе или покрасивее. Но удача его подвела: он простудился.

– Она принесла нам несколько кораблей, а мы за это должны позволить ей говорить, будто она главная? – продолжал он. – Конечно, нам ясно, что она станет важной персоной, если мы победим, но – так быстро? – Он не удостоил Бару и взглядом, хотя она ожидала обратного. Вероятно, его гордость изрядно пострадала во время последней беседы на деликатные темы о королях и династиях. – Без подставного вождя нам уже никак?

– Она будет не просто подставным вождем, – возразил Унузекоме. В его небрежном взгляде и улыбке имелся намек на защитное поведение – может, даже чувство собственности, хотя сейчас Бару не доверяла своим суждениям. – Она – единственная, за кем мы можем пойти. Имперское дарование, гений по результатам их же собственных экзаменов! Она одна перевесит все, что они могут предложить.

Лизаксу, бледный гигант в распахнутой куньей накидке на плечах, успокаивающе опустил руку на плечо Отсфира.

– Выбор сделан. Прошлое не вернуть. Хотим мы того или нет,

теперь это – восстание Бару Рыбачки.

Тайн Ху прислонилась к перилам балкона, развернувшись к морю спиной. На ней был обычный кожаный костюм для езды верхом.

– Однако, – заговорила она, не сводя глаз с Отсфира, – вы ей даже слова сказать не даете.

Бару воспользовалась моментом – хоть какой-то шанс вырваться из клетки княжеской политики. Шлепнув об стол географической картой, она положила на каждый из ее уголков по монете.

– Внимания достойны тринадцать князей. Четверо из них находятся здесь и явно связаны с мятежом. – Она обвела взглядом присутствующих: столь непохожие друг на друга северяне, Унузекоме и Тайн Ху… Что ж, надо говорить дальше.

– С нами и Зате Олаке, нага главный разведчик в Пактимонте, хотя у него нет ни вассалов, ни политического веса. Выходит, пятеро. Что до тех, кто пойдет за губернатором… владения князя Хейнгиля лежат к северу и к востоку от Пактимонта, и он сохранит верность Каттлсону даже после того, как мы его вздернем.

Помолчав, она коснулась пальцем прибрежных пахотных земель к западу от княжества Хейнгиля.

– Радашич погиб. Мы нуждались в нем – в его лошадях, в провианте, который он мог предложить нам. Но он выступил слишком рано! – Бару повела пальцем по северо-западному углу карты. Она представила себе, как проносится над Ордвинном, как трескается под ее ногтем земля, вспучивающаяся по

пути к Зимним Гребням, и хмыкнула: – Княгиня Эребог Глиняная Бабка, западная соседка Лизаксу. Союз с ней означает, что весь север наш – от Эребога на западе до Отсфира и реки Инирейн на востоке. Если она встанет на сторону Пактимонта, они смогут зайти на нас с фланга и отправить войска в Зимние Гребни, дабы окружить нас. Если она не примет нас до зимы, мы проиграли.

Собравшиеся выжидающе смотрели на Бару.

– А остальные? – спросил Унузекоме. – Пятеро из Внутренних Земель? Наяуру, Строительница Плотин, Отр Тузлучник[26] и Сахауле, Конская Погибель? Игуаке с тысячей тысяч коров и Пиньягата, Лес Копий? Наяуру не может дружить с Каттлсоном и Фалькрестом, имея двух любовников. Игуаке чересчур горда, чтобы подчиняться кому бы то ни было. Наверняка они к нам присоединятся.

– «Сомнение предателя», – одновременно выпалили Бару и Тайн Ху. Бросив друг на друга извиняющиеся взгляды, они вновь

начали говорить одновременно. Тайн Ху, пожав плечами, умолкла. – Именно так, как полагал Зате Олаке, – продолжала Бару. – Пока мы не продемонстрируем, что у нас действительно есть шанс, они будут держаться в тени, изображая лояльность.

– А если нет? – Лизаксу с любопытством склонил голову набок. – Наяуру амбициозна. Непокорна. Желает сесть на троп. Она вполне способна начать собственную игру.

Ум Лизаксу был полезен и угрожающе остр, но частенько заводил его в дебри бесполезных абстракций.

– Я уверена, она не сделает этого. Она связана финансами и логистикой точно так же, как и остальные.

– Ее род велик, ее консорты сильны…

– Ее род ничего не значит. У нее нет денег на войну, – возразила Бару, глядя в глаза Лизаксу, подавляя его тридцать пять лет весовыми годами своей учебы, пока он не моргнул. – У нас есть время, чтобы привлечь Наяуру и других! Прежде чем что-то предпринимать, князья Внутренних Земель переждут зиму.

– Отсфира пошлем, – проворчал Унузекоме.

– Что? – переспросила Бару.

Отсфир шумно вздохнул. Тайн Ху ухмыльнулась.

Унузекоме пожал плечами и заложил руки за голову. Мускулы его плеч впечатляюще вздулись. Отсфир полоснул его свирепым взглядом.

– Нам ведь нужна Наяуру. Весной мы проиграем войну, если Внутренние Земли не встанут за нас, а Наяуру – половина их союза. Так пошлем ей то, чем она дорожит. Еще одного благородного отца для свеженького наследника.

– Я вам не племенной жеребец! – ощетинился Отсфир.

– Она вполне миловидна, – заверила его Тайн Ху. – Совершенно в твоем вкусе. В новом, я хочу сказать.

Унузекоме тихонько фыркнул.

– Пожалуй, я не лучший кандидат. Кого ни пошлем, ему придется отвлечь ее от Отра с Сахауле. Думаю, нужен поздоровее, вроде грузчика, – сказал Отсфир, поправляя перчатки. – Моряк тоже подойдет. Если отыщем хоть одного стоящего кандидата.

Унузекоме пожал плечами, словно отвечая на выпад Отсфира игрой мускулов. Он никогда не был женат. Бару подумала, что на это и намекал Отсфир.

– Пошлем, кого Честная Рука пожелает.

Ох, упаси ее от интриг знати!

– Я желаю оставить Внутренние Земли в покое до весны. Зима даст нам шанс показать им пример.

– Нам нужна славная победа! – воскликнул Унузекоме. – Набег. Пока осенние бури не заперли мой флот в гавани.

– Нет. Нам надо отступить! – Бару положила ладонь на карту, развернув пятерню к северу. – Лучшее, что мы можем сделать, – это объединиться и переждать морозы. Другого пути нет.

Унузекоме выгнул бровь.

– Обоснуй.

Указательный палец Бару вонзился в Пактимонт.

– Маскарад правит экономическими средствами – я сама воплощала их в жизнь. Их гарнизоны малы, а аванпосты малочисленны по сравнению с крепостями наподобие Загона Игуаке. Фалькрест никогда не доверял армии: они в курсе, что профессиональные военные любят решать сложные тактические задачи. А еще они терпеливы, дотошны и методичны. В своих завоеваниях они никогда не полагались на меч. Они оставят Внутренние Земли и отведут свои силы в Пактимонт, удерживать поля побережья и урожай. На брошенные дороги выберутся бандиты, а без банков здесь воцарится нужда. Они оставят Ордвинн гибнуть, чтобы он почувствовал, как холодно выживать без Маскарада, а урожай сберегут для себя. Весной, когда торговые ветры облегчат судоходство, из Фалькреста прибудет морская пехота и двинется на север. Она промарширует через земли Наяуру в княжество Эребог, обрушится с западного фланга на Лизаксу и Вультъяг и дойдет до Отсфира. Унузекоме станет мишенью для второго удара. – Бару изобразила копье, брошенное с моря на сушу. – Флот атакует Уэльтони, поднимается вверх по Инирейну и соединяется с первым войском у замка Отсфира. Вот как нас уничтожат.

Лизаксу прищурился.

– Я изменю своему ригоризму, если не спрошу: когда ты успела стать генералом?

Благословен будь Лизаксу, задающий нужные вопросы!

– Я никогда им не была, но я неплохо разбираюсь в деньгах, логистике, морских перевозках и инфраструктуре. Оружие даже не понадобится.

Теперь они взирали на нее в почтительном молчании, а это внушало сладостный трепет – такой же, как первая ревизия в Фиатном банке, и разговор с Чистым Листом, и крики толпы в ее честь. Неужто она распробовала вкус власти?

– До весны, – продолжала она, – почти все ордвиннские княжества впервые за четверть века будут предоставлены самим себе. Разрываясь между восставшим севером и Маскарадом на юге. У нас есть несколько голодных зимних месяцев, чтобы склонить их на нашу сторону. Но у нас имеется и преимущество, которого никогда не предвидели Фалькрест и Пактимонт. Мы богаты. Мы в силах вооружить армию и прокормить ее в

холодный сезон. Мы можем пойти на юг и помочь тем, кого бросил Маскарад. Обеспечить безопасность на дорогах. Скупить банки на корню. А если Маскарад попробует остановить нас, то… Разве вы не северяне? Если они двинутся на Внутренние Земли и окажутся в ваших лесах и долинах – в местах, которые знакомы вам как отцовские руки, среди непролазных снегов – мы уничтожим их.

Тайн Ху уперлась кулаками в стол.

– Значит, Бару Рыбачка, ты думаешь, что нам нужно воевать именно таким образом? Звонкой монетой и чистыми во всех смыслах дорогами?

– Войны никогда не выигрывались путем полного уничтожения противника.

Взгляд Унузекоме сделался скептическим. Отсфир скорчил гримасу. Только Лизаксу крепко задумался.

– Что же вы, ваши светлости? – укоризненно протянула Бару. – Вы, конечно, читали «Диктаты». Война есть состязание воль. А воля народа ломается, когда война ввергает его в ничтожество, не оставляющее никаких желаний, кроме желания сдаться. Не дав воле народа сломаться, мы сделаем из простолюдинов мятежников!

– Возможно, – задумчиво сказала Тайн Ху. – Весной нам потребуются сытые кони и крепкие фаланги. Прибрежными землями, от Унане Найу до самого Зироха, правит кавалерия. Если мы добудем достаточно фуража на зиму, если паши армии не будут обездвижены и обескровлены. А если мы убедим Внутренние Земли присоединиться к нам, то уже весной у нас будет серьезная сила.

– Они могут явиться к нам зимой, через Инирейн, с западных границ Фалькреста, – парировал Отсфир, как всегда, глядя на Лизаксу. – Один поход покончит разом и с тобой, и со мной, и с Вультъяг.

– А мы заранее уничтожим переправы. Конечно, река замерзнет и ее можно будет перейти по льду, но если они поведут армию на север из Фалькреста к Инирейну, то долго не протянут. – Лизаксу поднял открытую ладонь, салютуя Бару. – Я согласен. Вот наша будущая стратегия!

Однако Унузекоме заупрямился:

– Но чем плох хороший удар до зимы? Один-единственный налет на пактимонт скую гавань? Я бы взял «Девенинир», собрал бы свой флот!

Тайн Ху замотала головой.

– Другая сторона «Сомнения». Став сильными слишком быстро, мы поставим колеблющихся князей перед выбором. И они

выберут наиболее надежного союзника.

– И еще, – заговорила Бару, наконец-то добравшись до терзавшей ее вины. – Слабость, которую я хотела бы удовлетворить. Мне нужен корабль. Я намерена передать секретное сообщение Зате Яве.

Они молча ждали продолжения.

– В Пактимонте остался человек, которого нужно тайком вывезти. Я не могу его бросить, не нарушив своей истинной верности.

– Нет! – рыкнула Тайн Ху. – Вытаскивая его, ты поставишь под угрозу прикрытие Зате Явы. Какой прок от глупых игр с огнем?

– Он нужен мне здесь, – отчеканила Бару. Она старалась подавить княгиню взглядом и невольно пожалела о том, что на ней нет белой маски, бесстрастного символа власти (та затонула вместе с «Маннерслетом»). – Он – на моей ответственности и в руках Маскарада будет нам только помехой.

– Спасение обернется для него куда худшим предательством. Лучше просто забыть о нем.

Продолжая настаивать на своем, Тайн Ху пытливо вглядывалась в лица князей. Бару тотчас сообразила, что Отсфир с Унузекоме приняли вызов княгини и собирались предложить Бару свою помощь.

Спустя несколько минут Тайн Ху уставилась на далекие вершины Зимних Гребней и вздохнула.

– Это мой секретарь, Мер Ло, – объяснила Бару своим собеседникам. – Он – единственный, кто разбирается в счетных книгах столь же грамотно, как и я. Без него Каттлсону не привести в порядок счета, не укрыть своей бесхозяйственности от Парламента. Ему останется позвать на помощь Бела Латемана – он умен, но этого недостаточно. Кстати, мы можем оказать Каттлсону «мятежную услугу» – добраться до его счетных книг и уничтожить их!

Однажды Мер Ло признался Бару, что был здесь во время Дурацкого Бунта. Он так не хотел увидеть, как Ордвинн снова погружается в этот кошмар…

Разумеется, он все понял загодя – золотые галеоны и фрегаты не скрылись от его цепкого секретарского взора!

Конечно, он не поверил, что она отправляется в Фалькрест, на суд Парламента.

И он нашел способ уберечь себя и свою семью.

– Зате Олаке организовал устранение Су Олонори, – произнес Лизаксу. – Он на все способен.

Бару подняла руку, обрывая его. Внезапно ее обожгло

вспышкой безумного отчаяния при мысли, что она только что угодила в ловушку. Она забыла об одной жизненно важной вещи, о которой могла догадаться Тайн Ху, а уж Зате Ява знала точно. Ведь это она, старуха, три года назад отправила здоровенного стахечи-лесоруба следить за новым имперским счетоводом! Громила столкнулся с Мер Ло в задымленной таверне под борделем и рассвирепел. Он едва не убил секретаря, сообразив, что Мер Ло – фалькрестский агент, соглядатай, приставленный к новому счетоводу. Специально подготовленный шпион.

Что подумает, как поступит Зате Ява, узнав, что Бару пытается ввести Мер Ло в круг восставших? Не пойдет ли в храм масла и рассеянного света, к жрице-иликари, не скажет ли: «Открой тайну, которая уничтожит Бару Рыбачку»?

Тайн Ху прекратила любоваться Зимними Гребнями и взглянула на Бару.

Бару понимала, что лучше всего – приказать убить Мер Ло. Это докажет близнецам Зате ее верность восставшим.

Испытаниям ее не будет конца.

– Я не могу предать его, – ответила она, обратившись к Лизаксу, но говоря скорее для Тайн Ху. – Не могу бросить его – ведь из-за меня он выглядит замешанным в наше дело. Позвольте мне сохранить его.

– Риск велик, – пробормотала Тайн Ху.

И Бару поняла, что Зате Ява давно просветила Тайн Ху на ее, Бару, счет.

Старуха, естественно, рассказала ей о лесорубе, об Аминате и о письмах, которые Мер Ло отправлял в Фалькрест.

А действительно ли она сама была уверена в лояльности Мер Ло? Да, он приберег записную книжку лесоруба, не отправил ее в Фалькрест. Но, может, Кердин Фарьер приказал ему снять копию, а оригинал оставить при себе? Вдруг уязвимость Мер Ло – тонкий ход Маскарада? Империя обожает обманы и секреты. Похоже, Маскарад жаждет протоптать тропинку в самое сердце восстания.

А если Бару уже попалась на крючок, заготовленный как раз на такой случай?

Нет. Она доверяла Мер Ло.

– Отправьте весточку Зате Олаке, – настойчиво сказала Бару. – Напишите ему, что Мер Ло нужен мне живым.

Взгляд Лизаксу был непроницаемо пуст, но Отсфир с Унузекоме переглянулись между собой, словно хищники.

* * *

Правоблюститель Зате Ява приказала вывесить на двери каждого дома Ордвинна официальное сообщение, а для неграмотных – прочесть его на всех без исключения рынках и площадях.

> *«Любой, оказавший помощь имперскому счетоводу Бару Корморан, будет казнен.*
>
> *Семьи пособников, а также семьи их мужей или жен, будут стерилизованы. Имущество их будет конфисковано и послужит наградой лояльным.*
>
> *Бездействие есть пособничество. Нерадение есть пособничество.*
>
> *Пособничество же – есть смерть.*
>
> *Отдайте нам Бару Рыбачку».*

То была наилучшая поддержка, какую она могла обеспечить. Зате Ява, сестра забытого князя Лахтинского, правоблюститель Ордвинна, убийца иликари и вершительница браков, посвятила всю жизнь созданию культа ненависти к себе.

Настала пора извлечь из вложения прибыль.

Вдобавок она создала для восстания весьма ценный ресурс. Годы методичных, яростных гонений научили жрецов-иликари и их паству скрываться и приспосабливаться, изощренно маскироваться и говорить па тайных языках. Они обменивались посланиями, опережая даже секретные приказы Маскарада. Из пропитанных маслом пактимонтских храмов выходили неприметные верующие, которые разносили но долам и весям Ордвинна слово иликари: «Справедливость даруется Честной Рукой».

Вскоре это повторяли везде: в оливковых рощах и в охотничьих угодьях, в рыбацких хибарах и в деревенских амбарах… И сколь же разнообразен оказался Ордвинн! Взять хоть эти две души, примеры, выбранные Вару из налоговой записи и инкрастического отчета.

Вот стахечи-лесоруб, говорящий по-иолински… Он отправился молить икари Девену о ниспослании любви своей супруги к хенджу на далеком севере, в холодных землях Лизаксу, где берберки-книжники выращивают каменщицу и изучают философию безбоязненной смерти.

А вот женщина-майя, возделывавшая оливы. Она частенько пела по-урунски о своих предках, великих воинах, о княгине Наяуру и множестве ее прекрасных любовников, о ее сыновьях и дочерях, которые будут княжить в свой черед. Сейчас она ноет о жестокой княгине Игуаке, чья зависть густа, точно гной.

Что между ними общего?

Смутные воспоминания о временах двадцатипятилетней давности, когда над вратами Пактимонта было написано «ОРДВИНН НЕ ПОДЧИНИТЬ», и уверенность в том, что они всегда могут прийти в Фиатный банк и получить золотую ссуду от некоей Бару Корморан… той самой, которая недавно победила в поединке губернатора Каттлсона.

Всего две вещи. Не считая, конечно, ненависти к Зате Яве.

Из крохотных фитильков восставшие и надеялись раздуть великий пожар.

И костер запылал. В вольном городе Хараероде, в сердцевине Внутренних Земель, разъяренная толпа схватила глашатая в фалькрестской маске, который читал на площади объявление Зате Явы, – и вырвала ему язык.

В княжестве Эребог, на самой дальней северо-западной окраине Ордвинна, при Яста Чекниада, отряд призрачно-бледных копейщиков и лучников застиг врасплох гарнизон Маскарада и вырезал его. Среди местных купцов и помещиков воцарилась паника – они решили, что княгиня Эребогская встала на сторону Бару Рыбачки и вскоре Маскарад явится но их кровь и злато. Ужас толкнул их на бунт против своей княгини. Два месяца потребовалось Эребог для подавления бунта, и это обошлось ей в такие денежные суммы, что она не сумела запастись провизией на зиму. Глиняная Бабка видела на своем долгом веку семь десятков зим. Она понимала, что последует дальше, – безумие, людоедство, гибель детей.

А восставшие соколом бросились на добычу. Лизаксу из-за леса прислал соседке весточку:

«Мой старый враг Эребог!

Ты научила меня хитрости. Ты жестоко наказывала меня за ошибки. Превыше всего на свете ценю я строгого учителя и лучше, чем кто бы то ни было, знаю я твою силу.

Время учебы прошло. Я желаю заключить с тобой союз.

Каттлсон тебя не спасет. А мы – можем организовать ссуду».

Ссуда… Золото с разграбленных фалькрестских галеонов. Предательское дело – безвозвратно связывающее ее с мятежниками. Но как было отказаться? Ее владения были очищены от ненадежных, и голодная зима стучалась в двери.

Эребог объявила себя на стороне восставших.

Получив известие о союзнике, Тайн Ху ворвалась в спальню Бару глубоко за полночь.

Ее волосы растрепались, а лицо раскраснелось от вина.

– Север наш!!! – издала она победный клич.

Бару сонно заморгала, садясь в постели.

– Эребог?

– Лизаксу купил ее! – Тайн Ху ухватила Бару за плечо, за затылок – веселой и яростной хваткой. – Молодец! Это все – твое золото!

Вот так четыре северных княжества собрались в лагере восставших. Они объединились в неприступной крепости лесов и скал, стерегущей все подходы к Зимним Гребням и давным-давно безмолвным стахечийским землям, которые раскинулись позади.

Тем временем на юге Маскарад готовил свой коварный ответ. Зате Олаке слал донесения из центра своей паутины, накрывшей Пактимонт.

«Князь Хейнгиль держал совет с Каттлсоном. Вдвоем они нашли решение проблемы беспорядков в столице. Оккупацию возглавили дружинники Хейнгиля, наполнив улицы ордвиннскими лицами, знакомыми стахечийскими веснушками и гордыми ту майянскими носами. Гарнизон Маскарада уступил им место и ушел на северо-восток, удерживать драгоценные поля и амбары покойного князя Радашича. Волнения не унялись – людей Хейнгиля приветствуют криками „Предатели!“ – но в отсутствие ненавистных стальных масок костру не хватает дровишек».

За пределами города силы Маскарада образовали огромную дугообразную оборонительную линию.

Западный фланг ее примыкал к морю близ Унане Найу, древней крепости ту майянских завоевателей. Далее линия тянулась на восток, огибая княжества Радашич и Хейнгиль и оставляя Пактимонт в безопасном центре полукруга, до западных границ княжества Унузекоме. Здесь Хейнгиль разместил отборную кавалерию, нацелив ее, подобно наконечнику стрелы, на Уэльтони и владения Унузекоме на заливных полях равнины Зирох.

Кордон Маскарада держал под контролем плодородные прибрежные поля Радашича и Хейнгиля. Это и было самым страшным оружием Каттлсона – копьем голода, брошенным на север.

Все гарнизоны, оставшиеся за кордоном, приказом губернатора были отозваны: они оставили Внутренние Земли и север.

Закрылись даже канцелярии социал-гигиенистов Зате Явы. Методичная и терпеливая оборонная стратегия Маскарада предоставила большую часть Ордвинна ее собственной участи.

«Что они творят? – недоумевал Отсфир в письме к Бару по финансовым делам, черкая посторонние вопросы на полях. – Почему не используют свои силы, дабы удержать Внутренние Земли? Игуаке с Наяуру могут причинить им немало бед, а

Каттлсону, чтобы добраться до нас, придется идти через земли княгинь! Что они задумали?»

Бару ответила в стиле Зате Олаке: «Они разыгрывают „Сомнение предателя“. Дают колеблющимся князьям шанс поразмыслить, на чью сторону выгоднее встать».

Пока князья взвешивали все за и против, быстроходный «Сцильптер» (через два месяца после потери золотого конвоя) поднял якоря и устремился в Фалькрест с официальным донесением: «В федеральной провинции Ордвинн начался бунт».

А с Пепельного моря с воем налетела первая осенняя буря.

Глава 20

Шторм обрушился на берег.

Мятежники назвали его «Благословением икари Химу» – воплощения весны, зарождения жизни, гениальности, лидерства, войн, кровохарканья и рака – всех форм энергии и крайности мироздания. (Сюда же можно было отнести и теплые течения Пепельного моря, порождающие буйные шторма осени.)

С тех нор как появились первые мореходы, корабли повиновались закону времен года. Они гласили: летом следуй торговым ветрам, огибай море по часовой стрелке, из Фалькреста к Ориатийской Федерации, а оттуда – плыви к Тараноке мимо западных земель, и в конце концов ты придешь в Ордвинн. Можешь идти и против ветра, если позволяют весла, паруса и сноровка, правда, тогда ты будешь расплачиваться потом и кровью и должен полагаться на верного штурмана.

Но стоит начаться осенним штормам, следуй в гавань. Путь закрыт – ни скорость, пи близость к берегу не спасут от беды. Торговые ветры обманут, а неумолимые течения и водовороты выбросят твое судно на скалы.

Никто из агентов восставших не мог утверждать, удалось ли «Сцильптеру» добраться до Фалькреста. Но ранний шторм принес с собой блестящую победу. Легкий путь из Фалькреста в Пактимонт уже исчез.

Теперь подкрепления могли подойти только сушей, сквозь снега, скалы и замерзшие болота, через Инирейн. Но Отсфир обрушил мосты и перекрыл фалангами самые опасные броды.

А морская пехота, фалькрестская плеть, могла прибыть только весной.

* * *

Шторм достиг Вультъяга и разогнал стаи птиц, круживших над лесом. Он вспучил воды Вультсниады, струившиеся через долину, выплеснул свои последние дожди на склоны Зимних Гребней и замок Тайн Ху.

Бару стояла на зубчатой стене, мокла и мерзла, дрожа под плащом, пропитавшимся водой.

Она хотела почувствовать себя мелкой и незначительной.

Идиотка. Если она заболеет, здесь, на севере Ордвинна, вдали от медиков Маскарада, ей не будет спасения. Оставив побережье и усадьбу Унузекоме, она перебралась в северные пределы. Да,

здесь было безопаснее, кроме того, она действительно ощущала себя вдали от событий и могла притвориться, что она вновь стала неопытной дикаркой с Тараноке.

Она была готова на все что угодно, лишь бы спрятаться, отказаться от взваленного на себя бремени!

Бару постоянно перечитывала «Рогатый камень» и представляла себе восстание в виде великана, созданного из знамен и полей сражений, из бунтов и бушующих толп, из тайных знаков и семейной розни.

Этот колосс был быстр и безжалостен, как лесной пожар.

После резни в уэльтонской гавани и после бесславной гибели Радашича прошло два месяца. И что? Ни драматических измен, ни великих битв, если не считать мятежа во владениях Эребог. Только спокойные, мощные волнения – подземный рокот, пробуждение морового поветрия.

Величайшее военное изобретение Маскарада родилось давным-давно, на заре его истории. Солдаты умирают не в битвах. Их убивают болезни и голод – неторопливые, незримые силы, непременные участники кровавых раздоров.

Наверное, и восстание – из таких же незримых сил, меняющих структуры. Словно волны и ветер, гнущие и расшатывающие мост.

В штабном зале Тайн Ху с мучительной неаккуратностью двигала по картам флажки и символы. Вот движется на юг крохотная полумаска: Маскарад отступает, разоряя поля и амбары на своем пути. Крестьяне и княжеские рекруты пытаются сопротивляться; тысячи мелких стычек не дают угаснуть негодованию и ненависти.

– Столкновения мы выигрываем, даже когда терпим поражение, – бормотала Тайн Ху.

Гонцы приносили вести о странных убийствах. Княжеские секретари, омбудсмены вольных городов, жрецы-иликари, торговые факторы. Кто-то целенаправленно хотел оборвать связь, возникшую между знатью и простонародьем. Это было умно и тревожило Бару. Среди маскарадского командования нашелся настоящий талант. В распоряжении Каттлсона были очищенные, послушные ловкие технократы…

Мятежные князья готовились к войне.

Как и все прочие, Тайн Ху провела рекрутский набор, поставив в строй годных к службе мужчин и женщин. Они появились на карте в виде тонких булавок – каждая означала фалангу, готовую к походу. Но рекруты были ненадежны: их верность держалась на жалованье и обещании наградных. В случае задержки платежей, домашних неурядиц, падения боевого

духа или просто дурного предзнаменования эти бойцы сложат оружие и разбегутся по домам. Поэтому, кроме них, имелись еще два рода солдат – редкая на севере профессиональная кавалерия и крайне необходимые лесовики – воины, которым нет равных зимой.

Набор солдат Бару предоставила Тайн Ху.

В любых конфликтах ордвиннский князь надеялся исключительно на своих воинов. Но ведь не Ордвинн покорил Маскарад – значит, этого ответа было недостаточно. И Бару сосредоточилась на весьма серьезных задачах – на тех, за которые взялся бы фалькрестиец.

Но доклады поступали с опозданием и пестрели ошибками. Подобные недочеты бесили Бару (теперь, оказавшись вне ее неоглядно обширных сетей, она в полной мере смогла оценить бюрократический аппарат имперского счетовода).

В итоге она приказала каждому из князей выделить по кавалерийскому отделению.

– Да, – настаивала она, – и слышать не хочу, что вы жалеете ваших драгоценных вояк, которые вам настоятельно необходимы! Я понимаю, что скачут туда-сюда, возвещая о вашем прибытии, но всему есть предел!

Следовало сформировать службу связи.

Но неожиданно возникла другая проблема. В основном кавалеристы оказались неграмотны.

Бару жутко разозлилась. Но, конечно, ни один из воспитанников маскарадной школы за белыми стенами не пошел бы в княжескую конную дружину! После пары кубков вина Бару озарило – надо набрать в службу связи писарей из беглых жрецов-иликари. Они знали староиолинский и отлично разбирались в собственных храмовых шифрах. Когда описания процедур дойдут до Эребог и Унузекоме, можно будет надеяться на непрерывную и своевременную доставку достоверных сведений со всех восставших территорий.

Иногда к ней в кабинет заходила Тайн Ху. Она посмеивалась над Бару.

– Вот, значит, как ты ведешь нас за собой? Безвылазно за столом, вся в чернилах, частенько пьяная!

– Именно таким образом ваши противники и покорили вас. В этом заключается их сила, – отрезала Бару, встряхивая сведенной судорогой кистью. – Кстати, я трезва как стеклышко.

– Это я могу исправить.

– Уйди вон! – хохотала Бару.

* * *

Она получила деньги в свое распоряжение. Лизаксу отдал ей свою долю, а остальные князья, как она и ожидала, последовали его примеру. Вернувшись в свой вультъягский кабинет, Бару взялась за дело.

Бунт, будто камешек, увлекающий за собой лавину, вызвал нешуточный кризис доверия и феерический обвал стоимости фиатного билета. Это было идеально – сейчас все предпочитали серебро и золото, поэтому за одну мятежную монетку можно было купить целую гору зерна, муки или соли.

– Ого! – воскликнула Вультъяг, выслушав объяснения Бару. – А мы богатеем, просто сидя на месте и ничего не делая? Неудивительно, что ты решила стать счетоводом.

Но следовало держаться настороже. Каттлсон вполне мог подсунуть восставшим отравленный или зараженный зерновкой хлеб. По распоряжению Бару люди Зате Олаке в Пактимонте выкрали комплект официальных печатей. С их помощью она могла фабриковать закупочные ордера от имени правительства Маскарада.

Инструменты были готовы. Настало время обеспечить восстание провизией на зиму.

И она обратилась к Отсфиру. Тот нажил состояние на торговле вдоль Инирейна, перевозя товары из княжества Унузекоме на север, уклоняясь от налогов и выступая в качестве посредника. Князь свел Бару с посредниками и контрабандистами, и она буквально превратилась в имперского торгового фактора. Она заключила нужные сделки, обеспечив их мятежным золотом, с оплатой по факту доставки, и даже привела купцов и контрабандистов в восторг, впервые в истории познакомив их с договорами о страховании сделок.

Правда, Отсфир написал ей: «Есть опасения, что они будут настаивать на таких же роскошных условиях и в будущем, что затруднит торговлю». Бару проигнорировала его жалобы.

Провизия, лес и металлы хлынули на север полноводной рекой, наполняя амбары и склады. Отчаянно не хватало соли, единственного надежного консерванта: князь Отр не торговал с восставшими без дозволения княгини Наяуру. Пришлось полагаться на морскую соль из владений Унузекоме.

Но Бару постоянно не хватало помощников. Управлять закупками и перевозками из замкнутой долины Вультъяг оказалось непосильной задачей. Требовался надежный человек, который мог бы заниматься делами в Уэльтони и понимал бы, что от него требуется, без письменных указаний.

То есть секретарь.

И пока Бару продолжала ломать голову над очередной

задачей, дружинники Вультъяг, которые несли вахту на южном перевале, подняли над заставой флаг.

К владениям Тайн Ху приближались незваные гости.

* * *

Как всегда, без денежного вопроса не обошлось.

Князьям хотелось разделить добычу. Одна мысль об этом приводила Бару в панику – раздельная казна и политика, бесхозяйственность и жульничество по-настоящему пугали ее. Поэтому на совете в Высоком Камне она приперла к стене Лизаксу, хозяина замка. Пока Отсфир с Тайн Ху обменивались шпильками, Бару вышла с Лизаксу на мраморную ротонду с захватывающим видом на осенний лес. Берсерки-книжники, ученики князя, используемые в качестве телохранителей, ждали в почтительном отдалении.

– Как поживают наши счета? – поинтересовался князь.

– Изрядно разжирели. Нужно закупать провизию и кое-что еще. У нас есть ремесленники, чтобы изготовить оружие, и зернохранилища, с помощью которых можно пережить зиму. Теперь эту махину нужно кормить.

Восставшим действительно требовалось превратить добытое золото в копья и хлеб!..

В глазах князя отразилась память о безнадежности голодных лет.

– Необходимость понятна. Чем могу помочь?

– Деньгами должна управлять я, – ответила Бару. – Всеми, до единой монетки.

Он поплотнее закутался в накидку, тщательно расправив каждую складку. Он был худощав, волосы его начали седеть, а песня ветра в ротонде обжигала холодом, как звездный свет.

– Думаешь, я могу это обеспечить?

– Уверена.

– Но у меня есть только моя доля, – сказал он и пытливо посмотрел на Бару.

Неужели он ожидал услышать от нее витиеватые термины из философской лигатуры, которые можно попробовать на вкус и испытать на прочность, предварительно разъяв на составляющие?

– Разве я имею право распоряжаться долями Отсфира и Унузекоме? – Во взгляде его мелькнула плутовская искра. – Ты замышляешь хитрый финансовый трюк? Предыдущий дорого мне обошелся.

– Они доверяют твоему мнению, – сказала Бару. (Наверное,

ему хотелось, чтобы она признала его авторитет.) – Ты – князь-философ, изучающий книги древних мудрецов. Твои действия служат для них примером. Ты – их лучший ум. Если ты отдашь свою долю мне, они поймут, что на меня можно положиться. Если же это их не убедит… – Она невесело улыбнулась. – Я помню, как настойчив ты бываешь в переписке.

– Ясно. Отсфир следует моим советам, когда они его устраивают. Но прочие немало преуспели, повторив мои успехи и избежав моих ошибок. – Отвернувшись, он шагнул к краю ротонды и устремил взгляд к далекому лесу. – Ты хочешь, чтобы я помог тебе стать чем-то большим, чем просто номинальный вождь. А что взамен?

– Я… – Уж кто-кто, а Лизаксу наверняка должен понимать, зачем ей контроль над деньгами! – Я выполню свою работу. Я гарантирую сохранность наших финансов.

– Что послужит общему благу…

Лес в этих местах был смешанный. Лизаксу наблюдал, как ветер обрывает полог умершей по осени листвы и несет ее на склоны гор. Бару уловила негромкий благодарный вздох.

– Но мы ведь торгуемся? – продолжал Лизаксу. – Не будет ли глупо с моей стороны оказывать тебе услугу без личной выгоды?

Бару схватила бы его за плечо и развернула бы к себе, если бы не его рост. Это только подчеркнуло бы разницу между ними, которая играла в его пользу.

– Если ты настаиваешь на том, чтобы искать в восстании личные выгоды, все мы вместе отправимся в Погреба. Тебя устраивает подобный финал?

Лизаксу оглянулся на нее через плечо – его глаза сузились над куньей накидкой и превратились в щели. Целые тучи листьев неслись по воздуху, вспугивая птиц.

– Мне нужен человек, который возвысился бы до понимания данного аргумента. Мне не хватает философа Лизаксу, движимого великими бескорыстными идеями. Он был в принципе неплохим… на свой лад. Однако он – и я остерегусь назвать его князем вслух, – да, именно он и довел свой народ до голода. Он видел, как его ученик и сосед – некультурный, своекорыстный, полуграмотный друг – разбогател и разжирел благодаря своему эгоизму. Вообрази себе, каково это – собственными руками воспитать человека только для того, чтобы он преуспел во всем, оставив тебя в стороне? И знать, что его люди процветают, а твои крестьяне плачут, поедая собственные рубища?

Ветер стих. Негромко, демонстрируя уважение к откровенности Лизаксу, Бару произнесла:

– Но может, твое воспитание пошло ему на пользу?

Кунья накидка обманула ее. На миг она увидела перед собой бешеного лиса с острыми, мудрыми, полыхающими яростью глазами. И она почувствовала все, что он мог бы сказать, – весь арсенал острых слов, напомнивших бы о том, что перед ней равный, чей ум не сбить с пути обманом и лестью.

Но в хитрости лиса была и доля сдержанности. Лизаксу не вспылил.

– Нет, – спокойно вымолвил он. – Настал и мой черед получить урок от Отсфира. Философией не накормить дочерей. А на общее благо не купить хлеба для моих крестьян.

Бару поежилась, но не опустила взгляд и вступила в торг.

– Я могу устроить так, чтобы часть денег незаметно исчезла. Сколько тебе нужно?

– Мне не нужны деньги. Мне нужно обещание – нет, лучше договор. – Оттолкнувшись ладонями от перил, он развернулся к ней – и снова что-то в полете ветра и листьев вызвало у Бару иллюзию, будто Лизаксу высвобождает из-под куньего меха человека или прячет под ним лиса. – Играй с остальными, как потребуется. Обведи вокруг пальца Унузекоме и Отсфира, поманив их мечтами о династии. Насыщай близнецов Зате кровью и ядом, дабы уберечь горло от их клыков. Я понимаю: революция – грязное дело, за все нужно платить… Но я – не разменная монета. Я – хозяин своего дома. Когда придет время платить по счетам – используй кого-нибудь другого.

Холодок пробежал вдоль ее спины, как призрачное обсидиановое лезвие. Лизаксу оказался проницателен.

– Об этом попросит каждый. Кто бы отказался?

– Им ты солжешь, чтобы удовлетворить их. Но не мне. – Он протянул ей руку. – Для меня это будет правдой.

Бару ответила на рукопожатие.

Лизаксу кивнул.

– Пора возвращаться, понаблюдать за Отсфиром, – сказал он. – А то Вультъяг его еще прикончит.

* * *

– Нет! – вырвалось у Бару, но голос ее тотчас зазвучал тише, повинуясь воле разума. – Нет…

– Стой! Нельзя! – рыкнула Тайн Ху, ухватив Бару за плечи, не давая ей броситься к карете.

Бару обмякла под ее хваткой и опустошенно посмотрела на заляпанный грязью экипаж. Лошади остановились у ворот замка над водопадом. Плотно занавешенные оконца, гнойно-желтый

флаг над крышей и возницы в желтых куртках…

Да, «желтые куртки» были людьми, выжившими после морового поветрия – иммунными, невосприимчивыми к заразе. Флаг был еще старым, использовавшимся до вторжения Маскарада, но смысл его с тех пор не изменился: «мор». Какая-то ордвиннская болезнь, жестокий гибрид, рожденный в котле из кровных линий, скота, крыс и блох пяти цивилизаций.

К ним прибыл заразный пассажир.

– Поговорю с ним снаружи, – ровным тоном, с невольной, неуместной отчужденностью выдавила Бару. – Он услышит.

– Никому не приближаться! – Сапоги Тайн Ху глухо, влажно зачавкали в грязи. Обойдя Бару, она встала между ней и каретой. – От самого Пактимонта он ехал сюда, содержась в карантине. Одна блоха, один выдох изнутри – и конец. Зима вынуждает жить в скученности. Я переболела этим еще в детстве. Мои родители заразились тоже. И я стала княгиней очень рано.

– Тогда хоть записку, – умоляюще попросила Бару. – Палимпсест. На нас же перчатки. Позволь, я напишу ему.

Взгляд Тайн Ху смягчился.

– Записки – только через меня. У меня есть иммунитет.

– Да. Ты передашь мне ответ.

– Нет. Тебе ни к чему нельзя прикасаться! Карета тоже заразна.

– Тогда ты подержишь передо мной, а я прочту.

Злость, проложившая жесткие складки в уголках губ Тайн Ху, на миг уступила место чему-то теплому, но сразу же сменилась раздражением.

– Ему придется диктовать сообщение мне. Карету не покинет ничто и никто. Записки каждому из вас прочту я. Напиши, что мне ему передать.

– Но ты не сможешь прочесть ни слова, – возразила Бару, пораженная невероятной несправедливостью положения: Тайн Ху не умела читать на афалоне, а Бару – писать по-иолински.

Оценив иронию ситуации, она едва не разразилась диким хохотом. Предостерегающие знаки были ордвиннскими, а паранойя, доктрина изоляции, одна из основ инкрастической гигиены, – принадлежала Маскараду.

Настой Империи просачивается всюду.

– Диктуй мне, – распорядилась Тайн Ху, придя к элементарному решению проблемы. – Я запишу твои слова по-иолински. Или, если хочешь, пошлем за переводчиком.

Расстроенная Бару вновь приободрилась.

Дружинник Тайн Ху принес палимпсест. Спрятавшись от ветра за высокую зубчатую стену, Бару закуталась в теплый плащ

и принялась за привычное дело. Она торопливо выводила убористые чернильные строки послания и уже не думала ни о чем другом.

«Его превосходительству Мер Ло, временно замещающему должность имперского счетовода, некогда – секретарю Бару Корморан, шлет поклон Бару Рыбачка. Лучшая кандидатура на эту должность ей неизвестна. Никто не сравнится с его превосходительством – как по способностям, так и по заслугам».

Она начала следующее предложение с извинения, перешедшего в благодарность, но затем яростно зачеркнула написанное.

Продолжить она вполне может после того, как Мер Ло ответит.

Вышедшая из замка переводчица поклонилась княгине и Честной Руке и молниеносно справилась с задачей.

Тайн Ху двинулась к карете, переступила невидимую границу незримой угрозы, шагнула в средоточие смерти. Уверена ли она, что это та же самая болезнь, от которой у нее есть иммунитет? Возможно. Покачиваясь на носках, она обменялась несколькими репликами с возницами. Приняла от них письмо в футляре из рога – прочла его, прикрывая плащом от дождя, и вернула обратно. Скользнула к оконцам экипажа, откинула занавеску, тихонько что-то произнесла…

Желудок Бару остекленел, словно превратившись в графин, в бутыль с кислотой.

Тайн Ху, которая шла к Бару с опущенной головой, остановилась в безопасном отдалении. Тяжелые комья грязи налипли на ее сапоги.

– Извини! – крикнула она. – Сиделка сказала, что он спит. Кажется, я слышала его кашель, но он не отвечает.

– Ага, – Бару сглотнула. – А письмо, переданное возницами? Оно от Зате Явы?

– Скорее, от ее брата – написано одним из его шифров. Зате Ява арестовала Мер Ло и поместила под следствие, чтобы Каттлсон не добрался до него первым. Он был слишком близок к тебе и мог оказаться под подозрением. Если бы она не упрятала его в Погреба, его отдали бы очищенным. При первой же возможности Зате устроили ему побег из заключения и отъезд из Пактимонта. Но в тюрьмах – антисанитария, старые стоки не справляются с ливнями и переполняются, питьевую воду не всегда кипятят, как нужно… в общем, в тюрьме началась эпидемия.

– Ага, – повторила Бару.

– Когда проезжал Хараерод, он был здоров. Но болезнь

возобновилась! – Тайн Ху замолчала и сделала шаг назад, как будто решила, что даже слова могут пропитаться заразой. – На севере ему ничем не помочь, кроме того, что уже сделали «желтые куртки». Остается только запастись терпением.

Но ведь Бару так долго ждала момента, чтобы предупредить его…

Неужели это все?

Отвернувшись, Бару поплелась в замок. Подошвы ее сапог скворчали, увязая в раскисшей земле. У решетчатых ворот она замерла и принялась пинать камень стены, чтобы стряхнуть грязь.

Тайн Ху ничего не сказала ей вслед.

Поднявшись к себе, она сказала слугам, чтобы те приготовили горячую ванну и не мешали ей работать. Тайн Ху, задержанная необходимостью вымыться и окурить одежду, отвлеклась. Она даже не успела сказать «желтым курткам», чтобы те обязательно доложили ей о состоянии пассажира.

Позже сами «желтые куртки» через слуг Тайн Ху попытались передать княгине новости о больном, но та куда-то запропастилась.

Бару тоже не повезло. Лишь на следующее утро ей доложили о том, что труп умершего накануне человека отвезли в лес и сожгли.

* * *

Когда Бару утратила контроль над собой, наружу вырвалась ярость. Это была ломающая челюсти, убивающая мысли злость. Все охватывающая в своей детальности, всепожирающая в своей ненасытности. Лютая ненависть на каждый сделанный выбор и каждое обстоятельство, доведшее мир до столь неприемлемого состояния.

Злость на самую жизнь.

Прослеживая цепочки событий и узелки паутины, все дороги, которые привели Мер Ло к пепелищу в далеком лесу, Бару неизменно – на главном перекрестке дорог, в самом центре паутины империй и восстаний – натыкалась на саму себя. Когда для ярости не осталось пищи, она принялась пожирать саму Бару. Долго сидела она за столом с пером в дрожащей руке, но не написала ни слова. Стук в дверь застал ее врасплох.

На пороге кабинета появилась Тайн Ху в безукоризненно вычищенных сапогах. На сгибах обоих ее локтей, точно на крюках, висели ножны.

– Я не хочу фехтовать, – буркнула Бару.

Нелепо, но именно в этот момент ей взбрело в голову, что она босиком, а платье висит на ней, как мешок. Ей пришлось ограбить гардероб Вультъяг, а княжеская одежда оказалась чересчур длинной.

– Ладно, – ответила Вультъяг, подойдя к столу и положив мечи в ножнах поперек ее бумаг. – Я оставлю их здесь. Когда захочешь, чтобы я ушла, можешь воспользоваться.

Взгляд ее был прям. Спустя секунду Тайн Ху нащупала нить, выбившуюся из шва ее табарда, и принялась дергать: сперва в размеренном ритме, затем – нетерпеливыми рывками.

Бару наполнила неразбавленным вином бокал, йогом, поджав губы и поразмыслив, – еще один. Тайн Ху приняла его с кивком и одобрительным ворчанием. Они замолчали в ожидании чего-нибудь извне – упавшей книги или раската грома – любого знака, который бы позволил им говорить и действовать дальше.

– Он мог бы принести немалую пользу, – нарушила паузу Тайн Ху.

– Он всегда приносил немалую пользу, – выдавила Бару. Сухое благословение прозвучало как насмешка, дешевая шутка или преувеличенная скорбь. – Мне будет его не хватать.

Взгляд Тайн Ху отклонился на несколько градусов, будто руль корабля, чуть сбившегося с курса под порывом ветра.

– Вы с ним были очень близки.

В голове Бару возник рой фраз – лживых, уклончивых, тщательно составленных из кусочков правды и разбавленных скрытыми смыслами.

«Он был мне небезразличен. Однако он помог мне взлететь так высоко. Мы были друзьями. Я не успела его поблагодарить».

Но все они казались черствыми, негодными и бессмысленными. Поэтому Бару высказалась жестче и правдивее:

– Я доверяла ему. Да, это неразумно. Но – доверяла.

Тайн Ху понимающе кивнула, сдвинув брови.

– Доверие – бесценно, – произнесла она и опять намотала на палец торчавшую из шва нить. – И делиться им тяжело. Жаль, что они не разделили твоего доверия.

– Что? – Бару озадаченно сморщила лоб, отступила па шаг и остолбенела. – Зате Ява? Ее брат? Нет, они не поверили бы ему ни за что.

Они знали о письмах, которые Мер Ло отправлял в Фалькрест. Благодаря лесорубу Зате Явы.

– Не знаю… – вымолвила Тайн Ху.

Бару очень хотела, чтобы та прекратила говорить откровенно и избавила бы ее от новой боли. Но княгиня безжалостно продолжала:

– Я бы на их месте поступила таким же образом. Я бы, конечно, не слушала секретаря имперского счетовода. Он был бы для меня подозрительным типом. Он ведь учился в Фалькресте и был отправлен обратно в Ордвинн. Наверное, они заподозрили, что его задача – следить за тобой, и отметили его как вероятную угрозу. Вероятно, думали, что помогают тебе.

В напряжении мускулов шеи и плеч Тайн Ху, в ее собранности Бару узнала снедавшую ее ярость. Но в голосе княгини не было злости.

– В нашем положении, – сочувственно и предостерегающе прошептала Тайн Ху, – нельзя давать волю чувствам. Такое поведение неизбежно будет принято как слабость.

Бару признательно кивнула, соглашаясь с Тайн Ху.

Как опасны, как сильны неосторожные признания и откровения! Как крепки окружающие заговорщиков невидимые клетки.

– Но если бы я не попросила их переправить Мер Ло к нам… – внезапно выпалила Бару.

Если бы она даже не вспомнила о нем…

– Не знаю, – повторила Тайн Ху с ужасающей прямотой. – Может, в тюрьмах действительно вспыхнула болезнь, а ты для него была единственной возможностью выбраться. Или это дело их рук, и, если бы не твоя просьба, его бы оставили в живых. – Она оборвала торчавшую из шва табарда нитку и повертела ее перед глазами, как будто увидела в первый раз. – Будешь мстить?

– Нет. Я не собираюсь делать глупости. Никто из нас не может позволить себе ошибиться. – Трясущейся рукой она опустила на стол бокал. – Ни единого раза. Ставки слишком высоки.

– Да, – согласилась Тайн Ху. – Ты права.

Бару занесла руку над бокалом, чтобы раздавить его вдребезги. Контролируя каждое свое движение, даже сотрясавшую тело дрожь, она застыла в нелепой позе. Бару решила обуздать злость, но у нее пока ничего не получалось.

Ненависть не оставила Бару сил даже на малейший жест.

Тайн Ху шагнула к ней – словно для того, чтобы уберечь бокал или кулак Бару.

– Еще в Уэльтони я знала, что тебя не придется убивать, – сказала она. – Я не сомневалась, что ты пройдешь испытания. Я верила.

– На свете нет никого, – тонко и горько ответила Бару, – кому я могла бы верить. Маска поглотила меня.

Тайн Ху укоризненно покачала головой.

– Человек умер. Подумай о его утрате, не о своей.

Отрезвленная, взбешенная, парализованная яростью, Бару кивнула.

Княгиня Вультъяг была совсем близко. На миг Бару вспомнила их столкновение в бальном зале губернаторского особняка и притягательность Тайн Ху – ее жгучие темные глаза, полуоткрытые губы, ровное дыхание – и почувствовала, что сейчас Тайн Ху стоит перед ней без маски. Княгиня представляла собой настоящую опасность, но это не пугало.

– Он привез тебе кое-что, – вымолвила Тайн Ху, отводя взгляд в сторону, защищая Бару – или саму себя. – Записную книжку. Вроде бы он прятал ее и сберег в заключении.

Сердце Бару екнуло.

– Что он написал?

Тайн Ху пожала плечами.

– Он изорвал страницы в мелкие клочья. В труху. Может, у него был жар. Я просто хотела сказать тебе о этом, прежде чем мы сожжем ее.

Понятно…

– Иди, – глухо сказала Бару, неуклюже отстраняя княгиню. От прикосновения к плечам Тайн Ху ее пальцы ужалило статическим разрядом. – Я… Пожалуйста, уйди.

Тайн Ху задержалась на мгновение, словно в мучительной ненасытной тоске от чего-то, оставшегося недосказанным. Но затем переступила порог и затворила за собой дверь.

Бару потеряла дар речи. Ее сокрушило последнее доказательство верности Мер Ло, который уничтожил записную книжку лесоруба и заодно избавил бывшего счетовода Бару от всех улик и пороков.

В конце концов она уронила голову и заплакала.

Интерлюдия: Зима

И поход начался.

Весть об их приближении полетела вперед, передаваемая из уст в уста охотниками и звероловами. Она разрасталась, подобно любому слуху, пока не стала настоящей сагой, пророчеством. Выйдя из лесов Вультъяга во владения Отсфира, они услышали, что простолюдины зовут их «шакалами». Тайн Ху, вдохновленная речью Бару на военном совете, хотела назвать свое войско «Армией волка», но Бару предпочла довериться народной мудрости.

Шакал процветает и там, где цивилизация истребляет волка. Они крались по темным тронам, проложенным поколениями охотников, в легких кольчугах, быстрые на ногу, из оружия – лук да охотничье копье. Армия разделилась на независимые колонны – по семьям. Если добыча оказывалась скудна, питались пивом – излюбленным ордвиннским напитком, стерильным, калорийным и удобным для переноски.

Останавливались в деревнях и княжеских аванпостах, пополняя припасы против цинги, закупая солонину и прочее зимнее довольствие. Расплачивались они золотом с разграбленных фалькрестских галеонов и тратили столько, сколько простолюдину не увидать и за десять лет. Там, где имелись фаланги, «шакалы» предлагали помочь в обучении. Где находились лесовики-звероловы – набирали добровольцев.

Тайн Ху с помощниками поддерживали жесткую дисциплину. На каждом перекрестке Бару встречала всадников-гонцов, принимала донесения и рассылала приказы и сообщения другим мятежным князьям.

Осень сменилась зимой. Снег укутал леса и превратил подлесок в лебединые крылья. Однажды на рассвете Бару проснулась замерзшей, с онемевшими мышцами, не чувствуя пальцев ног – и выбралась наружу, под первые лучи бледного солнца. Отчаянно хотелось двигаться, есть – делать хоть что-то согревающее и пробуждающее к жизни. Глядя на ее неверную походку, Тайн Ху расхохоталась, но тотчас посерьезнела.

– Ты никогда раньше не видела зимы.

– Видела – в Пактимонте. Но…

– Это совсем не то… – перебила ее Тайн Ху, оборачиваясь в сторону своих дружинников. – Аке, ты будешь сопровождать Честную Руку повсюду. При первых признаках простуды или цинги…

– Не настолько же я хрупкая! – возразила Бару.

– Хрупки мы, – настойчиво сказала Тайн Ху, положив руки ей на плечи и посмотрев на Бару в упор. – Если мы потеряем тебя, Бару Рыбачку, то проиграем. Мы лишимся всего. Помни об этом.

Бару не могла унять дрожь.

– Как я скучаю по своей канцелярии, – пробормотала она, пытаясь улыбнуться. – Нужники в башне были гораздо лучше.

Тайн Ху расхохоталась и указала широким взмахом руки на окружавший их лес.

– Добро пожаловать в мое жилище!

Они прошли земли Отсфира из конца в конец, вернулись обратно, пересекли владения Лизаксу и достигли пределов своего нового союзника, княжества Эребог. Ряды их росли. Отряды фуражиров охотились настолько удачно, что волки позади армии дохли от голода.

Но морозы принесли с собой болезни и злобу. Теперь люди слабели и умирали от цинги, подхватывали холеру, напившись из загрязненных колодцев, и замерзали в лужах собственных нечистот. Армия брела вперед, оставляя за собой на промерзшей земле след из непогребенных тел. Бару постоянно снились сломанные механизмы и пустоглазые маски, и тогда она вскакивала среди ночи и чувствовала, что не может шевельнуться, словно воля ее обратилась в лед. Казалось, к ней подкрадывается безумие. Приступы не прекращались, пока Аке Сентиамут не заметила бешеного лихорадочного блеска в ее глазах. Мудрая Аке будила Бару сразу после полуночи и показывала ей ордвиннские созвездия. Странно, но сон от этого улучшился. Правда, историями Аке не согреть окоченевшие руки Бару и не унять дрожь в ее пальцах.

Однако по утрам Бару было еще тяжелее. Она так и не научилась спокойно смотреть на мучимых цингой людей, чьи кровоточащие десны оставляли красные следы в мисках с кашей. И никто – в том числе и сама Бару – не мог облегчить горе родителей, которые приходили к «шакалам», чтобы те сожгли их умерших детей.

Бару любила звезды всю жизнь. Но среди зимней пустыни трудно было забыть о том, как они далеки, как холодны и равнодушны.

Ненависть влекла за собой кровопролитие.

Южная колонна под командованием одного из лесных воинов Лизаксу забрела в княжество Наяуру. Обнаружив, что в небольшом охотничьем поселке им не рады, «шакалы» вырезали всех его обитателей. Бару совершенно не хотелось злить Строительницу Плотин, и она отправила к княгине Наяуру послов, чтобы заплатить вергельд – денежную награду за убитых.

Тайн Ху казнила командира колонны. Однако это вызвало негодование в рядах «шакалов»; кроме того, армия лишилась действительно хороших бойцов.

Но им следовало выглядеть освободителями, а не грабителями с большой дороги. Это была регулярная армия, иными словами, полная противоположность разбойникам. Налеты «шакалов» могли приносить мирным жителям деньги, покой и надежду…

В княжестве Эребог, где Глиняная Бабка до сих пор не навела порядок после того, как сожгла своих мятежных помещиков в печах для обжига, «шакалы» патрулировали дороги. Они ловили лихих людей и приходили на подмогу городам, заваленным снегом. Здесь они встретили союзника – нового и нежданного.

Отряд из бледнолицых рыжеволосых мужчин и женщин ждал их на опушке леса, тянущегося к северным пределам Эребога. Старший заговорил по-стахечийски:

– Мы – воины Дома Хуззахт. Король по Нужде послал нас на юг, отыскать мятежную королеву и посмотреть на нее. Мы перебили много масок при Яста Чекниада. Возьмите нас с собой, и мы перебьём еще.

Нежданная встреча вознесла мечты Бару до небес. Она пригласила капитана пришельцев, Дзиранси, присоединиться к ее колонне. Затем через переводчиков Бару принялась расспрашивать его о стахечи, об обычаях и политике далеких земель за горами, столь пугающих Маскарад.

– Осторожнее с ним, – предупредила ее Тайн Ху. – Дома стахечи слишком долго безмолвствовали. Неспроста его послали на юг!

– У него есть цель? Тем лучше. Взаимные интересы – отличная почва для союза.

– А вдруг стахечи хотят завершить завоевание, начатое и позабытое в незапамятные времена. Они ведь каменщики, а значит – весьма терпеливые зодчие.

Бару улыбнулась.

– Здорово, что ты присягнула мне на верность! В одиночку я бы нипочем не справилась!

Однако худшие месяцы были еще впереди.

– Нужно разбить лагерь, – решил военный совет. – Будем зимовать в долине.

Но Бару Рыбачка приказала двигаться на юг, во Внутренние княжества. Нарушение границ, произвол, акт агрессии! Теперь «шакалы» шли мимо заброшенных фортов Маскарада, они поднимали над ними свои флаги. На одних знаменах была изображена раскрытая ладонь, которая символизировала Бару, а

на других – комета и монета (они, в свою очередь, означали союз Честной Руки и княгини Вультъягской). Новости о «шакалах» опережали армию. Дойдя до первых деревень Наяуру, они обнаружили, что все жители высылали на дорогу.

Люди встречали их пивом, теплыми мехами, жаром своих очагов… и флагами, на которых была тоже вышита ладонь.

Они шли по Внутренние Земли, привлекая свежую кровь быстрее, чем убирали трупы. Бару вместе со своими приближенными рассчитывала возместить ущерб от фуражировки из своего золотого запаса. Спустя некоторое время обмороженная и обозленная армия встретила пехоту и всадников княгини Игуаке, одного из столпов союза Внутренних Земель. Ее войска демонстративно преградили путь незваным гостям, перекрыв дороги, но потом пропустили колонны «шакалов» вперед, издевательски закатывая глаза и посмеиваясь. Тем не менее они даже прислали для «шакалов» пять сотен лучников и две сотни телег с провизией – «дабы обеспечить мирное следование».

– Княгиня Стад знает о вашей силе, – сказал Бару капитан, служащий Игуаке. – Она наблюдает за вами.

«Прекрасно. Смотри на нас, Игуаке. Оцени моих „шакалов“. И хорошенько поразмысли, чью сторону выбрать весной», – подумала Бару.

Не разорвав порочный круг «Сомнения предателя», ей не победить…

* * *

Спустившись с башни и пройдя тихими коридорами замка над водопадом в главный зал, Бару обнаружила военный совет.

Все ожидали ее в полном составе, Тайн Ху сидела в торце стола.

– Честная Рука! – громко провозгласила Тайн Ху, и собравшиеся на совет дружинники, командиры лесников, мужчины и женщины – Сентиамуты, Обедиры, Одфири, Алеменуксы – загудели, подхватив ее клич.

– Мы покидаем Вультъяг, – заявила Бару. – Собирайте лесников и охотников. Собирайтесь в поход.

Тревожное перешептывание.

– Почему сейчас? – спросила Тайн Ху, хотя глаза ее загорелись любопытством. – Ведь еще слитком рано.

– Мы не будем отсиживаться в замках и долинах зимой, пока Маскарад готовит почву к весенней войне! – Ухватив спинку ближайшего кресла, Бару резко отодвинула его от стола. Скрежет

дерева о каменные плиты резанул слух. – Пойдем через леса. Налегке. Прокормимся фуражировкой.

– Куда? – осведомилась Аке Сентиамут.

Остальные зароптали, поминая недобрым словом голод, холод и женщину с южного острова, приказывающую выступать в поход.

Действительно, куда? К цели, которую подсказало ей горе и долгие часы над закапанными слезами картами. К маленьким селениям, к крестьянам и ремесленникам, чтобы поднять их против врага еще до весенней капели.

Чтобы стать бесформенными и неуловимыми вне досягаемости Маскарада, его шпионов и механизмов, его планов и тщательно составленных контробвинений. Она обеспечила восстание провизией, распорядилась вложением средств и наладила службу связи… Она нащупала путь к победе. Теперь она нашла способ нарастить их боевую мощь. Она сумеет организовать тыл в промерзших краях Ордвинна. Она разорвет порочный круг «Сомнения предателя», продемонстрировав князьям силу, во многом превосходящую армию врага.

То была древняя сила, лежащая прямо иод рукой, – энергия ордвиннцев, порожденная не золотом и расчетливостью, но самой землей.

А еще Бару поняла кое-что важное. Она хотела обойти князей и обратиться к народу. Она могла увлечь за собой простых людей, которые совсем недавно заполняли ее дополнение к налоговой форме, – и она должна была это сделать.

Как-никак, но благодаря им ее карта потребовала изрядное количество синей краски.

– Мы обратимся к народу Ордвинна. Покажем людям, что инициатива – за нами. Докажем им и их князьям, что мы – настоящая сила. Такая, что идет на бой за них даже зимой. – Бару обвела взглядом воинов, собравшихся за столом, посмотрела в глаза каждого. – Оставим крепости и дороги, канализацию и порты для Маскарада. Они – нежные летние ягнятки. Но наступает зима, и мы превратимся в волков.

Тайн Ху встала и обнажила меч. Присутствующие взирали на нее молча, затаив дыхание.

– Честная Рука, – вымолвила княгиня, преклонив колено и опустив меч плашмя на другое. – Сим обещаюсь и клянусь: жизнь моя и смерть моя принадлежат тебе.

– Назначаю тебя моим генералом! – Бару склонилась к ней, и Тайн Ху, поднимаясь, подала ей руку – перчатка в перчатку, пожатие крепко, глаза блестят золотом. – Выбери себе капитанов и лейтенантов.

Собравшиеся воины один за другим поднимались, преклоняли колено и поднимались вновь. Оглядывая их, Бару, до сих пор опустошенная горем, чувствовала, что в се душе запылало гордое торжество. Она переживет утрату. Она обратит любое горе себе на пользу.

Тайн Ху отыскала взглядом княжьего оружейника.

– Ей понадобится кольчуга. И приличные ножны для сабли.

Она помолчала и прошептала, обратившись к Бару:

– Прежде, чем выступим… хочешь навестить место, где его сожгли?

– Да, – ответила Бару. – Да. А ты пойдешь со мной?

* * *

И поход продолжился.

Несколько дней спустя Бару Рыбачка проснулась сразу после восхода солнца. Утро выдалось морозным, и ничто не предвещало снегопада.

Бару мерила шагами строй фуражиров. Ее теплые мокасины поскрипывали по снегу, который ослепительно сверкал в лучах ненадолго выглянувшего солнца. Бару сопровождала Тайн Ху. Чуть позже к ним присоединился лесной воин, командующий фуражирами.

Тайн Ху многое объясняла Бару: княгиня славилась не только своими боевыми талантами. Тайн Ху знала и любила лес – в северных краях ее даже окрестили «орлицей», правда, в Пактимонте княгиню называли не иначе как «стервой-разбойницей».

Честная Рука и ее генерал присоединились к охотникам, демонстрируя владение луком, выносливость и силу, остроту глаз и чистоту голоса, а главное – веру в них – опытных людей, которые вели всю армию за собой. Где появлялись они, там измученные «шакалы» ощетинивались новой надеждой.

Прежде в теплые осенние дни они вдвоем исчезали в лесу. Тайн Ху проявляла чудеса скрытности и втайне от посторонних учила Бару натягивать тетиву и выпускать стрелы. Учителем она была жестоким и нетерпеливым.

– Ты должна стать мастером, – настаивала она. – Ордвиннцу простят пущенную мимо стрелу. Мужчине простят с трудом натянутый лук. Но тебе – не простят. Твои ошибки спишут на кровь и пол. Ты должна быть безупречна.

– Лук тугой, – пожаловалась Бару.

– Многим женщинам недостает силы.

И Бару, дочь охотницы, неизменно ловко метавшей копье, кивнула. Ведь она всегда посвящала минуты разочарования или покоя упражнениям и нагрузкам флотской системы! Ничего, она сможет!

Она напряглась и натянула лук на одном плавном выдохе.

Тайн Ху коснулась ее локтя, поправила положение спины, надавив сзади, и шепнула:

– Стреляй.

И теперь, стоя на жгучем морозе под бледным зимним солнцем, Бару Рыбачка выпустила стрелу с ярко-синим оперением.

Люди, которые пытливо за ней наблюдали, тотчас радостно завопили и вскочили, пустившись в погоню за раненым оленем. Как же они проламывались сквозь снежные наносы, с рвущимися из груди сердцами! Как же они орали от восторга, холодящего и режущего их легкие! Когда олень пал, Тайн Ху перерезала ему горло и помогла лесовикам освежевать тушу. В колонне зашептались о добрых знамениях – об опавших рогах, об олене на знамени князя Хейнгиля, об алом цвете флота Маскарада, расплескавшемся по снегу.

Повсюду, где бы ни проходила армия, объявляли: к весне они завоюют лояльность Внутренних Земель и, соединив силы с Игуаке и Наяуру, вместе сбросят Маскарад в море.

Часть III
Диктатор

Глава 21

Но весной Бару ждали новые испытания. Ей предстояло завершить улещивание Игуаке, Наяуру и их присных, и это было только начало.

Хорошо, что пока у нее оставалось хоть какое-то время. Зима густо вымазала ее Ордвинном – покрыла слоем жирной, как сливки, земли, набила изнутри цесарками с куркумой, олениной и соленой рыбой, а все поры закупорила маслом, настоянным на тмине и диком имбире. Кожа Бару задубела и стала соленой на вкус. Язык поначалу заплетался, но вскоре овладел началами иолинского. Бару выучилась ругаться по-урунски и по-стахечийски, а вместо формального бельтикского «иликари» – слова, ныне по всем ощущениям принадлежавшего Маскараду и Зате Яве, – стала употреблять просторечное иолинское «ученики».

Она научилась по запаху отличать кедровый дым от соснового. Смеялась по вечерам у костра над байками о княгине Наяуру и ее четырех мужьях, геройски погибших во время Дурацкого Бунта. И хохотала, когда воины шутили над тем, как она нервно косится по сторонам – нет ли поблизости хмурого социал-гигиениста, готового диагностировать вырождение.

– Бывало, мужчины женились на своих приятелях, – рассказывала Тайн Ху, сидя рядом у костра и вместе с Бару поджаривая оленину, – а женщины выходили замуж за своих подруг. Так делали бедные, изголодавшиеся, отчаявшиеся. И те, кто хотел вместе вести дела или разделить крышу над головой. И солдаты, которые лишились родного дома. Но чаще всего – просто люди, которые жили без нужды и забот, ради любви. Словечки «трайбадистка» и «содомит» – и то, что они означают, – появились гораздо позже.

Бару насторожилась. Похоже, для дикарки с Тараноке приготовили очередную ловушку.

– Но это было давным-давно. Еще до Маски.

Оторвав полоску мяса, Тайн Ху разжевала и проглотила ее.

– Неужто? – Она ухмыльнулась, и зубы ее блеснули в свете костра. – Спроси ныряльщиц в Порт-Роге. Или актрис из Ату-холла. Они тебя просветят! Я не из тех, кого быстро забывают.

Могучее, неодолимое любопытство охватило Бару вместе со столь же сильным рефлекторным страхом, и буйная смесь чувств рассмешила ее.

– Ты занималась этим? В Пактимонте? Под самым носом у Зате Явы?

Тайн Ху насмешливо округлила глаза, изображая ужас.

– По-твоему, я буду стоять у городских ворот? Нет! Нужно поддерживать традиции Вультъягов-завоевателей!

– И даже не один раз?

– Мне и сосчитать трудновато, – Тайн Ху принялась загибать пальцы и замотала головой. – Пожалуй, без помощи счетовода не обойтись!

Раскашлявшись от дыма, Бару уронила свое мясо в костер.

* * *

Она вела «Армию шакала» в отчаянный бой – в сражение без насилия, но с такими потерями, каких не видели и ноля величайших битв.

Строгая инкрастическая диета, принятая в маскарадной школе, сделала ее высокой и крепкой. Она могла похвастать отличным здоровьем и оказалась выносливее, чем большинство «шакалов». Она помогала им рыть нужники, обучая их назойливой гигиене Маскарада, и нанюхалась ордвиннских испражнений в невообразимых количествах. А от женщин она узнала, что регулярный месячный цикл зимой – знак невообразимого богатства, роскошь для знати, недоступная простолюдинкам.

Она сама была простолюдинкой. Но обстоятельства, в которых она росла, делали ее знатной в их глазах.

«Шакалы» рыскали по лесам Внутренних Земель, подобно призрачным хищникам. Край этот был истощенным, изголодавшимся. Во время осеннего отступления Маскарад разграбил амбары и разорил дороги, сея анархию – сообщение, знамение жизни без перчатки и стальной рукавицы Фалькреста. «Шакалы» нанесли ответный удар, восстановив, где могли, сообщение с севером, нанимая княжьи инженерные подразделения для помощи в строительных работах и отправляя отряды всадников и лучников патрулировать местность. Когда путь был открыт, в далекий Отсфир ласточкой полетела весть: «Пришли, что можешь». Обнаружив уцелевшие припасы, «шакалы» скупали их по баснословным ценам и отправляли нуждающимся.

Готовясь нарушить границы хозяев Внутренних Земель, Бару заготовила письма князьям и княгиням: «Я – Честная Рука. Я иду на помощь». Заготовила, но так и не отправила. Послания послужили бы уликой, связывающей их с мятежницей. Даже отправить гонцов было чересчур рискованно. Для того чтобы совладать с «Сомнением предателя», следовало потрафить

княжествам и притвориться, будто Бару здесь нет. Подтолкнуть Игуаке с Наяуру к действию столь рано означало катастрофу, крах их стратегии и провал для Бару – ведь она убедила Лизаксу и прочих, что Внутренние Земли будут выжидать.

В походе она изучала архитектуру страданий Ордвинна. Прибывая в селение или вольный город, она брала переводчика и обходила дома и лачуги. Она общалась с издольщиками и с лучными мастерами, с кузнецами и каменщиками, с отцами и с матерями, со стариками и с молодыми, в общем, со всеми обитателями феодальных земель. Бару всегда записывала то, что узнавала от них: чем они питаются, часты ли выкидыши, сколько весят новорожденные, сурова ли цинга (кровоточащие десны, пятна на коже и упадок духа повсюду – всеобщие, неизбежные признаки зимы, «дыхание Видд»).

В своих опросах Честная Рука не упускала ни единого страха, ни единой крохотной, робкой надежды.

Постепенно она составила карту феодальной лестницы с ее многочисленными ступенями – князьями и землевладельцами, дружинниками и ремесленниками, вплоть до издольщиков-крепостных. Зябкими ночами Бару размышляла о том, как обрушить ее. Ордвинну никогда не сравняться с Фалькрестом, пока существует феодальная знать.

Он мог бы стать намного лучше – нужно лишь разумное управление.

* * *

Снега начали таять рано. Заревели вспухшие от талых вод реки.

Бару снилось, что она летает. Она видела Ордвинн из-под брюха облаков и любовалась сияющими в лучах солнца нитями рек. Она парила над могучим Током Света, который впадал в море веером ртутных ручейков. Разбудило ее пение птиц.

Бесконечно устав от вони и жира, покрывающего кожу, она нырнула в поток талой ледяной воды и поплыла, ахая на каждом вдохе. Тело Бару то коченело, то вспыхивало от жара. Ее дружинники – Сентиамуты в медвежьих шкурах, отобранные лично Тайн Ху, – хлопали и смеялись. Они восхищались не только тем, как уверенно она одолевает течение – их поразило и искусство плавания, неизвестное на севере.

Но когда Бару, дрожа, выбралась на берег, мужчины отвели глаза. Никто даже не решился подойти к ней и предложить ей шубу. Похоже, они побаивались, что, выбрав одного из них, Бару

выкажет ему предпочтение.

Бару замялась и сама застыла как вкопанная. Она-то, конечно, не желала выбирать себе любимчиков таким образом! Внезапно ее сковало смущение, и она поняла, что прежде она никогда не сталкивалась с чем-то подобным.

– Будь осторожна, – предостерегла ее Тайн Ху. – Ты добилась уважения. Но ни один мужчина в Ордвинне не способен уважать то, чего вожделеет. Я усвоила это в юности, из ухаживаний Отсфира.

– Но с нами – много женщин, и их никто не унижает, – возразила Бару, вспомнив о лучницах и о лучных мастерицах, о травницах, звездочетах и об охотницах вроде Аке. – По-твоему, мне надо переодеться мужчиной, как ты в тот раз? Иначе их уважения не добиться никак?

– А ты пойди и поспрашивай наших женщин, – посоветовала Тайн Ху. – Тогда ты узнаешь, что о них говорили, когда они бросали любовника, заводили второго или не имели вовсе ни одного!

– Я держусь с ними как с братьями. При чем здесь любовники?

Княгиня Вультъяг сочувственно покачала головой. Волосы ее были распущены и падали на плечи, облитые кольчугой.

– Тебе, Бару Рыбачке, дано разрешение держаться с ними по-братски, и не тебе решать, когда или почему данное разрешение заберут обратно… – Губы ее дрогнули в горькой усмешке. – Это я тоже усвоила из ухаживаний Отсфира.

– Поэтому ты… – Бару не смогла заставить себя говорить прямо. – Поэтому ты перешла на ныряльщиц и актрис? Вместо мужа…

Тайн Ху разразилась громким, довольным смехом.

– Думаешь, перешла?

Бару сделалось немного стыдно. Вопрос получился по-настоящему «имперским» в стиле школы Маскарада на Тараноке. Наука отцов была лучше.

Они молча прошли вдоль лагеря. Вскоре лес поредел, и пятна солнечного света стали пробиваться сквозь ветви сосен, превращая землю в пятнистую оленью шкуру. Невдалеке шумели талые ручьи.

Они подставили лица теплым лучам солнца.

– Я чувствую эту силу, – вымолвила Тайн Ху.

– Чью? Икари Химу?

Бару никогда не считала Тайн Ху особо верующей, но и неверующей княгиня явно не была.

– Я говорю о силе перемен, – ответила Вультъяг, – как их ни

зови. – Она покосилась на Бару. – Ты твердила, что путь вперед – только один и Маскарад невозможно победить. Можно лишь подчинить себе изнутри.

Бару отвела взгляд, как будто признавала поражение.

– Но, глядя на тебя, я изменила свое мнение.

Слова Тайн Ху обжигали Бару, как ледяная вода, но она продолжала слушать княгиню.

Тайн Ху говорила правду.

– Каковы наши дальнейшие планы, моя повелительница?

В голосе Тайн Ху не было ни намека на насмешку.

Они показали себя Внутренним Землям – продемонстрировали свою мощь и храбрость. Настало время заполучить их – и кавалерию, и богатство. Они могут привлечь их на свою сторону. Разорвать порочный круг «Сомнения предателя» и собрать всех колеблющихся воедино.

– Наяуру и Игуаке. Пора сделать их своими.

* * *

Когда они двинулись на юг, Тайн Ху решила испытать свою удаль прогулкой по дороге, вившейся по краям горных обрывов Кидзуне. Здесь их и застигла война.

– Тут совсем не высоко, – заявила Бару и беспечно рассмеялась.

Далеко внизу, подобно волнам, колыхались под ветром вершины деревьев. Лагерь «шакалов» казался россыпью крошечных мазков из дыма и скатов шатров. На севере вздымались к небу Зимние Гребни – склоны чернее воронова крыла, а вершины – столь же белоснежны и недосягаемы, как пронзаемые ими облака.

– Идем, – продолжала Бару. – Но держи равновесие.

Тайн Ху крепко ухватилась за цепь, которая огораживала путь, и ухмыльнулась.

– Я не горная коза.

Бару посмотрела на узенькие мостки, подвешенные на цепях к скале, и принялась изучать земли Игуаке, раскинувшиеся внизу.

Ей очень нравилось в этих краях. Совсем как темные скалы и склоны вулкана на Тараноке – просторы детства, прожитого без страха. Она призывно махнула рукой.

– Ладно, идем, княгиня. Мы почти на вершине. Давай!

Мостки загремели и заскрипели под внезапным порывом ветра. Тайн Ху судорожно втянула воздух, замерла, затаив дыхание от страха. Бару вновь рассмеялась, и на лице княгини

появилась гримаса отвращения к самой себе.

– Княгиня! – донеслось сзади.

Тайн Ху оглянулась, немедленно напружинившись, точно донесенное ветром слово оказалось страшнее высоты. Их догоняли – среди камней мелькали соломенные волосы и медвежья шуба Аке Сентиамут.

Аке карабкалась вверх, подтягиваясь на цепи.

– Да, – пробормотала Бару, – новость и вправду неотложная.

Аке поднялась к ним. Вместе они направились к укромному уступу в склоне Кидзуне, чтобы держать совет.

Теперь Тайн Ху двигалась быстро. Наверное, она считала, что в глазах своих вассалов должна выглядеть бесстрашной, но все же держалась поближе к Бару и ступала за ней след в след.

С трудом переводя дух, они устроились за ровной скальной стеной. Аке предложила Тайн Ху свою шубу, но княгиня любезно отказалась. Бару, продрогшая от принесенных ветром воспоминаний о зиме, села возле Аке, прижалась к ней и свернулась клубком иод медвежьим мехом.

Тайн Ху оперлась ладонями о камень.

– Говори.

– Междоусобная война.

Наступила тишина – лишь ветер посвистывал среди камней.

– Еще одна? – спросила Бару. – Кроме нашей?

Аке развернула карту с грузиками по углам. Перед ними, воплощенные в чернилах и овечьей коже, раскрылись Внутренние Земли – второй этаж аллегорического дома Бару, обитель ремесел и стад. Бару мысленно раскрасила ее на свой лад. На западе лежали земли Наяуру, Строительницы Плотин с Отром и Сахауле на ее стороне, богатые чистой водой, мерцающей в огромных водохранилищах. Восток принадлежал Игуаке. Топот ее необозримых стад громом раскатывался над пастбищами, а позади, как сжатый кулак за спиной, стояли солдаты Пиньягаты.

– Наша разведка обнаружила следы на земле, – произнесла Аке, прочерчивая пальцем линию от Найу-на-Восходе, столицы Наяуру, до Загона Игуаке.

– Чьи? – медленно выдохнула Тайн Ху.

– Солдат Наяуру. Следуют на восток большими силами.

Бару отыскала их собственную позицию – к северу от вольного города Хараерод, в самом сердце владений Игуаке. Хараерод … Перекресток, где царят песни и веселье. Тот самый, где три года назад она столкнулась с князем Пиньягатой и его диковинным дозором.

– Наяуру идет на нас?

– Не на нас. На Игуаке, – пояснила Тайн Ху, расправляя карту

растопыренными пальцами и злобно разглядывая ее. – Наяуру всегда мечтала о троне – но почему так рано? Наследники не готовы. У нее нет детей из рода Игуаке, чтобы посадить на княженье узурпатора. Почему именно сейчас? Отчего было не дать нам шанс…

У Бару скрутило живот. Ведь она уверяла их, что Наяуру не станет ничего предпринимать. Обещала это, нахально взирая на Лизаксу. Больше ей не поверят ни в чем. Как же быть, как обернуть все в свою пользу?..

Тайн Ху едва заметно шевельнула подбородком, дескать, вали на меня, Бару!

– Почему мы ничего не заметили? – спросила Бару. – Княгиня?

– Я надеялась, что она переметнется к нам. Я уважала ее… – Глаза Тайн Ху потемнели. – Дурацкий Бунт поглотил ее семью. Откуда такая поспешность? Что она – памяти лишилась?

Бару размышляла над картой.

Наконец она оторвалась от нее и взглянула через плечо Аке вдаль.

– Я догадалась, что у нее на уме!

Обе женщины из Вультъяга встрепенулись и с надеждой посмотрели на Бару.

– Пришла весна. Наяуру знала, что Маскарад собирается атаковать нас. Значит, должна была предположить, что Каттлсон двинется на север, сокрушать Эребог, через ее земли. Она хочет стать незаменимой для Маскарада, когда придет время наступления.

Но мысленно Бару ругала себя, вспоминая и проигнорированные намеки, и оставленные без внимания связи. За три года их накопилось столько, но она прозевала такой поворот событий. Какая же она растяпа! Бел Латеман, нацелившийся на Хейнгиль Ри, фразы самой Хейнгиль Ри о неизбежности кризиса во Внутренних Землях. Дозор Пиньягаты, задержавший на дороге женщину, похожую на молодую княгиню Наяуру… Целая паутина интриг, сплетенная Наяуру на пути к трону, а Бару вообще не удосужилась потянуть хоть за одну из ниточек!

– Ей стало известно, что Игуаке привечает нас на своих владениях. Вот что послужило поводом уничтожить Игуаке, забрать ее пастбища, объявить нападение актом лояльности Фалькресту и оказаться в фаворе у Парламента.

И на этом фундаменте создать себе трон королевы Ордвинна, матери рода, который способен пережить столетия!

Невероятно дерзкий ход – будто из пьесы или легенды. Бару

прониклась к Наяуру уважением.

Тайн Ху помрачнела. Ее глаза сузились, кулаки уперлись в скалу.

– Ну и сука! – восхищенно протянула Тайн Ху. Она произнесла ту майянское словечко, означающее мать-волчицу, а не эпитет из афалона. – Аке, если ее превосходительство права… Видели ли разведчики солдат Маскарада, спешащих на помощь дружинам Наяуру?

– Да.

Бару покачала головой в безмолвном одобрении. «Шакалы» намеревались использовать Наяуру и ее консортов против Каттлсона, но та быстро опередила их и получила свой лакомый кусок. Конечно, ей требовалось просто захватить Внутренние Земли, но Каттлсон поддержит ее с флангов, отыщет и разобьет мятежников, и у нее будет собственная династия.

Бару вновь допустила ту же ошибку. Решила, что Наяуру – пешка, которую можно взять и двинуть куда нужно. И совершенно забыла, что княгиня – игрок, как и сама Бару.

Ветер усилился, и Аке задрожала под шубой рядом с Бару.

– Я говорила с нашими капитанами. Они хотят отправить послание на север. Если Эребог, Отсфир и Лизаксу двинут на юг свои фаланги, мы сможем поддержать Игуаке и спасти ее.

– Нет! – выпалили Тайн Ху и Бару в унисон.

– Таким образом мы подставим себя, – добавила Тайн Ху.

Бару молча ткнула пальцем в Пактимонт, обозначенный на карте жирной точкой.

Все замолчали. Каждая из женщин знала, что вокруг Пактимонта собраны вражеские силы. Войска Каттлсона и Хейнгиля только и ждали, когда «шакалы» высунут головы…

– Сударыни, – заговорила Аке. – Госпожа княгиня! Ваше превосходительство! Всю зиму вы говорили – не примите за измену, – что мы склоним князей Внутренних Земель на нашу сторону. Однако получилось, что Наяуру идет против нас. А Отр с Сахауле обязательно последуют за ней, куда бы она ни повернула. Что будет, если мы не выступим против них? Если падет Игуаке, Маскараду достанутся побережье и Внутренние Земли, а мы умрем с голоду.

Тайн Ху выпрямилась и перевела взгляд на Бару.

– Палимпсест мне, – отрывисто произнесла Бару. Ей требовалось ее оружие. – И чернила.

В заплечном мешке Аке отыскалось и то и другое.

Бару, дуя па озябшие руки, взялась за перо, попутно объясняя свои приказы:

– Мы остановим их сами. «Армия такала» двинется по

владениям Наяуру – но севернее ее маршрута, а затем пойдет на юг. Мы перережем, каналы снабжения и поставим под угрозу дома и семьи ее солдат. Войско Наяуру рассыплется без единой стычки. Проследите, чтобы приказы были переданы всем нашим колоннам.

– Была лютая стужа, – предупредила ее княгиня. – Людям нужно отдохнуть, залечить язвы и отъесться после цинги. Ты бросаешь их навстречу испытаниям.

– Отдыха не будет. «Шакалы» идут в поход, – отчеканила Бару. – До падения Пактимонта мы еще не раз встретимся со смертью. Надо привыкнуть к ее компании.

На пути обратно по тропе Кидзуне они остановились – об этом попросила Тайн Ху.

– Здесь чистый воздух, – заявила она. – И по тишине я давно скучаю.

Бару сжала ее плечо – крепко, по-товарищески. В ответ Тайн Ху на миг прислонилась к ней – в знак благодарности, а может, чтоб немного согреться.

* * *

Наяуру вела воинов на восток, сражаться с Игуаке. «Шакалы» начали ответный маневр.

Поход в земли Наяуру возглавляла колонна вольных лучников Отсфира. Они перебили отряд лесовиков и обнаружили на трупах имперские монеты и зловещие приказы с печатью Каттлсона: «Очистить леса. Истребить дичь. Выжечь подлесок. Не оставлять фуража».

– Зачем? – недоумевала Бару, глядя на Тайн Ху и туго натягивая пергамент письма. – Не думают же они, что сейчас, весной, мы пропадем с голоду. Им наверняка известно, что народ кормит нас, куда бы мы ни пришли.

Тайн Ху равнодушно, сосредоточенно чистила клинок промасленной ветошью.

– Нет, они не надеются уморить нас голодом, – проворчала она. – Они хотят вынудить народ кормить нас.

Вслед за лучниками Отсфира колонны Вультъяг проследовали на запад и свернули к югу. Разведчики докладывали о противнике и о дисциплине в армии Наяуру с благоговейным. ужасом. Кавалерия, тяжелая пехота, а с ними – осадные орудия и серо-голубые роты солдат Маскарада. Строительница Плотин превратила свое войско в разящую молнию. Оно шло вперед с устрашающей скоростью, не

отклоняясь ни на шаг.

Однако обозы отстали. Фургоны и мулы увязли в грязи раскисших дорог. Весеннее половодье снесло переправы.

Бару почуяла слабость врага. Армия Наяуру была смесью профессиональных воинов с рекрутами, забранными от семей как раз перед посевной. Как ни сильны они были на поле боя, их надо было кормить. Кроме того, они нуждались в жалованье.

И Бару спустила своих «шакалов» на вражеские обозы.

Первыми ударили семьи вультъягских Алеменуксов. Лучники целились в лошадей и капитанов и забавлялись, отстреливая на выбор каждого второго в каждой колонне. Гонцы Наяуру застряли в слякоти, и военачальники врага не успели организовать отпор. А когда Наяуру отправила в леса своих охотников, талантливые вультъягские Обедиры заманили их в засаду. Лучники Отсфира, спеша урвать свою долю славы, атаковали тылы главных сил: зарево пожаров в лагерях запасных полков пылало до рассвета.

Армия Наяуру была создана, чтобы выигрывать сражения, но «шакалы» изловчились выигрывать поединки.

Но тут, волею случая, последовало именно сражение.

Тайн Ху, Бару и вультъягские Сентиамуты поторопились свернуть на юг и столкнулись со своими же колоннами – с вультъягскими Одфири и воинами Лизаксу, усталыми и полуголодными. В неразберихе потеряли целый день, а следующим утром, туманным и жарким, часть охотников Одфири вышла прямо во фланг северной колонны Наяуру, на заслон из лучников и легковооруженных велитов с целой ротой солдат Маскарада позади.

Когда гонцы из головы колонны принесли весть о том, что на дороге Сукновален передовыми обнаружены и случайно атакованы силы почти в тысячу воинов, Тайн Ху грязно выругалась.

– Передайте капитану Одфири… – Она взглянула на Бару, наморщила лоб, но тотчас отвернулась и гневно тряхнула головой. – Скажи ему, что противнику неизвестны наши намерения и наша численность. Пусть растянет фланги как можно шире и зажжет лес.

– Сегодня очень сыро, – возразил гонец.

– Передай: пусть обольют деревья льняным маслом. Нужен не огонь, а дым. Надо быть невидимками. – Тайн Ху крутанулась на каблуках и посмотрела на Аке Сентиамут. – Колонна Лизаксу должна соединиться с нами как можно скорее. Увидев дым, враг сформирует в ответ стрелковую цепь. Мы бросим воинов на их левый фланг. Может, нам удастся окружить их. Пошли лучших лучников вперед, на охоту за их разведчиками. Оставим их без

глаз.

Гонцы разбежались. Повинуясь жесту Тайн Ху, один из дружинников принес ее лук.

– А у нас получится? – нервно спросила Бару, составляя в уме реестр своих сил – количество и боеспособность «шакалов». – Воинов-то нам хватит?

– Легендарные битвы выигрываются не числом, – парировала Тайн Ху, уверенно сгибая лук, чтобы натянуть тетиву. – Тетка называла такое «ягижион» – лесная война. И выигрывается она только путаницей, обманом и натиском. Сделаем вид, будто в лесу нас – тьма, и им наверняка придет конец, если не побегут. Мне нужно подобраться к линии атаки, вместе с резервами. Не хочу упускать решающий момент.

Казалось, сердце Бару бьется под самым горлом.

– Я пойду с тобой, – тихо произнесла она.

– Нет! – Тайн Ху осмотрела лук, проверила тетиву и отбросила за спину шерстяной плащ. На Бару она не смотрела. – Тобой мы рисковать не можем.

С этим не поспоришь.

– Ваша светлость… – Голос Бару прервался. – Будь осторожна.

Тайн Ху лишь отмахнулась в ответ. Затем княгиня свистнула, взмахнула рукой, повернулась и бросилась вперед. За ней последовала колонна оборванных «шакалов» с воспаленными от усталости глазами.

* * *

Дружина Бару отыскала у ручья неподалеку сукновальню. Воины увели туда Бару – ждать исхода сражения.

Охвативший Бару ужас явился из самых глубин се души. То был ее личный страх, фундаментальная забота – апокалиптическое чувство, будто мир не желает подчиняться разумным доводам. Вокруг властвовал хаос – непостижимый и чудовищный.

«Один-единственный случайный удар судьбы решит все», – подумала она.

Что, если меткая стрела, выпущенная совершенно незнакомым человеком, перевернет все с ног на голову? А ведь такое может произойти…

Неужели базовая логика счетовода, на которую опиралась Бару, превратилась в прах?

Или (что еще хуже) – она просто неспособна что-либо планировать. Вероятно, она слепа, как дитя, слишком ограничена

и склонна к самообману, чтобы свести воедино всю необходимую информацию. В один прекрасный день разница между ее умозрительной моделью и истинным, хаотичным состоянием мира скажется, и тогда мир пожрет ее, подобно каракатице или хищной рыбе.

Водяное колесо, отсоединенное от сукновального механизма, поскрипывало, наматывая бессмысленные, бесполезные обороты.

– Идем, – приказала Бару.

Они спустились со склона, заросшего высоким сосняком. В низине туман загустел, смешавшись с едким дымом. Издалека доносились крики – то громче, то тише, словно Ордвинн качался вверх-вниз на штормовых волнах.

Неожиданно прямо па них, крича по-урунски, выбежал человек. Один из охотников Сентиамутов пустил стрелу над его головой, а потом – и другую, вонзившуюся в живот. Бару, замершая от его крика, в котором теперь звучала нотка удивления, не успела даже обнажить саблю.

Человек рухнул в мокрые от росы кусты.

Мельком подумав о том, что скажут о ней после этого эпизода, Бару ринулась к упавшему. Странно, но она почему-то почти ничего не чувствовала и только надеялась, что вид у нее не слитком испуганный. Мужчина истошно кричал, цеплялся огромными ручищами за корни кустарника и бился черепом о землю, пытаясь уползти, утопиться в раскисшей от влаги земле или просто избавиться от стрелы в брюхе. Он явно пробовал выдернуть ее – и разорвал рану зубцами наконечника.

Какой-то охотник выругался.

Его стахечийский был достаточно примитивен и вполне понятен Бару.

– Это кто ж, Ала Одфири?

– Нет, у Алы зубов поменьше. Может, Ора?

– Его двоюродный?

– По-моему, родной брат.

– Ора вечно так – уж заплутает, так заплутает.

Глаза упавшего выпучились.

«Наверное, – подумала Бару (мысль эхом отдалась в голове – та внезапно сделалась гулкой и звонкой, опустевшей, точно глазница, из которой вынули глазное яблоко), – он открыл для себя новую боль и новый страх, прежде невообразимый».

Содержимое кишечника растекалось под упавшим вонючей лужей.

– Он из наших, – сказала Бару.

Охотник, выпустивший стрелу, согнулся пополам в приступе рвоты. Бару с опаской прислушалась к собственным ощущениям,

но ее не стошнило. Охотник выпрямился, сплюнул и прохрипел:

– Он бы хоть кричал не по-урунски. Я по-урунски почти не понимаю.

Человек на земле продолжал кричать. Бару обнаружила, что вся охрана молча смотрит на нее. Тогда она сделала повелительный жест. Он ничего не значил, однако она каким-то образом осознавала, что отдает определенный приказ.

– Уде, сделаешь? – спросил рослый дружинник.

Тот, кого стошнило, сплюнул и вынул нож.

– Нет… – Посмотрев на клинок, он добавил, как будто это было важно: – У него борода.

– Там, в колодце, – просипел умирающий и вдруг зашелся в крике, замолотил но корням, глядя на стоящих вокруг него. – В колодец бросил! – с отчаянием завыл он.

Его придержали и перерезали ему горло.

– Кто скажет Але? – спросил Уде.

– Я, – ответила Бару.

Дым поредел. За деревьями показался просвет – дорога и иоле битвы.

– Не стоило сниматься с места, – произнесла Бару. – Назад, к сукновальне.

* * *

Лесная война поражала воображение.

Сначала колонна Наяуру увидела дым, который окутал опушку леса, смешавшись с туманом и тучей стрел. Капитаны заорали: «К бою – стройся! В строй, собаки!» Пехота Маскарада в белых масках заняла центр, велиты Наяуру встали по флангам со своими дротиками. Лучники находились позади.

«Шакалы» Одфири стреляли из-за деревьев и дымовой завесы, стараясь прижать противника к земле. План Тайн Ху оказался до идиотизма прост, но иначе не получалось, поскольку держать связь с ее разрозненными отрядами во время боя было невозможно.

Первой ударила стахечийская ягата – Тайн Ху доверяла им меньше всего, но они были самыми крепкими. Дзиранси повел воинов Дома Хуззахт – бледнолицых, рыжеволосых, оглушающих ревом и ослепляющих блеском стальных лат – на фланг Наяуру. Они ударили по охотникам, набранным Наяуру в рекруты, словно призраки прошлого. Ни один ордвиннец – ни простолюдин, ни князь – не забывал страха перед воссоединенной империей Стахечи: та частенько обрушивалась на Ордвинн со склонов

Зимних Гребней стальной лавиной. Теперь этот страх явился к ним во плоти.

Кроме них, у Тайн Ху не было тяжелой пехоты. Из всех «шакалов» только они могли вступить в открытый бой.

Но капитаны Наяуру ни о чем даже не догадывались. А велиты в легких кожаных доспехах увидели атакующую их армию длинных копий и непробиваемых лат. Поэтому они поступили так, как сделал бы на их месте любой разумный воин. Поступок их был столь же разрушителен, сколь и предсказуем.

Они начали оттягиваться к солдатам Маскарада, стоявшим в центре, и оголили фланг.

Тайн Ху и ее «шакалы» ринулись в прореху. Они стремительно пересекли дорогу, стреляя на бегу, и скрылись в лесу позади строя Наяуру. За ними шла следующая колонна. То были не защищенные ничем, кроме красной боевой раскраски, берсерки-книжники Лизаксу. Они напоминали диких зверей, яростно рвущихся с привязи.

И Тайн Ху предоставила слово им.

Они устремились вперед, выкрикивая постулаты нигилистического самоотрицания и вращая глазами. Когда они врубились в гущу лучников Наяуру, фонтаны крови взлетели над полем боя под отвратительный хруст и визг.

Воины Наяуру, расстреливаемые с фронта и с тыла, завопили, заметались, кинулись врассыпную.

Строй удержали солдаты Маскарада. Прикрывшись «черепахой» из поднятых щитов, они с гротескной целеустремленностью начали отступать. Но легконогие лучники не давали им покоя.

Наконец Тайн Ху, опасаясь, что у них кончатся стрелы или их могут выманить на запасный полк, объявила конец охоты.

Тайн Ху явилась к сукновальне во главе ликующего войска и преподнесла Честной Руке дар – отрубленную голову в маске и шлеме, покрытом вмятинами от меткой стрелы. Оттуда, где сталь оплошала, – прямо из виска – торчало древко с ярко-синим оперением.

– Есть пленные, – сообщила Тайн Ху. – Оставим их головы здесь, на страх врагу?

– Вели им отправляться домой, к своим семьям, – приказала Бару. – Пусть передадут княгине Наяуру мое послание: встань на нашу сторону, и мы пощадим тебя.

– Справедливая участь для воинов Наяуру, – сказала Тайн Ху, поднимая перед собой отрубленную голову. – Но как поступить с фалькрестийцами – с теми, кто в масках?

– Тоже отпустить. Но вначале – перерезать им сухожилия, –

произнесла Честная Рука. – Пусть Каттлсон захлебнется в своих увечных.

Глава 22

Ночью Бару отправилась в свой шатер из оленьих шкур. Когда она задремала, ей приснился кошмар. Она увидела орла с синим оперением. Стрела пронзила голову птицы от виска к виску, однако орел продолжал кружить над ириадским торгом и кричал ей с высоты: «И бросил его в колодец!»

А из жерла мертвого вулкана Тараноке с грохотом вырвалось пламя. Она подняла взгляд и узрела, что склон горы покрыт алой парусиной. Огромный тюк, разматываясь, катится прямо на нее, в воздухе крики, земля дрожит от ужаса…

– Сударыня, – шепнул дружинник, встряхнувший и разбудивший ее. – Сударыня…

– А?! – Разом сев, Бару схватила его за запястье. – Что случилось?

– Вы кричали во сне. – Он отвел взгляд, и Бару, к стыду своему, поняла, что не помнит его имени. – Я решил, что вас лучше разбудить.

– Конечно, – сказала Бару, охваченная внезапным приступом благодарности. – Ты все сделал, как надо.

* * *

Победоносная колонна Алеменуксов, разгоряченная славной битвой на дороге Сукновален, отнесла раненых в селение под названием Имадифф, что по-бельтикски означало «Добрая роща». Местной знахарке не удалось спасти от заражения крови любимого сына Алеменукса. Обезумевший от горя отец, вдовец и человек суровый, взял взамен сына знахарки и принялся тянуть из него кишки сквозь разрез в животе. Двое из старших матерей деревни застрелили его, не дав завершить казнь. Это повлекло за собой погром. «Шакалы» Алеменуксы, оголодавшие, обезумевшие от крови, сожгли деревню дотла. Опьяненные победой, они отправились на юг, в ближайшую долину Наяуру. В первой же придорожной деревне они обнаружили склады соли и мяса и разграбили их, перебив стражу и отряд, пустившийся в погоню.

Начали сказываться зимние невзгоды и бешеный темп лесной войны. Обезумевшие от цинги, измотанные «шакалы» не питали к людям Наяуру ни малейших симпатий.

– Нельзя трогать крестьянство – ни вольных, ни крепостных! – шипела Бару. – Нельзя восстанавливать против себя народ!

Военный совет Вультъяга согласно кивал, глядя на знамена с

раскрытой дланью или с монетой и кометой. Но Тайн Ху потемнела лицом, покачала головой и выступила с мрачной отповедью. Армия разрослась: «шакалы» очень соскучились по солонине, пиву и крови.

Воюя в землях врага, «шакалам» приходилось охотиться.

– В природе, – сказала Тайн Ху, – повсеместно существует естественное равновесие. Чтобы жил один хищник, требуется много добычи. Мы привели во владения Наяуру целые стаи «шакалов».

И Бару воочию увидела результат работы Маскарада. Они разослали повсюду лесовиков, те распугали дичь и выжгли подлесок, а добычу переправили в крепости. Они не оставили «шакалам» ничего, кроме крепостных Наяуру.

Взгляд Маскарада на войну был широк. Маскарад мог воевать не только в чистом поле, конем и копьем, но чем угодно и где угодно. Кроме того, планы Империи имели дальний прицел. Бару знала это лучше, чем кто-либо из мятежников, – она не сомневалась, что враг способен воспользоваться малейшим недочетом противника и переиграть его в любую секунду.

После совета она подошла к Тайн Ху. Бару дважды набирала в грудь воздух, чтобы заговорить, и в конце концов произнесла:

– Я собираюсь приказать «шакалам» обложить данью деревни Наяуру. Провизия, одежда, стрелы, козы. Только самое необходимое.

– Они так и поступят – что по твоему приказу, что без него.

– Но тогда я смогу хотя бы сделать вид, что держу их под контролем, – ответила Бару.

Она сверилась со своими личными картами, спрятанными в роговой футляр и тщательно охраняемыми. Княжество Наяуру на них было сплошь ярко-синим. Крестьяне Строительницы Плотин, привыкшие к золотым ссудам, любили ее.

Но «шакалам» требовалось мясо.

* * *

Ударные силы Наяуру достигли приграничных крепостей Игуаке и взяли их в осаду. Отчаявшиеся гарнизоны Игуаке не продержались бы против отборных осадных инженеров Строительницы Плотин и месяца. Это обеспечило бы Наяуру власть над приграничными землями и открыло бы перед ней Поясную дорогу, путь к Загону – к столице Коровьей Царицы. Она смогла бы предложить Пактимонту безопасный проход на север, дабы ударить по Эребогу, и ее окончательная победа была бы

реальна.

Вглядываясь в донесения и карты, Бару хмурилась над осколками пьяных воспоминаний. Обрывки внутреннего монолога, отражение горизонта в темных глазах, уверенный смех – словно янтарные отблески заката на поверхности водохранилищ… Откуда это взялось, почему вспомнилось? Впрочем, какая разница…

Но прежде, чем форты пали, во владения Наяуру явилась «Армия шакала».

Разведка Лизаксу обнаружила заманчивую цель: крупный охраняемый караван, увязший в весенней грязи близ переправы через реку. Лучники Отсфира сожгли мост и начали охоту. Сперва они перестреляли лошадей и вьючной скот, а после принялись за людей.

Лучники Отсфира были обучены брать числом, а не меткостью, и охранники каравана вполне могли бы подождать, пока у них не кончатся стрелы. Но им не хватило духу засесть за фургонами и надеяться на авось. По одному, а затем и стайками, они бросили караван и разбежались по лесу. «Шакалы» свидетельствовали, что некоторые перед тем, как скрыться, шарили в собственных фургонах.

Однако там обнаружились мешки и сундуки с монетами: жалованье для осадных инженеров и рекрутов на передовой.

Новости заставили Бару затрепетать от восторга.

– Мы победили! – объявила она. – Воины Наяуру знают, что она не может оборонить их земли и семьи. Если не будет и жалованья, они взбунтуются.

Тайн Ху сидела рядом с Бару в тесном штабном шатре и помогала Честной Руке читать зашифрованные сообщения на иолинском. Княгиня приняла вести о караване куда более скептически.

– Но осенью ты твердила, что Наяуру связана финансами. Однако она уже раз удивила нас – и может удивить снова.

– Верно. Но ее воины оплошали. Мы спугнули их. Теперь она вступит в переговоры.

Бару не ошиблась. Княгиня Наяуру отправила верховых к Игуаке, чтобы сговориться о встрече и упросить отозвать «шакалов» со своих земель.

А Игуаке отправила гонцов в Эребог, Лизаксу, Отсфир, Вультъяг и Унузекоме. Она предлагала прислать во Внутренние Земли посольства и обращалась за советом к Честной Руке. Молила восставших встретиться с великими силами колеблющихся.

Пактимонт же хранил гробовое молчание.

Мятежникам предстояло сесть за стол переговоров с повелителями Внутренних Земель. Заколдованный круг «Сомнения предателя» трещал но швам.

* * *

По пути обратно на восток, в княжество Игуаке, следуя на совет, Бару обнаружила странную вещь. Она делала заметки и поймала себя на том, что писала о нем так, будто он уже состоялся, сделался достоянием истории будущего, творимой руками восставших.

«Совет во Внутренних Землях будут помнить как первый великий перелом, триумф зимней стратегии „Армии шакала“. В этот судьбоносный момент Ордвинн вырвался из порочного круга „Сомнения предателя“, и восстание стало реальностью».

Глупо. Наивно. Но очень тяжело остановиться! Наверное, так видел будущее Унузекоме – словно саму историю, героическую сагу, близящуюся к кульминации.

Встреча была назначена близ Хараерода, во владениях Игуаке, под сенью горы Кидзуне. И они собрались.

Унузекоме с Отсфиром пришли вместе, двигаясь от Инирейна на запад через Зирохскую равнину и по пути обмениваясь шпильками по поводу женщин, денег и вопросов чести. Отсфир взял для охраны десять рот отборных следопытов и лучников. Унузекоме привел из гаваней и прибрежных поселков ныряльщиц-иликари. Эти женщины, вооруженные талантом отличать истинное от ложного, были готовы распознать и остановить любую измену. На хараеродской дороге к ним присоединился Пиньягата – он ехал в полном одиночестве, уверенный, что при военной мощи его княжества он гораздо ценнее в качестве союзника, нежели пленника или трупа. С его появлением пикировки прекратились: старый солдат оказался весьма разговорчивым и легко побеждал в споре любого противника.

Хараеродские купцы и пивовары приветствовали новых клиентов – долговязых лучников в табардах с эмблемой Отсфира – мельничным жерновом, и прозорливых матерей, которые знали толк в листе каменщицы.

За ними прибыли Эребог и Лизаксу, Глиняная Бабка и князь-философ. Если они и не забыли годы холодного соперничества на суровом севере, им хватило мудрости и здравого смысла, чтобы не поминать старое. С высоты перевала через Кидзуне они увидели приближение Строительницы Плотин Наяуру: величественную реку латной кавалерии, струившуюся с запада.

Во главе ехала Наяуру – в белом платье, прямая и гордая. По левую руку от нее – Отр Тузлучник, могучий, широкоплечий, смуглолицый, вооруженный молотом. По правую руку – Сахауле, Конская Погибель с копьем, покрытым коркой запекшейся крови.

– Вкусы у нее вполне определенные, – заметил Лизаксу, наблюдая за колонной в подзорную трубу. – Предпочитает потомков определенного народа.

– Ты, мальчик, тоже носишь ту майянское имя, – со скрипучим смешком сказала Эребог. – И твоя кровь сгодится для ее великой мечты. А Му скажешь, что это – ради государственных интересов. Она простит.

– Инкрасты, если можно так выразиться, принадлежат к каете людоводов, – произнес Лизаксу, опуская подзорную трубу. – Они бы заявили, что древней крови Запада во мне – лишь пара капель, – и были бы правы. Конечно, она разбавилась, побледнела после стольких браков с северянами! Но это несущественно. Мы шепчемся о Наяуру, а сплетни уводят нас в сторону от главного.

– Поведай же мне свою великую теорию, мудрейший.

Лизаксу аккуратно сложил подзорную трубу.

– Нет тут ничего хитроумного. Просто она любит их, а они – ее. Вот о чем мы постоянно забываем.

Эребог сощурилась и отвернулась.

– Глупость какая – любить благородного консорта! До добра не доведет.

Лизаксу не стал настаивать на продолжении. Взгляд Эребог мог сказать о многом. Но и на горизонт она старалась не смотреть, будто далекие Зимние Гребни могли нанести ей рану.

Двумя днями позже прибыла княгиня Игуаке. Поступь ее боевых коней оказалась столь тяжела, что следом за колонной пришлось пустить отряд дорожных рабочих. Они настороженно обменялись с Наяуру дарами мира. Теперь мятежный север и Внутренние Земли были в сборе. Оставалось дождаться только Честной Руки и ее генерала… или вестей о том, что из Пактимонта идут армия Маскарада и кавалерия князя Хейнгиля, чтобы перебить всех разом.

«Шакалы» вышли из лесов разрозненными, одичавшими отрядами.

Бару, Тайн Ху, стахечийский богатырь Дзиранси и дружинники поднялись на утесы, возвышающиеся над Хараеродом. Внизу раскинулась цветущая долина. Яркие княжеские тартаны, великолепная и ненасытная масса шатров и коней, наконечники копий фаланг хараеродской стражи, поблескивающие в лучах солнца…

– Девена… – благоговейно ахнула Тайн Ху, опускаясь на

колени. – Узри старый Ордвинн и древнюю мощь наших предков! Ваше превосходительство! – Она поднялась и обернулась, балансируя на носках. Глаза ее светились восторгом, от улыбки на щеках, под алыми мазками, появились ямочки. – Смотри, что мы сделали! Видишь, как взошло по весне то, что мы посадили за зиму! – и она показала рукой в латной перчатке на долину.

Они спустились под знаменем монеты и кометы, которое развевалось на погнутом древке. Княгиня Игуаке выслала навстречу свою кавалерию, а Наяуру, спеша не отстать от соперницы, – своих воинов. Отсфир тоже поехал им навстречу, ведя в поводу лошадей для Бару Рыбачки и Тайн Ху. Бару отказалась садиться в седло, пока ее дружина идет пешком, и Отсфир, спрыгнув на землю, присоединился к Честной Руке. Его борода уже отросла, а тон был полон вульгарного оптимизма.

Они вступили в Хараерод под грохот подков и бурю приветственных возгласов.

«Устрашающее восхищение, – тревожно подумала Бару. – Слишком большие силы собрали мы в долине. И еще неизвестно, чем все закончится».

Глава 23

– Я изменю своему ригоризму, – начал Лизаксу, – если не напомню собравшимся о следующем. Ее превосходительство полагала, что Наяуру будет выжидать, не предпринимая ничего. Но она ошиблась. Вот и все, что я хотел сказать.

– Нет! – прорычала Тайн Ху. – Договаривай. К чему ты клонишь?

– Вультъяг, – вмешался Отсфир, сверкнув на нее глазами из-за кружки пива. – Ты ведь не в кустах присела, чтобы справить нужду. Здесь совет равных. Имей уважение к собеседникам.

Налокотники Тайн Ху зазвенели о подлокотники кресла, подобно курантам.

– Бару Рыбачка терпела цингу и голод, пока ты транжирил ее казну на меха и лучников. Имей ты хоть крупицу ее смелости и убежденности, заявил бы прямо, чего хочешь.

Лизаксу со смехом поднял ладони.

– Мы все хотим одного и того же. Успокойся, Вультъяг.

– Неужели, Лизаксу? – Тайн Ху привстала с кресла, указывая на Эребог – так, словно ее жест был порожден подземным толчком. – Ладно! Ригоризм так ригоризм. Эребог, хочешь ли ты того же, что и он? А может, ты жаждешь сцапать Честную Руку, увезти ее обратно домой и держать взаперти, откармливая для брачного союза?

Эребог презрительно хмыкнула от грубого вопроса.

– Я разделяю тревогу Лизаксу. Да, ее превосходительство сплоховала в оценке намерений Наяуру. Но мне ясно, что прочность нашего текущего положения – результат действий «шакалов». Я понимаю, что этим мы целиком обязаны ей.

«Почему бы им просто не заткнуться? Пусть делают так, как я скажу», – раздраженно подумала Бару.

Мятежные князья собрались в доме Хараерода на совет. Завтра им предстояло вести совместные переговоры с Игуаке и Наяуру, и они должны были держаться заодно.

Увы, сегодня они заставили Бару усомниться в самой возможности этого.

– Точнее, ты обязана «шакалам» прочностью своего текущего положения, – вмешался Отсфир. – В твои земли, Эребог, пожаловали воины из Стахечи. Этот тип, Дзиранси, посланник Дома Хуззахт, в кои-то веки явившийся на юг из своей тайной цитадели, чтобы говорить с нами, – как он здесь оказался? Может, по воздуху прилетел? К кому ты обратилась бы за помощью, если бы «шакалы» не пришли очистить твои дороги и леса от

разбойников? Может, без них княжество Эребог превратилось бы в Дом Эребог?

А Отсфиру не откажешь в некоторой смекалке.

Лизаксу метнул в Отсфира остерегающий взгляд – похоже, предупреждая, что речь о столь щекотливых вещах заводить пока рано.

Но предупреждение пропало даром: Бабка попросту отмахнулась от Отсфира.

– Несущественно. Сейчас важнее всего завлечь Наяуру к нам, прочь от Пактимонта.

– Завлечь Наяуру? – Унузекоме утробно расхохотался. – Наяуру нам всем известна. Она прыгнет в постель к обоим, а после продолжит пощупать, как ей самой будет угодно.

Раздраженно причмокнув, Эребог сняла пушинку с рукава платья.

– Не путай ее личные пристрастия с политикой. Будь у меня в молодости такие соседи, как Отр с Сахауле, я бы тоже вышла па охоту.

Унузекоме поднял руку ладонью вверх и сжал ее в кулак, словно предлагал помочь Бару тянуть канат. Накануне он приветствовал ее как старого товарища но плаванию и засиделся допоздна, слушая истории о военных похождениях Бару.

– Она уже могла бы носить ребенка Отсфира, что надежно привязало бы ее к нам. Еще не поздно заключить союз через брак.

– Для этой цели ты подходишь не хуже моего, – огрызнулся Отсфир. – Думаешь, замужество ее удержит? Ну, родит она мне наследника – и тотчас посадит его на мое место.

– Пожалуй, тебе не стоило бы вспоминать о ненадежности брачных уз здесь и сейчас, – медоточиво сказала Эребог.

Бару очень не хватало жрицы-иликари – ее реестра личных тайн, ее тихого храма, залитого оливковым маслом и рассеянным светом. Без нее проклятый заговор лишился краеугольного камня и держался лишь на капризных княжеских амбициях.

Но разве она не вызвалась стать краеугольным камнем в усадьбе над рекой, на том кровавом берегу? Разве она не объявила себя Честной Рукой?

– Довольно, – произнесла Бару, подавшись вперед, в круг сосновых кресел. – Я просмотрела счетные книги…

– Я со своей хотя бы развелся, – прошипел Отсфир. – А не устроил так, чтобы она исчезла на далеком севере, в доме человека, которого я полюбил сильнее.

– Хватит! – Окрик Бару заставил Отсфира отшатнуться, а на губах Эребог зазмеилась слабая усмешка. – Да, зима съела нашу казну. Но мы сделали хорошие вложения. Деньги обеспечили еду

и оружие для тысяч. И еще десятки тысяч спасены от голодной смерти благодаря действиям «шакалов» во Внутренних Землях. Мы заняли господствующее положение. Настал час воспользоваться тем, чего мы достигли.

Князья смотрели па нее, не проронив ни слова, ожидая продолжения. Тяжелее всего был взгляд Лизаксу – и Эребог, с которой Бару еще не доводилось держать совет.

«Нигде в мире, – подумала она, – нельзя найти сборище владык или возлюбленных, где каждый не пекся бы о собственной политике».

– Ты знаешь князей лучше, чем я, – обратилась она к Лизаксу, окольным путем признавая свою ошибку. – Как нам помирить Наяуру с Игуаке, а затем привлечь их обеих па свою сторону? Последуют ли за ними их вассалы?

В данный момент контроль над Ордвинном целиком зависел от Внутренних Земель. Важны были и географическое положение, и торговые связи, и военная подготовка. Для летней победы эти княжества требовалось обратить против Пактимонта, направить их против зловещей тени далекого Фалькреста и его скорого возмездия.

– Похоже, деньгами не выйдет, – пробормотала Тайн Ху.

Отсфир закатил глаза. Унузекоме растер запястья.

– Она права. На затяжную войну нашей казны маловато, особенно если дойдет до осады Пактимонта. Морские пути открыты – они доставят подкрепления на кораблях.

Бару не первый день мучилась из-за этой проблемы. Восставшие нуждались в средствах, что означало ужесточение налогов – то есть утрату значительной доли народной любви или грабеж вражьих земель. Грабеж принес бы доходы немедленно, но противоречил долгосрочным перспективам.

– Мы должны показать свою силу до прибытия кораблей из Фалькреста. Так, чтобы Игуаке с Наяуру не сомневались, на чью сторону встать.

Сухой хрипловатый голос Эребог пробудил воспоминания о негласном совете ириадских старейшин – перед тем, как Тараноке охватило моровое поветрие.

– В нашем распоряжении – кавалерия. И много кораблей, – вымолвил Отсфир, завистливо покосившись на Унузекоме. – Не устроить ли вылазку в Порт-Рог?

Внезапно до Бару и остальных донесся тревожный крик. Бару вскочила на ноги столь же молниеносно, как Тайн Ху. Пара иликари, пришедших с Унузекоме, две похожие на тюленей женщины в зеленых одеждах, выкрашенных железной протравой, схватили старика в шерстяном плаще рекруга княгини Игуаке.

Они что-то кричали своему князю по-урунски, но Бару не поняла смысл их речей.

Лизаксу спрятал нож.

– Вовремя заметили. А маскировка хороша.

Седобородый старик расхохотался.

– Еще бы! – рявкнул он. – Всю дорогу, от самого Пактимонта надо мной издевались, гоняли по лесам и долам; втайне от всех, кроме одного-единственного верного человека! И как меня тут принимают? Знал бы – сидел бы дома!

Он поперхнулся и закашлялся. Хриплый звук почти не отличался от его смеха.

Бару вздрогнула: кашель был ей знаком!

– Зате Олаке, – выдохнула Тайн Ху.

Бару подбежала к старику первой, опередив Тайн Ху на шаг.

– Отпустить его! – приказала она иликари. – Он – наш.

Пактимонтский князь-разведчик, брат-близнец правоблюстителя Ордвинна, пошатываясь, двинулся к заговорщикам. Усталость начертала глубокие морщины вокруг его глаз, точно руны веселья или ярости.

«Интересно, ты ли погубил Мер Ло?» – свирепо подумала Бару и едва не оскалилась.

Княгиня Эребогская выпрямилась.

– Олаке, старый лис! Я думала, ты помер еще три года назад.

– Я бы номер три дня назад, если бы не калека-стахечи, которого Ява дала мне в проводники. В жизни не видел лучшего лесовика. Подумать только! Незримого Князя выслеживают и стреляют в него, точно в оленя! – Опершись на Бару и таща ее за собой, как костыль, он заковылял к креслу. – Я потерял Пактимонт. Каттлсон спустил с цепи свору демонов, которых он называет очищенными! Они вырвали мою сеть с корнями. Наверное, они способны почуять шпиона лишь по запаху! – Он рухнул в кресло Бару и закутался в плащ. – Для виду Ява решила арестовать меня, прежде чем они до меня доберутся. А позже она устроила мое бегство. И… – Когда он улыбался, глаза его блестели из-под седых косм, подобно хрустальным льдинкам. – И прислала со мной подарок.

Вынув из-за пазухи рог, князь откупорил его и перевернул, окатив дощатый иол струей темного пива.

– Вот плоды всех ее ухищрений, – добавил князь. – Каттлсон до сих пор уверен в ее лояльности. Ее жестокость служит ему лучшим доказательством. И потому она вхожа в круг его прихлебателей.

Зате Олаке показал заговорщикам вынутую из рога нить бусин из дерева и воска.

– Здесь записана самым тайным из наших шифров стратегия возмездия, приготовленного Маскарадом. Их план подавления восстания, – пояснил он.

Князья напружинились в безмолвном предвкушении.

– Что нам нужно, чтобы одержать победу? – спросила Бару, привлекая внимание к своей персоне.

Зате (Злаке уставился на Бару в упор. Бару почувствовала легкое покалывание в ладонях, вспомнила угрозу медленного яда и прощальную реплику: «Станьте достойны противоядия».

– Честная Рука… – Он пересыпал бусины из ладони в ладонь. В его синих глазах плясали оранжевые отсветы факелов. – Мы слышали, ты стала королевой восстания.

Как утомительно было видеть взгляды, которыми Отсфир с Унузекоме обменивались всякий раз, услышав «королева»!

– Я стала боевым кличем. Как и обещала.

– И правильно сделала. Когда Фалькрест нанесет удар, Ордвинн нужен нам единым. – Зате Олаке пристально посмотрел на изменников и вздохнул, не скрывая своей усталости. – Губернатор Каттлсон планирует покончить с восстанием в первые летние деньки. Он собирается атаковать север. Его не остановит ничто, кроме кавалерии и фаланг Внутренних Земель.

И потому завтра мы должны рассеять «Сомнение предателя» – иначе нам конец.

Грязный, заросший, оборванный – он широко ухмыльнулся в мертвой тишине.

– Вы еще не забыли «Сомнение предателя»?

* * *

После совета Тайн Ху подошла к ним и произнесла, опустившись перед стариком на колено:

– Князь Лахта…

– Вультъяг! – Старик взъерошил волосы Тайн Ху. – Выглядишь сильной, племяшка. А я забрел на могилу Ко по пути на север. Притворился сумасшедшим, зато проскользнул мимо смотрителей. Жаль, старая орлица не видит нас сейчас – снова взбунтовавшихся и непреклонных.

– Ты недавно из Пактимонта. Любопытно! – Тайн Ху па миг повернулась к Бару, а потом принялась засыпать князя вопросами: – За зиму весть о восстании наверняка обошла все берега Пепельного моря. Были ли признаки… новости с кораблей, письмо или хоть символ? Тайный знак, предназначенный для твоих глаз?

Взгляд Зате Олаке заледенел.

– Нет, – отвечал он. – И для нас это, по-моему, к лучшему.

Бару взяла на заметку: поднять данную тему, как только Внутренние Земли встанут па их сторону.

А сейчас им обоим явно более всего хотелось поговорить о своем.

– Не буду докучать вам, – заявила Бару, оставляя Тайн Ху с тем, кто стал ей дядей, женившись па женщине, погибшей много лет назад.

Тайн Ко. Откуда она знает это имя? Кто упоминал его? Почему она прекрасно помнит голоса ириадских старейшин, а недавнее прошлое вылетает у нее из головы? Что ж, в детстве она не напивалась…

В дверях ее перехватила Эребог. На улице, за спиной княгини, застыли в ожидании ее дружинники с яркими факелами в руках, в красных табардах с эмблемой – глиняным человеком в языках пламени печи для обжига.

– Ваше превосходительство!

– Ваша светлость?

Бару оперлась рукой о косяк.

– Очень рада видеть вас на совете.

Какой дряхлой оказалась Глиняная Бабка! Волосы – белее снега, старческие пятна на коже – и древние, зловещие глаза! Ничего общего с острым алмазным взором Зате Явы! Нет, глазищи Эребог были словно сделаны из высохшей от времени кости, из цинги, из студеного отчаяния, из насквозь промерзшею камня.

– Лизаксу много рассказывал о вас, – продолжала она. – Он весьма впечатлен вами, а я захотела пообщаться с вами наедине.

Бару склонилась к ее руке, как учила когда-то Зате Ява. Но Эребог отвергла приветствие, скрючив пальцы.

– Хватит любезностей. У нас обеих еще куча дел. Однако я хотела дать вам совет.

Стремясь не уступить власти, сдерживая инстинктивную почтительность, Бару молча приподняла бровь в ожидании продолжения.

Но за улыбкой Эребог не пряталось ни смерти, ни угрозы, ни предостережений. Только ощущение наступившей старости, угасающего внутри огня – именно из-за него она предпочла говорить прямо. Кроме того, ей это ровным счетом ничего не стоило.

– Не делайте ничего по любви. Когда-то – далеко, в горах – я влюбилась в принца. Полюбила его без всяких расчетов, без единой задней мысли. Эта ошибка преследует меня до сих пор.

И Бару поняла, что старуха поделилась с ней сокровенной мыслью, общей для всей знати.

Но кто-то ведь уже просвещал ее, Бару, насчет роковой разновидности власти – власти крови и рода! Кто?.. Тайн Ху? Нет, Бару бы запомнила тот разговор.

Явно кто-то другой.

Вопрос этот буквально сводил Бару с ума!..

– У меня есть нужные инструменты. Мне надо двигаться вперед. И будущий король мне пока ни к чему.

– Но он понадобится. Я хочу, чтобы у моего рода в Ордвинне было будущее, а поэтому необходим тот, кто способен повелевать ненасытными, оголтелыми людьми. – Эребог отступила назад, в круг ожидавших ее копейщиков. – Будьте холодны, ваше превосходительство.

– Я такая и есть, – произнесла Бару. Огромная стена внутри ее дрогнула и растрескалась, а Бару ощутила сильное желание рассмеяться. – Такая и есть, – повторила она.

Эребог со свитой удалилась, а Бару осталась у дверей, ждать Тайн Ху. Из дома вышел Унузекоме – раскрасневшийся, тяжело дышащий. Он приветливо кивнул ей.

– Как я соскучился по парусам, – посетовал он и ушел в темноту без сопровождающих.

Бару подумала, не присоединиться ли к нему – она ведь тоже соскучилась по парусам. Нет, слишком опасно – во многих смыслах.

* * *

А затем судьбоносный день настал.

Совет собрался в древнем «Доме на холме» – прямо в центре Хараерода. Именно здесь в незапамятные времена мятежная ту майянская воительница водрузила свое знамя. Женщину заворожило то, как знамя развевалось под дуновением свежего ветра, и она воскликнула: «Отдыхайте и пойте – в этих краях будет мир и веселье!»

В зале из сосны и мрамора городские стражники Хараерода приготовили одиннадцать кресел с высокими спинками и одиннадцать стягов над ними. Комета Вультъяг, скальный пик Лизаксу, мельница Отсфира, парус Унузекоме, глиняный человек Эребог. То был мятежный север, а дальше начинались Внутренние Земли: бычья голова Игуаке, переполненный колодец Наяуру, наконечник копья Пиньягаты, блестящий кристалл соли Отра, пронзенный копьем вздыбленный скакун Сахауле.

И раскрытая длань Бару, хотя ладонь на знамени была бледной, как у стахечи, и не имела с ее настоящим цветом кожи ничего общего.

Когда в зал вошла Наяуру со своими консортами, Бару окаменела. Она тотчас узнала ее. Осколки воспоминаний и обрывки связующих нитей – все встало па свои места. «Идиотка, – подумалось ей, – что с твоей головой?» Но это уже не имело значения – ведь она узнала ее так поздно! Наяуру нашла способ подобраться к Бару окольным путем и выведать ее «слепые пятна», подсунув приманку из гордыни и тщеславия и оценив зубы жертвы по следу укуса. Строительница Плотин умело использовала принципы, отвергнутые Бару, и потому ускользнула из поля ее зрения.

Но теперь Бару считала ее равной. Бару видела, чего не замечает Наяуру, – к примеру, княжескую небрежность в мелочах… а еще веру в то, что гнев, страсть и благородство сильнее коварства и скрытных манипуляций простыми вещами наподобие денег.

Если ее удастся завоевать… Нет, надеяться на это нельзя – чересчур рискованно.

Строительница Плотин встретилась взглядом с Бару. Ее самоконтроль был великолепен. Бару не увидела в ее глазах ничего. Отсфир за ее плечом дернул себя за бороду. Ему было очень неуютно.

Последней явилась Игуаке, безмолвная сила, при появлении которой все вокруг замерли, точно перед грозой. Она превосходила Наяуру годами и накопленной за долгие годы властью, роскошью одеяний, драгоценностей и числом своей свиты. Но самым главным ее оружием стала тишина, которая тянулась следом за ней, словно шлейф.

Все ощущали ее ярость, впряженную в ярмо и готовую к работе, будто призовой бык. Рядом с ней живым копьем шагал Пиньягата, и его могучие руки были свободны и тоже готовы к делу.

– Начнем, – произнесла Бару, перехватывая инициативу.

И все пошло вкривь и вкось.

Унузекоме предостерегающе вскинул руку.

– Пусть сперва иликари благословят нашу встречу!

Отр Тузлучник – огромный, тяжелый – переглянулся с Сахауле, Конской Погибелью, через голову их возлюбленной Наяуру.

– Мы пока не бунтуем, – с надменной уверенностью пророкотал великан и расправил плечи. – Пактимонт не дозволяет благословений от иликари.

Сосредоточенный Лизаксу оживился.

– Пактимонт не дозволяет подобных собраний вообще, – возразил он и прищурил свои глаза старого, опытного и очень опасного лиса.

– Почему? – Сахауле пожал плечами. – Мы собрались, чтобы уладить спор между Наяуру и Игуаке. Спор, в который зачем-то… – Взгляд его скользнул по Бару и Тайн Ху, одетых в кольчуги и кожу. – В который зачем-то вмешались вультъягские разбойники. Здесь законные переговоры о мире между великими хозяевами Внутренних Земель. А вы – чужаки.

– Формальность, – ответила старая Эребог, отмахнувшись от слов молодого князя. Она целую ночь напролет совещалась с Зате Олаке, но никак не проявляла усталости. Для политических дел выносливости Эребог хватило бы на двоих. – Они предоставили вам свободу выбора только затем, чтоб вы смогли проявить лояльность, отказавшись от встречи с нами. И если вы намеревались играть в ваши глупые игры, то ваш выбор неразумен.

Наяуру, сидевшая в белом платье меж двух могучих консортов, хмыкнула.

– Странно слышать о неразумности выбора от Глиняной Княгини, чья мудрость оставила ей лишь выбор между бунтом и голодной смертью. Ты продалась Лизаксу за хлеб и цитрусы!

– Ладно, – проскрипела Эребог, устраиваясь поудобнее и словно взвешивая аргумент на обтянутой перчаткой ладони. Бару с трудом одолела страх перед равнодушной пустотой ее взгляда, гробовой снисходительностью к страстям молодых. – Сосед пришел мне на помощь, и я не оставила его без вознаграждения. Ты же решила воевать со своей соседкой Игуаке в угоду иноземному трону. Как следует наградить тебя, а?

Дело следовало взять под контроль.

Бару вклинилась в едва заметную паузу перед отповедью Наяуру.

– Главная пища Маскарада – информация, – выпалила она. Она должна их проконтролировать! Нужно просто использовать свой рост и голос, чтобы внушить князьям уважение. А иноземный «дикарский» вид только к лучшему – он поможет выудить их из моря собственных междоусобиц. – Вам давно все известно. Вы явились сюда, зная, что Пактимонт услышит об этом. Так что теперь совершаете акт открытого неповиновения. – Бару помолчала и обвела взглядом Наяуру, Игуаке и их вассалов. – Сегодня мы встретились, чтобы ответить на один вопрос: присоединятся ли к нашему восстанию князья Внутренних Земель?

Лизаксу еле заметно покачал головой. Бару осознала свою оплошность еще до того, как Игуаке заговорила.

Голос княгини зазвучал отдаленным грохотом тысячи пар лошадиных копыт.

– Но я собираюсь задать другой вопрос, – неторопливо вымолвила она, глядя на Наяуру величаво и грозно, будто устремившаяся вниз молния. – Вопрос моей союзнице, моей названой сестре – женщине, показавшей нам, сколь сильны ее надежды стать королевой.

В зале воцарилась тишина. Игуаке выдохнула и продолжала:

– Почему ты предала меня?

Нет, Бару сыта по горло! Махнув рукой на контроль, она позволила князьям схлестнуться в споре.

И все пошло как по маслу.

Игуаке обрушилась на изменницу Наяуру – зачем та напала на нее? Конечно, в целях самообороны! Помещики Наяуру, напутанные влиянием Честной Руки на крестьянство и раздосадованные преступлениями пришлых «шакалов», потребовали ответного удара по Игуаке. Унузекоме заявил, что это ложь, а притязания Наяуру не являются секретом ни для кого из князей. Отр с Сахауле в ярости поднялись против Унузекоме, но Наяуру одернула их, сохраняя благопристойный вид, что не помешало мятежному северу объявить ее тайной пособницей Маскарада. Как у нее рука поднялась предать Ордвинн, издревле стремившийся к свободе? Неужели трон ей настолько дороже?..

Словесная битва была в самом разгаре, но Бару слушала князей вполуха. Сама она лихорадочно перебирала в мыслях возможные точки опоры. Без треклятых Внутренних Земель им не одолеть Каттлсона. Чем живут эти края? Ремесленниками. Скотом, солдатами, чистой водой. Торговлей – в обе стороны: с севера на побережье поступает сырье, а обратно – провизия и иноземные товары.

Забыть про кровь и честь. Выкинуть из головы орудия Наяуру. Думать о главной цели.

Чью бы сторону – Маскарада или восставших – ни приняли Внутренние Земли, они заплатят за свой выбор дороже всех. И цену придется платить не только на нолях сражений, но и на рынке. Наяуру с Игуаке могущественны, однако им совершенно ни к чему вызывать недовольство своих помещиков и купцов. Значит, в первую очередь им нужны благополучие и власть в собственных владениях, а уж затем – трои Ордвинна.

Их – так же, как и Тайн Ху до знакомства со срочными сделками, – просят рискнуть. Нестабильность обойдется им гораздо дороже, чем лесному северу. Поэтому они будут

держаться стабильного Маскарада, чье средоточие силы лежит далеко и надежно защищено. И с этих позиций их не сбить. Восстание обречено.

Если Бару не сможет предложить им стабильность, то – увы!..

Она очнулась от размышлений посреди спора о браках – кто-то назвал Наяуру «безнравственной», фалькрестским словечком из афалона. Какая чепуха!

Она нашла нужный рычаг. Сейчас она будет управлять ими.

– Самая большая опасность – оставить Ордвинн без князей, – негромко произнесла Бару, игнорируя княжеский гвалт.

И опять наступила тишина.

Лизаксу оскалился понимающей улыбкой старого хищника, а другие воззрились на Бару в недоумении.

– Объясни! – сказала Игуаке.

– Люди хотят свободы, – вымолвила Бару, поднимая руку раскрытой ладонью вверх. – Я заронила в головы крепостных и помещиков мысль о жизни без вас. Если вы пойдете против них, они поднимутся и уничтожат вас. Разумеется, вы можете обратиться за защитой к Маскараду, который именно этого и ждет. – Бару выпрямилась во весь рост и продолжила говорить ровным тоном: – Каттлсон твердил, что им нужны князья, робеющие перед собственным народом, и народ, трепещущий перед Маскарадом. Но теперь вы боитесь меня, а народ Ордвинна устал впадать в панику по любому поводу.

Бару протянула руку вперед, как будто предлагая собравшимся незримый дар. Новую основу и опору. Бару Рыбачку, любимицу Девены.

– Фалькрест обрел свою мощь, избавившись от аристократии. Их «Наставление к вольности» написано кровью – княжеской и королевской. Вы, сидя здесь, думаете, что Пактимонт и Фалькрест защитят вашу власть, но они отшвырнут вас, как обглоданную кость, как только ваше время кончится. Ведь в конечном счете Маскарад стремится уничтожить княжества и сделать Ордвинн ровным и гладким, как линзы телескопов. Поэтому лучше обратитесь ко мне – и к народу, которым правите. Без нас у вас нет будущего.

Бару умолкла и насладилась недолгим мигом удовлетворения.

Когда заговорила Наяуру, Строительница Плотин, ее голос рассек тишину, подобно шипению змеи.

– Ты предложила моим людям лишь грабеж и дикость. – Мрачная, решительная, она поднялась с места, чтобы сравняться с Бару, и юная злость ее была острее обсидианового ножа, клинка Тараноке. – Я пошла войной на Игуаке, свою соседку и союзницу,

дабы уберечь мой народ от поступи войск Маскарада. Я вела честную войну копья и камня, дружинника и рекрута. Чем ответила на все ты, Бару Рыбачка, дочь чужой земли? Ты спустила «шакалов» на мои леса и деревни. На семьи, на беззащитных детей! – Она плюнула па пол. – То, что сделали твои солдаты в Имадиффе, говорит само за себя. Я слышала о мужчинах с выпущенными кишками и о сожженных заживо матерях. Такого не спрятать ни за сладкими речами, ни за мудрыми разглагольствованиями!

– Война никогда не щадит невинных, – заметил Лизаксу.

Губы Наяуру скривились в отвращении.

– Да. Но Рыбачка не любит их! Я никогда не отдам своих людей Бару Рыбачке. Ее власть построена исключительно на лжи.

* * *

Первый день совета закончился унизительным провалом.

Тайн Ху попыталась перехватить Бару на пороге.

– Займись «шакалами», – недовольно буркнула Бару.

Разочарование и унижение гнали ее вперед. Отчаяние и дурные предчувствия новых испытаний заставляли действовать в одиночку. Она обещала мятежникам Внутренние Земли. И она получит их – собственным умом и волей. Обойдется без политических браков с Наяуру, без благородных соглашений и даже без советов Тайн Ху.

Если ей не удастся, то па что же надеяться?

Бару направилась к лагерю княгини Игуаке. Среди сияющих отполированными латами шеренг копейщиков Коровьей Княгини дружинники Сентиамуты чувствовали себя неуютно. Оно и немудрено: Сентиамуты – все как на подбор – были оборваны и красноглазы.

Перед строем стоял, осматривая копья воинов, князь Пиньягата. Увидев Бару, он отсалютовал ей.

– Доброго вечера!

– И вам, ваша светлость.

– Славный зимний поход. Ваши «шакалы» отлично показали себя в военной кампании. Избавили меня от кое-какой грязной работенки. За что я вам искренне благодарен. – Оторвав занозу от ясеневого древка, он бросил на хозяина копья зверский взгляд. – Я слышал, с вами ходит стахечийская ягата. Корень моего родового имени… Любопытно было бы взглянуть на их снаряжение.

Бару кивнула.

– А Игуаке – она тоже благодарна? – осведомилась она.

Пиньягата пристально посмотрел на свою собеседницу.

– Девена направляет тебя, – наконец произнес он.

И Бару вошла в дом княгини – одна, без оружия.

Конечно, из всех князей Внутренних Земель наиболее веские причины встать на сторону восставших были именно у Игуаке. Наяуру скоропалительно напала на нее без объявления войны, и наверняка – не без поддержки Маскарада. Значит, оскорбленная честь, гнев или жадность – в общем, хоть что-то да заставит ее примкнуть к мятежникам. У нее нет выбора. Ее кавалерия и копейщики Пиньягаты скажут решающее слово в грядущей войне.

Она не может не примкнуть.

Княгиня Игуаке ждала Бару, сидя в центре застывшего в камне водоворота – мандалы из красного и белого мрамора.

– На колени, – приказала она.

Поперхнувшись гордостью, многими днями лесного похода, Бару застыла на месте. Но промедление не привело ни к чему.

Игуаке продолжала любезно улыбаться. Бару не отводила от нее взгляда.

Мощная, великолепная Игуаке с кожей цвета земли под паром любила украшения. На ее золотых браслетах были отчеканены быки и лошади, скачущие вереницами, – живое воплощение красоты и богатства империи ту майя. Сколь ничтожной, должно быть, казалась Бару в сравнении с ней – по-крестьянски поджарая, мускулистая, как чернорабочий, без титула, без детей, без всякой власти.

Бару опустилась на колени и склонила голову.

Игуаке скрестила руки на груди.

– Ты создала восстание из теней, – изрекла она звучным голосом владыки. – Хитрые богатства из бумаги и чернил. Призрачные армии лесовиков, лишенных доспехов. Брачные перспективы при отсутствии довольных любовников и доказательств способности рожать младенцев. Я слушала, как на совете ты предрекала князьям конец, и подумала: может, у нее нет ничего, кроме пустых речей?

Бару открыла рот, но Игуаке сдвинула брови и махнула рукой. Один из стражей ударил древком копья о каменный пол.

Бару была иноземной простолюдинкой на княжьем дворе. И пока еще ей не дали позволения говорить.

– Наяуру предала меня, и я охотно спущу с нее шкуру, – продолжала Коровья Княгиня. Ее драгоценности мелодично позванивали при каждом движении. – Но я понимаю ее. Она мечтает заполучить мои стада и пастбища – так же, как и я сама желаю присвоить плотины и мельницы в свою собственность. Она

хочет, чтобы ее дети породнились со мной, а мой род склонился к подножию ее трона. И она решила, что у нее есть шанс получить все это и вдобавок оказаться в фаворе у Пактимонта. Восстания открывают возможности, верно? А какие возможности можешь предоставить мне ты, Бару Рыбачка?

И княгиня указала своей дланью на Бару.

Та заговорила – без злости, без мольбы, взвешивая каждое слово.

– Ты пустила «Армию шакала» в свои владения. Ты дала нам людей и припасы. Мы в ответ разбили Наяуру, когда она пошла на тебя войной. Твои вложения окупились.

Игуаке многозначительно промолчала. Но Бару не сказала более ничего, и княгиня произнесла:

– Однако мой долг перед тобой – тоже призрачная тень. Он существует лишь в нашей памяти. Вероятно, я предпочту забыть о нем: теперь я могу выдать тебя Пактимонту, и в награду они уничтожат Наяуру и пожалуют мне ее земли. Но я могу выслушать ее блеянье, взять с нее виру[27] и вместе с ней истребить «шакалов». – Игуаке разглядывала Бару, точно бракованного жеребенка, неудачного отпрыска призового жеребца. – Сегодня я хотела услышать, что мне предложат восставшие. Но одними тенями тебе, Честная Рука, не перебить цены, которую готов платить Маскарад. Мы не забыли, что случилось с последним из южных князей, который присоединился к тебе: теперь народ Радашича склоняется перед стягом оленя. Мы помним о Дурацком Бунте и об участи тех, кто начал действовать слишком рано. Если ты хочешь, чтобы я рискнула воевать против Пактимонта, ты должна предложить мне реальные ценности.

«Сомнение предателя».

Бару подняла голову и взглянула в глаза княгини. Обдумала и тотчас отвергла последнюю мольбу: «Неужто свобода Ордвинна для тебя ничего не стоит?»

Ордвинн никогда не был добр к тем князьям, которые расплачивались кровью за идеи. Ордвинн привечал тех, кто платил кровью за власть.

И не только Ордвинн, но и весь мир. В конце концов, не Тараноке подчинил себе Империю.

– Я поняла твой вопрос, – сказала Бару вслух. – Ответ последует вскоре.

Глава 24

Ночью Бару призвала Зате Олаке в свой шатер для совета. Войдя, Незримый Князь застал ее за поздним ужином – Бару раздирала руками жареного цыпленка и лизала кристалл соли.

– Садись, – велела она.

Постанывая и покряхтывая, Олаке опустился в кресло напротив.

– Зима совсем лишила тебя инкрастических манер, – усмехнулся он, стягивая перчатки и привычно обшаривая взглядом шатер. – Или ты одичала в обществе Тайн Ху?

– Воспитанность княгини Вультъягской в описаниях не нуждается, – подтвердила Бару, разламывая бедренную косточку. Старик кивнул. – Интересно, кому из нас эта зима далась легче?

– Цинга в лесах против пактимонтской бойни… Трудно сказать! – Старик па миг смежил веки и плотнее запахнул плащ. – У меня было ухо в каждой стене и глаз в каждой лампе. Но всему уже пришел конец. – Короткий шипящий смех князя прозвучал как странное придушенное многоточие. – Видела бы ты улицы по весне. Всюду талая вода мешалась с кровью.

Отложив высосанные обломки кости в сторону, Бару слизнула с зубов костный мозг.

– Ты приказал погубить Мер Ло?

Зате Олаке встрепенулся. Его синие глаза полыхнули в полумраке и сделались лиловыми, словно кровоподтеки.

– Не забывай о военных планах Маскарада, которые я привез. Шифр, которым они записаны, можем прочесть только мы с Явой.

– Твой ответ «да»?

– Дитя мое, я очень давно играю в кровавые игры. Я знаю, как сохранить ценность своей жизни, – уклончиво произнес он.

Бару ободрала цыплячье крылышко.

– Если Мер Ло погубили вы с сестрой, то вы, естественно, хотите, чтобы я поверила, будто это было необходимо.

Зате Олаке устало вздохнул.

– Забудь о покойнике.

– Я веду собственную счетную книгу.

– Повторяю, забудь о нем! – взревел Зате Олаке. Бару вздрогнула, и цыплячье крылышко переломилось в ее пальцах. – Я ли погубил его или нет, была ли смерть твоего секретаря необходимой или нет – какая разница? Сейчас жизнь мальчишки уже не значит ничего! Если ты не сможешь сделать союзниками Внутренние Земли, атака Каттлсона на Инирейн завертится успехом, и его войскам будет открыт путь в сердце территории

восставших. Сколько морской пехоты ты перетопила в гавани Уэльтони? Туда явятся еще тысячи! И пойдут на нас, как обозленные пришельцы с того света. Ордвинн висит на волоске.

– На Инирейн? Интересно… – Бару поразмыслила, в уме переставляя фигуры по карте. – Вот каков его план? Он пойдет на восток, дабы закрепиться на реке?

– Он намерен использовать реку для переброски войск в наш глубокий тыл. На этом и строится его стратегия. Если мы сумеем встретить его на заливных лугах Зироха, перед самой рекой… – Морщины вокруг глаз Зате Олаке искривились, будто волшебные письмена, сами собой переводящиеся с одного языка на другой. – Решающая битва принесет нам победу в войне.

– Если у нас будут копейщики и конница.

– Если за нами будут объединенные Внутренние Земли.

Бару отодвинула цыплячий скелет, потянулась… и встала на четвереньки, балансируя на носках и кончиках пальцев рук.

– Годится, – проворчала она. – Я проверила книги. У нас почти нет ни гроша. Чтобы протянуть еще зиму, придется совершать грабежи. А денег нам не хватит даже до осени, особенно если дойдет до осады прибрежных фортов, не говоря уже о Пактимонте.

Старик уважительно взглянул на Бару.

– Полагаю, мы сможем победить Каттлсона в открытом бою.

– Кстати, позволь мне поделиться с тобой кое-какой забавной идеей. Вдруг кто-нибудь прознал, что мы надеемся только на одну решающую победу, и послал тебя с фальшивыми военными планами сюда? Может, этот человек хочет выманить нас в открытое поле?

Зате Олаке ухмыльнулся, и Бару сразу вспомнила о том, что старик долгие годы провел в Пактимонте, терпеливо, кирпичик к кирпичику, складывая фундамент восстания.

– Какой химией или чем-то другим они смогли бы меня принудить? Прежде чем я сломаюсь, им пришлось бы размотать мои кишки через глазницы. Дитя мое, я предаю заговорщиков исключительно по своей доброй воле.

– А твоя сестра, переславшая нам планы Каттлсона? – отрывисто спросила Бару. – Возможно, такова ее добрая воля.

Князь Лахта замешкался. «Даже ты сомневаешься в ней. Похоже, ты считаешь, что никто не способен столь надежно и хитро скрывать свою истинную лояльность. Гем не менее это возможно», – подумала она.

– У нас нет выбора, – подытожил Зате Олаке. – Либо мы объединяем Внутренние Земли и бьемся с Каттлсоном, либо пережидаем лето и опустошаем казну до самого донышка.

Бару дотянулась до настольной лампы – неуклюжего масляного светильника, верно служившего ей целую зиму, – и подняла ее между собой и стариком. Складки на его лбу стали еще глубже. Казалось, он сделался старше, чем этот мир.

– Княгиня Наяуру не присоединится к восстанию, которое возглавляю я, – заявила Бару. – Она не простит «шакалов» и не оставит своей мечты о возрождении империи ту майя.

Лахта прикрыл глаза от света ладонью. Тень пальцев легла на его лицо вороновым крылом.

– Если она присоединится к Каттлсону, за ней последуют и Отр с Сахауле. Они уравновесят Игуаке с Пиньягатой, и нам не победить.

Глядя на многоопытного старика, Бару с легкой печалью подумала, что он слишком стар и умен. Зря она так нагло надеялась, что ей по силам удивить или впечатлить Зате Олаке.

Как бы там ни было, она заговорила:

– Но наши проблемы можно решить одним ударом. Нам не хватает денег на продолжение кампании. Нельзя позволить Наяуру и ее консортам переметнуться к Пактимонту. А Игуаке не пойдет за нами, если я не смогу показать свою мощь.

Бару умолкла и вытерла перепачканные жиром и костным мозгом пальцы о штаны.

– Следующей ночью мы убьем Наяуру, Отра и Сахауле в их лагерях. Мы перебьем всех, кто пришел с ними, и прикажем разграбить их княжества для пополнения казны. Игуаке поднесем в дар лучшие земли Наяуру. Остальные достанутся княгине Эребог.

Как легко, как просто это прозвучало.

Как мало слов – но как много в них крови.

Губы Зате Олаке скривились, но вовсе не от отвращения.

– А я уж испугался, – пробормотал он, – что ты будешь настаивать на деликатных решениях.

Бару выбрала очередную мозговую косточку и примерилась, где ее удобнее разломить.

– А ты и впрямь подсунул мне медленный яд прошлым летом?

– Дитя мое, – ответил Зате Олаке со странной нежностью, – я решил, что ты сумеешь найти свою гибель и без посторонней помощи.

* * *

Бару послала за Тайн Ху, но остановила гонца, не успел он

сделать и трех шагов. Нет, ей не нужно встречаться с княгиней! Слишком опасно смотреть ей в глаза, отдавая приказы, или просто ждать, пока золотистые глаза охотницы не отыщут лазейку в сердце Бару.

Зачем зря рисковать? У Честной Руки еще полно дел…

– Приведи лучше кого-нибудь из иликари, – велела она. – Из самых надежных.

Пришедшая на зов жрица была из ныряльщиц Унузекоме – широкоплечая длинноногая пловчиха, привычная к глубине. Ее ту майянская кожа оказалась того же оттенка, что и у Бару. Может, это было совпадением, а может, чьей-то необдуманной попыткой позаботиться о самой Бару, чтобы она чувствовала себя привычнее.

Так или иначе, но иликари слегка походила на Наяуру, но гораздо сильнее – на двоюродную сестру Лао.

Бару подвесила масляную лампу к потолку, и та закачалась, играя тенями, будто крохотное, чахлое солнце.

– Отдыхай, – распорядилась Бару.

Иликари молча села. Бару наблюдала, как она устраивается, оценивая геометрию ее мускулов, рук и ног с тревожным восхищением. Она была сильна и высока ростом; в дыхании, наполнявшем ее грудь, в линиях бедер чувствовалась мощь. Труд сделал ее выносливой. Конечно, в масштабах мира ее сила невелика – она всего лишь сводится к способности глубоко нырять, высоко взбираться, побеждать в шуточных состязаниях и привлекать к себе восхищенные взгляды. Нет, этой иликари явно не судьба разорять князей и давать островам новые имена. Однако ее вполне хватило бы, чтобы властвовать в шатре и неприятно удивить Бару внезапным нападением или еще чем-то неожиданным.

Бару пожалела, что не убрала остатки цыпленка.

А жрица сидела и ждала – созерцательно, умиротворенно. Должно быть, последовательница Видд.

– Что ты делаешь?

Жрица наморщила лоб, вникая в неуклюжий иолинский Бару.

Глаза ее были круглыми, как у стахечи.

– Я ловлю жемчуг и принимаю роды.

– Ты ушла из дома, чтобы воевать. Но ты, наверное, мать, сестра, дочь. Как ты узнаешь, что с твоей семьей?

– Так же, как и прочие воины. Вся моя семья живет иод одной крышей. Рабочие руки там есть: при нужде без нескольких человек можно обойтись.

Несмотря на свои тревоги, Бару не удержалась от мысли, что Кердин Фарьер пришел бы в восторг. В Имперской Республике

под семьей понимали мужчину и женщину, отца и мать, необходимый минимум. Но здесь, как и на Тараноке, подход был иным – практичным, позволяющим освободить молодых и здоровых для войны и труда.

Хотя, нет, Бару ошиблась насчет Кердина. Ему, конечно, стало бы любопытно, как это можно исправить.

Мысль съежилась и снова спряталась в клубке тревог. Почему-то Бару захотелось плакать и забиться в угол.

– Я совершила ужасное злодеяние, – произнесла Бару и поразилась своим спокойным интонациям. – Настолько чудовищное, что теперь я могу совершить любой грех, обмануть любое доверие и пойти на все что угодно. Какой бы вред ни причинила я себе, хуже мне уже не будет.

– Продолжай, – отозвалась иликари.

Бару раскрыла рот, но теперь слова застряли в легких, как будто наткнулись на набухшую опухоль, на лавину, обрушившуюся с гор, на плавучую ориатийскую мину. Масштаб, глубина корней, выпавшее ей испытание, участь, на которую она обрекла себя…

– Нет, – прошептала Бару. – Не могу сказать.

– Что ты делаешь? – спросила жрица.

Наверное, это было в духе Видд – обратить к ней ее собственные вопросы и потом добраться до ее секретов.

– Я хочу спасти свой дом, Тараноке, – хрипло выдохнула Бару. – И я делаю для этого все.

– Ты покинула свой дом, чтобы спасти его, – откликнулась жрица.

Другие вопросы – о «матери, сестре и дочери» и о том, как она может знать, что с ее семьей, – остались невысказанными.

– Я зашла слишком далеко…

Бару задохнулась: она уже не могла плакать, да и не хотела: все силы вдруг разом оставили ее. Сейчас она даже не понимала, разумно ли она поступила – и грозит ли ей чем-либо только что сделанное признание.

– Я зашла слишком далеко, – еле слышно повторила она и поникла.

* * *

На рассвете она отправилась в шатер Тайн Ху, чтобы отдать приказ убивать.

Княгиню она застала за привычным занятием. Тайн Ху сидела на коленях напротив Аке Сентиамут, а между ними лежала

деревянная игральная доска. Бару умышленно избегала обучения этой игре: любая партия подразумевала бы череду поражений с ее стороны, и Тайн Ху, конечно, сразу сделалась бы невыносимой. Однако общий принцип Бару понимала. «Крестьяне» занимали «поля». «Знатные» получали силу после того, как «поля» возделывали «хлебопашцы», а затем сражались с другими «знатными».

Но сейчас высшая каста Тайн Ху явно туго затянула пояса. Княгиня читала книжицу в кожаном переплете, неуверенно шевеля губами, и, в зависимости от ее успехов в этом таинственном занятии, Аке улыбалась, хохотала или качала головой и снимала с доски несколько «крестьян» Тайн Ху. Вероятно, партия была обучающей – положение Тайн Ху на доске улучшалось или ухудшалось соответственно ее успехам в чтении, что помогало ей сконцентрироваться.

Как любопытно они выглядели рядом: ночная птица, пантера – Тайн Ху и бело-золотой олень в медвежьей шубе – Аке. Однако при всей своей несхожести они держались как равные.

Мгновение Бару наблюдала за ними молча (стража не объявила о ее появлении: «шакалы» знали, что громко объявлять о прибытии Честной Руки просто означает указать на нее наемным убийцам). Тайн Ху сидела, будто готовая стремительно выпрямиться пружина. Она сосредоточенно смотрела в книжку и порой задумчиво наматывала на палец прядь распущенных волос.

Бару почувствовала некоторое удовольствие: в походе Вультъяг никогда не позволяла себе непроизвольных жестов. Необычной оказалась и сама беседа с Аке: женщины то и дело перебивали друг друга, жестикулировали живо, без расчета, смеялись свободно… А когда Тайн Ху отвела взгляд в сторону и окаменела лицом, встревоженная только что сказанным или пришедшей в голову мыслью, Аке по-товарищески хлопнула ее по запястью. Это, насколько Бару могла судить, не несло в себе двойного смысла, не скрывало под собой тайного сообщения или глубоководного маневра.

Было бы здорово еще чуть-чуть постоять и посмотреть на другой мир, к которому Бару не принадлежала никогда. Но и это было чересчур рискованно. Все-таки она находилась на территории Тайн Ху – в ее княжеском шатре…

– Вультъяг! – позвала она княгиню. – На пару слов.

Тайн Ху вздрогнула от неожиданности, а Аке едва не прыснула со смеху.

Но они разом встали и склонили головы, и Тайн Ху отпустила своего командира охотников, положив Аке руку на плечо и шепнув что-то на стахечийским. И вот в этом жесте Бару

распознала некий скрытый смысл, переданный сквозь плотное сукно и медвежью шерсть.

– Не стесняйтесь, – произнесла Бару с притворной беззаботностью. – Покажите, что это у вас?

Аке покосилась на Тайн Ху. Вультъяг выгнула бровь:

– Приказ Честной Руки.

И Аке, выходя из шатра, подала Бару книжицу. Раскрыв переплет, Бару прочла название, отпечатанное аккуратными блоками иолинских символов: «Букварь и основы грамматики афалона, торгового языка Империи, изложенные доступно пониманию туземцев Ордвинна».

Будто сколопендру взяла! Ей тотчас захотелось отшвырнуть книжицу прочь.

Тайн Ху наблюдала за Бару с безучастной улыбкой – год назад эта улыбка еще могла скрыть от Бару глубокое смущение княгини.

– Учусь читать. Хочу иметь возможность не только подглядывать, как ты пишешь, но понимать твои заметки, – объяснила Тайн Ху. Губы полуоткрыты, взгляд лукав – в общем, все контрмеры приняты! – И наконец-то я узнаю, что ты читаешь. Ох, скоро я разгадаю, что за безумие движет тобой!

Чтобы не думать, Бару начала действовать. Она смерила Тайн Ху пронзительным взглядом, буквально подчиняя княжеский шатер себе, и шагнула вперед.

Тайн Ху замерла от удивления, а потом тряхнула головой.

Приблизившись, Бару отдала ей букварь.

– Ведь ты говорила, что от врага не стоит перенимать ничего.

– Одну вещицу не стоит упускать из виду, – промурлыкала Тайн Ху, захлопывая книжку, но не забирая ее. На миг книжка соединила их – Бару не касалась ее пальцев, но чувствовала их тепло. – Я оценила кое-что из созданного Маскарадом. Может принести пользу. Или даже удовольствие.

Тайн Ху заправила за ухо прядь распущенных волос, но та выскользнула обратно.

Ее проклятые глаза – такие жгучие, так близко, ее ужасная, ненавистная, незабываемая улыбка… Бару была в панике, вызванной и книжкой, и тем, что могло случиться в эту секунду. Отчаянно избегая ошибки, которую ей безумно хотелось совершить, Бару прибегла к инструменту тупому, но действенному. Потянув носом, она сказала:

– Да, кое-что полезное у них имеется. Например, чистка зубов – буквально творит чудеса.

Тайн Ху рассмеялась:

– Капризная девица! Выкопала столько нужников и до сих пор

жалуешься на утреннюю вонь изо рта? – Отступив к своему вещмешку, Тайн Ху отыскала кисет с анисовой жвачкой. – Чем могу служить? Ты знаешь, что ответить Наяуру?

– Почему ты не с ней?

– Хм?..

– Она горда, толкова и амбициозна. Кроме того, молода и привлекательна. Твой типаж, с какой стороны ни взгляни.

– Истинная правда, – согласилась Тайн Ху, бросая Бару жвачку – зернышки аниса, завернутые в лист мяты. Бару поймала ее, не удержала и подхватила в воздухе со второй попытки. – Но ее вкусы далеки от подобных союзов. Уверена, ты убедилась в этом собственными глазами.

– Хватит! – Изобразить недовольство было совсем не сложно. – Что такое со всеми вами стряслось? Стоит кому-нибудь помянуть Наяуру, моментально начинаются ехидные замечания о ее страсти к мужчинам. Она построила величественные плотины и отличные дороги, создала грозное войско, ее амбиции естественны, ее союзы прочны. Неужели вы настолько боитесь ее, что жить спокойно не можете, если не низведете княгиню до уровня портовой сводни, развлекающейся со своими мальчиками?

Некоторое время Тайн Ху молча жевала, сузив глаза.

– Ты ее уважаешь.

– Да, – Бару позволила себе вздох. – Она хитра. И может переиграть меня снова.

– И как ты считаешь…

– Без всяких тонкостей.

Челюсти Тайн Ху замерли.

– Я прикажу убить ее, – проговорила Бару, глядя в глаза своего генерала. – Ее, Отра и Сахауле. Сегодня ночью, в их собственных лагерях.

Тайн Ху смотрела на Бару немигающим взглядом и не шевелилась. В конце концов она отступила к игральной доске, опустилась на колено и оперлась руками оземь. Теперь темнозолотые глаза взирали на Бару со страстной преданностью, говорившей яснее всяких слов. Сердце Бару дрогнуло: она поняла искреннюю мольбу Тайн Ху. Княгиня безмолвно говорила Бару о своей чести. Она относилась к Наяуру как к равному и достойному противнику и уважала себя. В жилах Тайн Ху текла благородная кровь – она не могла опуститься до подлого ночного убийства.

– Как прикажешь, повелительница, – произнесла Вультъяг, нарушив тишину.

– Нет, – выдавила Бару. У нее запершило в горле, как будто от дыма и выпивки. – Нет, Вультъяг, не ты. Ты не услышишь от

меня подобных просьб, у меня есть другое оружие.

Тайн Ху не отводила от Бару пытливого взгляда. Сейчас опасность была в полуоткрытых, губах и в силе дикой пантеры, но следовало быть начеку.

– Ты – Честная Рука, – вымолвила Тайн Ху. – А я – твой генерал, и я поклялась добыть тебе победу любой ценой. От своей клятвы я не отступлюсь. – В голосе ее, прежде спокойном, зазвучал горячий, необузданный гнев. – Я правлю маленьким, бедным и слабым княжеством! У меня нет ни мужа, ни наследников, ни надежных союзов, ни прочных плотин! Мне нечего предложить повелительнице, кроме изворотливого ума и преданности. Не отказывайся же принять мои скромные дары.

Она продолжала смотреть на Бару.

Скользя к краю гибельной пропасти, Бару предпочла поддаться меньшей слабости, чтобы совладать с большей. Сжав предплечье Тайн Ху крепкой хваткой воина, она вздернула ее на ноги – и пробуравила ее взглядом Рыбачки.

– Ты дала мне клятву, и ты – мой инструмент, лучшее мое оружие, – прошипела она со всей яростью, на какую была способна. Наверное, она солгала, потому что успела спрятать истину за красивыми и все-таки правдивыми словами. – Преданность обоюдна, ваша светлость. Я не стану использовать свой лучший меч для того, с чем прекрасно справится яд.

Тайн Ху обнажила зубы и по-волчьи оскалилась, скрывая под ненавистью прочие чувства.

– Повинуюсь, – прошептала она.

И вновь воцарилась тишина. В силе ответного пожатия Тайн Ху чувствовалась благодарность, которую она не могла высказать вслух. Бару хотелось, чтобы тишина длилась вечно, однако Тайн Ху заговорила:

– Только не Зате Олаке. Он – лучший в нашей пактимонтской разведке, но его сеть уничтожена, а сам он сильно изможден и нуждается в отдыхе. И не Отсфир – он весьма нахрапист и прямолинеен. Лизаксу мог бы подойти, но он…

– Философия помешает ему.

– Да. Он – идеалист. Эребог меня пугает. Полагаю, лучший выбор – Унузекоме.

– Его иликари?

– Да! – Тайн Ху дерзко улыбнулась. – Они любят действовать сообща. И прежде никогда не обманывали моего доверия. Твоего, думаю, тоже. Кстати, ты и впрямь звала к себе в шатер Улу Зе составить тебе компанию?

– Ту ныряльщицу? Я не спрашивала ее имени.

– Вот чертовка! – рассмеялась Тайн Ху, ткнув Бару кулаком в

плечо.

– Нет! – воскликнула Бару в безуспешной попытке оправдаться. – Я не затем… я хотела просить ее совета, а не…

– Ладно, храните свои тайны, ваше превосходительство, – произнесла Тайн Ху и посерьезнела. – Унузекоме – беспроигрышный вариант. Но будь с ним очень осторожна.

Бару кивнула и направилась к выходу, но напоследок оглянулась.

– Конечно, ты бы и сама прекрасно справилась с задачей, – сказала Бару, побуждаемая какой-то гибельной, неразумной лояльностью. – Я не сомневаюсь в способностях вашей светлости.

Княгиня низко ей поклонилась. Броня ее вновь была тверда, а взгляд – насмешлив и незамутнен.

– Тогда поверь мне: я знаю, когда лучший способ помочь повелительнице – недеяние.

* * *

Стража Жениха Моря расступилась перед ней, освобождая проход, перешептываясь по-урунски и по-иолински: «Справедливость… Справедливость. К нам пожаловала сама Честная Рука».

Унузекоме завтракал в одиночестве, поеживаясь от утренней прохлады.

– Мне нужно попросить тебя об одолжении.

Он поднял взгляд от бумаг и карт. Хмурая озабоченность па его лице сменилась улыбкой.

– Все, что угодно, – ответил он вполне искренне. – Сколько же месяцев минуло с тех пор, как один из твоих замыслов едва не лишил меня жизни, и вот мы опять вдвоем! Что я могу сделать?

Бару объяснила, какие вести принес Зате Олаке, почему Наяуру и ее консорты станут для них балластом и что она решила предпринять. Унузекоме внимательно слушал ее, стиснув губы.

– Тебе скажут, что так в Ордвинне не принято поступать, – заявил князь, когда Бару закончила говорить. – Дескать, нельзя нарушать древний кодекс чести. Но я пережил Дурацкий Бунт и видел, чего стоит соблюдение кодекса чести во время междоусобных войн. Тогда земля в Ордвинне пропиталась кровью…

Как непохоже все это было на реакцию Тайн Ху.

– Ты согласен?

– Да. И, с твоего разрешения, попрошу кое о чем взамен.

Бару ухмыльнулась, отнюдь не разочарованная его прямотой.

– Попробуй.

Унузекоме отодвинул в сторону хлеб, бутыль с вином и резко подался вперед.

– Я организую убийство. А мы вместе поедем на юг, в Уэльтони!

Надо же!

Да, она не забывала о такой возможности и ожидала чего-то подобного – хотя, скорее, от Отсфира.

Унузекоме часто спрашивал ее, отчего Бару решилась на бунт, и добавлял: «на моих картах сказано: Тараноке». Он всегда держался любезно, был уважителен и терпелив, что не мешало ему оставаться князем, никогда не забывающим о власти.

А может, он услышал историю, закончившуюся чем-то еще более желанным, чем неизведанные моря.

– Погоди, дай сказать! – воскликнул он и протянул руки к Бару. Ссадины от канатов на его запястьях поблекли, превратившись в браслеты шрамов. – Просьба, конечно, своекорыстная. Каждый из нас думает о том, чем закончится наша игра, кто станет королем. Но послушай меня: у тебя есть настоящий дар управлять, а я могу предоставить тебе целый флот! Ты будешь повсюду, Бару! А муж и дети помогут получить признание народа! – Он невинно захлопал ресницами и простодушно улыбнулся, дескать: «А я что? Я здесь абсолютно ни при чем!» – В общем, ваше превосходительство, я считаю, что это – рациональное решение. Но я, разумеется, не счетовод.

Какую тайну открыл он жрице-иликари в храме масла и света? Какой секрет может уничтожить Жениха Моря?

Отчего ей сразу подумалось именно об этом? Ведь он – князь. Он с детства привык к политическим интригам. Кроме того, он даже не нападает на нее. По крайней мере, с его точки зрения.

Унузекоме уверенно смотрел на Бару. Ей захотелось отказаться немедленно – вот к чему толкал инстинкт, старый, как ее дружба с Аминатой.

Ох, Амината, дошли ли до нее вести о предательнице Бару Корморан?

Бару насупилась. Нет, она не позволит превратить собственное тело в орудие политики.

А на задворках ее сознания угнездилась мысль (до чего же Бару дошла, если приняла ее во внимание в последнюю очередь?), что это – совсем не то, чего ей хочется. И Унузекоме – совершенно не тот, кого ей хочется.

Однако Унузекоме ей необходим.

Пять минут назад она думала о нем как о друге, нежели как об орудии Честной Руки. Дурочка! Она вела себя глупо – ведь

испытание так близко! Но, если она откажет и даст Унузекоме повод заподозрить ее в намерении отдать руку кому-то другому, как он поступит? Отсфир долго враждовал с Вультъяг после подобного отказа.

Бару не могла позволить себе ошибаться. Нельзя оставлять без контроля ни единой детали, как бы любезна и симпатична та ни была.

Чем ближе развязка, тем бессовестнее и бесчеловечнее она должна действовать.

Бару мило улыбнулась, опустила взор.

– Надеюсь, ты понимаешь, что я выслушаю и остальных. Мне нужно подумать, – тихо произнесла она.

– На большее я и не надеялся.

Надо бы пошутить. Гортанно рассмеяться. Поднять подбородок, взглянуть ему в глаза, без слов сказать: «Не теряй надежды»…

– Они должны умереть, – добавила она. – Сегодня ночью.

Глава 25

Второй день совета закончился полной победой Наяуру. Бару не пыталась одолеть ее. Вероятно, у нее бы и не вышло, даже если бы она пустила в ход все, на что способна. Отр с Сахауле надежно прикрывали фланги ее риторики!

Да, Строительница Плотин убедительно доказала, что Маскарад не победить, а терпение и молчание Пактимонта нужно понимать как милосердие – ведь именно таким образом мятежным князьям дают шанс повиниться и заслужить снисхождение.

Естественно, снисхождение могла обеспечить только выдача Бару Рыбачки Зате Яве с Каттлсоном.

Зная, что произойдет ночью, Бару не смогла удержаться от последнего довода:

– Отчего ты хранишь им верность? Твои связи для них – проклятие! – Указывая на Отра и Сахауле, она не отрывала взгляд от Наяуру – юной женщины, чья внешность, притязания и воля были столь похожи на ее собственные. – Княгиня, зачем ты отдаешь в руки инкрастов свой будущий род? Зачем тебе лояльность на рабских условиях?

– Затем, что – с моей лояльностью или без нее – Маскарад останется жив и здоров! – Жаркая, искренняя ненависть к «шакалам» Бару звучала в каждом ее слове. – Я не хочу зайти в тупик, и у меня есть все шансы на успех! Никому в мире не одолеть стен Фалькреста извне. Пусть мы победим и сбросим врагов в море, но они вернутся с кнутом и пряником. А с ними мы станем сильнее и научимся вести с ними переговоры! К нам будут прислушиваться!

Значит, сходство Наяуру с матерью Пиньон – всего лишь в выборе партнеров. И Отр с Сахауле вовсе не похожи на Сальма и Солита! Мысль об этом буквально обожгла ее, однако самым ужасным стал последний довод самой Бару – строгие рамки наследования, «одна мать, один отец»…

Находить в нем утешение было противно, но удержаться она не смогла.

Махнув на все рукой, она молча таращилась на Наяуру.

«Ты горда, горяча и благородна – и поэтому тебе конец. Я отыскала твои „слепые пятна“ так же, как и ты – мои. Мы помечены одинаково. Ты тоже не чувствуешь власти крови. Правда, ты – знатного рода, я – нет. Зато я не связана законами древней чести. Но сейчас мы уважаем друг друга, хоть ты и не веришь, что я способна на нечто подобное. Но я способна», –

думала Бару.

Тем временем иликари разнесли приказы по лагерям и домам – саперам, лучникам, кавалеристам, и дальше – в лес, где спрятались «шакалы». Те сразу же оживились и начали смыкать кольцо.

Приказы гласили: «Ночью они должны умереть».

Совет завершился.

Бару покинула зал с пересохшей глоткой и натянутыми, точно струны, нервами. Снаружи ждали дружинники с оседланными лошадьми для Бару и Тайн Ху.

Неуверенно держась в седле, Бару двинулась к лагерю но улицам, изрытым ямами. Тайн Ху присоединилась к ней. По дороге Тайн Ху дважды заговаривала с Бару: в первый раз посоветовала свернуть с тропы в лес, второй – вызвать подкрепление, например, ягату Дзиранси в сверкающих латах и с длинными копьями. Но Бару отрицательно качала головой: все должно было выглядеть как обычно.

На совете она не обменялась с Унузекоме даже взглядом. Все, что касалось резни, было целиком предоставлено Жениху Моря.

Из лагеря «шакалов» навстречу им вышла Аке Сентиамут.

– К вам прибыли верховые. Княгиня Наяуру просит о личной встрече. Они надеются поскорее получить ваш ответ.

«Хватит с меня», – подумала Бару голосом Аминаты.

– Передай им, что я встречусь с ней в «Доме на Холме».

Тайн Ху схватила Бару за плечо, звякнув перчаткой о кольчугу.

– Тебе туда нельзя! Куда девалась твоя расчетливость? Подумай, во что ввязываешься!

Бару бросила взгляд в сторону – мимо долины и мимо хараеродских земель, где горели костры лагеря Наяуру. Прикосновение Тайн Ху внушало одновременно тревогу и уверенность.

– Она опасается ловушки. Это проверка. Если я откажусь, она поймет, что мы задумали.

– Тогда обмани ее. Ответь, что выезжаешь, и скройся в лесу.

– Не настолько она глупа. За нами могут шпионить.

Бару глубоко вдохнула, чтобы утихомирить бьющееся сердце. Солнце на западе клонилось к закату.

– Но ты права. Отыщи Зате Олаке. Спроси его совета.

Тайн Ху вернулась быстрым галопом и натянула уздечку, резко остановив белого скакуна.

– Он знает человека, который нюхом чует любую измену. Это стахечи-лесовик – тот самый, который спас ему жизнь. Зате Олаке послал его в «Дом на Холме».

– Отлично. Вперед!

Бару развернула свою кобылу но направлению к Хараереду.

– В лагере сохранять спокойствие! – крикнула она Аке. – Обычная бдительность, и не более того. Ночных тревог не ожидается.

* * *

Горожане, не успевшие выпрямить спины после дневных трудов, провожали Бару, Тайн Ху и их стражу беспокойными взглядами. Бару возвращалась в «Дом на Холме» и старалась не смотреть на их измученные лица, на которых поблескивали воспаленные глаза.

Городской шум утихал с наступлением сумерек, и грохот копыт казался кощунственно громким.

А где-то неподалеку беззвучно начали воплощаться в реальность ее кровавые планы. Унузекоме не должен оплошать.

Они выехали на мощенную булыжником площадь перед домом совета. Окна его пылали ярким светом от множества ламп. Тайн Ху выбрала из охраны двоих:

– Ступайте вперед. Проверьте, нет ли измены.

Бару извелась от нетерпения и от вздорного нрава доставшейся ей кобылы.

«Вдруг Жених Моря отступил в последний момент? Тогда все пошло прахом», – подумала Бару, до крови изжевав щеку изнутри.

– Копье брошено, – шепнула ей Тайн Ху. – Пусть летит.

Бару кивнула, считая вдохи и выдохи, и бросила на Тайн Ху благодарный взгляд. Княгиня ободряюще коснулась ее плеча.

Вернувшиеся стражники доложили: все в порядке. Наяуру и ее почетный караул находились в доме.

Конечно, человек Зате Олаке явно затаился где-то поблизости.

– Позволь мне пойти вместо тебя, – вымолвила Тайн Ху. – Пусть ловушка сработает на мне.

– Что? – Бару выпятила подбородок, скопировала серьезную мину Тайн Ху и скривилась. – Тебя невозможно перепутать со мной!

Тайн Ху невесело усмехнулась.

– Не время шутить. Она убьет тебя.

– Она признала меня ровней и не опустится до предательства.

– Неужели? – бесцветным голосом произнесла Вультъяг. – Я поклялась умереть за тебя, не делай же из меня лгунью.

Бару прикусила губу. Ей вспомнилась трапеза на балконе

«Речного Дома» и ожидание взрывов в гавани Уэльтони. Ей и прежде доводилось рисковать, и она до сих пор жива.

– Езжай за мной.

Они пересекли площадь в сгущающихся сумерках. На западе, заслоняя последние лучи заката, плыли огромные черные тучи.

Спустя минуту в «Доме на Холме» возникло движение. Темные силуэты замелькали в ярком свете окон. Они напоминали причудливые призрачные тени, словно бог вулкана вырвался из-под земли, плюясь пеплом и осколками обсидиана. Бару замерла.

Сейчас на них с Тайн Ху полетит град стрел из окон и с крыш… Вот-вот раздастся грохот ориатийской взрывчатки, заложенной под мостовой, а потом жгучая вспышка негашеной извести довершит дело…

Внезапно двери дома широко распахнулись. На пороге, озаренном светом ламп, стояла Наяуру. Казалось, что ее свободное платье излучает сияние.

Когда же, Унузекоме? Когда?

Строительница Плотин ступила вперед, на булыжную мостовую. Свет упал на ее лицо, на гордый ту майянский нос, на волосы, умащенные маслом… и на белую иену, пузырящуюся на губах и под носом.

Что бы она ни хотела сказать, слова ярости, ненависти или сожаления вышли наружу невнятным клекотом. Последний вздох, покинувший ее грудь, рассыпался в воздухе брызгами слюны.

Наяуру рухнула на булыжники плашмя. Послышался хруст сломанных костей.

– Что случилось? – нарочито громко воскликнула Тайн Ху, чтобы перекричать вультъягских стражников.

Бару заглянула в зал совета. Одиннадцать кресел под одиннадцатью величавыми знаменами… и множество трупов в одеяниях цветов княжества Строительницы Плотин. Гибель их оказалась страшна: они умерли в корчах, цепляясь друг за друга, пытаясь добраться до дверей.

Глядя на поверженную княгиню, на мертвую мечту о царстве, распростертую на грубых камнях, Бару не ощутила ни малейшего торжества.

Тайн Ху предостерегающе шикнула.

Из обители смерти вышел какой-то человек. Его лицо было прикрыто влажной тряпкой, а волосы оказались ослепительно-рыжими.

Он был одет в засаленный костюм охотника и шел, сгорбившись, прижав руки к груди.

Бару завороженно смотрела на его неверную поступь.

«Нет! Не может быть», – подумала она в ужасе.

– Не трогайте его! Это лесовик Зате Олаке! – догадалась Бару, вскинув руку, чтобы остановить стражников.

Голос Тайн Ху звенел от тревожного напряжения.

– Что произошло?

Судя по предсмертной агонии, Наяуру и ее люди задохнулись от угарного газа. Такие отравляющие вещества, по слухам, изобретали в фалькрестском Метадемосе. Но как лесовику-стахи удалось добыть газ?

Стахечи? А если…

Нет. Конечно же, нет.

Рыжеволосый направился к ним уже более уверенной походкой.

Бару задрожала, как будто ее тело узнало его прежде разума.

«Что? Нет! Нет, это невозможно», – опять пронеслось у нее в голове.

Она наверняка ошиблась!

А он уже размотал тряпку (та оказалась липкой, клейкой от химикалий), глубоко вдохнул и посмотрел на закатное небо. Бару разглядела на лице мужчины безобразный багровый шрам от кислотного ожога. Тонкие мускулы его шеи шевельнулись, как безупречно точный механизм.

Он взглянул на Бару.

– Честная Рука, – произнес он по-стахечийски и тотчас перешел на афалон с великолепно подделанным грубым акцентом. – Готово. Передай Зате Олаке, что я не подвел его.

Он влажно кашлянул и коснулся своей груди. Может, он хотел специально продемонстрировать Бару то место, куда вонзился арбалетный болт, некогда сбросивший его в воду?

– Ты знаешь его? – спросила Тайн Ху.

Стало слишком темно, чтобы различить огни, кольцом окружившие Хараерод. Эти столбы грязного света вздымались к небу на западе и юго-западе – там, где разбили лагерь Наяуру и ее союзники.

Бару помолчала.

Парализованная страхом, она смотрела на человека-ремору по имени Чистый Лист.

* * *

Иликари убили союзников Наяуру при помощи их же собственных лошадей.

Переодетые хараеродскими служанками и работницами, иликари беспрепятственно прошли через лагерь Наяуру в

окрестный лес. По пути их призрачная армия, надежно скрытая от посторонних глаз, отметила, где расставлены караулы, и сообщила об этом надежной тайнописью гонимых.

Следуя их указаниям, в лес на юго-западе и в город на северо-востоке выдвинулись саперы Отсфира с негашеной известью, нефтью и маслом. Они начали готовить поджоги.

Дым должен был стать началом резни, а яд – отрезать все пути к спасению.

Войско Наяуру привело с собой боевых коней – оружие устрашения, неодолимое в битве. Но животных следовало кормить.

И, пока князья заседали в совете, иликари отравили лошадиный корм.

Перед самым закатом Жених Моря подал знак. Весть понеслась вперед. Саперы поднесли факелы к маслу.

Когда начались пожары и деревья окутались дымом, а яростный жар хараеродских окраин достиг лагеря Наяуру, боевые кони взбесились от боли и страха.

Они разом вышли из повиновения и понеслись – визжа, гадя на бегу и сметая все на своем пути. Вырвавшийся на волю хаос превратил лагерь в ревущую вонючую мешанину стоптанных шатров.

Услышав крики, Отр Тузлучник понял, отчего его кишки целый день стягивало узлом дурных предчувствий. Услышав тревогу, Сахауле, Конская Погибель, сразу пожалел о том, что еще на миг не задержал Наяуру в объятьях и не шепнул, как любит ее.

Десять рот отборных лучников князя Отсфира открыли огонь из леса и с хараеродских крыш.

Нет, вассалы Наяуру не теряли бдительности. Разведчики и саперы князя Отра были начеку и потратили два дня, защищая лагерь от пожаров. Сахауле недаром хвастал непревзойденной дисциплиной своих солдат. Но их караулы, охотясь за «шакалами», выдвинулись слишком далеко в лес. А лучшие шпионы отправились в лагеря мятежников и ко двору Игуаке – вынюхивать измену – и поэтому совершенно упустили из виду иликари.

Наяуру говорила своим консортам и советникам о предательстве.

И они усердно искали любые признаки измены. Муштровали солдат. Расставляли пикеты. Но хитрость иликари, добывших фалькрестское золото со дна уэльтонской гавани, одержала верх над их бдительностью.

Сахауле погубила собственная верность. Собрав стражу, он помчался к «Дому на Холмс», надеясь спасти княгиню Наяуру.

Лучники Отсфира заметили их отряд и перебили воинов. Сахауле выбрался из-под туши своего мертвого коня и, хромая, поплелся вперед. Он преодолел добрых полмили, падая, поднимаясь и неустанно проклиная свое прозвище, сыгравшее с ним столь злую шутку. Наконец он попался на глаза некоему мстительному рекруту Игуаке.

И то, что произошло между ними, стало развязкой совсем другой истории.

Могучий князь Отр устремился в эпицентр событий, дабы навести порядок в лагере. Иликари, подобравшаяся к нему, столкнулась с главой разведки Тузлучника и проиграла состязание клинка и яда. Отр приказал барабанщикам и трубачам сигналить: «Все на северо-восток, сбор на Поясной дороге».

Вероятно, он смог бы организовать отступление и сумел бы совладать с хаосом.

Однако в его лагерь с воем ворвались берсерки-книжники Лизаксу, связавшие друг друга кишками выпотрошенных солдат и коней. Глава разведки Тузлучника истекла кровью и погибла в общей суматохе, но вторая иликари, выслеживающая Отра, отомстила за свою мать.

Так погиб Отр Тузлучник. Перед смертью он звал своего осиротевшего сына.

Зажатое меж двух огней, лишенное командования и конницы, войско Внутренних Земель задыхалось от дыма, но предприняло попытку отползти… и напоролось на очередную измену.

Фаланги хараеродской стражи, горожане-солдаты, купленные деньгами и нашептываниями подсылов Игуаке, а наипаче – верой в мудрого правителя, который помог им выбиться из нищеты и пережить зиму, – заткнули бреши в кольце пожаров. И изможденные воины Наяуру оказались перед стеной из доброй тысячи двенадцатифутовых копий.

Окрестности огласились боевым кличем: «Честная Рука! Честная Рука!»

Уцелевшие в бойне повернули назад, отметая прочь приказ продвигаться к Поясной дороге. Но орда полубезумных людей и лошадей продолжала напирать на них и гнать вперед.

И они продолжили бегство к собственной гибели.

Лучникам Отсфира не хватило стрел на столь огромную толпу.

Но копья у фаланг не кончались.

К утру четверть Хараерода сгорела дотла. Люди Честной Руки строго-настрого предупредили горожан, что груды человеческих трупов и конских тел необходимо сжечь, а всю питьевую воду на будущее – тщательно кипятить.

Пострадавшим семьям была обещана вира: по золотому за погибшего, по три – за сгоревший дом.

* * *

Бару отказалась приближаться к Чистому Листу, пока его не заковали в цепи.

Дружинники привязали руки и ноги человека-меноры к тяжеленным камням, сорвали с него одежду и проверили очищенного на предмет ножей, дротиков или реагентов, из которых мог получиться смертоносный газ.

– Зачем все это? – кипятилась Тайн Ху, пока дружинники разбирались с Чистым Листом. – Он спас жизнь и тебе и Зате Олаке. Он убивал ради тебя. Чем он заслужил такое обращение?

Бару стояла молча, боясь не только шевелиться, но и думать. Она просто окаменела. Ее испугало не только внезапное появление человека-меноры, но и то, что он собой символизировал. А его рыжие волосы – может, он выкрасил их нарочно, чтобы передать сообщение? Дескать: не забывайся, Рыбачка?

В конце концов, после раздумий, она изрекла:

– Он – инструмент Фалькреста. Человек, специально обработанный, чтобы служить для шпионажа и быть наемным убийцей. Он мог явиться сюда по приказу Каттлсона.

– Но зачем Каттлсону смерть Наяуру? Зачем ему посылать этого тина на помощь Зате Олаке?

– Помнишь, как ты повезла меня смотреть беспорядки в Пактимонте? Что ты сказала мне тогда?

Тайн Ху говорила о том, что методы Маскарада весьма изощренны. Да, хитроумие – излюбленная стратагема Зате Явы, Маскарада и тех, кто стоит за Безликим Троном.

Тайн Ху приложила к губам два растопыренных пальца.

– Ловушка? Боишься, что ему приказано любыми средствами втереться в доверие и предать нас в решающий момент?

– Именно.

Но тогда почему – Чистый Лист? Ведь его знают и Бару, и Унузекоме. Почему не послать другого очищенного? Неужели их уже не хватает?

Стражник Бару подал знак. Пленника подготовили к допросу.

– Никого не впускать! – рявкнула Бару.

Тайн Ху склонила голову. Совсем недавно от этого почтительного жеста у Бару стало так пугающе тепло на душе…

Бару спустилась по каменным ступеням в подвал, куда

бросили человека-менору.

Очищенный посмотрел на нее и заплакал.

– Приказывайте! – взмолился он.

И его физиономия со свежим шрамом от кислотного ожога вдруг ожила. Череда жутких неподражаемо выразительных масок – детская обида, влюбленность, озабоченность, тревога – пробежала по лицу человека-меноры, словно флажный семафор с борта горящего корабля.

Казалось, он безмолвно кричал: «На помощь, на помощь, на помощь!»

– Используйте меня, ваше превосходительство. Найдите мне применение, – произнес он и заплакал чистыми прозрачными слезами.

Но Бару видела перед собой лишь ходячую катастрофу. Не человека в беде, но сломанный механизм.

Наверное, она поддалась самообману: но так было, несомненно, проще.

И разве у нее имелись хоть какие-то альтернативы в данной ситуации?

– Вздохнуть, – вымолвила она, надеясь, что команда сработает. – Отвечай, какое задание тебе дали?

– У меня нет задания, – опустошенно ответил он, садясь, насколько позволяли цепи на руках и ногах. – Правоблюститель наказала меня за то, что я не сумел остановить вас в Уэльтони. Велела кастрировать меня, чтобы мой род не продолжился, и сказала, что я – неудачный экземпляр. Я уже не очищенный, а выбракованный. Теперь я не мшу получать приказы от губернатора и правоблюстителя.

И человек-менора принялся легонько раскачиваться из стороны в сторону: в его бесцельных движениях было нечто неправильное, болезненное, мучительное. Похоже, безупречное колесико гигантского механизма и впрямь разладилось…

Бару охватила жалость. Его предназначение – угождать Имперской Республике: беднягу сконструировали и обработали еще до рождения. И что они с ним сделали в итоге? Умыли кислотой, да еще…

Его забраковали и выгнали вон. Он стал им не нужен.

Зато его подарили Бару.

А вдруг Зате Ява сделала это намеренно? Чтобы снабдить Бару полезным орудием?

– Значит, ты пришел ко мне за приказами, – продолжила она. – Я – имперский счетовод, высшая власть в пределах твоей досягаемости. Чтобы найти меня, ты воспользовался За те Олаке.

– Я скрылся от правоблюстителя, как только она отреклась от

власти надо мной. И отправился искать вас. – Лицо его в совершенстве отобразило отчаяние – казалось, бесстрастный череп пытается выразить чувства при помощи мастерски изготовленной маски. – Вы служите Имперской Республике, и я по-прежнему могу служить вам. Иерархический переход позволяет мне выполнять свое предназначение.

Старое знакомое наслаждение, ее первый и любимый наркотик… Не забываться!

– Да, я служу Фалькресту. Не бойся, ты будешь служить мне. Расскажи, почему ты убил княгиню Наяуру.

Простоватая улыбка – облегчение и искренняя радость: наконец-то он может повиноваться опять!

– По распоряжению главы вашей разведки, Зате Олаке превысил свои полномочия. Но ход его был мудр и дерзок, из тех, что принесли ему княжество, а его сестре – пост нравоблюстителя.

– Доложи мне все, что тебе известно о планах Маскарада на грядущее лето.

– Каттлсон замышляет победить в единственной решающей битве близ Инирейна. Надеется поднять свой авторитет в глазах Фалькреста, восстановив порядок в Ордвинне до начала следующего налогового периода. Провизии у него – в изобилии, но Пактимонт охвачен эпидемией. Правительственная казна пуста. Принципал-фактор Бел Латеман, которому он доверил финансовые дела, недавно женился на Хейнгиль Ри, что отвлекло его от исполнения должности. Вдобавок молодая жена настраивала его против Каттлсона.

Данные Зате Олаке получили подтверждение. Хорошо. Конечно, их необходимо перепроверить – на случай, если все подстроено Зате Явой, но на то есть разведчики.

– Что замышляла Наяуру? Намеревалась ли убить меня в «Доме на Холме»?

– Не могу знать.

– Кто распорядился погубить Мер Ло?

– Не могу знать! – Честные глаза человека-меноры вновь наполнились слезами. – Мне очень жаль…

«Тише, – едва нс вырвалось у Бару, – не плачь». Но механизму Чистого Листа не помогли бы утешения Рыбачки. Единственно доступное ему блаженство заключалось в подчинении. Таким уж он был создан.

А орудия Маскарада не заслуживали сострадания.

Бару придвинулась ближе и понизила голос:

– Расскажи все, что тебе известно об истинной лояльности Зате Явы.

– Правоблюстителя?!

Чистый Лист шарахнулся прочь. Камни, к которым были привязаны его руки и ноги, скрежетали о половицы. Миг он сидел с отвисшей челюстью, пребывая в изумлении от только что сделанного открытия.

– У нее нет власти над тобой, – мягко и терпеливо заверила его Бару. – Самый верный слуга Фалькреста в Ордвинне – я.

– Зате Ява служит будущему Ордвинна. Ее заботит лишь собственная способность контролировать это будущее, обеспечить грядущий мир. – Человек-менора облегченно вздохнул. – Она полагает, что через Жрицу-в-свете-ламп держит под контролем иликари, которых сама же преследует. Она тратит их, как разменную монету, покупая доверие Каттлсона. Но ее обманывают. Жрица подчиняется не ей. Верховные властители шпионят за Зате Явой через свою агентуру и считают ее перспективной. Вероятно, ее введут в круг избранных.

– Что?! – Забыв об осторожности, Бару подступила к нему и опустилась на колено. – Повтори! Подробнее!

– Верховные властители. Коллективный разум, правящий Маскарадом. Закрытый круг, где каждый зависит от каждого. В это сообщество возводят избранных. Приглашенных подвергают проверке. Успешно пройдя ее, они получают власть определять стратегию Имперской Республики, занимаясь высшей политикой и уделяя внимание улучшению человеческой породы.

Какое счастье в его голосе! А ведь еще недавно щекотливая тема находилась под строжайшим запретом!

Упершись ладонями в половицы, Бару склонилась к нему и зашептала:

– Кто из иликари принадлежит к их агентуре? Кто такая «Жрица-в-свете-ламп»? Кто из иликари служит Фалькресту?

Чистый Лист засиял от счастья. Механизмы условных рефлексов в его голове защелкали барабанной дробью, вознаграждая его за службу.

– Она – пактимонтская жрица Химу. А тайный храм расположен над ламповой мастерской.

Хранительница секретов. Иликари, записавшая на староиолинском все, что может уничтожить восставших.

Женщина, которой Бару открыла свой второй по тяжести порок.

И она навечно запечатлела его на пергаменте…

– Чистый Лист! – прошипела Бару. Позже она вспомнит это с тревожным торжеством в душе. – У меня есть для тебя задание.

* * *

Тайн Ху и Зате Олаке стояли рядом с Бару и провожали взглядами охотника-стахечи, который ускакал на юг на резвом чалом иноходце.

– Эх! – проскрипел Зате Олаке. – А мне он, пожалуй, пришелся по нраву. Я думал, честный парень! – Он подмигнул Тайн Ху. – Очищенный, говорите? Что ж, вполне возможно. Он сказал, что послан Зате Явой.

– Я нашла ему применение, – заявила Бару. – Дело нужное, и притом – вдали от нас.

Позади них раздался стук копыт – прибыл князь Унузекоме с почетным караулом. Жених Моря ловко спрыгнул с седла и протянул Бару руку.

– Я отправляюсь в Уэльтони – собирать флот и охранять устье Инирейна. Потребуются ли Честной Руке мои корабли?

«Как хочется еще раз услышать, как ты говоришь „Тараноке“, – подумала Бару. – Жаль, что по-твоему не выйдет».

– Твоим флотом командует адмирал, лучше которого нельзя и желать, – улыбнулась она. – А твои иликари хорошо послужили мне. Жди моих гонцов каждую неделю. И будь осторожен: когда Каттлсон начнет нас атаковать, одной из главных его целей станешь именно ты.

Но Унузекоме ждал продолжения. Надеялся, что она добавит: «Да, мне нужны твои корабли, и лучше мне отправиться в Уэльтони с тобой».

Но Бару больше не проронила ни слова.

Глаза Унузекоме на миг сузились – от разочарования или от боли, и он сжал кулаки.

– Ладно, – пробормотал он. Внезапно голос его дрогнул, на миг, который требовался, чтобы произнести имя. Жених Моря утратил свою любезность и процедил: – Полагаю, лучникам Отсфира посчастливится взять верх.

– Ваша светлость, – проговорила Бару, вернувшись мыслями к бесстрастному расчету, что завел ее так далеко. – Подожди.

Князь скрестил руки на груди и замер.

«Он симпатичен, – подумала Бару. – Фигура замечательная, неглуп».

И в его взгляде уже не было ни ревнивой ярости, ни вспышки негодования.

Но от Чистого Листа она узнала, что доверять иликари нельзя. А Жених Моря был издавна связан с иликари и частенько прибегал к услугам жриц-ныряльщиц.

Необходимость действовать беспощадно и безжалостно становилась сильнее день ото дня. Путь к развязке превратился в узкую горную тропу, ведущую но краю бездонной пропасти.

Малейший толчок, любой неверный шаг приведет к катастрофе. Любые слабости – прочь.

Придется поступить именно так.

Кроме того, Унузекоме мечтал стать легендарным героем..

– Флот Маскарада… – произнесла она и потупилась с напускной скромностью. Тайн Ху нахмурилась, а Унузекоме – коротко, едва заметно ахнул. – Флот Маскарада, отброшенный от наших берегов, – вот что произвело бы па меня глубочайшее впечатление.

Глава 26

Теплым туманным утром вскоре после резни Бару пригласила княгинь Игуаке и Эребог объехать предгорья Кидзуне и посмотреть на раздел их новых земель.

Конечно, это было своего рода бегством из Хараерода – она уже вдоволь нанюхалась дыма сжигаемых трупов. Но ей действительно хотелось поглядеть на дележ добычи – на плод своих трудов, на доказательство необходимости ее жестоких, бесчеловечных мер. Должна же и сама Бару придать себе уверенности перед завершением игры!

Отправив Тайн Ху готовить «шакалов» к следующему походу, Бару взяла в качестве охранника богатыря Дзиранси. Что ж, такая «смена караула» ей тоже не повредит. Кстати, оказалось, что он не умеет ездить верхом. Не важно, это послужило поводом пройтись пешком! Теперь она шагала по дороге, опустив голову, обливаясь потом, и внимательно считала биение своего размеренного пульса.

Когда солнце выжгло туман, они поднялись на разрушенную сторожевую башню древнего стахечийского форта.

Бару узрела на западе голубую гладь водохранилищ и первые всходы на полях Наяуру. Обширные владения мертвой княгини уже тлели от гари. С такого далекого расстояния солдат было не разглядеть, но дымы указывали на армию лучше всяких знамен.

Эребог досадливо прищелкнула языком и велела дружиннику подать зонтик от солнца.

– Там твоя кавалерия, верно?

– Мои лошади. И воины «шакалов», – уточнила Игуаке, покосившись на Бару. – Я велела им сжечь все, если им окажут сопротивление.

– Разве тебе не жаль своих наделов?

Игуаке пренебрежительно шевельнула левой рукой, и нефритовый браслет зазвенел о платиновое запястье, точно колокольчик.

– Мертвецы – превосходное удобрение.

Укрывшись в тени зонтика, Эребог оглянулась на Бару и усмехнулась – вероятно, предлагая вместе посмеяться над спектаклем Игуаке или разделить ее наслаждение от столь великолепного предательства. Княжества Отра и Сахауле принадлежали ей. Она оставит наследникам не только жалкий глиняный карьер.

Бару лукаво улыбнулась в ответ, словно говорила: «Удостоверилась в том, насколько я непреклонна и холодна?»

Эребог коснулась бока лошади Игуаке.

– Ты не взяла с собой ничего от солнца? Могу предложить запасной зонтик.

– Ты – прямо как бабка.

– Я и есть бабка.

– Да уж… бабка при куче глупых и нищих детей.

Бару прикусила язык, чтобы не расхохотаться. Коровья Княгиня не разменивалась на зонты – ее дружинники уже ставили шатер. Но Эребог беззаботно гнула свою линию:

– Может, и так. Надеюсь, хоть кто-то из них порадует бабку богатыми и учеными внуками.

– Честная Рука. Говорить сейчас? – негромко спросил Дзиранси на ломаном иолинском.

На стахийском богатыре был нагрудник от его лат – стальное произведение искусства, какого не смог бы повторить никто в Ордвинне. Бару очень хотелось содрать его, как панцирь с краба, и забрать для пристального изучения. И Дзиранси был вполне достоин своего доспеха: дисциплинирован, сдержан, восхитительно немногословен – пусть даже причиной тому был языковой барьер.

А еще за ним угадывалась некая тайная сила.

– Идем, – сказала она и увлекла его подальше от княгинь, к полуразрушенной стене. – В чем дело?

Он устремил взгляд на запад. Глаза его были странно зелеными, как пламя горящего бария.

– Очень красиво. Совсем плоско. Хорошая земля. Я не видел такой. Дом Хуззахт вырублен в горах… – Он начертил пальцем в воздухе ступенчатую линию. – Водяные машины. Насыпные фермы.

Бару отважилась вспомнить пару-тройку стахечийских слов.

– Твой народ – идти юг? Торговать. Жениться. Земля теплее.

Подбородок Дзиранси задрожал: он тоже едва удерживался от смеха. Смутившись, Бару перешла на иолинский:

– Вы ведь хотите этого, не так ли?

– Я скажу, чего мы хотим, скоро. – Он оперся на древко копья. – Тогда я буду готов спросить. В правильном месте, под добрым камнем. Ответь мне: что будет с… – Он кивнул на запад, в сторону плодородных угодий Наяуру. – С плоской землей?

Проверив надежность древней каменной кладки, Бару оперлась на стену.

– Саперы Игуаке пойдут к Найу на восходе и пригрозят вскрыть плотины. Угроза уничтожения их владений заставит помещиков Наяуру подняться против тех, кто сохранил ей верность, и просить мира. Затем будет устроен брак одного из

уцелевших детей Наяуру с кем-нибудь из наследников Игуаке, и Игуаке станет править Внутренними Землями. Владения вассалов Наяуру достанутся Эребог.

– Эребог… – Стахечийское имя легло на его язык ровно, будто кирпич в кладку. – Эребог задавала опасные вопросы. По-стахечийски, на языке Домов, без ордвиннского акцента. Она спрашивала о человеке, которого любила, – о повелителе клана.

– Что ты сказал ей?

Дзиранси попробовал кладку рукой в латной перчатке и нахмурился: ближайший к нему камень пошатнулся.

– Я не сказал ничего. Молчание – сила. Но я знаю, что он пал. Владыка Дома Юченис – он пал.

Драгоценные сведения! Бару вцепилась в возможность выяснить как можно больше.

– Он зашел слишком далеко?

– Он хотел связать свой дом с Эребог. Получить плоскую землю и стать королем. Но в нем не было нужды. А мы принимаем только тех королей, в которых есть нужда. – Дзиранси постучал по шаткому камню, и тот вывалился из стены. – На нас идет Маска. Мы приняли Короля по Нужде. Он хочет возвыситься над остальными, как и Юченис. Но превосходит его величием. Понимаешь? Его рука шире. Он… – Дзиранси поднял и растопырил пятерню. – Человек-созвездие. Большие глаза. Длинные руки. Он набирает силу. В плоской земле ее много – очень много.

– Король по Нужде послал тебя на юг, – выпалила Бару, но расспрашивать дальше стало невозможно. Игуаке и Эребог, спешившись, направлялись к ним.

Эребог рыкнула что-то по-стахечийски, и лицо Дзиранси замкнулось, превратилось в равнодушную маску.

Игуаке стащила с левого предплечья простой платиновый браслет.

– Руку, – велела она.

Бару подала ей правую руку. Игуаке надела браслет на ее запястье и двинула вверх – да так, что украшение врезалось в кожу.

– За то, что ты сделала с Наяуру, – произнесла Игуаке, не отпуская Бару. – Но твой подлый, бесчестный поступок принес мне то, к чему я стремилась, и это я ценю превыше всего другого. – Она повернула браслет, и он скользнул но влажной от пота коже Бару. – Думаешь, теперь ты станешь моей королевой?

Бару вспомнила, как она, отчаявшаяся простолюдинка, стояла перед Игуаке на коленях.

– Считаю, что я выиграю еще одну войну, – ответила она,

гордо подняв голову.

– Без моей кавалерии ты не выиграешь даже состязания, кто дальше брызнет, – отмахнулась Игуаке, глядя на Дзиранси оценивающим взглядом. – Но в тебе играет странная сила, шакалиха. Через тебя снисходит дыхание Химу. Если получишь трон, помни о том, что я была голодна. И потому воспользовалась тобой, дабы убить Наяуру и взять все, на что я давно нацелилась. Сейчас я наелась до отвала. Держи меня в сытости, не то я проголодаюсь вновь.

Эребог закатила глаза.

– Послушай себя! Мычишь, как ненасытная дойная корова: «Крови! Земли!» У Наяуру хотя бы была мечта.

– Я хочу того же, что и Наяуру! – Голос Игуаке перехлестнул речь Бабки, как талые воды – плотину. – Я создам империю для моего народа. Я отомщу за пролитую кровь и отвоюю историю у пришлых из Фалькреста. А главная разница между мной и Наяуру в том, что она мертва, а я жива! Мои дети вымарают ее имя изо всех песен и всех родословных книг. И твое, Эребог, заодно – и это самое лучшее, на что ты, жалкая старуха, можешь надеяться.

Эребог расхохоталась и собралась было сказать какую-то старую мудрость, но Бару подняла руку, пресекая ее дальнейшие речи.

– Кое-что я ценю больше, чем твою кавалерию, Игуаке, – заявила Бару. – Твоя исключительная откровенность позволяет доверять тебе, княгиня.

* * *

Кавалерия Игуаке и фаланги Эребог шли по землям Наяуру тяжкой поступью. Помещики Наяуру, которым безумно хотелось восстановить покой и сохранить свое положение, перебили верных вассалов погибшей княгини, возвели на княжий стол одного из сыновей покойной повелительницы и запросили мира. Игуаке обещала выдать за мальчика свою дочь. Дело было сделано.

Она получила земли и богатства Наяуру. И встала на сторону восставших.

Эребог отправила в край, где раньше властвовала Наяуру, своих солдат. Изможденные и донельзя изголодавшиеся, они были слишком слабы для грядущей битвы, но вполне могли послужить заслоном от княжеств Отра и Сахауле, которые пока остались без правителей.

Но Эребог понимала, что набеги па угодья бывших вассалов

Наяуру помогут ее войску прийти в боевую форму. Да и казна ее, конечно, пополнится в летние месяцы.

Восставшие собирали силы для битвы.

Двигались на юго-восток, к Инирейну, к великому водному пути, соединявшему Уэльтони с мятежным севером. Сомкнутым строем шли стройные фаланги Пиньягаты, текли неисчислимые табуны и стада из загонов Игуаке, скрипели колеса повозок с припасами и золотом Отсфира.

На заливных лугах долины Зирох, где дорога из столицы сворачивала на восток, к реке, им предстояло встретить разбуженный гнев Пактимонта.

Честная Рука со своим генералом проверили северные леса и подняли войско, которое они кормили и вооружали целую зиму. Повсюду их встречали восторгом, шумным и буйным весельем – иликари, матери, отцы и купцы приветствовали живое воплощение грядущей свободы. Славили будущее без инкрастической дисциплины, вгонявшей их тело и труд в Фалькрестские рамки.

Несколько дней Тайн Ху и Бару Рыбачка ехали бок о бок сквозь заросли сосен под крики соколов с высоты.

За ними пришел к Инирейну лес копий. Фаланги воинов грузились на баржи Отсфира, которые отправлялись вниз по реке – туда, где был разбит огромный армейский лагерь.

Проследив за баржами, генерал и падший имперский счетовод вернулись в Вультъяг.

В княжеских владениях Бару первым делом увидела стаю хищных птиц, круживших над лесом. Их тени крохотными мазками ложились на зеленый холст долин и холмов. На севере шумела вода, падавшая вниз сквозь водосбросы замкового шлюза. Они остановили коней у заставы на перевале. Княгиня Вультъяг держалась в седле прямо и легко, в отличие от Бару, до сих пор не сумевшей подружиться с лошадьми.

Тайн Ху вздохнула.

– Если мы победим Каттлсона и тебе отдадут трон…

– Не надо! – взмолилась Бару, опасаясь выдать свою неимоверную усталость и щемящую тоску при мысли о предстоящих испытаниях. – О чем угодно, только не о битвах и тронах.

В долине, раскинувшейся у их ног, сокол стрелой ринулся вниз, на невидимую добычу.

– А ты пала духом, – констатировала Тайн Ху.

Поерзав в седле с жесткой спинкой и не найдя облегчения, Бару привстала в стременах и оглядела реку и крохотные созвездия домов, каменоломен и мельниц.

– Что за народ живет в княжестве Наяуру? – спросила Бару и подумала, что, наверное, здешние люди ничем не отличаются от тех крестьян, которых она отдала Игуаке, будто скотину.

– Понятия не имею. Я никогда не была на западе. Хотя ту майянской крови там много, как и у меня.

Бару усмехнулась.

– Я полагала, что ты знаешь об Ордвинне все.

Княгиня скорчила обидчивую гримасу.

– Наша страна огромна. В каждой долине деревень – что звезд на небе.

– Ты промахнулась на… – Бару сощурилась. – Примерно на десять порядков величины.

Тайн Ху уныло покачала головой.

– Зате Яве стоило бы запретить браки счетоводов с поэзией.

Позади них раздался шорох. К ним приближались двое – первым шел Дзиранси, за ним – Зате Олаке. Почтительно опустив взгляд, Дзиранси мрачно, серьезно заговорил по-стахечийски.

– Он хочет держать совет, – перевел Зате Олаке. Голос его звучал напряженно – похоже, дело не терпело отлагательств. – Говорит, что видел достаточно и теперь надеется действовать. Я прекрасно понимаю, что это может означать для Ордвинна. Прислушайся к нему.

– Нет Честной Руке покоя, – пробормотала Тайн Ху. – Попомните мои слова.

И она обратилась к Незримому Князю:

– Тогда едем в мой замок. Побеседуем в безопасном месте.

Бару пришпорила коня и поехала вниз – на миг она увидела перед собой лишь бездну и лавину событий, увлекающую в пропасть и ее, дикарку с Тараноке.

Она всегда помнила, что этот момент неизбежен. Но не ожидала, что он явится внезапно и поглотит ее. Ее едва не застали врасплох…

* * *

– Сядь на трон, – произнесла Тайн Ху.

Они стояли на возвышении в тронном зале замка над водопадом. Деревянные балки под потолком краснели в свете факелов. В воздухе сильно пахло хвоей. От двери к княжескому трону вела дорога из грязных отпечатков подошв, оставленных тысячами просителей и все еще не отмытых.

– Он твой, – возразила Бару. – Кто из нас княгиня?

– *Я* – твой генерал и дала клятву служить тебе. Я не могу

сидеть выше тебя.

– Но у меня нет никакого формального положения. Я – простолюдинка.

Бару ожидала отповеди, очередной хитрости придворного этикета. Но Тайн Ху продолжала пытливо смотреть на Бару.

– Когда он будет излагать просьбу, ты должна сидеть, – пояснила она. – Такова традиция.

– Садись. А я встану рядом. Тогда я буду выше тебя, а ты сохранишь свое законное место.

– А ты и впрямь Честная Рука. – Тайн Ху устроилась на троне, зазвенев кольчугой о камень. – Готова?

Уловив в ее голосе напряжение, Бару с тревогой повернулась к Тайн Ху, надеясь ей помочь. Но в зал уже ввалился Дзиранси – непреклонный, суровый, сверкающий доспехами. Его сопровождал Зате Олаке, вымытый и переодевшийся в простое платье.

Богатырь в великолепных латах, посланник таящихся за Зимними Гребнями сил, о существовании которых Маскарад, в общем, и не подозревал, замер перед троном.

Он заговорил – негромко, почтительно, шипя на согласных, со стахечийским акцентом Домов своей родины. Речь его звучала как торжественная присяга.

Зате Олаке принялся переводить:

– Мой народ был отцом Ордвинна, а твой – матерью. Мы бились с ту майя за эту землю, пока их империю не пожрали жуки, а нашу не сломил холод. Ордвинн остался, а мы исчезли, ушли на север, приникли к стенам своих домов за горными пиками и начали биться за соль, цитрусы и пахотную землю. Великая ассамблея раскололась, и мы увязли в междоусобицах.

На некоторое время богатырь умолк.

– Теперь стахечи поднимается в страхе перед новой силой, рожденной на берегах Пепельного моря, перед империей лжи и монеты, – изрек он наконец. – Маскарад хочет подчинить своим законам весь мир. Неприятели похитили прекраснейшего из наших принцев, взяв на абордаж его корабль. Среди братьев принца мы выбрали и короновали Короля по Нужде. Он долго резал камень и ковал сталь, готовясь к войне. Он послал лучшую из своих ягат на разведку.

Дзиранси сделал паузу. Седые, косматые брови Зате Олаке взлетели вверх в комическом восторге. Тайн Ху рядом с Бару испустила долгий изумленный вздох.

Дзиранси вновь заговорил, и Зате Олаке продолжал вслед за ним:

– Король по Нужде, мужчина из Дома Хуззахт, мой брат,

послал меня на юг, дабы я проверил слухи о восстании. Он нуждается в союзниках. Но я нашел для него гораздо большее.

Зате Олаке внезапно улыбнулся, качнулся на пятках и с необычайным воодушевлением закончил – лишь на миг позже Дзиранси:

– Я нашел для него достойную королеву. Вместе… – Он запнулся, проглотив торжествующий смех. – Вместе Ордвинн и Король по Нужде смогут прогнать Маскарад.

Опустившись на колено, Дзиранси замолчал.

Никто не сомневался, что Бару станет королевой. Среди восставших ее коронование подразумевалось само собой. На этом согласились за ее спиной еще до начала.

Бару взглянула на Тайн Ху – княгиня, выпрямившись, застыла на троне, словно стрела с оперением из волос цвета воронова. крыла. Поймав ее взгляд, княгиня указала подбородком в сторону Дзиранси, будто говоря: «Он спрашивает тебя, а не меня».

«Не хочу я короля», – подумала Бару. И, наперекор железной клетке самообладания, сквозь прутья и засовы, сквозь бесконечное самоистязание и самоотречение пробилась затаенная мысль.

Она оказалась мучительной, точно острая щепка, загнанная под ноготь.

«Я знаю, чего хочу».

Глаза Тайн Ху стали пустыми и темными, как штормовая ночь.

И Бару заговорила – величаво, уверенно, краденым тоном благородной властительницы:

– Многие желают править вместе со мной. Многие пробуют купить мою руку дарами. Мне сулили флотилии быстроходных: кораблей и армии превосходных лучников. Сейчас же мне предлагают целый народ, с которым я пока даже не знакома. Я не способна заглянуть через горы и коснуться каменных стен, окружающих ваши селения. И не могу оценить характер вашего славного Короля но Нужде.

Дзиранси что-то прогудел, не поднимая глаз от пола. Переводя, Зате Олаке с трепетом взирал на Бару.

– В делах государственного строения зодчий должен быть особенно аккуратен. Сперва надо заложить фундамент дара и благодарности. Король по Нужде готов показать свою силу, которая принесет тебе грядущую победу. Ягата из двух тысяч воинов Дома Хуззахт ждет у истоков Инирейна. По первому твоему пожеланию они отправятся на юг, в Зирохскую долину, и присоединятся к битве. Вот какой дар Король по Нужде шлет тебе безвозмездно, только ради того, чтобы ты не сомневалась в его

великодушии и в храбрости его воинов.

Да, знатный вид будет у Каттлсона на иоле боя, когда против него поднимут знамена две тысячи стахечийских воинов! А какой гвалт поднимется в Фалькресте, когда там поймут, что призрачная северная империя вполне реальна и разъярена до предела!

– Соглашайся, – прошептала Тайн Ху. – Нельзя отказать человеку, который одним мановением руки может обеспечить тебе победу. Не забудь и о фалангах у истока Инирейна.

Взгляд Зате Олаке тоже умолял Бару не сходить с ума.

Что ей ответить? Столь щедрый подарок – все равно что принуждение.

У нее нет выбора.

Кроме того, пробуждение этой скрытой доселе силы сработает в ее пользу.

– Я принимаю предложение, – вымолвила Бару.

Дыхание Тайн Ху резко прервалось. Дальнейшие слова прозвучали в абсолютном безмолвии.

– Я согласна принять дар. Передай Королю по Нужде, что после победы я встречусь с ним и посмотрю, смогу ли я принять его как мужа.

* * *

Две недели промчались в тумане чернильных клякс и звездного света. Бару строчила письма, пока запястье не сводило судорогой. Она без устали диктовала финансовую политику Отсфиру, слагала поучительные проповеди для неугомонных рекрутов в Зирохе и даже отвечала на возобновившиеся с недавних пор философские вопросы Лизаксу о политике Маскарада.

«Как могла ты, личность, мыслящая предельно рационально, – писал он, – поверить в наши шансы на победу настолько, что решила восстать? Не боишься ли ты их постепенного возвращения? Как, по-твоему, есть ли нам на что надеяться на протяжении пяти десятилетий или даже ста лет?»

Бару ответила: «Князь Высокого Камня! Превыше всего прочего я забочусь о долгосрочности своих планов».

Давно ли они стояли на балконе, и он говорил о том, что революция – это грязное дело, и за все нужно платить, однако он – не разменная монета?..

Кому, как не Лизаксу, знать: беда философии в том, что изначально она не выдерживает испытания жизнью.

Княгиню Вультъяг она почти не видела. Тайн Ху слишком долго отсутствовала: она хотела привести в порядок замок, но то была лишь отговорка, не так ли? Честная Рука и ее генерал прошли плечом к плечу всю зиму – как равные боевые товарищи. Они говорили между собой как подруги. Иногда…

Но вот возникла сделка со стахечи.

Теперь Бару должна править, а Тайн Ху будет ей служить.

Тайн Ху избегала ее.

В ее отсутствие Бару часто советовалась с Зате Олаке – тот постоянно отдавал дань пиву, но деловой хватки вообще не утратил. И какое пиво – старик был пьян от радостного возбуждения. Он давно смирился с тем, что смерть настигнет его прежде, чем воплотятся в жизнь его мечты, и вот теперь понял, что помирать рано.

Его мечты начинали сбываться!

– Жаль, Ява не видит тебя сейчас, – сказал он однажды Бару, когда они совершили набег на кладовые Вультъяг в поисках каких-то особых сыров. – Она замкнулась в своей жестокости. Приучила себя к мысли, будто в мире ничто не пойдет как надо, если не управлять им наижесточайшим образом. Ява думала, что ты – обычная неопытная девчонка, которая не способна командовать. Она забыла… – Зате Олаке довольно рыгнул. – Забыла, что математики делают свои лучшие работы именно в молодости. Верно? Мне один фалькрестиец говорил.

Бару обнаружила, что и сама заразилась его оптимизмом.

– Что будет с Зате Явой, когда мы осадим Пактимонт? Толпа разорвет ее в клочья!

Глаза Зате Олаке блеснули из-за края пивной кружки.

– Я вытащу ее из любой передряги. Сколько раз она спасала меня в те годы, когда я корчил из себя Незримого Князя. Наши поступки, волею Девены, со временем возвращаются и к нам самим.

* * *

Все ждали от Унузекоме послания: «Каттлсон идет к Инирейну».

Но новостей до сих пор на было.

Долину заливал ливень солнечных лучей, и Бару решила проверить то место, где сожгли тело Мер Ло. Однако вместо своих дружинников она обнаружила у ворот замка Тайн Ху – волосы забраны в хвост, на поясе – меч. Отчего-то к ней трудно было привыкнуть: всякий раз при виде ее Бару переживала легкий

испуг и волнение.

Бару вновь удивилась грации ее движений, порывистому нетерпению, изгибу бровей, цветам зари в ее темных глазах.

– Княгиня? – Бару кивнула на пустующее место для дружины. – Не опасно ли?

Тайн Ху взглянула на нее со скептическим сарказмом:

– Ты гуляла со мной по дремучим лесам, когда у меня была дюжина причин убить тебя.

Вспомнив об абсурдных событиях тех лет, Бару хмыкнула. Ревизии, обучение стрельбе из лука… Подумать только – каким великим и важным делом казалось тогда предотвращение восстания Тайн Ху!

– Я тебя не боялась.

– А стоило бы! Да и сейчас тебе надо быть с мной начеку.

– Неужто? Что же ты задумала?

Но Тайн Ху не улыбнулась, как прежде. Она не клюнула на подначку и не выкинула ничего, граничащего с непристойностью.

Княгиня Вультъягская лишь почтительно опустила взгляд.

– Не будете ли возражать против общества вашего генерала?

«Прислушайся к голосу разума, Бару. Откажись. Будь тверда».

– Конечно, не буду, – выпалила Бару, расплываясь в глупой улыбке, никогда не приносившей ей никакой выгоды.

Они побрели по лесной тропе, вьющейся среди причудливых геометрических фигур рассеянного света. Высоко над их головами раздался птичий крик. Бару, вспомнив детскую привычку и Тараноке, сделала в мысленном реестре пометку: «ястреб – 1 шт.».

– Здесь есть кое-что, – произнесла Тайн Ху и взяла Бару за руку, отчего у бывшего счетовода сразу закружилась голова и тревожно заколотилось сердце.

Увы, Бару была уже не в силах ничему противиться!

А Тайн Ху увлекла ее куда-то в сторону от тропы.

– Священное место. Построено давным-давно, когда ни о каких империях – и даже о моих предках – не было ни слуху ни духу.

– Но как твои ту майянские праматери положили начало знатному роду со стахечийским именем?

– Весьма заблаговременно, – ответила Тайн Ху, раздвигая кусты. – Видишь хендж впереди?

Вот она – реликвия древних времен, которую создал бельтикский народ, породивший иликари и названия наподобие «Имадиффа». И юркая мысль, подобно всем прочим, обернулась ужасом: внутренности Бару заледенели при воспоминании об этом селении и о том, что тогда случилось, об этой

отвратительной резне…

Бару попятилась назад, прочь от картин прошлого, но Тайн Ху крепко стиснула ее пальцы, и Бару поняла, что она будет вынуждена подчиниться.

К лодыжке прицепился репейник. Бару отцепила колючки, глухо ругаясь на уруноки своего детства и радуясь, что не поленилась надеть перчатки. Княгиня коротко рассмеялась – возможно, оттого, что уруноки звучал будто урунский в устах мертвецки пьяного ордвиннца, возможно, по иной причине.

Выйдя на поляну, они словно ступили на дно залитого светом колодца, которое кто-то заботливо окружил валунами, да еще вдобавок инкрустировал мхом и лишайником.

Тайн Ху благоговейно притихла.

– Чувствуешь ее?

– Какую из Добродетелей?

Как Тайн походила на пуму!

– Видд. Ее камень оказался самым стойким из всех.

Видд. Недеяние и повиновение. Сила в стойкости. Смерть, разрушение и время.

– Я бы предпочла Химу, – проворчала Бару, чтобы блеснуть познаниями.

– Опасно поминать ее но весне. Рождение жизни и гениальность – братья-близнецы кровохарканья и рака… – Внезапно Тайн Ху наклонилась. – А тут подкармливали мох!

И действительно, мох под ее рукой был густ, зелен и явно складывался в некий зубчатый знак – руну, отпечатанную на камне.

Княгиня напружинилась и окинула поляну пристальным взглядом.

– Это бельтикское искусство, – пробормотала она. – Они приходили сюда.

– Чистокровные бельтики? – Бару недоверчиво склонила голову набок. – Я думала, что их всех…

Что «их всех»? Поймали и приручили? Превратили в служек для фешенебельных ресторанчиков Пактимонта?

– Здесь, на севере, в глубине лесов, до сих пор живут несколько племен. Порой они досаждают нам. А если взбредет им в голову блажь, могут и вовсе озвереть. – Тайн Ху коснулась рукояти меча. – Похоже, мои лесничие совсем распустились, если позволяют им бродить так близко.

Бару заговорила, не сдерживая злости:

– Через два-три поколения фалькрестийцы на Тараноке будут говорить то же самое о чистокровных остатках моего народа. Они будут посылать своих сторожей, чтобы те загоняли бедняг на

вершину потухшего вулкана!

– Не горячись. Бельтикский пародж продолжает жить в нашей крови. А нынешние лесные племена – просто его бренные следы. Их время прошло. – Тайн Ху смахнула мох с поваленного камня. – Готово. Я их честно предупреждаю.

Может, и тот солдат под Юпорой «честно предупреждал» отца Сальма!

– Стоило зайти речи о крови и бренности, и ты заговорила совсем как Каттлсон.

Тайн Ху застыла. Взгляд ее полоснул Бару, точно нож.

– Кто ты такая, чтобы поминать Каттлсона? – ехидно фыркнула она. – Я не играю в брачные игры.

Бару снова ощутила горькую опустошенность и зияющую пропасть в груди. Ее сердце давным-давно испещряли сотни шрамов, и Бару проглотила презрительную насмешку, позволила ей достичь обнаженных нервов и почувствовала лишь легкий укол.

– И я в эти игры не вступала никогда, – ответила она. – Я не приняла и не приму ничьих ухаживаний – будь то Отсфир, Унузекоме, владыки Зимних Гребней или кто-либо еще. Но я сделала верный выбор для Ордвинна. Я должна думать о своем народе.

– О своем народе? – Голос Тайн Ху сочился кислотой. – Своем?

Бару сглотнула и отвернулась, притворившись, что злость Тайн Ху ей безразлична. Ее кишки скрутило спазмом, но ей стало все равно.

Бесчувственные грубые рубцы никогда не исчезнут, чего уж тут горевать?

– Я не могла отказать, – произнесла Бару, глядя на четкие тени от сосновых стволов и розоватые солнечные лучи. – Ты и сама предупредила меня, что нельзя отказывать такому человеку. Надеюсь, ты этого не забыла. И что мне еще, по-твоему, оставалось делать?

Тайн Ху за ее спиной дала волю раздражению: тяжелое дыхание, шум, удар камня о камень…

– Нужно искать другие условия для союза и не ставить на кон собственную матку. Много лет назад я отказала Отсфиру и все еще владею собственным княжеством. Я сохранила власть. Возможно, моему народу не стало лучше от моего выбора, но…

Бару едва не напомнила Тайн Ху ее же собственные слова: «Я правлю маленьким, бедным и слабым княжеством! У меня нет ни мужа, ни наследников, ни надежных союзов, ни прочных плотин! Мне нечего предложить повелительнице…»

А может, отразить удар Тайн Ху острым вопросом: «Что разумного ты можешь предложить, если твои принципы довели твое княжество до отчаянного положения?»

Хороший ход сразу поставил бы Тайн Ху на место. Но Бару никогда бы так не сказала.

Голос Тайн Ху звучал будто рык. Ярость ее едва не дымилась, скрывая ее движения.

– Заплати, но по-другому. Нет надобности разменивать себя как монету.

Бару зажмурилась.

– Ваша светлость, я пока ничего не обещала.

Неразумное и нежеланное чувство ожило, затрепетало внутри. Бару знала о нем, но до сих пор не сознавалась в этом даже самой себе.

Огромная ошибка. Вторая по значимости за всю ее жизнь.

А может, и первая, если вдуматься.

Тайн Ху встала у Бару за спиной. Ее сапоги, подбитые гвоздями, наверняка высекали искры из валунов.

Голос ее зазвучал, подобно стелющемуся по земле дыму от лесного пожара.

– Что-то гнетет тебя. Я замечала это зимой и теперь вижу снова.

– Княгиня…

Мольба в голосе Бару. Протестующий вороний грай невдалеке.

– Устала воевать? Совестно грабить? Тебе предстоит править волчьей землей, Бару Рыбачка. Каждую зиму мы замораживаем мертворожденных во льду, потому что земля не поддается лопате могильщика. Ты устала от крови и трупов? Да?

– Ваша светлость, прошу вас…

Раздалось шуршание, и сапоги Тайн Ху за спиной отстучали еще два шага. Как жаль, что Бару не могла заткнуть уши – так же, как зажмурила глаза!

– Что за великие тайны точат тебя изнутри, дитя Тараноке? Что за чудовищная правда таится в тебе? Ты предала уже стольких… Какие еще преступления могут пугать тебя?

Рука легла на плечо Бару. Перчатка из оленьей кожи, гладкая – даже сквозь толстую шерсть, замшу, льняную рубашку и собственную кожу Бару.

«Если ты сожмешь пальцы изо всех сил, – подумала Бару, – я рассыплюсь в прах. Не останется ничего. Что я наделала?»

Она стояла в полной неподвижности, не в силах шагнуть к ней, не желая отстраниться от Тайн Ху. Прикосновение Тайн Ху парализовало ее, как гальванический разряд.

Единственное, чего она желала в этот миг, – уничтожить все, чего хотелось ей всю свою жизнь.

– Ваша светлость, – повторила она. – Тайн Ху, я…

Контакт прервался. Тайн Ху прерывисто вздохнула и отодвинулась.

– Темнеет.

– Я надеялась полюбоваться звездами.

– Под этим небом есть и более безобидные места, – произнесла княгиня Вультъягская с отвратительной почтительностью. – Вы правы насчет бельтиков, ваше превосходительство. Я ошибалась. Они заслуживают уважения.

– Тайн Ху… – начала Бару, ухватившись за цепочку причин и следствий и стараясь не уничтожить все разом.

Как же ей найти выход? Как не говорить эти взрывоопасные слова, а просто засмеяться или блеснуть остроумием? Есть же хоть какой-то способ отползти, зализать раны и опять двинуться вперед! Надо побыстрее нащупать мост через бездонную пропасть. Он ведь есть, правда?

Конечно же есть.

Но издалека долетел низкий рев, который сотряс воздух, будто выдох чудовища: сигнальщик в замке над водопадом дунул в огромный рог. Весть пришла.

Взгляд Тайн Ху сделался непроницаемым.

– Пора, – проговорила она ровным тоном.

Долготерпению Маскарада пришел конец. Каттлсон выступил в поход.

* * *

Перед отъездом из Вультъяга Бару отдала одно-единственное распоряжение.

– Ты останешься здесь, – сказала она Аке Сентиамут.

И добавила, увидев боль в ее взгляде:

– Вультъяг должен остаться в надежных руках. А княгиня доверяет тебе.

Аке поклонилась – вначале Бару, а затем и Тайн Ху:

– Благодарю, ваше превосходительство. Благодарю, ваша светлость.

Возможно, она хотела что-то добавить, но верность не оставила ей выбора.

Глава 27

Тайн Ху вела своих охотников вдоль бурных вод Вультсниады. Бурлаки шли берегом и тащили за собой баржи с провиантом и оружием. Они продолжали тащиться по берегу, пока река, миновав ворота из двух высоких утесов – белых от перьев крачек, не соединилась с Инирейном в южной части княжества Отсфир.

Наступили идиллические теплые дни, которые сменяли оглашенные волчьим воем ночи. В воздух приветственно взвились знамена с мельничным колесом. На дальнем берегу – когорта за когортой – маршировали лучники князя Мельниц. Стяги княжества Вультъяг оставили их равнодушными, но при виде монеты и кометы, эмблемы Честной Руки, они разразились громкими возгласами.

– Тис для луков он купил у князя Лизаксу, – заявила Тайн Ху, окидывая колонны лучников пытливым взглядом. – Они неразлучны как братья.

Они стояли вдвоем на носу речной баржи. За спиной Тайн Ху вгрызались в ясное весеннее небо белоснежные шапки Зимних Гребней.

– Звучит печально, – заметила Бару.

Однажды они уже творили об этом, и Тайн Ху призналась: «Он вожделел меня. Ему нужны были мои земли и наследники. Он проявил любезность, щедрость и благородство – но так и не смог понять, почему я отказала. Это отравило его жизнь. Его ухаживания были просто безукоризненны, и он решил, что несовершенство кроется не в нем, а во мне. А Лизаксу… Конечно, Лизаксу – несмотря на свою философскую премудрость – стеной встал за друга и брата».

Бару спросила тогда, какие выводы сделала для себя Тайн Ху. Княгиня резко ответила: «Такие, что свободы для нас не существует. Пусть мы идем в поход наравне с мужчинами или даже сами ведем их в поход. Свобода, дарованная повелителем, – та же цепь, только чуть ослабленная».

А теперь Тайн Ху произнесла:

– Прочь печали! Ордвиннские обиды должны остаться позади, ваше превосходительство.

И княгиня Вультъяг почтительно поклонилась той, кому присягнула на верность.

С каждым днем она все больше отдалялась от Бару. Та прогулка в лесу, несомненно, имела для Вультъяг вполне определенное значение и означала конец дружеских отношений.

С дороги, тянувшейся вдоль берега, донеслись звуки рогов. Бару приставила ладонь ко лбу козырьком и взглянула вдаль в поисках клубов пыли, поднятых Отсфиром и его стражей.

– Ваше превосходительство! – Зате Олаке, подошедший к Бару, хлопнул ее по плечу. Дзиранси почтительно держался на расстоянии. – Мы получили известия от истоков Инирейна, из столицы Игуаке и из Уэльтони!

Поход подействовал на старика благотворно: чистые талые воды и тысячи знамен словно очистили его душу, избавили ее от вязкой отравы. В его улыбке и блеске глаз Бару уловила ощущение близкой развязки.

– Ваша светлость, – произнесла она, не удержавшись от улыбки, – вы потрясающи. Даже лишившись княжества, вы остаетесь главой его разведки!

Пора в последний раз окинуть взглядом доску. Другой возможности убедиться, что все фигуры стоят по местам, не представится.

Как много зависит от того, чтобы все произошло в нужный момент и в нужном месте!

– Несчастный старик легко поддается на твою лесть, но Каттлсон собрал войско, которое не одолеть окольными путями! – Зате Олаке развернул письмо. – Князь Унузекоме сообщает, что Каттлсон движется к Инирейну с пятью тысячами фалькрестских солдат и тысячей саперов. Выигрывает время, срезая путь вдоль северной границы прибрежных болот. Этот маршрут приведет его прямо в долину Зирох, как он и планировал.

– Ерунда! – Бару еще раз пересчитала фаланги, стоявшие лагерем на лугах Зироха, учла неизбежные потери от болезней, голода и дезертирства… – Мы превосходим его численностью вчетверо!

Тайн Ху раздраженно втянула воздух сквозь зубы.

– Считай заново. Это только солдаты Каттлсона.

Князь Хейнгиль. Конечно. Бару кивнула Зате Олаке.

– Продолжай.

– Охотник на Оленей приведет все свои силы. Десять тысяч, набранные в княжестве Хейнгиль и в отошедших ему землях Радашича… – Зате Олаке пригладил свою бороду. – И четыре тысячи кавалеристов, включая отборную дружину Хейнгиля.

Что ж, двадцать тысяч воинов. Армия невероятной мощи. Помимо прочего, на лугах Зироха кавалерии будут открыты все дороги для маневров. Место выбрано превосходно.

Бару быстро сочла в уме припасы и потребление.

– Такую ораву им долго не прокормить. Он замышляет ударить прямо по нашей армии. И завершить войну одним махом,

точнее, одним сражением.

– Разумно, – добавила Тайн Ху. – Как много наших умерло от цинги и голода, пока Каттлсон зимовал при полных амбарах! Воин к воину – его фаланги сильнее.

Олаке указал за реку.

– Значит, на фаланги не полагаемся. Победим за счет лучников. И кавалерии.

А не разделить ли армию? Пусть Каттлсон растратит пыл в атаке на пустой лагерь с немногими оставшимися, а главные силы Бару тем временем возьмут Пактимонт и оставят противника голодать в поле! Нет. Это было бы безумием с ее стороны. Бару и не собиралась изображать военного гения, поскольку не являлась профессиональным полководцем.

Кроме того, гигантское войско, собранное на заливных лугах, вряд ли справится с подобной задачей. Солдаты каждого княжества по-разному обучены, хранят верность своим командирам и говорят на разных языках. Разделить армию и сохранить за собой управление – просто невозможно.

«Похоже, выбора нет», – подумала Бару.

Им надо встретиться с войском Каттлсона и рискнуть всем в одном-единственном сражении. Некоторое численное превосходство у восставших есть. Значит, имеется своеобразная маржа.

Слишком малая по понятиям счетоводов.

Она должна победить Каттлсона. На сей счет у нее не было сомнений – ей нужно довести войну до быстрого победного конца, бесспорного триумфа мятежников.

Тайн Ху и Зате Олаке терпеливо ожидали, когда Бару заговорит.

– А как с морской пехотой? – спросила Бару. – С подкреплениями из Фалькреста?

Вот кто представлял для заговорщиков самую большую опасность! Вообще-то своих солдат Маскарад намеренно держал в черном теле – разрозненная, плохо снаряженная орда предназначалась лишь для того, чтобы держать в страхе покоренные народы. Бойцы Маскарада даже не представляли никакой угрозы для Парламента, против которого могли бы в принципе и взбунтоваться…

Однако морская пехота оказалась излюбленным детищем Фалькреста, его метким копьем.

Если восставшим суждено проиграть, конец им положат именно морские пехотинцы, и Бару могла в этом поклясться.

– Весточка от Зате Явы гласит, что подкрепления из Фалькреста высадятся в Пактимонте и заменят губернаторский

гарнизон до возвращения Каттлсона. По моему мнению, они впустую транжирят свои лучшие силы, но я же не генерал Честной Руки.

Тайн Ху бросила взгляд на реку. Наверное, она вспомнила об Унузекоме – на советах он держался с ней неизменно дружески.

– Им еще не поздно сменить курс и высадиться в Уэльтони.

Уэльтони обеспечил бы им контроль над устьем Инирейна и открыл путь на север. Хотя для битвы в долине Зирох это, конечно, ничего не решит. Политика Каттлсона стала Бару очевидна: он хотел одержать победу, не прибегая к помощи Фалькреста. Его репутация зиждилась на взаимопонимании с князьями, и воевать он должен был, как один из них.

Он, как и Бару, мечтал доказать, что знает, как управлять Ордвинном.

Бару кивнула в знак того, что пора переходить к следующему вопросу.

– Что в следующем письме? Из столицы Игуаке? И не говорите, что наш западный фланг ненадежен!

Олаке кашлянул.

– В княжестве Наяуру вспыхнули восстания. Меня заверяют, что они будут подавлены.

«Разумеется, – подумала Бару с мрачным весельем. – Только подавления восстаний нам сейчас не хватало».

– Какая-то нечисть пристрелила всю дичь в лесах и нашпиговала окрестности вражескими лучниками. Войска Эребог столкнулись с серьезными трудностями. Бабка сожалеет, что не сможет присоединиться к нам при Зирохе: у нее все воины на счету…

Снова пущена в ход зимняя политика Маскарада! А может, Эребог – часть неких тайных замыслов – интриги, сплетенной на крайнем севере? Пожалуй, это не укрылось бы от Лизаксу. А если сам Лизаксу замешан в этом и помалкивает? Хотя нет, князь от Отсфира не отколется.

Мысли бешено крутились в голове, готовые вот-вот рассыпаться, разлететься в разные стороны.

Тайн Ху раздраженно зашипела, углядев в новости какую-то загвоздку.

– Если Эребог не может справиться со своими новыми вассалами, следует ожидать, что к Каттлсону присоединится кавалерия княжеств Отр и Сахауле. Еще тысячи две воинов! У Конской Погибели с Тузлучником было много конных дружинников, присягавших им на верность. Наверняка будут мстить за то, что мы сделали под Хараеродом.

Проклятие! Эребог следовало… Но помочь Эребог уже ничем

нельзя.

– Ваше превосходительство, Эребог пала жертвой ягижиона, – заговорила Тайн Ху и энергично рубанула рукой воздух.

Она казалась предельно сосредоточенной, но ее почтительно опущенный взгляд и пиетет наводили на Бару тоску. Она словно играла давным-давно отрепетированную роль.

– Каттлсон и Хейнгиль отправили охотников связать ей руки лесной войной, чтобы открыть кавалерии Отра и Сахауле путь на восток – продолжила Тайн Ху. – Наверняка он собирается победить в Зирохе.

«Мы – не единственные игроки за доской, – сказала себе Бару. – Не единственные умники с картой и волей к победе. Нужно все предусмотреть».

Особенно когда победа столь близка.

Она посмотрела на Дзиранси.

– Полагаю, что Дзиранси принес добрые вести. Дар Короля по Нужде в пути? Отправлена ли его ягата вниз по реке?

Зате Олаке перевел вопрос, а затем и ответ:

– Они находятся возле арьергарда воинов Отсфира. Они будут с нами на поле Зироха.

– Ну а мы просто дураки, – пробормотала Бару. – Идем в бой, не убедившись, что он уже выигран. Дурни мы все, дурни!

Ловкие манипуляции с деньгами, зерном, скотом и браками, тщательно выровненные векторы… Все это получит иное воплощение здесь, на поле битвы. Совсем скоро две армии начнут сражение. Кавалеристы поскачут на взмыленных конях, дружинники станут рубиться мечами, а лучники примутся без устали метать стрелы, но все будут убивать друг друга.

И вместе с тем на поле битвы возникнет множество потенциальных возможностей. «Все сложится именно таким образом! Нет, по-другому, совершенно по-другому!»

– Ешьте лук, – пробурчал Зате Олаке. – Удача нам пригодится.

– Ни в чем нельзя полагаться на удачу, – ответила Бару и отвернулась, кожей чувствуя устремленные на нее взгляды.

* * *

Бару нутром чуяла всеобщее движение к Зироху. От него закладывало уши – так же, как от давления прозрачной морской воды, если нырнуть слишком глубоко, прыгнув вниз головой с рифа Халае.

Она сошла на берег – отдать дань уважения князю Отсфиру.

Они поехали верхом вдоль усеянной баржами реки, между рядов веселящихся лучников, под каплями мягкого весеннего дождика.

– Я был жесток с ней, – произнес Отсфир. Проследив за его взглядом, Бару увидела Тайн Ху, которая громко отдавала команды, стоя на носу ладьи – Когда мы еще были совсем юными. Я ведь тогда расстался с женой, – сказал он, замолчал и добавил: – Оба раза был с ней жесток – и все из-за моей нескладности.

– Она отзывалась о вас с уважением, – солгала Бару.

– Неужто?

– Ваша светлость, – вымолвила Бару, оглядывая приземистого князя сверху вниз: борода, широкие плечи, богатый табард, плащ, сапоги… – Сейчас Ордвинн должен забыть о прошлом и устремиться в будущее.

– Когда-то я говорил Лизаксу почти то же самое. – Охваченный особым настроением, Отсфир подставил открытую ладонь под капли дождя. – Он ответил: каждое мгновение – это приказ, отданный прошлым. Да, прошлое – вот настоящий тиран.

– Жаль, что мы можем нацелить стрелы ваших лучников только в будущее.

Бару в очередной раз попробовала совладать с одолженной ей лошадью, но та лишь пуще заупрямилась.

– А разве этого мало?

Взгляд Отсфира сделался непривычно открытым, теперь он смотрел на Бару с детской признательностью. Как неожиданно со стороны того, кто столь долго соперничал с Унузекоме за ее руку!

– Я рад, что буду участвовать в битве. Я поступаю так, как считаю нужным. Пожалуй, я всегда хотел проверить себя в сражении. Деньги или семья для меня отошли на второй план.

Однако о семье он не забыл.

– Ваша светлость, сможете ли вы биться плечом к плечу с Тайн Ху?

– Вы спрашиваете, не мелочен ли я душевно?

Удивленная его проницательностью, Бару подняла брови.

– Вы ведь говорили об этом с Лизаксу, верно?

Он улыбнулся.

– У нас была целая зима для долгих бесед. Но, пожалуй, я оказался ничтожеством – я же всегда завидовал Лизаксу, хоть он мне и друг. Его внешности, его обаянию и его уверенности. И я страдал из-за этого! Я и разбогател, занимаясь торговлей только с одной целью: мне хотелось иметь хоть что-то, чего нет у него.

– Вы не погибнете на Зирохе, – вырвалось у Бару. Естественно, она ничего не знала заранее, но в голосе Отсфира чувствовалась некая не свойственная ему обреченность. – И исповедоваться передо мной не надо.

– Но я должен. Порядочный человек никогда не пойдет на бой запятнанным. – Он мягко улыбнулся и погладил шею своего коня. – Кстати, я испытал огромное мстительное удовольствие, когда вы отослали Унузекоме домой! Жених Моря – остроумный, с вечной улыбкой на лице!.. Как я ненавидел его – за то, что на нем основаны ваши планы, и за то, как вы просто разговариваете с ним! Да, вы по-настоящему уважаете его… Когда он уехал, я был уверен, что мои лучники и баржи решат дело в мою пользу. – Далеко в горах сверкнула молния. Князь вздрогнул, но тотчас рассмеялся над собой. – Я жаждал стать королем. Или, может, таким человеком, которого бы вы хотели видеть рядом с собой на троне.

Бару невольно пожалела князя, несмотря на легкое раздражение: «Все вы бьетесь за меня, как за награду. Нет бы – спросить откровенно и получить прямой ответ!»

– Похоже, вы осведомлены о Короле по Нужде и о том, что предлагает он Ордвинну.

– Да, у меня есть шпионы при дворе Вультъяг. – Широко, по-детски распахнутые глаза исчезли, сменившись взглядом, исполненным безмятежного умиротворения. – Вы стоите на пороге ужасного выбора, ваше превосходительство.

– И какого?

– Король вам необходим. А еще будущей королеве не обойтись без наследников. Вам же нужно избежать междоусобиц, не так ли? Чем больше детей вы родите, тем крепче будет ваше положение и тем тверже – наша вера в вашу династию. – Теперь князь избегал встречаться с ней взглядом и наблюдал за марширующими лучниками. Сквозь его бороду пробивался легкий румянец. – У майя принято рожать от многих отцов. У стахечи – от одного. А о вашей родине я слышал, будто там все мужчины – содомиты, и женщины вынуждены переодеваться в мужскую одежду и притворяться юношами. Каков бы пи был ваш обычай, Бару Рыбачка, – а я не собираюсь скрывать, что предпочитаю обычаи стахечи. Между прочим, некоторые указы Маскарада я принял с радостью. Ну а вам вскоре придется выбирать главнокомандующего для Зирохской битвы.

– И выбор будет знаком моего благоволения.

Сейчас он говорил с явной осторожностью, его безмятежность пропала напрочь. Ему хотелось быть бескорыстным, однако он оставался князем и был человеком гордым.

– Если после победы при Зирохе у вас не будет возлюбленного – не важно, настоящего или для виду, – люди поверят слухам о вашей связи с Тайн Ху. О том, что вы стерильны, кастрированы. Или что вы – трайбадистка, которую

влекут лишь бесплодные отношения, а это – серьезная угроза для династии. Или что вы. – создание Фалькреста, выращенное в Метадемосе, дабы жить среди мужчин и женщин, не являясь ни тем ни другим. Как ламены в Ориати.

Речи его приобрели оттенок непристойности.

– Или узнают, что я дала обет тому, кто сейчас далеко, и не отступлюсь от него, – парировала Бару ледяным тоном.

– Правда? – спросил князь. – Ответьте, пожалуйста. Я думал, вы только обещали оценить его. И надеялся, что у меня еще есть шанс сказать свое слово. Поверьте, это не только амбиции.

– Вы глупец, – торопливо, неразумно, но честно ответила она.

Бару никогда не хотелось распутывать сеть светских интриг вокруг того, кому она будет принадлежать. Да и какая разница, что все о ней теперь думают!

– Зачем вам я? Мы ведь едва знакомы.

– Я всю зиму слушал, как мой народ славит ваше имя, – князь пропустил прядь гривы своего коня между большим и указательным пальцами. – Хороший правитель должен прислушиваться к симпатиям народа. А мне в последнее время хочется быть именно таким… Полагаю, я слишком хорошо учился…

Очевидно, ордвиннская знать воспитывалась на основательной, глубоко укоренившейся лжи насчет ухаживания. Устав от намеков, Бару вспылила и заговорила, не заботясь ни о чем:

– Вы пытаетесь ухаживать за. иллюзией. За маской. Вы могли бы стать моим товарищем. Но никогда не станете моим, возлюбленным.

Гордость Отсфира была уязвлена. Его лицо окаменело.

– Мой человек в Вультъяге доносил, что вы с княгиней гуляли по лесу. А ее пристрастия не являются загадкой для окружающих. Прошу вас, ваше превосходительство, подумайте о будущем Ордвинна.

Вопрос был неотложным и отнюдь не шуточным, однако теперь этот разговор возмущал Бару до глубины души.

– У вас должны быть дети, – продолжал он. – Не растратьте нашу победу на ту майянские грехи своей юности. Не разбивайте наш союз, не подавайте повода для грязных сплетен.

Бару схватила княжеского коня за поводья, запутавшись в ремнях упряжи.

– Князь Отсфир! – яростно, оскорбленно воскликнула она. – Вы пойдете в бой при Зирохе? Вы поведете в битву свое войско, повинуясь приказам тех, кого я поставлю над вами?

– Да, – он опустил голову – от стыда или же от обиды. – Вы –

Честная Рука. Надежда Ордвинна.

– Прекрасно. Тогда займитесь своими делами, а мои – предоставьте мне.

И Бару погнала лошадь к зеленому склону холма. С его вершины ей открылся вид на бескрайние заливные луга. Ирригационные каналы сверкали в лучах солнца, а сама река несла свои воды куда-то вдаль. Она струилась вдоль насыпных плотин, но уже была загажена отходами армии – и немудрено: ведь муравейник из шатров, коней, коров и знамен так быстро пустил корни на этой тучной земле!

Здесь угнездилось целое батальное полотно, напитанное сталью, конской плотью и потом!

Все мятежные силы Ордвинна, которые собрались в долине Зирох, ждали свою королеву и того, кого она выберет главнокомандующим для решающей битвы.

* * *

Наконец к Зироху подошла ягата стахечи, и армия оказалась в сборе. Ордвиннцы смотрели на северян в благоговейном страхе. За каждым из призрачно-бледных богатырей шагали мальчики-оруженосцы, стремящиеся заслужить право надеть латы. Вдобавок воинов сопровождали седовласые женщины с мощными ясеневыми луками. Их лица были мрачны, а движения молниеносны.

Армия была в сборе. Какое облегчение! Однако Бару быстро поняла, что успокаиваться рано. Князь Лизаксу, командовавший лагерем, отвел ее в свой шатер и отрапортовал:

– Чума и хаос – вот что может сравниться с нашей армией! Чтобы этот ходячий катаклизм не развалился на куски, приходится применять все мои знания. Нужно идти в бой, иначе перегрызутся и сожрут друг друга, как собаки.

Бару наскоро пролистала счетные книги.

– Ты замечательно ведешь реестры.

На самом деле его реестры были не просто замечательны – Лизаксу удалось сотворить чудо.

– Обойдемся без похвал, – рыкнул лис, прятавшийся за человеческим обликом. – Взгляни на цифры.

Армия поглощала хлеб, пиво и деньги в неимоверных количествах. Старая вражда порождала постоянные стычки, а в лагере кипела вражда. Солдаты убивали друг друга в драках и выхаркивали легкие. Инирейн задыхался от кровавого поноса, а небо – от пепла горящих трупов.

Армия оказалась сущим кошмаром.

Но Лизаксу сделал все, что мог. Он разделил лагерь на крылья, а затем назначил верных людей на должности командиров, гонцов, интендантов, казначеев, комендантов, травников, переводчиков, колесников, охотников и прочих специалистов. Он умудрился превратить всеобщую грызню в надежный костяк, осевший возле илистого берега реки.

– С цифрами порядок, – резюмировала Бару, откладывая бумаги в сторону. – Лизаксу, ты здорово справился.

Сейчас Ордвинн мог похвастаться своим собственным легионом из двадцати пяти тысяч воинов! Наконец-то исполнилось желание Тайн Ху – вполне можно было использовать придуманное ей название: «Армия волка». Лизаксу даже не забыл проводить регулярные учения, и легион мог развернуться в цепь, послать вперед эскадроны кавалерии и выполнять простые команды – двигаться вперед или атаковать. До организованного отступления, самого сложного из маневров, было еще далеко, но Бару надеялась, что до столь трагичного финала дело не дойдет.

– Я сама не управилась бы лучше, – с бесконечной благодарностью сказала Бару. – Чем тебя наградить?

– Я скучаю по жене и детям. И я хочу только благополучного будущего для них и для моего народа.

Бару ожидала, что он напомнит об их сделке, но Лизаксу прищелкнул пальцами и послал двух своих дружинников за пивом.

– Князь Отсфир надеялся поговорить с тобой, – добавил он.

– Уже поговорил.

– Ого! – воскликнул Лизаксу и тепло ей улыбнулся. – Но ты осталась непреклонна.

– Я не стану его женой, – ответила Бару хищнику, который прятался под маской княжеской учтивости. – Я в курсе, что это был твой план. Ты поддерживаешь Отсфира. Но я от этого ничего не выигрываю.

– Быть по сему.

Глядя на него в упор, Бару недоумевала. Хотя Лизаксу был по-прежнему оживленным, в его глазах появилось нечто новое – усталость или настороженность.

– Тебя что-то беспокоит?

Он покачал головой.

– Нет. Отсфир уймет свою гордость и переживет отказ.

Бару успела забыть о его росте: когда он встал, ей показалось, будто перед ней разогнулась и выпрямилась высоченная ива.

– Я хотел бы спросить тебя кое о чем, касательно твоего будущего. Но позволь мне побеседовать с тобой об этом в другой,

более подходящий момент.

– Конечно. – Бару подошла к планшетной доске посреди его шатра. – Сколько у нас времени до сражения?

Лизаксу провел пальцем по пергаменту, вдоль каллиграфических строк, начертанных талантливым писцом-иликари.

– Каттлсон будет здесь через три дня, если только не выслал кавалерию вперед. Разведчики «шакалов» держат под наблюдением леса и дороги. Появление Маскарада не застанет нас врасплох.

Ее «шакалы». Те, кого она знала и вела за собой… Все шло как задумано, согласно ее планам. Она знала, что грядет битва и цена победы будет ужасна, однако не ожидала, что судьбы «шакалов» будут волновать ее настолько сильно.

Бару наморщила лоб и склонилась над картой с цветными флажками, прижатыми при помощи грузил. Спустя пару минут она уставилась на приколотую к пергаменту разноцветную пряжу, которая отмечала все передвижения войск, и покачала головой.

– Посмотри-ка на армию Каттлсона – и особенно на отряды его разведчиков и фаланги велитов! Южный фланг оголен.

– Да. Его колонна не защищена от высадки с кораблей или атаки из Уэльтони.

– Он не боится Жениха Моря?

– Я послал ему весть сегодня утром, – произнес Лизаксу и нервно покосился на карту. – И очень боюсь кое-какого ответа…

* * *

Ответ был получен на рассвете следующего дня. Князь Унузекоме, Жених Моря, друг пиратов, заклятый враг Империи Масок, претендент на трон Ордвинна, большой любитель саг и легенд, отправился на войну.

Пока Бару ехала вдоль Инирейна в обществе Отсфира, объединенный флот княжества Унузекоме и пиратского синдиката Эйоты нанес удар по пятому флоту Империи. Но это стало лишь захватывающим началом истории. Такова была завязка легенды о величайшем морском сражении со времен Войны Армад.

Унузекоме новел сорок три боевых дромона под парусами, вооруженных таранами, минами, огнеметными сифонными машинами и даже новейшими ориатийскими торпедами, – в атаку на пактимонтский Порт-Рог. Целью являлась флотилия Маскарада. Князь задумал прижать защитников гавани к

прибывшим транспортам с морской пехотой, сжечь всех, заминировать гавань и осадить город.

Бару сказала ему: «Флот Маскарада, отброшенный от наших берегов, – вот что произвело бы на меня глубочайшее впечатление».

Она не сомневалась в Женихе Моря.

Но что за история о лихом князе, если в ней нет достойного противника? Контр-адмирал Ормсмент, с которой Бару доводилось) ужинать прошлой осенью, получила повышение и уже командовала Ордвиннским флотом Империи. Она выдвинула навстречу Унузекоме семь фрегатов – «Сцильптер», «Юристан», «Комсвиль», «Уэльтерджой», «Стормбрид», «Доминер» и собственный флагман «Судане». За ними шли два огромных огненосца – «Эгалитария» и «Кингсбейн». Вдевятером они встали против флота мятежников. Ормсмент играла по-крупному, хотя и знала о некоторых проблемах своей флотилии. К примеру, о том, что руль «Кингсбейна», поврежденный осенью нырялыцицей-иликари, до сих пор не позволял капитану уверенно управлять огромном судном…

Унузекоме зашел с запада, дабы поймать попутный ветер. Судя по рассказам, он командовал совершенно спокойно, а барабанная дробь передавала его приказы всем кораблям: «Абордажные команды к борту. Готовь весла. Бойся огня, готовь песок. Стройся в линию. В атаку».

Поймав попутный ветер, флот восставших устремился на Ормсмент.

Девять против сорока трех!.. Считать Ормсмент умела отменно: ее фрегаты сломали строй и «пустились в бегство» – на юг и на восток, в открытое море. Два огромных огненосца двинулись на север, в гавань, беспорядочно работая веслами. Данный маневр означал: если нельзя спасти корабли, нужно отступить и сохранить флот для будущих боев. А спасти суда оказалось невозможно. Огромные неуклюжие посудины, битком набитые пехотинцами, остались без защиты и приготовились к гибели.

Ормсмент внесла свой вклад в легендарное морское сражение.

Унузекоме разгадал ее ловушку – барабанная дробь, которая доносилась с княжеской «Девенины», служила тому реальным доказательством. Но с инерцией, набранной его сорока тремя голодными хищниками, было не совладать. И морские разбойники синдиката Эйоты налетели на вражеский строй.

В пиратской истории корабли Маскарада были добычей.

В планах Ормсмент – служили крепостной стеной.

На борту этих гигантов не было морской пехоты, зато имелись торпеды на деревянных стойках. Двухвостые медные яйца были неточны, ненадежны и склонны уходить в глубину вместо того, чтобы скользить по поверхности. Но обученные и дисциплинированные матросы стали выпускать по залпу из десяти торпед ежеминутно.

И торпеды устремились вперед, оставляя за собой шлейфы дыма и брызг.

Морские волки синдиката Эйоты держались начеку. Послышались крики:

– Торпеды! Торпеды!

Корабли синдиката свернули на юг и на восток и поплыли прочь от Порт-Рога, бросив тех, кто получил пробоины и дал течь.

Но уцелевшие пиратские суда тотчас встретились с очередной опасностью. Ослепительные вспышки пристрелочных ракет с фрегатов Ормсмент могли настичь их в любую секунду.

Между тем на севере подняли паруса «Кингсбейн» и «Эгалитария». Они устремились на запад, а потом свернули к югу, заходя в тыл флота Унузекоме. Отчаянное бегство Ормсмент оказалось лишь маневром, позволившим ей развести корабли так, чтобы окружить силы Унузекоме. Мышеловка захлопнулась. Огненосцы стали ее западной стеной, фрегаты – южной, а корабли, начиненные торпедами, – восточной. С севера же были бухта Порт-Рог и берег.

Когда несколько каперов[28] синдиката Эйоты достигли берега, их более невезучие собратья уже пылали. Фалькрестские корабли закружились в хороводе, приближаясь, выпуская зажигательные ракеты и вновь отдаляясь от противников. Ориати втрое превосходили врага числом, и это превосходство увеличилось, когда на новеньком, с иголочки «Доминере» вспыхнули паруса и он дал задний ход.

Они дрались свирепо, точно росомахи. Но ничего не помогало. На стороне Ормсмент было мастерство мореходов и корабелов Маскарада, дисциплина военно-морского флота и пресловутый «Нал».

Многие моряки синдиката Эйоты потеряли предков в Войне Армад. Теперь же они и сами попали под прицельный огонь.

Умело развернувшись, Унузекоме повел флот в славную безрассудную атаку на огненосцы. Корабли, которым удалось прорваться сквозь ракетный обстрел, и залпы хвачх[29] продолжали борьбу. Матросы не жалели песка и быстро затушили пожары, выполняя приказы своих капитанов.

Но ситуация накалилась до предела. Суда окутал едкий дым, а невыносимый визг тех, кто и тонул и горел одновременно,

казалось, мог разорвать барабанные перепонки.

Но вскоре все стало еще хуже. Восставшие лицом к лицу столкнулись с проклятием Ориати Мбо. То был страшный вершитель судеб Войны Армад – «Морской пал» из сифонных машин огненосца «Эгалитария».

Ветер донес до толпы, сгрудившейся в гавани Пактимонта, предсмертный крик моряков, которые в один миг обратились в пепел.

Но тут произошло нечто непредвиденное: руль огненосца «Кингсбейн» отказал окончательно. «Кингсбейн» завертелся в дрейфе, раструбы его сифонных машин нацелились куда-то вбок, и яростно пылающая «Девенина» столкнулась с ним борт в борт. Последним знаком того, что Унузекоме еще жив, было его знамя, взвившееся над сигнальным мостиком. Морские пехотинцы Маскарада выстроились у борта, готовя врагу торжественную встречу. Стальные маски и острия копий грозно блестели в отсветах пламени.

На «Эгалитарии» затаили дух, ожидая, что огонь вот-вот перекинется на «Кингсбейн», доберется до трюмов с «Палом» и превратит судно в огненную могилу. Но суровая дисциплина и борьба за выживание вкупе с пропитанным мочой песком победили пламя.

Не прекращая гореть, «Девенина» дала крен на нос и скользнула ко дну. Таков был конец легенды о князе Унузекоме.

А вот история о хитроумной Ормсмент оказалась немного длиннее, поскольку внезапно выяснилось, что на некоторых ее судах вовсе не было морской пехоты.

И маневр удался: «настоящие» корабли с пехотинцами тем же вечером вошли в гавань Уэльтони, откуда до долины Зирох было меньше двух дней пути. Мины они миновали без сучка и задоринки – словно кто-то из ныряльщиц-иликари отметил для них безопасный путь.

Сверкая сталью масок, на берег ступили отборные войска Фалькреста.

Глава 28

Последний совет перед битвой. Пиньягата. Игуаке. Лизаксу. Отсфир. Дзиранси. Зате Олаке. Вультъяг.

И Честная Рука.

Пока мятежники обсуждали очередную катастрофу, Бару хранила гробовое молчание. Подводила итог своим жертвам. Унузекоме. Мер Ло. Наяуру, Сахауле и Отр. Жители Имадиффа, Хараерода, княжества Наяуру – все они любили ее, Бару Рыбачку, а она швырнула их в пасть войны. А человек, случайно убитый ее дружинниками, – как его звали? Ола… Ола Хаероден? Он бросил что-то в колодец. Что? Теперь никто не узнает. Бару перехватила нить его истории и оборвала ее.

Всех смолола ее машина. Она создала этот жуткий механизм и сама же превратилась в автомат.

А еще был отец Сальм. Безымянные имперские вояки поймали его как преступника. Наверное, они казнили его предписанным способом или увели в какой-нибудь подвал – для «коррекции и излечения».

Отца Сальма раздавили колеса другой машины – империи, управляемой по воле Кердина Фарьера.

Но Бару должна изменить ход истории. Подмять Маскарад под себя, какие бы винтики и гайки для этого ни потребовались. «Зюйдвард», – прозвучало в ее голове.

А ведь про нее говорили, что она стала символом, означающим: «Ордвинн, ты наш!»

Но Тараноке переименовали в Зюйдвард.

От страха у нее скрутило живот, как будто она падала с огромной высоты. Вспомнился ее родной Тараноке, жерло вулкана, огонь, спящий в его глубине. В бездне.

Все пойдет дальше, как и должно.

– Выступаем с рассветом, – произнесла она. – Движемся на запад через долину Зирох.

Остальные спорили о том, как отразить атаку морской пехоты со стороны Уэльтони и обезопасить южный фланг.

Тайн Ху поняла ее первой.

– Идем в атаку?

– Мы ударим по Каттлсону прежде, чем морпехи успеют соединиться с его армией. Будем действовать неожиданно. – Бару взглянула на измотанного князя Пиньягату, славного дисциплиной своих воинов. – Только это и сможет спасти нас.

– Ты ничего не слышала?! – прорычал Лизаксу. Его злость удивила Бару: неужто старый лис в панике? – Они знали о

нападении Унузекоме! Заранее. И подготовились. Кто-то выдал его Маскараду и провел их корабли через минное заграждение, чтобы морпехи высадились у нас на южном фланге. Среди нас – шпион, а то и целая шпионская сеть.

– Я знаю, кто это. И я приняла меры.

Бару сказала правду. Где-то далеко Чистый Лист сиял от счастья повиновения, охотясь за жертвой, а может, вспоминая ее смерть. Унузекоме предали его собственные иликари, но Бару распознала шпионку еще в Хараероде и отправила за ней своего человека.

Ни в чем нельзя полагаться на случай.

А затем Бару занялась князьями.

– Мы должны разбить Каттлсона и Хейнгиля на Зирохской равнине и развернуться навстречу морской пехоте, идущей на нас по Инирейну. Возможно, это лучшие солдаты Фалькреста. Но у них нет кавалерии. Понимаете? Если завтра мы победим Каттлсона до их прибытия, наша армия успеет отдохнуть.

– Она никогда не вела нас к поражению, – вымолвил Отсфир, буравя взглядом лампу в центре столе. – Таково мое мнение.

В его голосе прозвучала новая сила, появившаяся и возросшая по весне. С недавних пор он стал истово верить Честной Руке, хотя, возможно, он просто имел на то веские основания.

Бару сообразила, что мысли о собственном положении отошли для него на второй план.

Игуаке, облеченная величием, словно плащом, уставилась на Бару.

– Никогда не вела к поражению? – ехидно переспросила она. – Разве она когда-нибудь вела вас в бой? Хотя бы раз?

– Я убила для тебя трех князей, – оскалилась Бару. – Благодаря мне все твои ненасытные мечты сбылись в одну ночь.

– Бахвальство, – шепнул Зате Олаке. – Осторожнее.

– Хватит! – рыкнула Бару и вскочила из-за стола, вытянувшись в струну. – Я могу в одиночку пойти на поле битвы и встретиться с врагом, имея лишь рассвет за спиной. Ясно вам?

– Я с тобой. – Тайн Ху встала, ее губы кривились в усмешке, и она почти встретилась с Бару взглядом (впервые за столь долгое время!). – И Каттлсон вспомнит, как мы вдвоем схлестнулись с ним в прошлый раз.

– Значит, завтра выступаем, – подытожил Отсфир и посмотрел на Лизаксу. – Какая мужчине разница, где умирать, не так ли, дружище?

– Да, перспективы убийственны, – вздохнул Лизаксу. Куда же сбежал прятавшийся в нем лис? Где его задор и кураж? – Куда ни кинь – всюду клин.

Наконец заговорил и Пиньягата. Сам он был суров, как кремень, а голос его звучал жестко, как чепрачная кожа[30].

– С рассветом выступаем, – отчеканил он. – До вечера не сбавляем темпа. Движемся быстрым маршем. Ударим в сумерках – лошади утомились, люди измождены. Быть по сему. Но кто командует нашим новорожденным волком? Лагерь хочет знать. Кто наш генерал?

Взгляды устремились на Бару.

– Фаланги я отдаю Пиньягате. Лучников – Отсфиру. Дзиранси, твои воины пойдут за воинами Пиньягаты – в резерве. Зате Олаке! К утру его ягата должна выучить наизусть сигналы наших барабанов. «Шакалы» могут сами выбрать, кто возглавит их разведчиков и велитов.

– А главное? – пророкотала Игуаке, и в ее голосе послышался топот копыт ее бесчисленных стад. – Эти должности вторичны. Все зависит от действий наших конников. Кто поведет кавалерию? Кто проломит их строй?

– Генерал у меня только один, – ответила Бару.

Тайн Ху встрепенулась. В свете лампы ее кожа блеснула золотом.

– У нее нет княжеской кавалерии, – возразила Игуаке, скрестив руки на груди. – Нет чувства движения конного строя. Я мшу предложить лучшего. Моего сына, Игуаке Ро.

Верно.

Но, взвесив все за и против, Бару приняла решение.

– У Тайн Ху есть несомненное достоинство, – сказала она. Сердце ее ликовало, но в горло словно залили расплавленное стекло. – Мое доверие.

* * *

Оставшись одна, Бару задула свечи и, спрятавшись таким образом от самой себя, хотела заплакать от страха. Однако не получалось. Чересчур крепки оказались выстроенные ею плотины, слишком безупречно отполированы внутренние механизмы.

Не говоря уже об условиях сделки, которую Бару давно заключила с собой.

Теперь, сидя в темноте, она падала и падала в бесконечную пустоту своей души. Потом появилось беспокойное осознание собственной беспомощности. Тревога заставила ее подняться и покинуть шатер.

Бару сразу направилась к границе армейского лагеря, минуя костры и буквально продираясь сквозь запахи горелого мяса и

хвори.

В ночи перекликались авдотки. Какая-то птица пронеслась над головой. «Козодой, – подумала Бару. – Белобрюхий. Или белохвостый». Она не смогла разобрать. В реестр вкралась неточность.

Вскоре она обнаружила, что бредет вверх по склону холма на север, высматривая крутые каменные выступы. Возможно, ее вел некий таранокийский инстинкт, засевший в крови каждого островитянина. А может, она просто знала, где отыщет Тайн Ху.

Княгиня устроилась на холме, скрестив ноги, и смотрела на галактику костров, раскинувшуюся на лугах Зироха.

Заметив Бару, она склонила голову.

– Ваше превосходительство.

– Вультъяг…

Бару облизнула пересохшие губы.

– Вы удостоили меня своим доверием. Завтра я не подведу вас.

И сейчас – более всего на свете! – Бару захотелось говорить искренне. Странно, но это желание оказалось сильнее ее жажды власти над Маскарадом и сильнее ее детского порыва счесть все звезды на небе.

Но язык ей не подчинялся. Свою искренность она уже сожгла дотла, переплавила на металл, превращая себя в машину.

Голос ее прозвучал хрипло, придушенно:

– Я не заслужила этого. Ничем не заслужила.

– Чего? Почтения? Пиетета? Нашей армии и тех, кто следует за ней? Наших храбрых воинов, разбивших лагерь внизу? – Единым мощным движением Тайн Ху поднялась и встала рядом с Бару. Кольчуга на широких плечах сияла, окутав ее мантией из звездного света. Но взгляд ее был беспокоен. – Как к тебе обращаться? Подруга? Сестра? Либо ты – моя королева, либо нет. Я дала клятву. Сомневаясь в себе, ты сомневаешься во мне. Ответь, ты сомневаешься во мне?

– Мне нужно тебе кое-что сказать, – выдавила Бару. Голос ее дребезжал и шипел, совсем по-другому обстояло дело, когда она лгала. Ложь, вскормленная ее плотью и смазанная ее кровью, слетала с языка гладко, спокойно, уверенно. Откровенность – причиняла боль. – Я…

Еще совсем немного и… Как близко, но как далеко! Точно в парадоксе человека, прошедшего половину Арвибонской дороги, затем – половину оставшейся половины, половину оставшейся четверти… И как бы он ни приблизился к цели, до нее неизменно оставалась многоступенчатая бесконечность.

Но Тайн Ху взяла ее за подбородок. Ладонь в перчатке мягко

подперла челюсть Бару, затянутые в кожу пальцы легли поперек губ и коснулись ноздрей. Тайн Ху смерила ее взглядом – так же, как и сама Бару смотрела на княгиню на приеме у Каттлсона.

Она изучала разрез ее глаз, выпуклость скул, нос, подбородок – приметы наследственности, признаки крови – и наконец закрыла ей рот, не позволяя вымолвить ни слова – ни лжи, ни правды.

И это вызывало реакцию такой силы, что Бару зажмурилась.

– Скажешь завтра, – прошептала Тайн Ху. – После битвы. Не раньше.

* * *

На рассвете застучали барабаны.

«Армия волка» двинулась на запад через тучные земли Зироха, и марш ее не поднял в воздух ни пылинки. К концу дня они достигли поля боя.

Место решающей битвы выглядело так.

На юге – непроходимые болота. На севере, за холмом Хенджа, на вершине которого расположился штаб Бару, до самых земель Пиньягаты зеленели весенней порослью равнины – царство кавалерии. Фалангам предстояло сражаться между болотом и холмом, а конникам – сместиться на север, на ковер из цветущих трав.

А впереди лежала неглубокая низинка – будто блюдце, разделенное пополам Зирохской дорогой. Настоящая арена. За низинкой стеной стоял лес – густой, древний, от роду не знавший топора дровосека.

Географические познания Бару были ужасны. Но учиться никогда не поздно.

На опушке – там, где из леса выходила дорога, – мелькали, образуя правильный строй, вражеские знамена. На флангах – олень князя Хейнгиля, в центре – маска в окружении сомкнутых рук.

Каттлсои. Вот и встретились.

Бару наблюдала за опушкой с вершины холма, стоя рядом с Зате Олаке. Подаренная им подзорная труба была совсем обшарпана, но лучшей оптики Бару не доводилось держать в руках со времен плавания на «Маннерслете».

– Стахечийская работа, – объяснил Зате Олаке. – Даже в Фалькресте только подражают им.

Армия Каттлсопа строилась к бою.

– Они спешат, и это хорошо, – сказала Бару, опуская трубу.

Всю дорогу она лихорадочно листала наставления по военному делу. – Я боялась, что они просто отступят.

Зате Олаке взмахнул рукой, поймав зудевшую над головой муху.

– Они будут драться. Отступать им резону нет.

– Отчего ты столь уверен?

– Каттлсон – человечишко мелкий и мерзкий, но не дурак. Им известно, что мы даже не пришли в себя после марш-броска. Они в курсе, что половина наших воинов умирает от голода. Вдобавок они боятся, что, если начнут отступать, мы подожжем лес вокруг них.

Кольчуга с чужого плеча сидела на князе Лахтинском, как мешок. Вооружен он был лишь арбалетом и коротким ножом – чтобы, как он сказал, отрезать бороду, если ему будет грозить плен.

– Разумно, – согласилась Бару. – «Шакалов» хлебом не корми, только дай устроить пожар.

Взгляд ее привлекло яркое пятно. Она вновь приникла к подзорной трубе и различила огромный штандарт, растянутый меж двух древков: белая маска в окружении разноцветных рук, а сверху – оленьи рога. Под штандартом скакали курцгалопом всадники в шлемах и масках. Бока, шеи и головы коней защищали пластинчатые брони.

– Вот и Каттлсон легок на помине, – произнесла Бару, усмехнувшись. – Наверняка половину казны извел на новый штандарт.

– Болван тщеславный. Ты его видишь?

– Нет. Но могу наблюдать за его личной гвардией.

Внизу, по левую руку от Бару, между холмом и болотом, строились к бою волчьи фаланги первого удара. За ними в шахматном порядке встали лучники и фаланги резерва, и среди них – ягата Дома Хуззахт, готовая к яростной драке. Отборные резервы, пущенные в дело в нужный момент, могут уберечь от поражения, а то и принести победу.

А справа, на цветущем лугу, мельтешили, паслись кони кавалерии. Тайн Ху вымотала животных до предела. Теперь ее сигнальщики скомандовали отдых. Но для некоторых было уже поздно: в подзорную трубу были видны околевшие лошади. Их хозяева брели к общему строго, но кое-кто оплакивал павших скакунов или медлил, не решаясь положить конец предсмертным мукам верных боевых товарищей.

Но и у кавалерии имелись резервы. Их вела княгиня Игуаке, до сих нор кипевшая от негодования. Она неустанно жаловалась, что Тайн Ху забирает себе силы, которые ей пи к чему, и отдает

бессмысленные приказы. Однако Бару не хотела пестовать уязвленную княжескую гордость. Игуаке с кавалерийскими резервами подходила с востока.

Кавалерии предстояло биться на северном, правом фланге. В центре должны были встретиться фаланги, а левого фланга не было вовсе: болото годилось исключительно для журавлей и жаб.

Если фаланги с обеих сторон выстоят, исход битвы решит кавалерия Тайн Ху.

– Ты знаешь хоть что-нибудь о сражениях? – шепнул ей на ухо Зате Олаке. Разумно: таких вопросов лучше не слышать барабанщикам, стоявшим неподалеку. – Не о войнах.

– Все, что довелось прочесть.

Сведения о сражениях именовались «боевыми столкновениями». Бару нашла их, когда изучала трактат о канонах военного искусства под высокопарным названием «Наставления к полевой стратегии и тактике». Увы, чаще всего она натыкалась на скудные общие описания сражений!

А сейчас им предстояла настоящая битва, со всеми ее политическими и экономическими причинами. Каттлсону требовалась победа, дабы высокое начальство сменило гнев на милость, а Бару хотела победить, чтобы обеспечить будущее для восстания имперского масштаба.

В «Наставлении» говорилось, что проигрывает обычно тот, кто ударит первым, – наступление дезорганизует пехотный строй и обнажает фланг для сокрушительной кавалерийской атаки.

Но Бару, конечно, не рассчитывала на то, что битва будет столь же предсказуемой, как экономика.

Из центра вражеских боевых порядков раздался громкий нестройный возглас пяти тысяч глоток. Солдаты подхватывали слова своих офицеров, повторявших речи губернатора Каттлсона:

– БАРУ РЫБАЧКА!!! СДАВАЙСЯ, И ПРАВОБЛЮСТИТЕЛЬ БУДЕТ К ТЕБЕ СПРАВЕДЛИВА!!! ПОЩАДИ СЫНОВ ОРДВИННА!!!

Над головой Бару трещали, хлопали па ветру знамена с монетой и кометой. Дразнили Каттлсона. Указывали, где она.

– Я бы не волновался. Думаю, мы победим, – произнес За те Олаке, щурясь на склоняющееся к закату солнце. – В его армии полно рекрутов, завербованных в землях Радашича. Хейнгиль убил их князя и оторвал их от семей перед самой посевной. Их нужно чуть-чуть подтолкнуть, и они бросятся врассыпную.

– Несмотря на свой страх перед Зате Явой? Кроме того, их семьи находятся под властью Хейнгиля, и они набивают себе брюхо хлебом Каттлсона!

– Верно. – Он сплюнул в траву. – Так и есть. Шпионы никогда не врут.

На той стороне поля сверкнули в лучах солнца белые маски. Пехота Маскарада заняла место в центре фаланг. Над полем загремели барабаны.

К ним подскакал верховой на взмыленном полумертвом коне.

– «Шакалы» из леса сообщают, что маски волокут что-то тяжелое!

– Видимо, хвачхи. – Удивительно, но и сейчас, перед лицом смерти, Бару не удержалась от восхищения. До сего дня о хвачхах она только читала. – Сообщите всем: ожидать стрел, огня и много дыма! Держать позиции!

– А вот и «шакалы», – пробормотал Зате Олаке.

Из леса позади позиций Каттлсона повалил дым: «шакалы» зажгли сырой валежник, поливая его льняным маслом. Весенний ветерок с моря понес клубы дыма на северо-восток, в тыл фаланг Маскарада.

Они рассчитывали, что это вызовет смятение и страх в рядах врага. Но теперь Бару перепугалась сама: «Мы просто подарили им возможность укрыться за дымовой завесой…»

Армии взирали друг на друга поверх щитов. Огромные шеренги воинов разделяло всего полмили.

– Лучникам Отсфира нора стрелять! Чего он ждет?

Бару жестом подозвала верхового.

– Не торопись, – сказал Зате Олаке, выщипнув прядь волос из бороды. – Верь собственным командирам. Он не ошибется с дистанцией.

Бару кивнула и прислушалась.

Барабанная дробь – и тишина над полем. Бару погрузилась в аналитические размышления. Окинула войска – пехотный строй и кавалерийское крыло – взглядом зодчего. Представила себе силу преданности, злости и дисциплины, удерживающую солдат на местах. Каждый был готов встретиться с зазубренными остриями копий и уцелеть… или погибнуть.

Только теперь она поняла, о чем писали в книгах и о чем говорили полководцы. В битве врага не убивают, а именно сламывают, сминают, разбивают. Исход сражения будет решен, когда одна из армий поверит, что ей не уцелеть.

Значит, все решают хитрость и уверенность. Победа за тем, чья ложь убедительнее. Как всегда.

Бару наблюдала за морем масок. Серо-голубые солдаты – фалькрестийцы, ориати, ордвиннцы и, вероятно, тараноки. Плечом к плечу – на службе безмолвного Императора, сидящего на троне. Ведомые человеком, которому нужно успешно завершить сбор налогов и порадовать Парламент. А рядом с ними, по обе стороны шеренг – фаланги объединенных земель

Хейнгиля и Радашича, гонимые в бой за ту же далекую маску, за тот же чужой Парламент: кто – страхом, кто – надеждой, кто – долгом, а кто – и любовью к правителю.

– Это не их родина, – сказала она.

– И не твоя, – хмыкнул Зате Олаке.

– Верно, – согласилась Бару, улыбаясь, чтобы прогнать страх. – Хотя у меня были годы, дабы убедить тебя в обратном.

Мерная барабанная дробь разнеслась над порядками «Армии волка»: «Стоять. Стоять. Стоять». Фаланги первого ряда под сенью у леса поднятых копий ждали, готовые ринуться в атаку или отразить натиск врага.

– Внимание! – прошипел Зате Олаке.

Барабанщики и флаговые на вершине холма закричали, внизу подхватили их крики.

Над центром вражеского строя взвилась красная ракета. Описала дугу, рассыпалась звездным ливнем, разорвалась с грохотом, от которого замерло сердце.

Шеренги масок расступились, словно открывая незримые пути.

В дыму показались знамена с оленем.

– Что они еще приготовили для нас? – фыркнул Зате Олаке.

Между рядов пехоты Маскарада вперед устремились латники на гнедых конях. У Бару пересохло в горле. Среди всадников показались дружинники Хейнгиля на жеребцах, защищенных шипастыми шанфронами и критнетами[31]. А вот и сам Охотник на Оленей, на вороном скакуне, ободряюще говорит что-то вассалам!..

– Они поставили кавалерию в центр, – Бару наморщила лоб, стараясь припомнить, читала ли про такую расстановку в «Наставлении». – Ты хоть раз слышал, чтобы кавалерия была среди пехоты? И что он намерен предпринять? Кавалерийскую атаку на наши фаланги?

– Надеюсь, что да. – Зате Олаке выщипнул из бороды прядь седых волос и хрюкнул от боли. – Надеюсь, помешанный на вопросах чести упрямец ударит но нам – прямо через низинку, а затем помчится вверх по склону. Там-то они и напорются на копья Пиньягаты, и ребяткам придет конец, если фаланги Каттлсона не расстреляют лучники. Своих стрелков, Каттлсон, похоже, забыл дома. А Тайн Ху довершит дело: живо загнет правый фланг и растопчет их пехоту!

Бару стиснула зубы.

Пора!

– Барабанщики! – едва не поперхнувшись, крикнула она. – Сигнальте: сомкнуть щиты, готовиться к обстрелу!

Во рту стало солоно от крови из прокушенной щеки.

Но Каттлсон опередил ее – по «Армии волка» уже открыли огонь.

* * *

В мгновение ока Фалькрестские хвачхи выпустили две сотни ракетных стрел со стальными наконечниками. Пристрелочный залп. Проследив за огненными шлейфами, наводчики взяли поправку на расстояние и ветер и первыми начали Зирохскую битву.

В ту же секунду они выпустили шесть с лишком сотен стрел.

Долина засверкала от искр их ракет и потемнела, где смертоносная туча заслонила солнце. Воины «Армии волка» застыли, завороженные чудовищным фейерверком. С восторгом смотрели они на приближающуюся смерть.

«Щиты. Щиты. Щиты», – стучал и барабаны.

Князь Пиньягата, который стоял в пешем строю без свиты и без знамени, поднял щит вместе со всеми и кивнул съежившимся соседям:

– Ну, если кто опозорится…

Сначала хвачхи истребили тех, кто победнее.

Наблюдая за жутким зрелищем, Бару сразу поняла, что к чему. Таков был ее дар – дар саванта.

Щиты солдат из богатых или закаленных в междоусобицах княжеств – к примеру, дружинников Отсфира с кучей денег в казне и ветеранов Пиньягаты – были хороши и надежны. Но щиты обнищавших рекрутов Лизаксу и Тайн Ху стрелы Маскарада пробивали насквозь. Они вонзались в их плоть по самое оперение, повергая воинов наземь и заставляя стенать от боли. А после этого их боевые товарищи оставались абсолютно беззащитными – все равно что мертвыми.

Ряды Игуаке тоже поредели. Княгиня обожала свою кавалерию, а новобранцам, согласно ее военной доктрине, доставались лишь охвостья да объедки, и они изрядно пострадали.

В огне и смятении состоялось боевое крещение «Армии волка».

Каттлсон не дал им пощады: пока первая очередь хвачх перезаряжалась, залп выпустила вторая.

Новая туча стрел взвилась в воздух, а позади нее взлетела вверх очередная красная сигнальная ракета.

Кавалеристы князя Хейнгиля двинулись вперед. Образовали

строй. Выровняли интервалы. Опустили копья. Затрубили в рога.

– В рот мне бочку пива! – взревел Пиньягата, обращаясь к своим дружинникам, которые прикрывались щитами. – Вы поглядите-ка!

Кавалерия Хейнгиля ринулась в атаку. Набирая скорость – с рыси в курцгалоп, а там и вскачь, она устремилась вниз по склону, где жалась израненной черепахой воинская фаланга.

Боевые копи быстро преодолевали расстояние – да и путь до фаланги новоявленных «волков» был недалек.

– Стоять! – рыкнул Пиньягата, уверенный, что его воины передадут приказ по цепи, а слово его для них – куда страшнее стрел и буйных коней. – Стоять, или вы покойники! И все, кого вы любите, заодно!

Прежде чем кавалерия нанесет удар, хвачхам придется прекратить огонь. Значит, у них будет пара мгновений, чтобы ощетиниться копьями.

Строй должен был просто-напросто удержаться.

* * *

«Жаль, у нас не хватило времени вкопать колья», – подумала Бару.

Зате Олаке вырвал из мокрой от пота бороды целый клок.

– Где же паши колья? – спросил он, вторя мыслям Бару.

Конница Хейнгиля стекла по вражескому склону, достигла дна низины и ринулась наверх. Теперь они явно целили в самое уязвимое место – туда, где строй фаланг примыкал к холму Хенджа. Там же суетливо пытались перестроиться рекруты Игуаке со своими плохонькими щитами.

Четыре тысячи всадников, брошенные, как смертоносное копье, в неопытную, смешавшую строй фалангу…

А хвачхи не прекратили огонь. Следующий залп накрыл резервы. В центре стахечийской ягаты призывно застучали барабаны. Их лучницы укрылись под щитами, сплетенными из лозы.

«Отсфир, идиот бородатый, стреляй же!» – пронеслось в голове у Бару.

– Отсфир! – пробурчал Зате Олаке. – Проснись!

И сквозь крики донесся приказ:

– Бей!

В конце концов лучники Отсфира начали стрельбу, прореживая атакующий строй Хейнгиля. Навесом, через строй своей пехоты – прямой наводкой со склонов холма Хенджа.

«Ясно, – поняла Бару, – он не хотел, чтобы неприятель раньше времени засек его позиции. Не так уж глупо».

– Игуаке! – закричал кто-то из ее штаба.

Позади, на востоке, взмыли вверх знамена с бычьей головой. Кавалерийский резерв Игуаке рванулся вперед.

– Поздно, – прошептала Бару.

Дело шло к столкновению кавалерии с копейщиками.

Или нет?

Конники Хейнгиля резко свернули к северу, прерывая атаку. Град стрел с холма Хейнджа прошелся по их флангу. Раненые кони споткнулись, попятились, завизжали. Рухнули наземь пронзенные стрелами латники.

Но рог личной дружины Хейнгиля трубил, зовя за собой. Масса закованных в латы конников бесконечным, фыркающим, взмыленным, сотрясающим землю потоком устремилась на север. Они мчались вдоль строя «Армии волка». Если это не атака, то что же?

Мысли Бару понеслись вскачь вслед за ними.

«А они могли бы пробиться. Проломить строй, открыть путь пехоте позади. Зачем они свернули к северу? Да затем, что один прорыв в центре, где строй глубок, где множество резервов, не решит исход битвы. А удар во фланг, по кавалерии „волков“ – вполне».

Бару крутанулась к флаговым и барабанщикам, стоящим на холме.

– Сигнальте Тайн Ху! – заорала она. – Флагами для Тайн Ху: они идут на нее!

«После битвы, – сказала Тайн Ху. – Не раньше».

Как много всего должно случиться после сражения!

Кавалерия княгини Вультъягской под развевающимися стягами двигалась на запад. Лошади топтали цветущие луга.

Это была разведка боем, поиск возможных ловушек перед ударом во фланг Маскарада.

Тайн Ху не видела массы конников Хейнгиля. Не замечала стальной клешни, которая вот-вот отрежет ей путь к отступлению.

– Передайте ей: назад! – крикнула Бару сигнальщикам.

Внезапно воздух сотряс взрыв еще одной сигнальной ракеты. Фаланга Маскарада двинулась в наступление.

Бару вновь повернулась к барабанщикам и флаговым, дабы отдать новый приказ: передать Отсфиру, чтобы он сменил цель, – и ее внимание привлекла сумятица на склоне. На холм Хенджа взбиралась группа лучников «Армии волка» и горстка всадников. Знамени при них не было. Судя по простоте снаряжения, это были люди Лизаксу, но ведь он стоял далеко слева – его берсерки-

книжники прикрывали центр со стороны болот.

Зачем они здесь? И – вот он, среди всадников, князь Высокого Камня, ростом вровень с Зимними Гребнями, глаза горят лисьей яростью…

Машет своим лучникам: «Готовьсь!»

– Князь Лахтинский, – Бару положила руку на плечо старика, вложила в голос весь металл, какой могла. – Осложнение обстановки.

Лучники Лизаксу выпустили стрелы во флаговых и барабанщиков Бару. Те попадали с воплями боли, а лучники метнулись к врагам и перерезали им глотки.

«Мы ведь ударили по рукам, – подумалось Бару против всякой рациональности и практичности. – Я ведь обещала тебе…»

Лизаксу со своими всадниками подъехал к Бару.

Глава 29

Зирох с высоты…

Вот фаланга «Армии волка». Копейщики пяти княжеств и двух народов прикрыты щитами товарищей. Окутаны дымом. Сменяют погибших товарищей, пробираясь между их тел, в первые ряды. Стяги сожжены залпами хвачх. Лишь дым, точно знамя, реет над их головами: огонь им все еще друг…

Двадцать тысяч копий блестят в лучах заходящего солнца. Так они держали строй: кровь бешено стучит в висках от ужаса и веселья, у кого штаны мокры, у кого ум затуманен – словом, каждый справляется, как может.

Но как придают духу барабанная дробь, команды Пиньягаты и стрелы, летящие над головами во врага, несмотря на то что по лучникам палят хвачхи!

«Стоять. Стоять».

Да, надо держаться и ждать врага. Десять тысяч земляков, служащих захватчикам, на флангах, а в центре – пять тысяч пустоглазых масок с крючьями, пиками, тяжелыми щитами и огнедувами.

На севере Хейнгиль с четырьмя тысячами латной кавалерии заходит в тыл пяти тысяч кавалеристов Тайн Ху. Ее строй отвечает неуклюжим, беспорядочным топтанием на месте, колеблется между наступлением на запад и отходом на восток. Лошади упрямятся, точно везут тяжеленные мешки с песком. Люди суетятся, будто в отсутствие каких-либо приказов, словно Тайн Ху даже не командует ими вовсе.

А знамя Честной Руки, реявшее над холмом Хенджа, покачнулось и рухнуло. Скрылось среди поваленных каменных столбов.

* * *

Вот к чему привела ее идиотская доверчивость. Да, она знала, что Лизаксу умен. Но он казался таким идеалистом!

Похоже, бездне не суждено поглотить ее. Гибель наступит раньше. И ведь перед самой развязкой!

– Лизаксу! – крикнула она, стараясь перекрыть цокот копыт конницы. – Лизаксу! Сколько тебе предложил Каттлсон?

Зате Олаке, старик в кольчуге с чужого плеча, встал между Бару и всадниками.

– Мальчик мой! – рыкнул он. – Что ты затеял?

Клин всадников – четырнадцать человек – приблизился к ним вплотную. Бледнокожие стахечи настороженно поглядывали на Бару, Зате Олаке и своего князя.

Лизаксу пришпорил коня.

– Князь Лахта! Ваша светлость! Я помню, что вы сделали для нашего общего блага! Отойдите. Позвольте мне спасти нас всех!

– Чем они купили тебя? – отчеканил Зате Олаке. – Мне известно, что ты любишь и ценишь. Тебе дали лекарства для жены? Посулили свободу брака для дочерей? Тебе пообещали путешествие в Фалькрест, где тебя посадят в Парламент и «цивилизуют»?

Некоторое время князь Лизаксу глядел на него в остолбенении – и вдруг расхохотался.

– Ты меня с кем-то путаешь!

Но в ту же секунду он – следом за Бару – различил звук, раздавшийся за спиной.

Эти был равномерный грохот множества подков.

Взвились вверх стяги княжества Игуаке. На холм взлетели кавалерийские резервы Коровьей Царицы и княгиня собственной персоной.

Лизаксу выхватил меч, сжал губы, сузил глаза и опять пришпорил коня, без колебаний, без милосердия направляя его на Бару.

В ответ она обнажила оружие. Абордажная сабля Аминаты с тихим шорохом выскользнула из ножен. Мышцы заходили ходуном, ноги напружинились, принимая стойку, тело зажило своей жизнью – жизнью флотской системы.

Сам клинок не спасет своего хозяина…

Дружинники Лизаксу замерли, а потом повернулись к несущимся всадникам, к княгине Игуаке. Коровья Царица на скаку во всю глотку честила их «трусами», «содомитскими подстилками» и «вонючими каплями с кривого фалькрестского нужника».

Князь Лизаксу устремился к Бару. Кунья накидка бешено развевалась по ветру за его спиной.

– Стреляй, – сказала она.

Резко щелкнул тетивой арбалет Зате Олаке. Короткая толстая стрела вонзилась в горло жертвы. Князь Лизаксу, ученый владыка Высокого Камня, муж и отец, обвис в седле и рухнул наземь, не сказав напоследок ни слова и даже не изменившись в лице. Ему не осталось и мига, чтобы осознать свою смерть и обдумать ее онтологию.

Взглянув на мертвого, Зате Олаке покачал головой.

– Поверить не могу! Я-то полагал его человеком с

принципами!

– А я могу, – ответила Бару.

Всадники из резерва Игуаке налетели на дружинников Лизаксу и втоптали их в землю. Игуаке надменно обогнула место их гибели и рысью подъехала к Бару.

– Увидела, что твое знамя рухнуло, – вымолвила она. – И подумала, что неплохо бы подняться на холм и помочиться на твой труп.

«Зачем что-то говорить, – вдруг подумала Бару. – Как хочется оплакать их всех – и этого человека, его вдову и сирот, и мысли, которыми он не успел поделиться».

– Ты своими руками лишила себя столь прекрасной возможности, – произнесла она вслух.

– Да, – согласилась Игуаке, прикрыв глаза от солнца и усмехнувшись. – Я заметила, что к тебе направляются люди Лизаксу без знамен. Никогда не доверяла этому грамотею! Так или иначе, но я подозреваю, что твоя Вультъяг вот-вот погубит нас. В общем, возможность помочиться на твой труп еще не потеряна.

Повернувшись к северу, Бару потянулась за подзорной трубой, но не решилась посмотреть на поле битвы в той стороне.

– Помогите поднять знамя, – сказала она.

Хоть до чего-то можно дотянуться. Хоть что-то еще в ее руках.

* * *

Фаланги медленно сближались.

Едва начнется прямое столкновение, едва сомкнутся с грохотом стены щитов, не будет ни пути назад, ни места для маневра. Два строя сольются воедино – центр с центром, фланг с флангом. Тогда придется давить, колоть, биться насмерть, пока кто-то не дрогнет и не побежит… или не будет стоптан кавалерией, зашедшей с фланга или с тыла.

А в кавалерийском сражении еще никто не одержал верх.

Лучники Отсфира продолжали вялый обстрел, жаля северный фланг противника. Они убивали несчастных, насильно забритых в солдаты в захваченных землях Радашича. Хвачхи Маскарада выпустили в ответ последние залпы, и их стойки опустели.

Позади пактимонтского строя иод огромным штандартом ехал губернатор Каттлсон. А на северной равнине, среди желтых цветов, челюсти его ловушки сомкнулись вокруг Тайн Ху.

Четыре тысячи всадников под командованием Хейнгиля зашли в тыл Тайн Ху с востока. Теперь на опушке леса показалась

и вторая, скрытая до поры челюсть. Две тысячи кавалеристов из княжеств Отр и Сахауле, пылая жаждой мести за убитых князей, за хараеродское злодейство, вырвались из-за деревьев и устремились на Тайн Ху с запада.

– Плати по кровавым счетам! – орали они, насмехаясь над врагом-счетоводом. Кавалерией «Армии волка» командовал явно не тот человек. Пять тысяч всадников Тайн Ху нерешительно топтались на месте. Основу ее латной кавалерии составляли люди Игуаке – жители Внутренних Земель, которые не питали ни малейшей любви к лесной княгине с ухватками разбойницы. Вдобавок их лошади были измотаны и изнывали от жажды (стремительный дневной марш-бросок дал о себе знать) – и животным не терпелось избавиться от тяжкого груза.

Дезорганизованные, окруженные шестью тысячами тяжелой кавалерии без возможности отступить по флангу, они не имели никаких шансов в конном строю.

Тайн Ху подала сигнал, и всадники спешились.

– Отдай коней!

Глотки за глотками подхватывали приказ Тайн Ху, передавая его к дальнему крылу:

– Отдай коней! Стройся!

Постепенно здесь забурлил хаос другого рода. Воины готовились. Занимали позиции. И теперь латная кавалерия, вооруженная копьями и мечами, спешилась. Бросила лошадей. Отдала их новым наездникам: «шакалам», прятавшимся среди цветов в кустах. Велитам и лучникам, готовым вступить в бой.

Охотники были отправлены вперед – провести разведку и ждать удобного момента. Задачу эту Тайн Ху доверила самым надежным из своих людей, вультъягским воинам – Сентиамутам, Алеменуксам и прочим.

– Укрыться. Выжидать. И помнить: чем легче всадник, тем быстрее конь!

Кавалеристы же, расставшиеся с лошадьми, выстроились в фалангу и подняли копья навстречу четырем тысячам конников Хейнгиля. Это было давным-давно привычно и знакомо. Строиться в пешую фалангу – один из первых маневров, которым обучали любого из них.

О том, что лошадей следует отдать каким-то велитам, в уставах не было сказано. Но они безропотно подчинились приказам Тайн Ху.

Три тысячи новорожденной легкой кавалерии помчались на юг. Тайн Ху со своими дружинниками скакала иод знаменем кометы. Она так яростно пришпоривала своего белого коня, что его сердце могло взорваться и превратиться в еще одну комету.

Две тысячи латных кавалеристов, оставленные позади, были отданы сыну Игуаке – грозному и азартному прирожденному полководцу. Свернув на запад, они ударили по всадникам Отра и Сахауле с кличем: «Честная Рука!» – ибо Игуаке Ро видел Бару Рыбачку и тоже питал надежды на трон.

Гром копыт и столкновения двух огромных масс сотрясли равнину. Так началась битва на севере.

А спустя мгновение возле холма Хенджа, в тени леса схлестнулись фаланги противников!.. Недолгий стремительный бег – и сокрушительный, до треска в костях, удар щитов в щиты. Треск, скрежет, давка – натиск! Воины заработали копьями, отчаянно вопя и жмурясь, чтобы уберечь глаза от острого ливня щепок и обломков.

В центре копейщики Пиньягаты встретились с пехотой Маскарада, и князь обнаружил, что его славных воинов теснят. Фалькрестские латы надежно отражали стрелы, крепкие копья не ломались, а саперы из глубины строя метали через стену щитов кислоту, газ и огонь.

Беспощадные, исполненные чужеземной воли маски глазели на врага в упор.

– Стоять! – заорал Пиньягата.

Это была уже не команда, а мольба.

* * *

Знамя Честной Руки вновь взмыло над холмом. Его встретили радостным кличем.

У подножия холма Хенджа изгибались и смешивались друг с другом два строя. На правом фланге «Армии волка» изрядно потрепанные рекруты Игуаке получили подкрепление и вновь ринулись в бой. Теперь им повезло: они сумели даже сдержать натиск вражеского крыла – фаланг, состоящих из ратников Радашича. Копья работали вполруки, а прореха между противниками была широка: никому не хотелось прыгать в смертельную чащу с боевым воплем на устах.

Тем временем слева берсерки-книжники Лизаксу разбились о непреклонную фалангу княжества Хейнгиль. Одурманенные снадобьями, слепые к боли, берсерки бросились в мясорубку. Но двенадцатифутовые копья не испугались их, и стена щитов осталась глуха к их воплям. Фалангу Лизаксу охватил ужас. Берсерки не сломили противника, икари Химу не пронесла их в глубину вражеского строя.

Неуязвимые книжники погибли как простые смертные.

Левое крыло строя восставших дрогнуло. Распалось. Подалось назад под натиском вояк Хейнгиля, которые шли на них и без устали орали: «Держи слово!»

Казалось, прорыв неизбежен.

Но брешь заткнула ягата Дома Хуззахт – богатыри в латах, ведущие за собой отряды воинов.

Дружинники Хейнгиля столкнулись с броней стахечи и военным кличем возрожденного севера… и отступили.

Но ягата поторопилась.

Сместившись налево, богатыри оставили центр, где пактимонтская пехота в масках сошлась с лучшими воинами Пиньягаты. Вскоре пехотинцы обнаружили, что до совершенства им далеко, однако проявили упорство и продолжали рваться вперед на крыльях имперского превосходства.

Стиснув кулаки, Бару смотрела, как прогибается строй в центре. Вдруг она проиграет и Каттлсон победит? Что, если прибывшие морпехи обнаружат на поле боя лишь стаи ворон, пирующих на трупах мятежников?

«Твои ошибки спишут на кровь и пол. Ты должна быть безупречна».

– Север! – изумленно воскликнул Зате Олаке.

– Взгляни на север! – подхватила Игуаке.

На северо-западе кружили, сойдясь в рукопашной, две огромные конницы – Игуаке Ро бился с явившимися отомстить за Наяуру. На северо-востоке строй из трех тысяч копейщиков опустился на колено и вскинул копья, сдерживая удар кавалерии Хейнгиля, отсекая воинов от основной битвы.

Но части конницы Оленьего Князя удалось ускользнуть из сети.

После столь ловкого хода Хейнгиль быстро оценил обстановку и выбрал своей целью Тайн Ху. Молниеносно собрав дружину, он устремился за ней в погоню.

Они неслись на юг. Трехтысячная масса всадников с Тайн Ху на белом скакуне во главе уподобилась вулканической лаве. Лучшие из ее лучников на всем скаку разили стрелами латных преследователей, умудряясь не отстать от своих товарищей.

Однако могучие кони Хейнгиля настигали «шакалов». Ярд за ярдом «шакалы» приближались к пехотному строю, к обнаженному флангу Маскарада.

Загнанные лошади спотыкались, замедляли бег и умирали – стоя – от разрыва сердца. Дружинники Хейнгиля безжалостно истребляли отставших. Их кони набирали скорость. Чем легче всадник, тем быстрее конь… Но свежий конь – еще быстрее.

Бару услышала собственный крик. Сердце пронзило, словно

занозой. Ей стало не до холодного анализа. Великий замысел Тайн Ху был близок к успеху, но конница Хейнгиля могла вот-вот разрушить все победоносные планы княгини.

Игуаке, сидевшая на коне, сплюнула на поваленные камни Хенджа.

– Будь я проклята, – заявила она. – Вы оскорбили меня, задвинув в резерв, ваше превосходительство. Но я обязана признать: в конечном счете вы поставили меня именно туда, куда нужно.

Она подняла руку, подавая сигнал. Ее барабанщики подхватили команду.

Резервные конники Игуаке клином понеслись по склону холма Хенджа. Ударили во фланг Хейнгиля за несколько секунд до того, как он настиг основную часть всадников Тайн Ху. С лету сломали вражеский строй, оттесняя его к северо-западу, бросили сломанные копья и взяли воинов Хейнгиля в мечи и молоты.

Охотник на Оленей убил четверых, а пятого спешил, обезглавив его коня, с кличем: «Держу слово!» Наконец один из воинов Игуаке вспорол брюхо княжеской лошади длинной пикой. Хейнгиль, запутавшись в знамени, рухнул наземь – под молоты и копыта. Связанный словом чести, он дрался до конца. Но никто не сомневался, что последняя мысль его была о дочери.

А перед княгиней Тайн Ху простерся беззащитный фланг пехоты противника. Кавалерии, способной остановить врага, больше не было.

Привстав в стременах, Тайн Ху махала рукой своим: «Вперед! Еще чуть-чуть!»

Лошади с пеной на губах визжали иод отчаянными ударами шпор.

«Шакалы» зашли в тыл строя Маскарада. Обрушили на недруга град стрел и дротиков, кружась в хороводе, жаля, будто осиный рой. Воины Каттлсона, поглощенные ратным трудом, целиком сосредоточились на прорыве вражеского строя и оказались меж двух огней. Стрелы и дротики вонзались в их затылки и спины. «Шакалы» выкашивали врагов сотнями.

Тайн Ху пригнулась к шее своего скакуна и повела отряд лесных воинов в атаку на личную дружину Каттлсона.

Те, увидев ее приближение, ударили в ответ.

Проклиная трясущиеся руки, Бару нащупала подзорную трубу. С замершим сердцем, затаив дыхание, навела резкость. Отыскала охотников и среди них – Тайн Ху. Княгиня в кольчуге и коже летела, как белоснежная стрела, прямо на сливки Пактимонта.

Дружинники Пактимонта, облаченные в новенькие латы,

пришпорили своих мощных коней…

Зате Олаке затряс головой.

– Сворачивай! Дура, давай же!

Два отряда сблизились.

Конники Вультъяг свернули в сторону, в последний миг уклонившись от удара Каттлсона. Метнули копья. Выпустили стрелы. В туннеле подзорной трубы мелькнула Тайн Ху: княгиня натягивала тетиву и одновременно давала коню шенкелей[32]. Скакавший рядом воин из семьи Сентиамутов рухнул на землю – кавалерийское копье пронзило горло смельчака.

Губернатор Каттлсон в алой эмалевой маске набросился на Тайн Ху. Княгиня Вультъяг швырнула лук, выхватила меч и скрылась в дымовой завесе, принесенной ветром из лесу.

– Нет! – прохрипела Бару.

– Ветер вот-вот переменится, – успокоил ее Зате Олаке.

Первым был сломлен строй южного фланга Маскарада. Рекруты князя Хейнгиля не устояли под стахечийскими копьями и яростными воплями: они побежали врассыпную, преследуемые ягатой Дома Хуззахт.

Затем дал слабину и северный фланг. Деморализованные солдаты из земель Радашича сломали строй, не желая гибнуть в чужом бою.

Вражеский центр еще стремился вперед, но крылья Пактимонта рассыпались иод натиском с фронта и смертью с тыла.

– Наша берет, – выдохнул Зате Олаке. – Мы победили!

Бару, притиснула к глазу подзорную трубу и отыскала просвет в серой пелене.

Мертвые лошади валялись повсюду. А вот и двое пеших! Алая маска, волчий плащ… Каттлсон – клинок в позиции «вол» – прыгает вперед, нанося удар. Тайн Ху – руки обнажены до плеч – оскальзывается в крови и кишках под ногами, увертывается, откатывается прочь, выигрывая дистанцию.

Густая завеса сомкнулась вновь.

– Ваша светлость, – сказала Бару голосом, хрустким, точно бумага, – мы победим, когда я буду действительно удовлетворена результатом.

Смутные силуэты двигались в клубах дыма вдали. Брошенное копье. Могучий удар из-за головы. Ослепительный сноп искр из скрестившихся клинков.

Срубленная голова упавшего на колени катится но земле.

Бару приникла к окуляру трубы, словно приросла к нему навек.

Из пелены вырвался белый скакун. Всадник – в плаще, тоже

белом. «Волчья шкура, – подумала Бару. – Волчий плащ».

Каттлсон. Верхом на коне Тайн Ху.

Всадник поднял взгляд к вершине холма, где находилась Бару, и как будто уставился в окуляр ее подзорной трубы. Вскинул к небу кулаки в кольчужных рукавицах, в которых что-то трепыхалось. А потом – широко развел руки в стороны и развернул перед Бару штандарт, сорванный с древка, – огромную маску и рога. Вовсе не волчью шкуру.

Штандарт Каттлсона – в руках Тайн Ху!

Воины в строю завопили от восторга – в тысячу, в десять тысяч глоток:

– Вультъяг! Вультъяг!!!

– Жаль, что она не моя дочь… – сдавленно произнес Зате Олаке.

И заплакал от счастья.

* * *

Армия Пактимонта была разбита. Остатки кавалерии вышли из боя и с топотом умчались на юго-запад, сминая траву заливных лугов. Пехота Маскарада с большими потерями отступила в задымленный лес. Охваченные паникой рекруты бежали наравне со вспугнутыми огнем оленями, сдавались в плен, хоронились в медвежьих берлогах.

«Армии волка» был отдан приказ: «Не преследовать. Перестроиться. Встать лагерем».

Морская пехота, следующая вверх по Инирейну, могла подойти уже через день. Настало время перевязывать раны, чинить щиты, оплакивать мертвых, а еще – разоружить и изгнать прочь вероломных людей Лизаксу.

Но ни дисциплина, ни буря, ни иная угроза не могли удержать «волков» и «шакалов» от празднования победы. Двадцать лет они унижались перед Маской, дышали кислотными испарениями инкрастических законов, размножались по указке правоблюстителя!

Теперь всему этому – конец.

Ягата Дома Хуззахт веселилась и хмелела вместе с конниками Игуаке, хотя другого общего языка, кроме смеха и пива, меж ними не было. Семьи из Отсфира и Вультъяга, враждующие десятилетиями, забыли старые распри и плакали, крепко обнявшись. Над холмом Хенджа звенели воззвания к икари, перекликавшиеся с запретными песнями.

Одинокая пара воинов Пиньягаты блуждала по полю битвы и

вела тревожный разговор о своих родных, голодающих дома. Неожиданно воины набрели на брошенные Маскарадом запасы сигнальных ракет.

– Продадим, – сказал мужчина своей боевой подруге.

Но та сдвинула брови и возразила:

– Выброси из своей головы всякое своекорыстие. Сегодняшней ночью надо будет порадовать героев дармовым фейерверком!

Позже дюжины воинов «Армии волка» сложили огромный костер из сырого дерева и покойников в масках и щедро полили его льняным маслом. Кое-кто возражал – будет вонять, но что с того? Ведь это будет вонь победы! К тому же среди солдат оказались и настоящие знатоки похоронного дела. Некоторые из них даже вспомнили, что спинной и головной мозг, сгорая, пахнет, как сладкие мускусные благовония.

Запаленный на закате, костер собрал вокруг себя десятки разрозненных компаний. Жаркое пламя сделалось для воинов центром вселенной, осью, вокруг которой вращался их мир вопреки всей астрономии и наперекор всем сентенциям учителей в школах службы милосердия. Солдаты рассказывали истории и плясали под перестук барабанов. Здесь, среди них, зарождался набросок легенды о Зирохской битве.

Можно сказать, эта легенда – искра протеста, крохотный рубин свободы, зардевшийся зимой и отшлифованный до блеска на Зирохской равнине, – и была главным завоеванием прошедшего дня. Люди, сражавшиеся на заливных лугах Зироха, вернутся домой с тайным знанием, за которое им пришлось заплатить собственной кровью.

Теперь они поняли, что, встав за мятежную королеву плечом к плечу, единым строем, они могут одолеть разъяренный Маскарад.

Их слова и песни разнесут славную весть по всему Ордвинну, от края до края. Переданная друзьям и детям, она окрепнет, наберет силу.

И каждый вновь вспомнит: Ордвинн не подчинить!

* * *

На закате предводители восставших собрались на холме Хенджа. Князь Отсфир, исполненный скорби, смотрел на союзников пустым, безрадостным взглядом. Прочие, не сговариваясь, оставили рядом с ним пустое место, где мог бы стоять его друг.

– Как? – с мольбой в голосе спрашивал Отсфир. – Зачем? Он же был так мудр! Почему?

Но ни горе Отсфира, ни хриплый кашель, рвавшийся из обожженных легких Пиньягаты, не могли заглушить всеобщего ликования. Они опьянели от счастья, которое словно прокатывалось но полю битвы и гремело по всей Зирохской равнине. Каттлсон и Хейнгиль мертвы. Фалькрест – далеко. Падение Пактимонта – неизбежно. Любовь простых ордвиннцев к Бару Рыбачке, к дарованным ею золоту и хлебу, к ее проворному тощему Шакалу и победоносному клыкастому Волку – велика, как никогда.

Бару стояла в кругу совета выше всех и балансировала на плоском камне древнего Хенджа. Она взмокла от пота и измучилась, ее сапоги износились, а перчатки успели прохудиться, однако все взоры были устремлены на нее. Кроме одного. Вультъяг, плотно запахнув плащ, смотрела куда-то вдаль. Может, пыталась заглянуть за линию горизонта?

– Честная Рука будет провозглашена королевой, – произнес Зате Олаке. За время битвы борода его потерпела изрядный урон, и теперь он выглядел диковато. – Могут ли быть какие-либо сомнения на данный счет?

– Мои помещики живут на ее деньги, – изрекла Игуаке. Она сменила снаряжение для верховой езды на княжеский наряд и роскошные украшения – без всякой практической надобности. Наверное, то был своего рода безмолвный крик счастья. – Такой власти я не могу отрицать. Полагаю, она будет хорошим правителем.

– Верно, – прохрипел Пиньягата. – Мой народ славит ее имя. Возможно, она принесет нам мир.

И он улыбнулся. Казалось, на миг ему стало легче дышать.

Зате Олаке развел руками и повернулся к Бару:

– Кому же быть королем? Для объединения Ордвинна нужна династия. Я думаю, надо поискать короля вне наших границ. Будет ли им правитель стахечи? Или какой-нибудь ориати – даже не знаю, каковы их царственные особы?

Игуакке вздернула подбородок, несомненно, имея в виду своего сына. Пиньягата зашелся в долгом приступе сухого кашля. В пустом, отстраненном взгляде Отсфира не проявилось ни малейшей искорки интереса.

Бару продолжала возвышаться над ними, стоя на камне Хенджа – предвестнике трона.

«Кому же быть королем?»

Она могла бы продержаться еще немного. Доиграть роль до конца и спастись. Но сегодня – день поражений и побед, великих

усилий, ведущих к будущему поражению или победе.

Она так устала и поэтому не сдержалась.

Бару позволила правде вырваться наружу.

– Моя рука привыкла к одному-единственному клинку, – заговорила она. – А если в руках лук, я выберу из колчана проверенную в деле стрелу. Я возложила самое тяжкое бремя на плечи одного человека. И он вознес нас сюда. На вершину. В моих глазах ты стоишь целого легиона, Тайн Ху.

Бару преклонила колено и протянула свою руку Тайн Ху.

Взгляд Тайн Ху вспыхнул в наступивших сумерках. Подойдя, она ухватилась за запястье Бару. Подтянулась, влезла на камень, встала рядом. Ветер подхватил ее плащ и хлопнул тканью, будто сказав свое – негромкое, но веское – слово. Тайн Ху одернула плащ резким движением, как будто натягивала поводья коня.

Они стояли вместе. Бару затаила дыхание, с кружащейся головой, чувствуя тепло плеча героини Зироха, услышала ее тихий шепот:

– Я смела надеяться.

Круг совета безмолвствовал.

– Что это значит? – нарушил общее молчание Отсфир.

– Еще не догадался? – ответил Зате Олаке. – Ладно, я тебя просвещу: теперь мы знаем, что толкнуло ее на бунт.

Пиньягата сощурился.

– Не вижу династии. Если только не ошибаюсь… – Голос его зазвучал грубее, в нем появилась насмешливая заботливость. – Но ты ведь никогда не говорила, что ты мужчина…

– Пойдемте, – хрипло проронил Отсфир. – Она сделала выбор. Теперь им держать их совет…

Недосказанным осталось: «…А нам – наш».

– Но она – наша королева, – возразил Зате Олаке. – Есть и другие способы зачать наследника. Ничего страшного не случилось.

– Помолчи, Лахта, – произнесла Игуаке. В ее голосе чувствовалась какая-то напряженность, но вовсе не злость. Возможно, радость, если судить по улыбке. – Подождем с вопросами до завтра. А они пусть побудут вместе.

Князья двинулись прочь. Лишь сбитый с толку Дзиранси топтался на месте, пока Пиньягата не потащил его за собой по склону холма. Следуя за Князем Фаланг, он оглянулся на Бару в великом смущении. Игуаке, шедшая впереди, рассмеялась с нескрываемым удовольствием.

Они были вдвоем на вершине холма. Ветер с моря тихо плакал среди камней древнего хенджа в последних лучах заката.

– Имуира, – сказала Тайн Ху на уруноки.

Голос ее дрожал – от всего, что так долго оставалось невысказанным. Он был подобен легкому дуновению под крепчающим ветром.

– Куйе лам, – добавила она.

Бару сразу поняла смысл этих слов. Уруноки, язык ее родины и детства, не мог измениться.

Неуверенно, наперекор десяти годам страха, подавления чувств, железного самоконтроля, она коснулась плеч Ху, ее высоких скул… Кожа – как будто мигом исчезла, оголив плоть и нервы. Внезапный порыв холодного ветра заставил задрожать.

Огромные, всепонимающие глаза Тайн Ху приблизились. Совсем недавно она. жевала анис и смирнию[33] – Бару чувствовала резкий, свежий запах.

«Гори они все огнем, – подумала она. – Захочу – и вовсе уничтожу себя. Но сегодня, один-единственный раз, буду собой».

– Прости, – сказала она. – Раньше я никогда этого не делала.

– Какой аскетизм, – сердечно хмыкнула Тайн Ху. В ее теплоте звучала совсем другая жизнь, какой у Бару не было и никогда больше не будет. – Не бойся. Моего опыта хватит на двоих.

– Сколько побед… – начала Бару, собираясь поддразнить ее.

Но Тайн Ху не дала ей договорить.

Глава 30

Бару стояла на вершине вулкана Тараноке возле матери Пиньон. Внизу простерся остров ее детства – заплаты плантаций сахарного тростника и кофе, угольно-черные берега… Темно-фиолетовое море, ластящееся к коралловому рифу. Бесконечные звезды.

На Тараноке были свои собственная политика и торговля, свои хвори и тревоги. Но ребенку Тараноке казался совершенным, цельным, принадлежащим только самому себе.

Империя явилась вместе со штормом.

В гавани замелькали алые паруса. Леса рухнули и вновь поднялись, заключенные в просмоленную обшивку, воплощенные в грот-мачты и реи. Мор скосил и гаванских и равнинных, и трупы их сбросили в кратер, не разбирая, кто где. Дети спали за туфовыми степами школы. Там их учили любить и жениться согласно чужеземным убеждениям, а также работать на судоверфях – «социализированный федерат (класс 1), знаков отличия нет».

Маски казнили мужей докрасна раскаленным железом. Их крики служили напоминанием: старые обычаи негигиеничны.

– Мы должны быть безмерно благодарны, – заговорила мать Пиньон – тем самым голосом из детства Бару, источником чистой непререкаемой истины. – За мыло и санитарию. За то, что наши дети не умирают в младенчестве, но растут и постигают все имена порока. За удовольствие, которое приносит нам жизнь, посвященная труду на благо великой цели. Знаешь ли ты, дитя мое, что прежде мы погибали от абсцесса зубов? То была одна из главных причин смертности на Тараноке. Но Маскарад привез сюда и зубных врачей!

Бару сложила в уме счетовода – таблицу прихода и расхода, реестр с двойной записью: «отцы – каленое железо» против «мыла», и «зубные врачи» против «великой цели».

А Пиньон сняла улыбчивую маску матери и оказалась Кердином Фарьером – веселым, жизнерадостным торговцем шерстью, предвестником Империи с шестернями ее механизма в глазах.

– Ты хотела задать вопрос о природе и применении власти, – произнес он.

Волны моря тотчас застыли и превратились в сталь и фарфор, в паутину цепочек из множества рук, сходящихся к шлюзу, из водоотвода которого заструились из Тараноке к сердцу всего сущего кровь и расплавленное золото.

Причина и следствие. Расход и приход. Все взаимосвязано, мир – единая система, огромное созвездие.

Бару не могла охватить взглядом и постичь его форму: главная книга мудрости исчезла. Троюродная сестра Лао передала ее к шлюзу по цепочке рук, затянутых в перчатки.

– У нас, в Фалькресте, найдется ответ на любой вопрос, – заверил ее Кердин Фарьер. – Все внесено в каталоги и расставлено но своим местам.

– Даже восстания и личности бунтовщиков, – заметила Бару.

Он поднес к лицу белую фарфоровую маску, лишенную всякого выражения, и Бару вспомнила, что его имя – Странник.

– Мы продолжаем распространять свою власть, – изрек он. – Когда работа будет завершена и наша гегемония охватит мир, никто и ничто не сделает ничего без нашего соизволения. «Добровольно» станет синонимом «по повелению». Закон Империи поселится в каждой душе и проникнет в каждую клетку. Боль и бесхозяйственность отойдут в прошлое. Останется гармония – и ничего более.

– А если Ордвинн вырвется на волю? – нахально поинтересовалась Бару.

Рычаги и шестерни внутри самой Бару позволили ей лишь предположить такое допущение. То был сиротливый осколок логики, риторический прием, примененный для того, чтобы вызвать к жизни сокрушительную отповедь.

– Что, если их не подчинить?

Маска уставилась на нее пустым взглядом идиота. Внизу, под ее подбородком, пузырилась слюна. Император на Безликом Троне…

– Сила бунтовщиков быстро становится их слабостью, – ответил он слаженным хором голосов. – Это глупое упорство, дикость и звериная ярость. За нами же – мощь империи, деньги, настойчивость и масштаб, все мускулы учета, закона, индустрии и воинской повинности. Наша сила – высшего порядка. Мы вернемся. Мы купим их оптом, воспитаем на свой лад, поманим будущим счастьем – и Ордвинн послушно наденет маску.

Меж тем тараноки заключали браки с плосконосыми иноземцами или отправлялись на корабли, чтобы трудиться и воевать в чужих землях, и в жерле вулкана Тараноке затеплилось пламя.

– В итоге мы неизменно побеждаем, – проскрипела маска. – Будущее за нами.

– Да, – прошептала Бару.

Из-за фарфора маски упали на плечи, рассыпались рябиново-рыжие кудри.

– Ты знала это с самого начала. В долгосрочной перспективе Ордвинн будет подчинен.

Дым вперемешку с пеплом обжег горло, не позволяя вымолвить ни слова.

– Но сколь бездумно непродуктивен круговорот восстаний и реконкист! – продолжал хор голосов. – Сколько крови и труда пропадет даром в грядущие десятилетия! И сколь милосерднее было бы отыскать самый краткий, наибыстрейший путь к миру!

– Такова высшая цель, – сказала маска насмешливым мужским голосом, который Бару впервые услышала в пактимонтских доках, – голосом человека по имени Вестник. – Ради нее вы и стали нашим особым инструментом для выполнения весьма тонкой работы.

«Я раскрою секреты власти, – подумала Бару, отчаянно цепляясь за давнюю детскую опору. – Знание – это контроль. Я оберну власть в свою пользу и спасу свою родину».

Она сделает все ради Тараноке.

Странно, но во сне она еще не утратила способность плакать.

* * *

Тепло…

Как не хотелось разрушать и покидать жаркий кокон!

Он обволакивал ее со всех сторон. Шатер. Шкуры.

«Стоп, – подумала она. – Назад. Спать. Не думать».

Тепло в кольце ее рук. Сомкнутых в объятьях. Тепло в ее сердце.

– М-м… – сонно протянула Тайн Ху. – Привет, ваше превосходительство. Привет тебе, Имуира. Куйе лам.

Щелки лучащихся довольством глаз сомкнулись вновь. Под тяжестью ее тела рука Бару онемела до самого плеча. Тайн Ху чуть повернулась, чтобы изгибы их тел совпали еще совершеннее, прижалась губами и носом к шее Бару, засопела и вздохнула во сне.

Еще один миг безмятежного счастья.

Но механизмы ожили. Скальпели и зубья шестеренок безжалостно расчленили настоящее на прошлое и будущее. Как будто в душе Бару пробудился вивисектор, отделяющий от тела органы «последовательности событий», скользкие, сочащиеся сукровицей жилы «плана», «результата», «степени риска» и «вероятности провала».

Счетовод, очнувшийся в женщине, вспомнил об испытании.

Бару Рыбачка уткнулась подбородком в гладкую макушку

своей возлюбленной и беззвучно завыла от горя.

Пути назад нет. В далеких городах, в гаванях и в штурманских рубках определены условия и заведены автоматы. Договор записан чернилами, деньгами и кровью. И вот – конец игры.

Пути назад нет.

* * *

Какова же она?..

В Тайн Ху чувствовалась сила. В мускулах, привычных к секире, мечу и доспехам, в надменном повелительном голосе. И даже в ее крови – по понятиям знати.

Чего еще оставалось желать, чего вожделеть? А Бару вожделела – запретная плотская жажда не оставляла ее ни на губернаторском балу, ни в лесу – с первого взгляда.

Что еще можно найти в ней, кроме столь притягательной силы?

Наверное, еще много сокровищ. Просто не сосчитать, сколько всего в ней еще осталось непознанным… Целое небо ее души, мириады едва намеченных, ждавших своего часа созвездий.

Тайн Ху безмятежно спала, приоткрыв рот. Ее красота оказалась особой – не законопослушной, не урунской материнской дородностью, не изысканным чистопородным произведением фалькрестских человекостроителей. Она была женщиной-воином, повелительницей, воплощением целого народа.

Сколько в ней тайн! Счет мог бы длиться вечность.

Но время уже истекло.

* * *

«И мы задумались: как же выявить нелояльных?»

Бару надела льняную рубашку, табард и штаны, пристегнула к поясу саблю Аминаты и вышла наружу, в утреннюю прохладу. Часовые вокруг шатра княгини Вультъяг были расставлены широко. Все знакомые лица – личная дружина Тайн Ху, из Вультъяга. Благоразумно не обращают на Бару внимания.

Не глядя ни на кого, Бару прошла мимо часовых и поднялась по склону наверх – туда, где носильщики свалили ее пожитки. Отыскала церемониальный кошель. Пристегнула его к поясу.

«У нас есть превосходный метод».

Повсюду горели утренние костры. Полуголые воины возле них остервенело истребляли вшей, которые поселились в их рубахах.

Бару вдыхала запахи карри и кофе. Многоголосье песен на иолинском, урунском и двух стахечийских говорах звенело над лагерем. Здесь собрались все те, кто услышал ее имя и откликнулся на зов, пронесшийся над Ордвинном.

Она породила Волка, с самого начала зная о грядущей расплате.

– Зате Олаке! – позвала она князя.

Старый шпион поднялся от костра и оперся на плечо травницы.

– Ваше превосходительство?

– Для тебя есть дело. Очень нелегкое.

В сумрачных вороньих глазах мелькнула печаль. Неужели он полагает, что понял?

Бару твердила себе: «Когда с этим будет покончено, я изменю мир. Никогда ни одной женщине не придется делать то, что сделала я».

Но внутренняя боль – словно от проглоченной бритвы или чашки кофе с истолченным стеклом – не стихала.

– Отправляйся в лагерь вультъягских воинов, – приказала она. – Возьми лошадей и несколько верных людей… Дзиранси и еще кого-нибудь из его ягаты. Передай княгине Вультъягской, что она разжалована. С сегодняшнего дня она находится в изгнании.

В усталом напряжении Зате Олаке ждал дальнейших приказов королевы, которую помог возвести на трон.

– Под охраной отвезите ее на север. Велите ехать вперед, пока Зимние Гребни не поглотят ее. Скажите: если она вернется в Ордвинн, ее ждет смерть.

– Да, нам нужна династия, – вымолвил Зате Олаке и с искренним сочувствием посмотрел на Бару.

Он так долго манипулировал фигурами, столь тщательно ликвидировал любые угрозы… Теперь он не сомневался, что все понимает. Любой, пусть даже такой дорогой ценой.

«Мы дадим вам то, чего вы хотите больше всего на свете. То, чего вы жаждете с детства».

Бару двинулась прочь. Зате Олаке добавил ей вслед (превосходный, хоть и ненамеренный удар):

– Жаль, что она допустила необходимость подобной меры.

* * *

Час настал, условия совпадают, сделка завершена. Она приняла ее. Она знала, чего от нее хотели, и сама сказала им об этом.

Однако механизмы, завод которых еще не кончился, отбивали: «Пора. Пора. Пора».

Причин медлить нет.

Бару прижалась лицом к боку лошади – колючему, шершавому, воняющему потом – в безуспешной попытке заплакать, вскрыть душу, словно гнойник, и вытечь на траву без остатка. У нее ничего не получилось. Сердце как будто закупорилось запекшейся кровью.

«Я совершила ужасное злодеяние. Настолько чудовищное, что теперь я могу совершить любой грех, обмануть любое доверие и пойти на все что угодно. Какой бы вред ни причинила я себе, хуже мне уже не будет».

Верно. Преступление совершено давным-давно. Теперь наступила расплата.

Она сказала жрице-нырялыцице: «Я хочу спасти свой дом, Тараноке. И я делаю для этого все».

Оседлав лошадь, Бару тронулась через лагерь на восток – без знамени, неузнаваемая и неприметная. Барабаны стучали побудку, вызывая сонные протестующие стоны. На ней были простое охотничье платье и шлем, чтобы спрятать лицо.

Ни время, ни место известно не было. Заранее оговаривались только условия завершения сделки: сомнение рассеяно, победа одержана. И план отхода: «Ускользните из лагеря и положитесь на нас. Мы будем готовы».

Бару стиснула губы и накрепко затянула броню вокруг сердца, похоронив что-то очень важное в руинах собственной души. Надвинула на лицо маску – холодную сталь дисциплины под кожей.

«Привыкай, – приказала она себе. – Теперь так будет всегда».

И сразу же подумала: «Бару, ты – дура. Высокомерное мерзкое чудовище. Ты должна остановить это. Как угодно».

На восточном краю лагеря ее ждал рыжеволосый стахечи. Он сидел в седле, на его шее красовался яркий платок, завязанный «тещиным узлом» поверх куртки. Именно он однажды подошел к ней в доках и спросил невзначай: «Вы знаете „Сомнение об иерархии“?»

– Пора, – произнес он. – Сейчас, в час победы, мы можем быть уверены, что даже самые осмотрительные изменники сбросили маски. – Он ухмыльнулся – горделиво или угрожающе, а может, и кровожадно. – Вы прекрасно справились, приведя их к Зироху и выиграв сражение. Вы проделали превосходную работу.

– Стой! – крикнула Бару ему в лицо. – Верни все обратно! Я передумала!

Яростно налетев на него, она снесла ему голову. После того, как его тело растоптали лошадиные копыта, Бару пришпорила скакуна и помчалась обратно в лагерь.

Конечно, в реальности она не сделала ничего подобного. Глупый бунт ничем не мог ей помочь. Возможно, из этого и вышел бы сиюминутный прок. Но сиюминутность вряд ли что-то решала.

Наверное, ее безмолвный вежливый кивок встревожил рыжеволосого. Миг – и человек по имени Вестник отвел взгляд. В глазах его мелькнуло мимолетное сочувствие, как и у князя-шпиона.

– Едем, – сказал он. – Я позаботился обо всем остальном. Челюсти смыкаются. Нам нужно убраться отсюда побыстрее.

Бару шевельнулась в седле, собираясь оглянуться, но шепот Вестника приковал ее к месту:

– Нет! Не оглядывайтесь. – процедил он. – Позади ничего нет! Ясно вам? Теперь надо смотреть только вперед.

И они двинулись на восток, мимо часовых. Преодолев Зирох, они направились к огромному бурному Инирейну, Току Света. Там и предстояло выступить Волку, дабы встретить морскую пехоту, которая не придет никогда.

Сперва ехали в тишине, нарушаемой пением птиц и шумом воды, плещущейся о тучные берега. Зажмурившись, Бару стерла окружающий мир, сменив картину воспоминаниями о своих прекрасных злодеяниях.

«Ты провернула отличную сделку», – похвалил Бару ее внутренний счетовод.

И это было правдой – для юной женщины в доках, опальной технократки, разъяренной словом «Зюйдвард». Для той Бару, отчаянно искавшей путь в Фалькрест.

Но та Бару не понимала самого главного…

Раздался чей-то крик. С севера приближался топот копыт – к ним мчался отряд латной конницы, поджидающей в засаде за рощей ладанных кедров. Вестник удивленно покосился на Бару.

– Весьма небрежно, – заметил он.

«Отсфир! Он просидел целую ночь, снедаемый горем, и размышлял над предательством друга! Наверняка с восходом он сообразил, отчего Лизаксу, самый разумный и дальновидный из них, вдруг восстал против меня», – подумала Бару.

Возможно, он читал письма Лизаксу. Вероятно, он нашел черновик послания, где спрашивалось: «Не боишься ли ты их постепенного возвращения? Как, по-твоему, есть ли нам на что

надеяться на протяжении пяти десятилетий или даже ста лет?»

Так или иначе, но он догадался, почему Лизаксу задавал такие вопросы. И понял истинный смысл ответа Бару Рыбачки, хладнокровного и изворотливого счетовода.

Должно быть, тогда он не поверил себе. Однако решил сесть в засаду и подождать. И теперь наконец увидел, какое чудовище князья Ордвинна возведут на трон.

«Он убьет меня», – решила Бару. Эта мысль принесла ей искреннюю радость.

Вытащив из седельной сумы узкий продолговатый предмет, Вестник метнул его вверх. Ракета взвилась в синее небо, волоча за собой длинный хвост из зеленого дыма.

– Гоните во весь дух! – велел он, приникнув к шее своего коня.

Бару, пустой бессловесный механизм, подчинилась.

Но почему? Как же так?.. Еще ночью она была уверена, что утро не настанет никогда. Как вообще хоть с кем-либо могло случиться нечто подобное? Как можно абсолютно точно знать что-то, но полностью игнорировать это?

Неужто есть вещи, неподвластные рациональному мышлению?

Люди Отсфира продолжали погоню. Бару услышала, как сам Князь Мельниц что-то заорал ей вслед, и над ее головой просвистели первые стрелы.

«А если ни Лизаксу, ни его горе, ни его догадка здесь ни при чем? Вдруг они сговорились убить меня и Тайн Ху, а потом подыскать для Ордвинна другую королеву? Хотя бы Игуаке, выданную замуж за Отсфира. Все лучше, чем две трайбадистки».

Окружающий мир превратился в игру смутных теней, куда менее реальную, чем память о Тайн Ху.

Но внезапно в игру вступили новые тени, появившиеся впереди. Всадники в алых табардах и стальных масках, вооруженные тяжелыми арбалетами. Морская пехота Маскарада – точнее, Вестника. Мчится к ним.

Рыжие кудри Вестника отчаянно развевались на ветру.

– Гони! – крикнул он. – Вспомни о том, что ждет тебя впереди! Не забывай о награде!

И он пришпорил коня.

Но Бару медлила. Она не будет спасаться бегством.

«Вспомни, что тебя ждет впереди…»

Вспомни «шакалов», «Армию волка», седобородого Зате Олаке, верную дружину, ныряльщиц-иликари и Тайн Ху, Тайн Ху, Тайн Ху…

Почему все сложилось именно так? Почему она допустила

такой финал? Она могла бы остаться в лагере и приказать войску совершить марш-бросок на север. Могла разделить армию по княжествам и отправить воинов по домам или бежать с Тайн Ху, скрыться с ней в Зимних Гребнях. Могла бы отыскать способ изменить своей же собственной измене. В конце концов, ключевой фигурой была она, Бару, а не изможденный Волк и не собранные вместе мятежные князья. В конечном счете только Бару и была главным оружием.

Но тогда, конечно, никто никогда не спас бы Тараноке.

Стрела ударила загнанную лошадь в крестец. Та с визгом упала, волоча за собой задние ноги и заваливаясь набок. Бару с размаху рухнула наземь и вскрикнула, ударившись головой о слишком свободный шлем.

Весеннее небо над головой. Величественная утренняя заря.

Если ей и хотелось умереть, то недостаточно сильно. Тело самовольно вскочило, рука потянулась к сабле, ноги сделали пару неверных шагов.

Подняв взгляд, она увидела Отсфира. Князь мчался к ней с обнаженным мечом – взгляд исполнен горя и лютой ненависти.

Болт, выпущенный из арбалета, отскочил от шанфрона его коня. Князь моргнул от неожиданности, и в тот же миг второй болт пронзил его грудь. Отсфир обвис на поводьях, на губах его выступила кровавая пена, и он упал.

«Вы не погибнете на Зирохе». Что ж, очередная ложь. Совсем мелкая по сравнению с прочими.

«Прощай», – подумала Бару.

Она обернулась к морским пехотинцам, которые спешили к ней на помощь, и увидела Вестника. Он напряженно указывал на Бару вытянутой рукой и не шевелился.

Да, человек по имени Вестник предложил ей возвышение такой ужасной ценой.

Взгляд его был устремлен на что-то позади Бару, а ее шлем ограничивал обзор.

Вестник открыл рот, чтобы предостеречь ее…

Молот верного дружинника Отсфира ударил по шлему Бару. В ее глазах потемнело. Все вокруг исчезло, словно перед ее носом с треском захлопнули дверь.

* * *

Вестник и впрямь позаботился обо всем остальном.

Княгиня Игуаке, выпив утренний бульон, проглотила вместе с ним и приправу, подкинутую очищенным. Он, конечно же, сумел

добавить в чашу Игуаке тетродотоксин – иноземный яд, к которому ей неоткуда было иметь привычку. Передав похвалу повару: «От новой приправы у меня даже губы онемели!» – в самый разгар утреннего совета княгиня обмякла и умерла, разбитая параличом. Так скончалась Коровья Царица, мечтавшая о новой империи и свободной жизни для своего народа.

Глава ее разведки с ревом ворвался на кухню.

– Чья рука сгубила нашу княгиню?! – заорал он.

– Та самая, что движет всеми нами, – ответил помощник главного повара и метнул в лицо главы разведки сковороду с кипящим маслом.

Пиньягата, Князь Фаланг, проводил войсковой смотр перед походом. Он с трудом дышал обожженными в сражении легкими, но его воины стояли навытяжку и вспыхивали гордостью от его одобрительных кивков. Но вот из строя, бросив копье, с улыбкой выступил какой-то бледнокожий человек.

– Бару Корморан подводит итоги, – произнес он, вонзая нож под подбородок князя.

Князь-копьеносец умер стоя. Увы, ему не довелось увидеть мир в своих землях.

В лагере «Армии волка» воцарился хаос: боевых коней разбил паралич.

Кровь и дым завладели Пактимонтом. Солдаты адмирала Ормсмент взяли штурмом убежища мятежников, заливая кислотой потайные комнаты.

Судьба настигла и Глиняную Бабку, когда она тащилась вверх по лестнице в свои башенные покои. Княгиня чувствовала себя усталой и подавленной. Ее печалила кончина Отра и Сахауле, и со страхом ждала она вестей с заливных лугов Зироха. Вдобавок ее удручали воспоминания о давней любви, с некоторых нор вызывающие лишь вьюгу в ее сердце. Она задумалась и остановилась, и вдруг какой-то дерзкий рабочий выскочил из тьмы и окатил ее с головы до ног вонючим каустиком[34]. Бабка поспешила в умывальню, и при первом же соприкосновении с водой каустик ослепительно вспыхнул буйным неугасимым пламенем.

Так ушла Эребог со стужей в глазах – единственная из ордвиннских владык, осмелившаяся побывать за Зимними Гребнями.

Очищенная, которой была вверена забота о княгине Вультъяг, не смогла отыскать своей жертвы.

– Выслана, – угрюмо буркнул дружинник княгини. – Отправлена на север с Зате Олаке. По приказу Честной Руки.

Лагерь «Армии волка» лихорадило.

По Зироху разлетались разные слухи.

– Отсфир и Вультъяг, втайне обручившись, сговорились свергнуть Бару Рыбачку и править Ордвинном вдвоем!

– Нет! Стахечи с Королем по Нужде идут вниз по Инирейну, вознамерившись завершить завоевание столетней давности!

Волк принялся искать хозяйку. Гонцы сбивались с ног. Орали лейтенанты и их помощники.

Но Бару Рыбачка словно в воду канула.

Обезглавливание завершилось. Теперь осталось собрать урожай – великое множество созревших семян – пока их не разнесло ветром. В конце концов, самым ценным трофеем, взятым с бою, стала легенда о Зирохской битве и о тайне, раскрытой на лугах Зироха.

С этим знанием можно было противостоять Маскараду.

С вершины холма Хенджа взвилась в небеса красная ракета. Очищенный, укрывшийся среди камней, поднял подзорную трубу и начал изучать обстановку.

Их плоскодонные баржи были брошены в болоте, в нескольких милях позади. Зрачки – до сих пор расширены от листа каменщицы, позволяющего не плутать в темноте.

Первые ряды морской пехоты поднялись из укрытий и двинулись вперед, буквально продираясь сквозь туман над южными болотами.

Часовые в лагере кинулись бить тревогу или замерли, парализованные ужасом. А морские пехотинцы начали скандировать в такт шагам, громоподобным хором выкликая то, что заучили наизусть по пути, на кораблях и на баржах. Они затвердили эти речовки без понимания – ибо кто же в Фалькрестской морской пехоте может говорить по-иолински?

– ОНА БЫЛА И ЕСТЬ НАША.

– С САМОГО НАЧАЛА, С ПЕРВОГО ДНЯ, КОГДА ВЫ НАЧАЛИ СЛАВИТЬ ЕЕ ИМЯ.

– СТУПАЙТЕ К СВОИМ СЕМЬЯМ. РАЗБЕГАЙТЕСЬ ПО ДОМАМ. СКАЖИТЕ ВСЕМ: ПОД ЕЕ МАСКОЙ СКРЫВАЛИСЬ МЫ. МЫ НАБЛЮДАЛИ ЗА ВАМИ. МЫ НАЧАЛИ ВАШЕ ВОССТАНИЕ ПО СВОЕЙ ВОЛЕ – СЕЙЧАС ПО НАШЕЙ ВОЛЕ ОНО ЗАКОНЧЕНО.

– БАРУ КОРМОРАН – ПОСЛАННИЦА ТРОНА.

* * *

Она очнулась в душной каюте военного судна, отчего-то уверенная, будто спала в объятиях пустоты.

Вестник сидел в кресле у изголовья ее койки и что-то черкал

на листе бумаги. Книга, лежавшая у него на коленях, служила своеобразной подставкой. Вестник посмотрел на Бару, отложил перо и быстро захлопнул книгу.

Тем не менее Бару успела разглядеть рисунок: это был прекрасный мужчина с хмурым лицом и ожогом на шее.

Незавершенный набросок.

Воспоминания ударили, будто молот: «Прошлое – вот настоящий тиран».

Она разожгла пламя восстания, осознавая, что сама и потушит его. Она поклялась, что сердце ее останется равнодушным.

Но ей не удалось стать идеальным механизмом.

– Поплачьте, если нужно, – произнес Вестник. – Я рыдал, заслужив возвышение. Горевал о том, что предал.

Кружилась голова. Она оперлась на локти и уставилась на простыни, приподнятые над грудью и пальцами ног, по стоило ей повернуться к Вестнику правым боком, как он исчез. Не просто скрылся из поля зрения, а именно исчез.

Вестник, его книга и кресло – правая сторона каюты пропала без следа.

От изумления она рефлекторно взглянула туда, где он только что был. И он возник перед ней – мгновенно, как привидение – стоило лишь повернуться к нему левой стороной лица.

– Не можете выжать ни слезинки? Ничего страшного. Полагаю, бесстрастие для вас привычно. Армия, собравшаяся у Зироха, рассеяна, как и было задумано. Ваша работа завершена. Теперь за дело взялись другие. – Насупившись, он взял перо и взмахнул им в воздухе. – Кстати, в последние дни мы понесли серьезные потери. Я говорю об агенте, внедренном в иликарийское жречество, об одной из главных фигур ордвиннского проекта. Она была хранительницей секретов всех мятежников. Подозреваю, что ее вычислила и ликвидировала Зате. Не нашли ли вы каких-либо намеков на… Что вы делаете?

Изумленно подняв брови, он смотрел, как Бару, сжав двумя пальцами кончик носа, двигает его из стороны в сторону. Вправо-влево, вправо-влево – и всякий раз, стоило отогнуть его направо, кончик носа бесследно исчезал. Прекращал существовать.

– Позовите докторов, – прохрипела она.

* * *

Данный трюк – излюбленная стратегия Зате Явы, Маскарада, сил, правящих из-за Безликого Трона, – и в самом деле был

изящен. Приманка. Заподозрил кого-то в крамоле и негигиеничном мышлении? Предоставь им теплое местечко для сборищ. Позволь им откровенничать между собой. А после – внимательно наблюдай за тем, кто поспешит проглотить наживку. Смотри, кто оказывает им поддержку, кто отмывает их деньги. Кто хранит их тайны.

Но со временем этот метод стал слишком предсказуемым. Следовало разработать новый – ведь науку властвовать надо развивать, как и всякую другую.

Зачем дожидаться неизбежного мятежа? Зачем рисковать обнаружить под боком измену в ключевой стратегический момент? Ордвинн не подчинить. Его князья, верования и народы – сущая головоломка. Ордвиннская система нездорова, невыгодна и не склонна меняться в соответствии с требованиями инкрастического развития.

Хочешь избежать лесного пожара – выжги сухостой. Нужна лишь подходящая искра.

Такая искра понимает, что непродолжительное и неудачное восстание сегодня – гораздо гуманнее, чем массовая резня через десять лет. Она смотрит вдаль – в будущее. И жаждет высшей власти – пусть даже самой страшной ценой.

И в следующий раз Ордвинн, заметив искру и протянув руки к теплу, вспомнит: «В прошлый раз мы обожглись».

Точно так же в фалькрестском Метадемосе воспитывают заключенных – позволяя бежать. Подсылают сообщника, спасителя. Передают с едой ключ. Позволяют вплотную приблизиться к свободе, почувствовать настоящий триумф: ведь так далеко они бы ни за что не разрешили зайти! Но в том и суть: беглец должен ощутить вкус победы, уверенность в том, что это уже не игра.

А затем победу нужно отнять. Сообщник окажется предателем. Ключ не откроет последнюю дверь к свободе.

После дюжины повторений большинство заключенных приучаются не обращать внимания ни на ключ, ни на отпертую дверь, ни на заговорщический шепот: «Беги!» Даже очутившись снаружи, они покорно ждут, когда их уведут обратно в камеры.

А спустя некоторое время начинают учить тому же новичков.

Часть IV
Победа

Недуг Бару Корморан поглотил половину окружающего мира.

Корабельный врач на борту «Сулане» не мог ничего толком объяснить. Оседлав торговые ветры, фрегат доставил Бару на восток и передал на другое судно под алыми парусами. Вестник лаконично распрощался с Бару.

– В Ордвинне кое-что осталось незавершенным. Нужно свести концы с концами. А когда я вернусь, вы пройдете последнее испытание. Смотря по состоянию здоровья.

«Все дело в горе и предательстве», – подумала Бару. И логичность мысли нельзя было отрицать.

Там, в кромешной темноте, осталась ее память об Ордвинне – все, чего она не в силах была вынести. Поэтому она и закрыла для себя ту сторону мира.

Но тогда почему она до сих пор помнит? Почему, стоя у леера, она смотрит на птиц, описывающих половинки кругов в половинке неба, и чувствует, что от нее оторвали половину ее собственной плоти?

Почему по ночам ее тянет к той, кого рядом нет и быть не может?

«Я зашла слишком далеко», – сказала она жрице в Хараероде. Она заключила сделку, не подумав о цене. Непростительная ошибка для счетовода.

Команда «Эльбриды» преклонялась перед ней. Судно было гражданским, не военным. К ней по-прежнему обращались «ваше превосходительство», но теперь эти слова звучали необычайно почтительно, едва ли не благоговейно.

Ее доставили в потайное убежище – в замок на скалистом берегу под грифельно-серым небом, где волны разбивались о скалы под крики чаек. Ей сказали, что здесь находится резиденция агентов Трона. Тайного совета…

Называлось убежище «Неучтенным замком».

На время пребывания в резиденции Бару стала его хозяйкой и повелительницей. Дворецкий и слуги сообщили, что из Ордвинна доставлены ее личные вещи, но, поскольку ничего ценного отыскать не удалось, все имущество состоит лишь из знамен, символов и трофеев.

– Хорошо, – сказала Бару. – Развесьте знаки княжеского достоинства на южной стене тронного зала.

То были обгорелые рваные знамена с ноля Зирохской битвы, стяги Отсфира, Лизаксу, Пиньягаты, Игуаке, Вультъяга. И даже ее собственные.

– Туда же повесьте мечи и пики, – добавила она.

А на северной стене Бару разместила символы своей верности: пергаменты из овечьих кож, кремово-мраморную бумагу, кошель на цепи и новехонький имперский стяг из особняка губернатора – тот самый, придуманный Каттлсоном, с оленьими рогами.

Вскоре врачи резиденции поставили ей диагноз.

– Нет, вы не ослепли па один глаз. Травма намного

серьезнее. – Какой-то медик коснулся ее черепа в том месте, где молот ударил в шлем. – Ваш мозг больше не воспринимает эту половину мира. Вся ваша вселенная расположена в левой полусфере обзора.

Значит, теперь она могла встать в центре тронного зала и, вращаясь вокруг собственной оси, изменять мир и себя в придачу.

Может, она просто следовала законам мироздания: ведь день сменял ночь, а потом – с восходом солнца вновь наступал день?..

Княжеские знамена и клинки восставших. Или монета, кошель, чернила и маска. Предательница с любой стороны, как ни поверни.

– Вы голодны?

Она долго валялась в постели, и ее руки и ее плечи ослабели.

Однако в ней проснулся зверский аппетит. Слуга поставил перед ней тарелку с жарким из телятины, и мясо кончилось очень быстро.

Врачи стояли неподалеку и наблюдали за Бару.

– Дайте мне еще порцию, – попросила она.

– Вы съели только левую половину, – пояснил ей один из докторов и повернул тарелку, отчего она опять оказалась полной, как по волшебству. – Видите?

Для пробы Бару нарисовала циферблат часов.

– Вы уместили двенадцать часов в промежуток от шести до полуночи, – сказали ей.

Она захохотала диким, рыдающим, безумным смехом. Что ей еще оставалось? Слепой случай. Ушиб мозга, кровоподтек на разуме. Да и какое это имеет значение?

Но как элегантно, как символично!

В замке имелось много химических веществ – целый арсенал ядов и снадобий. Бродя но темным безлюдным залам, Бару не раз обдумывала самоубийство, но всякий раз просто глотала соль и блевала, пока не ощущала очищения.

Призраки собственных жертв продолжали донимать ее по ночам, а одиночество в постели сделалось почти невыносимым.

Сейчас она столь близка к тому, к чему стремилась, – как же не вовремя все это началось!

Но она знала, что ее ничто не остановит.

Она же говорила Тайн Ху: «Если им нужны перемены, они должны стать полезными Фалькресту. Можно найти путь наверх, но сначала надо проникнуть в нутро Маскарада».

Правда, женщина, которая сказала эти слова и услышала в ответ: «Что за недостойные речи! Люди не могут долго молчать под плетью», – давно мертва.

Однако ей хотя бы удалось спасти Тайн Ху.

Так, среди камня и соли, прошел месяц.

* * *

Утром ей принесли письмо.

«Благодаря вашим стараниям в Ордвинне результат, по всем прогнозам требующий не менее шести десятилетий, достигнут за год. Могущество княжеской аристократии уничтожено, непопулярное правительство губернатора Каттлсона свергнуто. Народ готов принять власть единого – харизматичного и прогрессивного – правителя. Вы выявили агента стахечи и собрали чрезвычайно важные сведения о возрождении их монархии. Все зачатки восстания ликвидированы. Мы можем завершить реструктуризацию Ордвинна, превратив его в крепость и источник ресурсов для защиты от стахечийской угрозы.

Вы привлекли к себе немалое любопытство. Среди нас имеется представитель чистокровных стахечи. Вскоре может завершить восхождение ордвиннская кандидатка имперской тумайянской крови. Но эти расовые типы прекрасно изучены инкрастической наукой. Вы же станете первой зюйдвардкой, допущенной за Трон, и принесете с собой объединенное наследие империи ту майя и непреклонных ориатийских федераций.

Вы вполне доказали свою ценность, и вам осталось лишь завершить восхождение. Вскоре вам предстоит последнее испытание.

С уважением –

Странник,

Исихаст,

Возрожденная,

Звездочет

и ныне отсутствующий Вестник».

Нет, они не будут тосковать по солдатам и губернатору, принесенным в жертву. Их прерванные жизни оказались справедливой ценой.

Огонь выжег весь сухостой Ордвинна, а зубы высосали яд, скопившийся в тех землях.

Вот и отлично.

Бару достаточно окрепла и рискнула подняться на стену замка – не ту, что была обращена к морю, а противоположную, с которой открывался вид на устье впадающей в море реки.

Небо, затянутое тучами, серело, как сталь в свете лампы.

Бару сопровождал мальчик-наложник. По старой привычке она вела счет птицам над рекой и над болотом. Реестр поганок,

буревестников, фрегатов и якан, ловко скачущих по листьям кувшинок.

– Ты учился в имперской школе? – спросила она наложника. – Конечно же, да. Ведь Трон заботится об образовании своих шпионов.

– Ваше превосходительство?

Его игра была безукоризненна, темная ориатийская кожа и сложение акробата – безупречны. Кто бы ни приставил мальчишку к Бару, выбирал он наложника для счетовода с умом.

И он почти не ошибся. Почти.

Насколько он младше? На три, на четыре года? Однако она чувствовала себя древней старухой.

Бару повернулась к нему лицом. Болотистые берега речного устья и птицы оказались справа, и она потеряла их – исчезли даже птичьи крики и шум воды.

– Ты знаешь «Сомнение об иерархии»?

За спиной мальчишки стена обрывалась – внизу лежал мощенный камнем внутренний двор. Наложник нервно шагнул вперед.

– Разумеется, я хорошо помню «Сомнение об иерархии», – ответил он. – «Меч убивает, но его направляет рука. Виновна ли рука в убийстве? Нет. Ее направляет разум. Виновен ли разум в убийстве? Нет. Разум присягнул в верности долгу, и долг направляет разум, как предписано Безликим Троном. Вот отчего слуга Трона безгрешен».

– Неплохо, – отмахнулась она.

– «Сомнение об иерархии» утешает вас, госпожа? – осведомился он.

Она проводила взглядом якану, которая прогуливалась по листьями кувшинок.

– В каком горе мне требуется утешение?

Наложник придвинулся ближе, обхватив руками плечи, словно только сейчас почувствовал пронизывающий ветер.

– Говорят, вы подняли Ордвинн на бунт, а в действительности просто-напросто служили нашему Трону.

Бару рассмеялась навстречу ветру, тронутая искусственной наивностью паренька.

– Да, это был прекрасный ход! Собрать всех недовольных под знаменем мятежного бюрократа, а затем…

Юноша смотрел на нее большими глазами. Он явно изображал некое предвкушение, притворяясь, будто это вовсе не очередное испытание. Незримая рука влагала персты в ее раны.

– А затем одним тщательно выверенным ударом погасить пожар, – продолжала она. – Сообщить всем: вы с самого начала

подчинялись нам. Бару Рыбачка – наша. Ваше восстание – наше. И второе будет нашим, и третье, и четвертое, даже если вы почуете, что победа реальна, и прольете кровь, якобы ценную для нас. Трон управляет миром.

– Прекрасный ход, – согласился юноша, серьезно посмотрев на Бару. – Но, госпожа, у палки – два конца. Должно быть, вы страдаете от того, что предали их. Вы возглавляли мятежников, но знали, чем обернется их бунт…

Крепко сжав его горло, она ударила мальчишку о парапет. Он оказался выше, но тоньше, а она была Бару Рыбачкой, дочерью кузнеца, охотницы и щитоносца, не расстававшейся с оружием и доспехом.

– Что ты хочешь сказать, ничтожный соглядатай? – прошипела она. – Что я вправду полюбила своих товарищей – седобородого Зате Олаке и Тайн Ху? Что я плакала, продавшись с потрохами? Что до сих пор рыдаю и ищу утешения в никчемной древней философии?

Наложник вцепился в ее запястья. Она подалась вперед, чтобы говорить тише.

– Ты хочешь сказать, что в моем сердце – измена?

– Нет, госпожа, – прохрипел он, уронив руки в показной беспомощности, хотя, несомненно, был обучен драться. – Нет. Вы хранили верность Трону без малейших колебаний. Все они для вас – ничто. Умоляю вас, простите меня.

Она отпустила его.

– Я безгрешна, – отчеканила она. – Я – орудие Трона и не чувствую за собой никакой вины.

Юноша поднял точеный подбородок, обнажая горло.

– Госпожа, я допустил оплошность.

Бару вновь взяла его за горло рукой, затянутой в перчатку.

Его огромные глаза были карими с золотой искоркой, и ей вспомнилась Тайн Ху. От страха дышал он мелко и часто. Облизнув губы, он смежил веки.

Глядя на его раздвинутые губы, ощущая запах аниса, который он глотал для освежения дыхания, Бару почуяла подвох.

Значит, это и есть очередное испытание?

Она ни разу не брала юношу с собой в постель.

«Хитро, – подумала она. – Предложить себя в качестве проверки. Я ведь должна поцеловать тебя, да? Ты и твои хозяева думаете, что отыскали крючок для Бару Рыбачки. Но я могу моментально сломать его. Всего лишь взглянув в глаза Тайн Ху и воспользовавшись тобой».

Оставив мальчишку лежать распростертым на парапете, Бару отвернулась к устью реки.

Он оказался справа – и пропал.

Она знала, что он находится рядом, но рана в черепе Бару поглотила его.

На горизонте, за кружащими в небе буревестниками, появился алый парус. Смута в сердце. Пожар среди руин.

– Мальчик! – окликнула она в надежде, что он не сбежал. – Ступай за моей свитой. Я встречу их на берегу.

* * *

Пока корабль под парусами вставал на якорь, Бару наблюдала спор моря со скалами. Порой ее камергер брал свою госпожу за плечо и разворачивал ее лицом к «Неучтенному замку», напоминая о существовании резиденции.

«Увечная, я не пройду испытание, – думала она. – И все будет напрасно».

Внезапно в ее голове возникла крамольная мысль.

«А если пройду, значит, не напрасно? Ради Тараноке и Фалькреста, но сперва Тараноке».

Корабль под алыми парусами спустил шлюпку. Знаком велев подать ей подзорную трубу, Бару разглядела пассажиров. Гребцы. Морские пехотинцы. Человек, с головы до ног закутанный в черную шерсть, связанный по рукам и ногам. И Вестник под ослепительным знаменем рыжей шевелюры.

Вероятно, корабль прибыл из Ордвинна. Она мельком (ха!) предположила, что на борту может оказаться Амината.

Шлюпка приблизилась к берегу. Вестник с теплой улыбкой спрыгнул в воду, прошлепал по валунам и приветственно вскинул правую руку.

– Бару Корморан! – воскликнул он, перекрывая протестующие вопли чаек. – Ваши испытания близятся к концу. Мятежа уже нет и в помине! Страстная любовь госпожи Хейнгиль Ри к Белу Латеману подарила нам символ примирения. Госпожа Хейнгиль – или, лучше сказать, Оленья Княгиня – назначена губернатором, а Зате Ява отозвана в Фалькрест, и в Ордвинне наступил мир. Флаг Имперской Республики реет над ним невозбранно.

Бару стояла, повернувшись к нему левым боком, словно перед поединком.

– А что слышно о седобородом Зате Олаке, князе Лахтинском, главе моей разведки? – спокойно поинтересовалась она.

– Мертв, – отвечал Вестник. – Выкурен из своей берлоги и убит. Я лично выследил его в Зимних Гребнях. Мы, туземцы, знаем все их норы.

Бару вспомнила горло юного наложника под своими пальцами и внутренне затрепетала. Она невольно вообразила, как сжимает свою хватку, пока лживая глотка не хрустнет, и ее передернуло.

– Неплохо, – констатировала она, разглаживая штаны на бедрах. – Зате Олаке – проницательный тип.

– На деле все оказалось проще, чем я ожидал, – сказал посланец Трона и махнул пятерней, как будто отбрасывая память о старом мятежнике в соленую воду. – Но нам не терпится завершить ваше восхождение, вручить вам награду.

– Я подарила вам целую провинцию, и теперь вы передо мной в долгу, – высокомерно произнесла Бару.

Сейчас она втайне сгорала от желания отвернуться от него, чтобы этот надоедливый Вестник очутился справа и исчез.

– Разумеется, сделка в силе. Вы подняли и завершили восстание – взамен мы возведем вас на место за Безликим Троном, – согласился Вестник и кивнул в сторону шлюпки с замотанным в шерсть пленником. – Осталось лишь одно испытание. Нам надо убедиться, что вы не перестарались, играя свою роль.

Бару захотелось взглянуть на пленника и рассеять худшие свои опасения, но она не могла дать слабину и отвести взгляд от своего собеседника.

– Я не давала поводов усомниться во мне, – нагло заявила Бару.

Вестник расхохотался.

– Трон сомневается в каждом, Бару Корморан. Превыше всего Трону нужен контроль – вас же он пока не контролирует. Хотя ходят слухи…

Он подступил еще ближе. Бару почувствовала, как ее камергер и прочая свита отступили прочь, словно признавая настоящего хозяина.

– Болтают, что в Ордвинне у вас не было ни единого любовника, – прошептал посланец Трона, заговорщически ухмыляясь. – Люди говорят, что вы – дочь кузнеца, охотницы и щитоносца, и двое из этих троих – содомиты. Некоторые утверждают, что таким образом – от одной матери и множества отцов – и рождаются дети в ваших краях.

– Какое варварство! – громко возмутилась она. – Какая удача, что меня забрали в детстве, воспитали в школе и обучили всем именам порока!

Вестник шагнул к ней – его движения были резкими, точно у атакующей кобры, – и склонил голову.

В ту же секунду он преобразился и перестал быть посланцем

Трона.

В его взгляде запылала отчаянная, порывистая откровенность, и Бару почти поверила в нее.

Но она пока не забыла о своей собственной откровенности перед Тайн Ху и о том, что скрывалось за ней.

– Вы правы, Бару Корморан, – произнес он. – Контроль любыми доступными Трону методами просто необходим! Не давать спуску никому! Содомитам положено каленое железо, а ножу, предназначенному трайбадисткам, мы не завидуем. Готовы ли вы провести остаток жизни под бременем такой угрозы?

В глубине души затеплилась искорка сочувствия, но Бару безжалостно затоптала ее. «Забавно, – подумала она. – Прислать его в качестве реального предостережения: ты станешь такой же».

– Это признание? – еле слышно прошептала она. – Сейчас вы находитесь в моих руках, под страхом каленого железа?

Он рассмеялся ей в лицо.

– Ваше испытание, госпожа! – воскликнул он и простер руку к шлюпке, где его солдаты разматывали ярды плотной шерстяной ткани. Они освобождали закованную в кандалы вультъягскую лесную воительницу, «стерву-разбойницу», княгиню Тайн Ху.

* * *

Ей полагалось быть в безопасности. Вне пределов досягаемости.

Но она, конечно, вернулась. Она решила спасти свой родной дом и не испугалась смерти. Иначе и быть не могло.

Бару опять запамятовала, что за доской, кроме нее, есть и другие игроки.

* * *

Спустившись в подвалы «Неучтенного замка», она ждала аудиенции со своим генералом.

Родители прокляли ее, одарив ненасытным, беспокойным умом, который годился для ведения счетов, для учета птиц, для измены.

В данный момент ее пытливый разум занялся полученным увечьем. Насколько оно серьезно? Станет ли хуже со временем? Наступит ли день, когда, стоя в волнах прибоя, левой стороной к морю, а правой – к берегу, она забудет, что в мире есть еще что-то, кроме волн?

Чтобы прогнать назойливые мысли, Бару прибегла к помощи подаренной Аминатой сабли и начала делать выпады. Она отрабатывала позицию за позицией: «вол», «глупец» и все остальные.

И всякий раз, переместившись направо, сабля исчезала. Она чувствовала рукоять, вес и баланс. И тело с правой стороны работало, как всегда. Но сабля делалась призрачной.

А если на самом деле никакого увечья нет? Если она просто заперла в слепой полусфере все, что сгублено ее предательством, все, что она любила в те годы?

Бару замотала головой. Ударила справа палево, вскрывая брюхо невидимого врага. Гак ее учила Амината.

– Ваше превосходительство! – Наложник с анисовым дыханием манил ее, стоя в проеме дверей. – Пленница готова.

Бару нетерпеливо взмахнула клинком.

– Освободить помещение. Я буду говорить с ней наедине.

За последний час шепотки и сплети в свите Бару умолкли.

Тишина, с которой все двинулись к выходу, красноречиво свидетельствовала о том, что дисциплина восстановлена.

Последним шел Вестник.

– Но вы не сделаете этого наедине, – предупредил он. – Не будет ни нежных речей, ни тайных милостей. Вы не подарите ей быструю смерть из собственных рук. Вы прикажете казнить ее. Ваши люди утонят ее в наступающем приливе, а тело ее будет отправлено в Фалькрест, дабы мы смогли убедиться, что смерть ее была мучительна и ничем не облегчена. – В его взгляде что-то дрогнуло, треснуло. В глубине души он понимал ее чувства. Возможно, в прошлом от тоже проходил через нечто подобное. – Сожалею, но иначе и быть не может.

– Она – враг Трона, – невозмутимо парировала Бару. – Зачем мне проявлять к ней милосердие?

Взгляд Вестника заледенел.

– Вы далеко пойдете благодаря такому хладнокровию, – заметил он.

Однако па похвалу это было совсем не похоже.

Вестник вышел, едва не растоптав своего соглядатая, юношу-наложника, который подвернулся ему под ноги.

Внешняя дверь затворилась. Тихо прошуршали петли, обильно смазанные рыбьим жиром.

Бару направилась к внутренней двери. Она волокла за собой саблю, точно охотничий пес – поводок.

Тайн Ху сидела за узким дубовым столом, прикованная к еловому креслу с высокой спинкой. Тюремщики сняли с нее просоленную кожаную одежду и облекли в шелк и железо. На ее

лице, лице кречета – сломанный нос, бронзовые щеки, карие глаза – не было никаких следов. Однако из ее тела ушла вся сила – мускулы воина, привычного к доспехам, увяли. Ей явно пришлось голодать.

Бару хотела нанести удар первой. Но слова буквально застряли в глотке.

Сказать хотелось так много (хотя, в общем-то, всего одну вещь), но в горле у Бару пересохло.

Тишина продолжалась.

Наконец Тайн Ху посмотрела на Бару.

– Ваше превосходительство, – проговорила она, склонив голову, как будто Бару до сих нор оставалась Честной Рукой, а сама Тайн Ху – ее генералом.

Бару положила саблю на стол, обозначив тем самым четкую границу между ними. Клинок звякнул о бутыль с вином, которую предусмотрительно оставили слуги, и Бару опустилась в кресло напротив.

Как же Бару мечтала просто улыбнуться, ответить на последнее, что ей довелось услышать еще там, в шатре, когда Тайн Ху сонно, блаженно пробормотала: «Привет тебе, имуира. Куйе лам».

В оргии самоистязания, между глотаниями соли, Бару заглянула в словарь и уточнила, что это означает – на всякий случай.

Потом ей особенно сильно захотелось покончить с жизнью.

Но это только превратило бы все в дешевый фарс.

«Как ты могла допустить такое? – спрашивала она себя. – Как ты могла позволить себе слабину, зная, кто ты есть и какую играешь роль? Почему ты не отвернулась, не отказалась от нее? Ты могла бы спастись».

Но она не сделала этого. Не смогла бы ни за что.

Тайн Ху смотрела на Бару пустыми глазами.

– Вы собираетесь убить меня? – спросила она.

Наверное, смерть – лучшее, на что ей оставалось надеяться.

– Нет, – ответила Бару. – Ты умрешь завтра. Завтра тебя утопят в наступающем приливе, и Трон скажет, что тебя осудили луна и звезды. Фалькрест любит равнять свои ряды по подобным законам.

– Понятно, – пробормотала Тайн Ху, кивая, словно подобный исход был единственно верным и правильным. – Послужит ли моя смерть на благо Бару Рыбачке, моей госпоже, которой я присягнула на верность?

Твердой рукой Бару разлила вино, наполнив два бокала. Хотелось умолять, яростно заорать: «Перестань! Отрекись от

меня, отвергни, назови обманщицей, прокляни мое имя! Что угодно, только не добивай меня своей спокойной преданностью!»

– Да, она принесет мне немалую выгоду, – произнесла она вслух. – Это – последнее испытание моей верности Трону.

– Тогда позвольте мне предложить тост, – вымолвила Тайн Ху – ни крупицы сарказма во взгляде, ни намека на гнев, который смягчил бы удар. – За вашу непоколебимую верность.

Бару повернулась налево, чтобы Тайн Ху на миг исчезла. И та пропала – из виду, но не из памяти, не с поля Зирохской битвы.

Вот она – скачет на белом коне среди массы гнедых. Вот ее окровавленное лицо появляется в окуляре подзорной трубы. Кулаки в кольчужных перчатках победно подняты, а в них – штандарт поверженного Каттлсона.

Разум счетовода отметил: «Отвернуться: избавляет от женщины, но не от боли».

Может, Тайн Ху успела схватить саблю со стола? Вдруг смерть настигнет Бару со слепой стороны, тогда сама Бару провалится в черную бездну и тоже исчезнет?

Но спустя мгновение ничего не последовало.

Бару опять повернулась к столу, и Тайн Ху возникла перед ней. Ее генерал молча смотрела на нее. Бару подвинула к ней бокал вина.

– Я хочу кое-что объяснить, – сказала она. – Ты должна знать, за что тебя казнят. Я решила, что это – мой долг перед тобой.

Она уже использовала их манеру речи. Талантливый савант. Творение Фалькреста. Предательница собственного детства.

Тайн Ху приняла бокал загрубевшими пальцами, придержав зазвеневшие кандалы.

– Вы ничего не должны мне. Я поклялась умереть за вас. – Она пожала плечами. Вино в ее бокале едва колыхнулось. – И не отступлю от клятвы.

«Я понимаю твою стратегию, Тайн Ху, – подумала Бару. – Вижу твой план битвы. Ты пойдешь на смерть. Ты поклялась в своей верности. Я соизмерю ее со своим предательством и буду мучиться еще больше – отныне и до конца жизни. Твоя уловка прекрасно сработает. Сильнее ранить ты бы не смогла».

– Никакого Императора на Безликом Троне нет, – заявила Бару. – За маской и номинальным правителем скрывается тайный совет, закрытый круг из нескольких человек. Каждый из его членов…

– …хранит секрет, который может уничтожить другого, – продолжила за нее Тайн Ху. – В итоге всех членов Трона крепко повязали страхом. Вам предложили место в этом кругу в обмен на выполнение опасного задания: поднять в Ордвинне фальшивое

восстание, чтобы Трон смог разом выполоть все плевелы и убрать ненадежных людей. Вы не сомневались, что Маскарад неизбежно вернется в Ордвинн, и предположили, что обойдетесь малой кровью. Я знаю.

– Откуда? – прошептала Бару. – Откуда?

– Ваш рыжий куратор решил, что ничем не рискует, объяснив все будущему мертвецу. Путь на восток оказался долгим, – равнодушно пояснила Тайн Ху. Вино в ее бокале чуть-чуть колыхнулось, словно в такт ее мыслям. – А мне хотелось понять, что за женщина скрывается под маской. И я всю дорогу беседовала с ним.

Бару зажмурилась.

Разум счетовода работал как часы. Шестеренки крутились.

Вот, значит, как!

Наверняка Тайн Ху чем-то поделилась с Вестником, пока была пленницей на имперском корабле с алыми парусами.

Думай, Бару! Давай же!

– Что он попросил взамен? – рявкнула Бару. – Что ты рассказала ему, ничем не рискуя? Ведь ты практически труп!

Губы Тайн Ху не дрогнули, но ее темные с золотом глаза насмешливо сузились.

– Говори! – Бару наклонилась над столом, нависла над клинком сабли. – Сознайся, какие тайны ты выдала Трону! Или твоя игра в верность не простирается настолько далеко?

Тайн Ху не дрогнула.

– Мне неизвестны секреты Бару Рыбачки. Разве ты когда-нибудь говорила мне правду? – Она негромко рассмеялась. – Ты поступила умно. Ты доверяла лишь себе.

– Нет! – возразила Бару. Собственные слова ужасали ее, отягощенные памятью о преступлениях, которые были гораздо хуже (а может, и прекраснее), чем бунт и измена. – Еще одному человеку.

Тайн Ху опустила взгляд. Неторопливо поставила бокал на стол, как будто изумлялась работе собственных суставов, – и задумчиво кивнула.

– Да. Но я подумала: стоит ли об этом упоминать? Какой ему прок во лжи? Чем она поможет Трону? Ведь, чтобы связать всех между собой, нужна только правда.

Верно. У них была та единственная ночь – и все, что она означала.

– Я не лгала, – прошептала Бару.

– Я размышляла над этим долгими ночами после Зирохской битвы, – тихо произнесла Тайн Ху в ответ. – Думала: неужто ты настолько глупа, что поддалась чувствам, зная о своем задании.

Гадала, может ли все то, что ты шептала мне тогда ночью, быть правдой, а не хитростью для отвода глаз? Нет, Бару Рыбачка, ты – не дура. Конечно, и я не дурочка, однако в конце концов оплошала.

Тайн Ху положила ладони на стол. Ее волосы – кое-как остриженные, влажные от морской воды – были запорошены песком. Близость ее вызывала смуту в сердце.

– Так я ему и ответила, – произнесла она.

Значит, Трон получил свой секрет, а Тайн Ху – хоть крохотное, но отмщение. Содомитам – каленое железо, трайбадисткам – нож. Но не сейчас. Пока она хранит верность Трону, ей не угрожает ничего. Но стоит Бару Корморан отклониться, поскользнуться, стать угрозой для остальных – нож.

Тайн Ху оперлась на предплечья, все-таки сохранившие следы былой силы…

Бару тотчас вспомнила замок над водопадом и Тайн Ху, склонившуюся над развернутой картой в поиске брешей в обороне.

– Ударами мы обменялись. Теперь у меня есть для тебя рекомендация. Стратегический совет твоего генерала.

«Посмотри, куда привела тебя собственная стратегия, – с горечью подумала Бару. – Стоит ли мне тебя слушать?»

Однако Тайн Ху не удалось победить только саму себя.

– Продолжай, – сказала Бару.

Широкие плечи Тайн Ху напряглись.

– Ты должна убить меня. Не покориться Трону и укрепить собственную власть.

– Ты что, оглохла? – зарычала Бару. – Или тебе запудрили мозги? Убив тебя, я докажу свою верность, Тайн Ху! При чем здесь непокорность Трону?

– У тебя не выйдет, – объяснила Тайн Ху. – Они все понимают. На это они и надеются.

Красное вино в свете лампы потемнело, как запекшаяся кровь.

– От меня требуется просто отдать приказ, – сказала Бару с лихостью, которой вовсе не чувствовала. – Мне не привыкать отдавать жестокие приказы, княгиня.

– Ты должна наблюдать за казнью – твердо и безмятежно. Но ты не сможешь, – продолжала Тайн Ху, глядя в пустоту, как будто она уже наблюдала за собственной гибелью со стороны. – Увидишь прилив и начнешь умолять их пощадить меня. Они согласятся. Даруют тебе возвышение, а меня будут держать, как собаку на привязи. А ради моего спасения ты сделаешь все что угодно. Я стану их крючком, с которого ты не сорвешься.

Помолчав, Тайн Ху улыбнулась одними уголками губ.

– Лучше бы ты дала мне погибнуть на поле боя, – добавила она. – Ты оказалась щедрым счетоводом.

Бару хотелось возразить Тайн Ху, но она почувствовала во всем этом холод истины и прикусила губу.

За время, проведенное в «Неучтенном замке», она часто думала о том, каким будет ее последнее испытание, и не раз представляла себе всяческие кошмары… но сегодняшняя встреча с Тайн Ху опрокинула все вверх дном.

Она сделает все что угодно, только бы спасти ее!

– Но у них есть секрет, который им нужен, – выдавила Бару наконец. – Ты открыла его им. Я уже у них на крючке.

– Они предпочли бы нечто более надежное. Они боятся тебя, Бару Рыбачку. Их страшат твой ум, обаяние и твой дар вести за собой народ. Они дрожат от страха, когда чуют тебя, Бару. Ты завоевала любовь Ордвинна и сможешь заполучить власть среди тех, кто прячется за Троном. Если ты не связана убийственной тайной, досужие сплетни и странное отсутствие любовников не причинят тебе вреда. – Тайн Ху устало сомкнула веки. – Ничего подобного он мне не говорил. Наоборот. Твердил, дескать, он не сомневается, что ты казнишь меня не задумываясь. Но ты научила меня прислушиваться к себе, когда чувствуешь ложь.

Ее близость сводила с ума, как больной зуб. Как хотелось дотянуться до нее через столешницу, через всю кровь и предательство, пролегшие меж ними. Через долгие месяцы, прошедшие с зимовки в лесах на подножном корму.

– Зачем ты так говоришь? – спросила она. – Почему помогаешь мне?

– Потому что ты не лгала, – прошептала Тайн Ху, отвернувшись.

Не сводя с нее взгляда, Бару пыталась справиться с рваной раной в груди.

Мысли не давали покоя. А если Тайн Ху жаждет сохранить свою жизнь и старается заставить Бару снасти ее? Нет, вряд ли она дорожит жизнью – Вультъяг и весь Ордвинн потеряны. Может, она намерена помешать возвышению Бару, убедив ее проявить нелояльность к Трону? Или Тайн Ху сломлена и помогает Трону в новом испытании, как мальчишка наложник?

Бару с непринужденным видом глотнула вина. Истина жгла изнутри, как лед: она явилась поговорить с Тайн Ху в надежде, что позже ей станет легче увидеть ее смерть. Она уповала на ненависть, крики, клятвенные угрозы мести. Верила, что найдет здесь врага, которого завтра предстоит утопить.

«Если я попрошу, она будет спасена, – думала Бару. – А я

получу место за Троном. И им будет спокойнее от возможности держать меня в узде. А она со временем простит меня».

Плечи Тайн Ху затряслись.

У Бару ком подступил к горлу. Она не могла смотреть на сломленного и униженного генерала «Армии волка».

Уж лучше смерть.

Но то был не плач. Тайн Ху смеялась – хрипло, приглушенно.

– Надежда Ордвинна! – воскликнула она, словно поднимая на бой незримую стену щитов. – Справедливость – от Честной Руки! – Не сводя с Бару взгляда, она расхохоталась в голос и зазвенела кандалами. – Надежда Ордвинна!

Это было невыносимо. Бару развернула кресло налево, и княгиня Тайн Ху ушла в ничто. Теперь ее хохот достигал слуха Бару лишь эхом.

«Надежда Ордвинна…» – мысленно повторила она.

Игра Тайн Ху стала понятной. Ее война еще не кончилась.

Сабля лежала на столе, в пустоте справа. Интересно, знает ли Тайн Ху об ее увечье? Или продолжает издевательски славить Бару и принимает ответное молчание за силу?

* * *

Час прилива наступил перед рассветом. Бару Корморан лично заковала пленницу в цепи. Шепнула на ухо единственное слово по-урунски, глубокое, точно укус мурены.

Затем отошла и сказала – быть может, в насмешку:

– Поздравляю с победой, княгиня Вультъяг.

Глаза Тайн Ху были сухи.

Бару приказала морским пехотинцам отвести Тайн Ху к скалистым утесам, где прибой особенно жесток.

Несмотря на тяжесть цепей, Тайн Ху проделала весь путь самостоятельно. Морпехи пристегнули ее к скале, продев цепи в заржавленные скобы. Волны плескались и мерно шумели у ног княгини.

Бару Корморан, временная правительница «Неучтенного замка», восходящая звезда комитета, правящего Имперской Республикой, смотрела на Тайн Ху со скального выступа. Сзади к ней подошел Вестник. Ветер трепал его рыжие кудри.

– Вероятно, прибой разобьет ее о камни, – произнес он. – Ужасная смерть.

Бару не надела плаща. Холод ей был нипочем. В Вультъяге зимы гораздо суровее.

– Прежде Тайн Ху была сильной. Сможет удержаться за цени

– пожалуй, протянет, пока прилив не накроет ее с головой.

Рука Вестника легла ей на плечо.

– Есть и другой вариант. Полагаю, Трои согласится оставить ее в заложницах.

– Хватит с меня испытаний, – отрезала Бару, глядя на линию горизонта и ведя счет птицам.

Она отыскала ястреба, который парил в восходящем потоке воздуха, словно внизу было не море, а лесная поляна.

– Довольно мелких интриг Трона.

Вода прибывала. Тайн Ху, погрузившаяся до пояса, как будто задремала. Цепи ее обвисли.

– Переохлаждение, – шепнул Вестник – А море здесь очень холодное, госпожа. Если расковать ее сейчас, быть может, еще не поздно…

– Я не намерена щадить ее, – ответила Бару Корморан.

– Разве вы не любили ее? – продолжал шептать ей в ухо посланец Трона. – Она рассказала мне о ночи после победы в Зирохской битве. Она вполне может и повториться.

– Значит, вот что она выдумала! Забавно, – Бару махнула рукой морпехам, стоящим возле. – Привести ее в чувство!

Один из них опасливо приблизился к Тайн Ху и ударил ее в плечо тупым концом копья. Та вскрикнула и выгнулась от боли, широко раскрыв глаза. Цени выскользнули из бледных, дрожащих пальцев.

– «В моих глазах ты стоишь целого легиона, Тайн Ху», – произнес посланец Трона. – Помните? Она рассказала мне, как вы говорили это.

– Я много чего болтала.

Ветер взбивал пену на гребнях волн. Тайн Ху хрипло заорала что-то в лицо прибою – цепи намотаны на кулаки, бицепсы напряглись…

Бару покосилась на Вестника.

– Когда с этим недоразумением будет покончено, я отправлюсь в Фалькрест. Дела! Мы сказали Ордвинну свое слово, продемонстрировали наше всемогущество. Настало время купить их верность. Снизить налоги, пожаловать брачные лицензии, выказать милосердие к их ничтожным сектам. Мы будем к ним добры и проявим истинное великодушие.

Посланец Трона запахнул плащ.

– Какой профессионализм, госпожа Корморан!

– Вы нравы. Я знаю, отчего вы нуждаетесь во мне. Я понимаю этих людей – всю подноготную, до мозга костей. – Она сурово взглянула на Тайн Ху. Я помогу распространить вашу власть дальше.

«Жаль, что ты не видишь меня, Ху, – подумала она. – Твердую. Безмятежную. Надежду Ордвинна, которую им не обуздать. Даже преданная и загнанная в угол, ты прекрасно спланировала сражение. Вот поступок настоящего саванта».

– Какова ирония судьбы! – заявила Бару. – Она могла бы остаться в живых и увидеть свой народ свободным!

Теперь Вестнику приходилось кричать, чтобы ветер не заглушил его речей.

– Зачем вы так? Ее еще не поздно спасти!

«И тогда сможешь использовать ее, чтобы обуздать меня, – мысленно ответила ему Бару. – Мне нужно просто попросить об одолжении. Стоит лишь признать, что она значила для меня, – и мучения закончатся. Зато начнется кое-что другое. Я прибуду в Фалькрест, сяду за ваш стол совета, и ты начнешь ликовать, потому что я заглотила наживку. Я буду у вас на крючке – так же, как и все остальные. Но со мной будет иначе. Я войду в ваш зал совета, и вы содрогнетесь, увидев, кого спустили с цепи».

Высокие волны с грохотом били в скалу. Дрожа от напряжения, Тайн Ху что-то кричала в лицо занимающейся заре. Трещал барабанной дробью фрегат, круживший неподалеку.

Бару Корморан встала в фехтовальную стойку, спрятав посланца Трона в слепоте правой полусферы. Развернулась левым боком к женщине, умирающей внизу. Взмахнула рукой, рассекая воздух невидимым клинком.

В доках Пактимонта она приняла предложение Вестника. Она решила, что легко обменять Ордвинн на власть над Тараноке. Почему бы и нет? Что ей терять, кому будет хуже? Маскарад сумел бы подавить любое восстание. Она же могла устроить все быстро и безо всяких проблем. А завоеванную власть употребить во спасение родины.

Но теперь этого было мало.

«Прощай, куйе лам. Я начертаю твое имя на развалинах Империи. Я впишу тебя в историю их кровью».

Вода все прибывала. Посланец Трона смотрел на Бару, ожидая, когда она поднимет взгляд и продолжит вести счет птицам.

Из переписки

«Моим товарищам по комитету.

Надеюсь, труды Странника, столько лет покровительствовавшего мне, завершены.

Я понимаю, что моя молодость и происхождение могут вызывать определенный скептицизм, но, уверяю вас, теперь мой дар саванта проверен опытом.

Я ознакомилась с документами, представленными Вестником. Несомненно, перед нами – ряд серьезных стратегических проблем: возрождающаяся монархия стахечи, реакция Ориати Мбо на продолжающиеся попытки дестабилизации их федеративных правительств, разгул эпидемических заболеваний на неподконтрольных нам западных землях и, конечно, тревожные результаты экспедиций за Матерь Бурь. (Да, нельзя отвергать возможность того, что донесения очевидцев – не плод галлюцинаций, и законы природы на этом неисследованном сверхконтиненте по какой-то причине отличны от наших.)

В свете данных вопросов меня весьма радует успех программ нашего коллеги Исихаста в Метадемосе. В Ордвинне очищенные показали себя наилучшим образом. Уверена, облегчение доступа к стахечийским и ту майянским зародышевым линиям посредством заселения наших новых провинций, Ордвинна и Зюйдварда, поможет Империи значительно продвинуться вперед.

Разумеется, при этом нельзя забывать и об экспериментах в области производства новых специализированных человеческих пород.

Несмотря на несомненный успех, призываю комитет не забывать любимый урок моего покровителя. Власть многолика. Продолжая вести Имперскую Республику к тотальной гармонии взаимодействия всех ее составляющих, очень важно избежать зависимости от какого-либо стратегического инструмента. Нашей целью должен стать тотальный, всеобъемлющий контроль – от базовых механизмов наследственности до идеологических и интеллектуальных движений включительно.

В предвкушении плодотворной совместной работы,

С уважением,

Претендент».

* * *

«Дорогая моя Амината!

Столько воды утекло, и вот моя служба в Ордвинне окончена. По причинам, остающимся за рамками этого письма, я отправляюсь в Фалькрест под вымышленным именем.

Читала о твоем повышении – ты уже капитан-лейтенант. Поздравляю и собираюсь рекомендовать тебя адмиралу флота провинции Ормсмент, как только она вернется в Фалькрест. Недоумеваешь, с чего бы вдруг технократке рекомендовать тебя высшему офицеру? Ничего, я тебе сейчас все объясню!

Помнишь, на Тараноке я обратилась к тебе с кое-какой щепетильной проблемой, и ты рассказала мне про внутреннюю политику военного флота – о группировках, где старшие покровительствуют младшим? Сейчас Парламент вовсю трубит поход на ориати, и мне вдруг подумалось, что некоторые флотские могут быть недовольны режимом Фалькреста. Не обсудить ли нам еще раз политику Адмиралтейства, а заодно и взгляды правительства?

Кто бы мог вообразить, что этот детский шифр прослужит нам столь долго!

Отыщи меня по обратному адресу. Мы просто обязаны увидеться и поболтать. Кстати, смогу похвастать отличным боевым ранением.

До встречи,

Похитительница твоей сабли».

* * *

«ВЗДОХНУТЬ ВЗДОХНУТЬ ВЗДОХНУТЬ
ЦЕНОГЕН ЦЕНОГЕН ЦЕНОГЕН
ЧИСТЫЙ ЛИСТ!

ПОСЛАНИЕ ОСОБОЙ ВАЖНОСТИ, ТОЛЬКО ДЛЯ ТВОИХ ГЛАЗ!

ПОЗДРАВЛЯЮ С УСПЕШНЫМ ВЫПОЛНЕНИЕМ МОЕГО ПОСЛЕДНЕГО ЗАДАНИЯ. ТЫ ВНОВЬ ПОКАЗАЛ СЕБЯ МОИМ ЛУЧШИМ ИНСТРУМЕНТОМ. ОСОБО ДОВОЛЬНА ОБНАРУЖЕНИЕМ И ВОЗВРАТОМ ПАЛИМПСЕСТА, ХРАНИМОГО ФИГУРАНТОМ. ИНФОРМАЦИЯ, КОТОРОЙ ОБЛАДАЛ ФИГУРАНТ, МОГЛА ПОДВЕРГНУТЬ МОЙ ПРОЕКТ СЕРЬЕЗНОМУ РИСКУ.

ЛЮБЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ, КРОМЕ МОИХ, – ИГНОРИРОВАТЬ. ЛЮБЫЕ ПРИКАЗЫ О ТВОЕМ ОТЗЫВЕ – ИГНОРИРОВАТЬ.

ОТНЫНЕ ТЫ ПОЛУЧАЕШЬ ПРИКАЗЫ ТОЛЬКО ОТ МЕНЯ. ТЕПЕРЬ Я – ОДНА ИЗ ВЕРХОВНЫХ ВЛАСТИТЕЛЕЙ (ПАРОЛЬ ИЗМЕНЕНИЯ СТАТУСА: „ЦЕНОГЕН“). ДАЛЬНЕЙШИЕ КОНТАКТЫ – ПОД УСЛОВЛЕННЫМ ОБЛИКОМ „НОРГРАФ“ СО ВСЕМИ ДОЛЖНЫМИ МЕРАМИ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ.

ТВОЕ НОВОЕ ЗАДАНИЕ – В СЛЕДУЮЩЕМ:

– ПРОСЛЕДОВАТЬ НА СЕВЕР, В ГОРЫ ЗИМНИЕ ГРЕБНИ;

– УСТАНОВИТЬ СВЯЗЬ СО СТАХЕЧИЙСКИМ ПРАВИТЕЛЕМ „КОРОЛЬ ПО НУЖДЕ“;

– ДОСТАВИТЬ КОРОЛЮ ЗАПЕЧАТАННОЕ ПИСЬМО;

– СООБЩИТЬ КОРОЛЮ, ЧТО МНЕ ИЗВЕСТНО МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ ПОХИЩЕННОГО ПРИНЦА СТАХЕЧИ;

– ВЕРНУТЬСЯ С ОТВЕТОМ.

ДАННОЕ ПИСЬМО – УНИЧТОЖИТЬ.

ЦЕНОГЕН ЦЕНОГЕН ЦЕНОГЕН

ВЗДОХНУТЬ ВЗДОХНУТЬ ВЗДОХНУТЬ».

* * *

«Имперскому Правоблюстителю провинции Ордвинн, ее превосходительству Зате Яве.

Твоя игра мне известна.

Я тоже играла в нее. Пожалуй, даже победила, если только это можно назвать победой. Конечно, ты исполнила свою роль безупречно. И я должна была попять все с самого начала: Ордвинн ненавидит тебя столь же глубоко, как любил меня. Твой отъезд в Фалькрест по приказу Трона будет воспринят народом как милость.

Кстати, Странник отыскал меня, когда я была еще ребенком. Интересно, кто из них и когда наткнулся на тебя. А еще мне любопытно, каково будет твое последнее испытание перед возвышением.

Мне бы очень хотелось убить тебя за то, что ты сделала с Ло. Но не могу отрицать фактов: мои деяния – гораздо хуже, чем убийство подозрительного секретаря. Я часто думала, можно ли назвать тебя чудовищем. Теперь я знаю ответ.

Похоже, если стремишься к власти в этом мире – к власти, достаточной, чтобы изменить его, – быть монстром просто необходимо.

Очень жаль, что мне не удалось снасти твоего брата. Но, может, оно и к лучшему. Он знал о моем предательстве, зато никогда не узнает о твоем.

Однако я сделала, что могла.

До встречи в Фалькресте».

notes

Примечания

1

Крылатое выражение: «То, без чего невозможно» *(лат.)*. *(Здесь и далее – прим. ред.)*.

2

Переработанный жир морских млекопитающих.

3

Бурая водоросль.

4

Человек с отклонениями в развитии, имеющий выдающиеся способности в какой-либо области знаний.

5

Туго натянутый канат, который закрепляется на корабельных конструкциях. Может использоваться для привязывания парусов и для ограждения открытых палуб.

6

Короткий галоп или аллюр, при котором лошадь слегка подскакивает.

7

Короткая накидка, открытая с боков.

8

Сапоги для верховой езды.

9

Приспособление в виде петли, созданное для сохранения выловленной рыбы.

10

Особое волнение на море, схожее с водоворотом.

11

Дорога или настил через топкую местность.

12

Здесь: единомышленник.

13

Здесь: место сгиба бумажного листа.

14

Быстроходный боевой корабль.

15

В греческой и римской мифологии – огромная рыба с присоской на голове, мешающая судам.

16

Свободный плащ, похожий на пончо.

17

Часть эфеса холодного оружия – защищает кисть человека от удара противника.

18

Брус, выступающий впереди носа судна.

19

Корабельные спасти, при помощи которых удерживаются мачты.

20

Корабельная снасть.

21

Корабельные снасти – канатные растяжки, при помощи которых укрепляются мачты.

22

Острый курс относительно ветра, при котором ветер дует под углом от нуля до восьмидесяти градусов.

23

Выжигание растительности под посевы.

24

Небольшое судно.

25

Кривая, которая соединяет ряд последовательных положений Солнца в одно и то же время в течение года.

26

Производное от слова «тузлучный». В свою очередь, тузлучный – это раствор соли, используемый для засола рыбы или для обработки шкур.

27

Взыскание денег с виновника за содеянное им преступление (убийство).

28

В период военных действий так назывались особые вооруженные корабли. Хозяин капера получал разрешение со стороны воюющего государства и мог грабить торговые корабли, а также захватывать неприятельские суда.

29

Старинное пороховое оружие, самая первая система залпового огня.

30

Прочная кожа, получаемая путем традиционной выделки.

31

Элементы конских доспехов: шанфрон защищал морду животного, критнет предохранял шею.

32

Часть ноги всадника от колена до щиколотки, при помощи которой он управляет лошадью.

33

Травянистое растение семейства зонтичные.

34

Название едких щелочей.